А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

А. Л. ХОРОШКЕВИЧ

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА XV–НАЧАЛА XVI В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва
1980

На основании различных источников, как русских, так и иностранных, представлена эволюция положения России в системе международных экономических, политических и культурных отношений на протяжении 1478—1533 гг. Укрепление экономических связей России со странами Северной, Центральной и Южной Европы сопровождалось ростом международного престижа России как великой европейской державы. Постоянные связи со славянскими и другими народами Европы создали условия для расширения культурных отношений и оформления политической доктрины самодержавия.

Ответственный редактор
А. А. ЗИМИН

X $\frac{10604\text{-}345}{042\text{-}80}$-58-78-0505010000

© Издательство «Наука», 1980 г.

ОТ АВТОРА

Настоящая работа ставит своей целью изучение той роли, которую играла Русь в международной жизни Европы конца XV—начала XVI в., точнее, в 1478—1533 гг., т. е. в первое пятидесятилетие существования Русского государства.

Начальная дата исследования — 1478 г. — определяется важнейшим событием в процессе образования Русского государства — присоединением Новгорода. Именно после этого можно говорить о Русском государстве, образовавшемся на основе Московского княжества. Присоединение Новгорода сопровождалось широкой дипломатической подготовкой, в ходе которой русские пришли в тесные контакты с европейскими державами.

Конечная дата — 1533 г. — определяется проведением реформы, унифицировавшей денежное обращение в стране и завершившей один из этапов объединения Руси. В 1521 г. было присоединено последнее независимое русское княжество (Рязанское), и, таким образом, за пределами Русского государства оставались лишь земли, находившиеся в составе иных государственных образований. К середине 20-х годов XVI в. определилось место Руси, ее роль была признана всеми европейскими державами и на короткий промежуток несколько стабилизировались отношения в Восточной Европе.

Выбор хронологических границ, обусловливаемый внутренними особенностями развития Руси, позволяет делать некоторые наблюдения над эволюцией международных отношений, ростом международного престижа Руси и др.

Географически работа ограничена сношениями Руси с европейскими державами (автор лишь отчасти касается отношений с Османской империей, ведущей в то время азиатской державой, и складывающимися по поводу так называемого восточного вопроса европейскими отношениями). Это ограничение, обусловленное лингвистическими возможностями автора, несколько субъективно, так как без параллельного исследования отношений Руси со странами Азии нельзя понять ее роли в международной жизни того времени.

Если отношения Руси с Крымским, Ногайским и другими ханствами представляли собой реликты того прошлого, когда

страна находилась под монголо-татарским игом [1], то ее отношения с Европой, как бы традиционны они ни были [2], определяли будущее страны, они были наиболее существенным — из внешнеполитических — фактором ее развития на одно-два столетия.

Тематически работа делится на три части. В первой рассматриваются экономические, во второй — политические и в третьей — некоторые аспекты культурных отношений Руси со странами Европы. Каждая часть делится на параграфы, в которых изучаются более частные вопросы [3].

Автор не льстит себя надеждой, будто им собраны все или даже большинство источников о международном положении Руси [4]. Многие из них покоятся в архивах тех стран, с которыми Русское государство поддерживало отношения, другие опубликованы в недоступных для автора изданиях. Поэтому автор будет считать свою цель достигнутой, если ему удастся вновь привлечь внимание к этой теме как советских, так и зарубежных историков. Это представляется тем более необходимым, что автором был избран «мозаичный» метод подачи материала. Данные отдельных источников укладываются, подобно кускам смальты, в общую картину. Эти фрагменты общего нуждаются в предварительной обработке — специальном источниковедческом анализе, который иногда еще предстоит проделать, иногда остается «за кадром». Стремясь нарисовать общую картину, показать все нити, которые были связаны в один узел, — роста международного престижа России и укрепления самодержавия, автор иногда отказывался от углубленного источниковедческого анализа, что составляет задачу будущих исследований.

* * *

Эта книга не была бы написана без повседневной помощи А. В. Черной-Хорошкевич и поддержки А. А. Зимина, верного «поводыря» по Руси конца XV—начала XVI в., его многочисленных советов и, главное, неизменно дружеской поддержки в трудные минуты. Им обоим — первая благодарность автора.

Занимаясь этой темой, автор надеялся продолжить исследование своего учителя М. Н. Тихомирова «Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.)» (М., 1966).

---

[1] Этот аспект русско-крымских отношений хорошо показан в блестящем исследовании К. В. Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства: Вторая половина XV в.» (М., 1952).

[2] *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

[3] В книге употребляются либо современные, либо средневековые русские наименования географических пунктов (так, Таллин и Колывань вместо немецкого Ревель; Тарту и Юрьев вместо Дерпт; Крулевец вместо Кенигсберг и т. д.).

[4] Тем более что значительная часть их уже проанализирована (*Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972).

Книга была написана к 1972 г. и доработана в соответствии с замечаниями Л. В. Черепнина, память о добром расположении которого автор хранит с благодарностью, а также Н. А. Казаковой, С. М. Каштанова, В. Т. Пашуто, Б. Н. Флори, ознакомившихся с полным текстом рукописи, и отдельными указаниями М. Е. Бычковой, Ф. А. Грекула, В. В. Дорошенко, С. П. Карпова, Е. И. Колычевой, А. С. Мельниковой, Л. В. Никифорова, А. П. Новосельцева, Э. С. Смирновой, А. В. Подосинова, Я. Н. Щапова, В. Л. Янина. Рядом библиографических сведений автор обязан Н. Ангерманну, М. Бискупу, М. Маловисту. Организационно-техническую помощь при подготовке рукописи оказали И. В. Ледовская, В. Г. Шерстобитова, а также Н. И. Кирсанова. Всем им автор приносит свою искреннюю благодарность.

ПУТИ И ФОРМЫ ВЗАИМНОЙ ИНФОРМАЦИИ О РУСИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Способ получения информации средневековых государств Европы о внутреннем и внешнем положении своих соседей во многом предопределял и ее характер, объем и направленность, что, в свою очередь, воздействовало на позицию этих государств по отношению друг к другу.

Русь, «держава сильная, как бы новая для Европы и Азии» [1], была недостаточно известна в Центральной, Западной и Южной Европе, о чем свидетельствуют карты середины и второй половины XV в.: Николая Кузанского 1439 г., Фра Мауро 1459—1460 гг., Грациозо Бенинкасы из Анконы 1480 г. и карты конца XV в.[2] (1482 и 1490 гг.), составленные в соответствии с господствовавшей в ту пору птоломеевской традицией [3]. На птоломеевских картах конца XV в. изображались мифические Скифия, Сарматия, Гиперборейские горы и реки Ра (Волга) и Танаис (Дон). На всех этих картах Русь была представлена небольшим государством, изредка указывались ее столица и Новгород.

Строго различалась Галицко-Волынская Русь с центром во Львове от Северо-Восточной Руси, хотя названия этих частей Древнерусского государства часто путались. Основная же тенденция называть Галицко-Волынскую Русь Красной, а Северо-Восточную Белой сохранялась [4]. В этих политико-географических терминах закрепилось государственное разделение русских земель, сложившееся в течение XIV—начала XV в.

---

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. VI. СПб., 1819, с. 5.

[2] *Nordenskiöld A. E.* Facsimile-Atlas. Early History of Cartography with Reproductions of the Most Important Maps Printed in the XV Centuries. Stockholm, 1889, N I, IX, XVII, XIX.

[3] *Olszewicz B.* Geographia polska w okresie Odrodzenia. — Odrodzenie w Polsce, t. II, cz. 2. Historia nauki, Warszawa, 1965, s. 340—342.

[4] *Соловьев А. В.* Белая и Черная Русь. — В кн.: Сборник Русского археологического общества в королевстве Югославии, т. III. Белград, 1940, с. 45—46; *Он же.* Великая, Малая и Белая Русь. — ВИ, 1947, № 7, с. 33—34; *Idem.* Weiss-, Schwarz- und Rotreussen. Versuch einer historisch-politischen Analyse. — JGO. N. F., 1959, Bd. 7, Hf. 1, S. 1—33; *Vakar N. P.* The Name «White Russia». — The American Slavic and East European Review, New York, 1949, v. VIII, p. 202.

О том, как на Руси представляли себе политическое членение Европы, можно судить по летописям[5] и посольским книгам, поскольку русских карт Европы не сохранилось[6].

* * *

В средневековье информация о соседних странах распространялась с помощью купцов, монахов, дипломатов.

Наиболее оперативной была информация купцов, сообщавших своим компаньонам или контрагентам новейшие сведения о ценах на товары, политическом положении той или иной страны. Эти сведения содержались в купеческой переписке или заносились в торговые книги. Они же составляли основу слухов, курсировавших в том или ином городе или районе. Купцы, обладавшие профессиональной наблюдательностью[7], выступали иногда в роли авторов хроник, составителей словарей, в том числе торговых.

В силу того, что Русь, ослабленная двухвековой ордынской зависимостью, до середины XV в. в основном удовлетворялась ролью пассивного контрагента своих европейских партнеров — Ганзы, Швеции, Великого княжества Литовского, русское купечество в конце XV в. оказалось в состоянии предпринимать далекие путешествия по суше и по морю. Роль русского купечества в ознакомлении с другими европейскими странами была поэтому меньше, нежели в других районах Европы.

Особый разряд путешественников составляли монахи и паломники к далеким святыням Византии и Балкан (прежде всего на Афон). Их впечатления о религии и быте других народов или

---

[5] *Stökl G.* Das Bild des Abendlandes in den altrussischen Chroniken. Köln — Opladen 1965; см.: *Пашуто В. Т.* Профессор Г. Штёкль размышляет об уроках истории (Анализ работ западногерманского специалиста по русской истории). — ВИ, 1968, № 8, с. 30—48; *Казакова Н. А.* «Европейской страны короли» (К исследованию дополнительной статьи летописи XVI в.). — Труды ЛОИИ, 1964, вып. 7, с. 418—426; *Она же.* Известия русских летописей о Западной Европе XV—начала XVI в. — ВИД, т. IX. Л., 1978, с. 195—222.

[6] Попытка Б. А. Рыбакова отнести к концу XV в. составление русскими карт Дженкинсона может считаться лишь проблематичной (*Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV—начала XVI в. М., 1974).

[7] Астроном и теолог Альберт Пиггиус, известный под именем Кампензе, в своем письме папе Клименту VII ссылается на сведения итальянских купцов, живших в «Московии» (Письмо Альберта Кампензе к папе Клименту VII о делах Московии. — В кн.: Библиотека иностранных писателей о России, отд. I, т. 1. СПб., 1836, с. 12). Уроженец голландского города Кампена Альберт Пиггиус (1490—1542 гг.) выполнял дипломатические поручения пап — Адриана VI, его учителя в Лувенском университете, Климента VII и Павла III (*Шаркова И. С.* Заметки о русско-итальянских отношениях XV—первой трети XVI в. — СВ, вып. 34. М., 1971, с. 202—211). А. А. Зимин убедительно датирует письмо 1525 годом и связывает с посольством Ивана Засекина в Мадрид (*Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 56).

записывались в качестве отдельных заметок, или входили в состав хроник, летописей, житий и других произведений нарративного характера, которые происходили из тех или иных монастырей, окружения церковных иерархов или светских государей.

В качестве носителей информации выступали товары. Изделия венецианских ремесленников или ганзейских ювелиров рассказывали о своих странах не меньше, чем уроженцы этих стран. Правда, круг сведений, сообщаемых товарами, отличался от того, что передавали купцы и дипломаты, и был обращен к другому собеседнику.

Иностранные мастера, поступавшие на службу к русскому государю, полностью теряли связи с родиной (сохранилось лишь письмо Аристотеля Фиораванти миланскому герцогу от 1476 г.) [8].

Образование единого Русского государства сопровождалось установлением широких дипломатических связей с другими странами Европы. Послы активно распространяли сведения о Руси в других странах Европы и о них на Руси. Послам вменялось в обязанность собирать сведения о политическом (как внутреннем, так и внешнем) положении той страны [9], куда они были направлены. Русские великие князья подчеркивали необходимость сообщать об отношениях между турецким султаном и другими европейскими государями, между императором и Францией, Венецией, Польшей и т. д.[10]

Сведения послов о внутреннем и внешнеполитическом положении отдельных стран, их отношениях с соседними державами заносились в статейные списки, копии которых собирались в посольских книгах. Сохранились следующие посольские книги: польско-литовские (1487—1533 гг.)[11], крымские (1474—1533 гг.), турецкие[12], имперские (1488—1518 гг.)[13], орденские (1516—

---

[8] *Gualandi M.* Aristotele Fioravanti, meccanico ed il ingegnere del secolo XV. — In: Atti e memorie delle R. Deputazioni di Storia Patria per le provincie di Romagna, v. VIII. Bologna, 1869, p. 64; *Beltrami L.* Vita di Aristotele da Bologna. Bologna, 1912, p. 117—118, Facs., p. 119. Русский пересказ письма см.: Беседа, год второй, 1872, кн. 1, отд. «Новые книги», с. 153—154. Новейшая публикация: *Cazzola P.* «Maestri frjazy» a Mosca sullo scorcio del quindicesime secolo (dalla cronacho russe e da documenti di Archivi italiani). — Arto Lombarda, nuova serie, 1976, N 44—45, p. 172.

[9] Dyplomaci w dawnych czasach, relacje staropolskie z XVI—XVIII stulecia. Kraków, 1959; *Ferrara O.* Le XVIe siècle vue par les ambassadeurs venitiens. Paris, 1945.

[10] Сб. РИО, т. 41. СПб., 1884, № 14, 27, 36, с. 52, 102, 160, июнь 1486 г., октябрь 1490 г., август 1492 г.; т. 53. СПб., 1887, № 3, 6, с. 30, 63, 70, 1517 г.

[11] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. 1. — Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882.

[12] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и Турцией, т. 1—2. — Сб. РИО, т. 41, 95. СПб., 1884, 1895 (дела по 1521 г.); *Дунаев Б. И.* Преп. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916. Крымские дела за 1523—1533 гг. см.: ЦГАДА, ф. 123, кн. 6.

[13] ПДС, т. I. СПб., 1851.

1520 гг.) [14]. О наличии других можно судить по описям Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа XVII в.[15]

По полноте и быстроте информации о Руси среди европейских стран, несомненно, на первом месте находились Великое княжество Литовское и Польское королевство. Частый обмен посольствами (в мирное время иногда по два-три посольства в год) [16], хорошее знание послами языка — все это способствовало получению сведений о Руси и ее взаимоотношениях с южными и восточными соседями [17]. Отчеты послов заносились в так называемые Libri legationum [18], копии их включались в Литовскую [19] и Коронную [20] метрики, наконец, собирались Станиславом Гурским, войдя в коллекцию дипломатических материалов подканцлера польского, краковского архиепископа Петра Томицкого [21]. Подобные же документы вошли в собрание рукописей неизвестного лица (кодекс Загребский) [22].

Материалы дипломатических сношений со скандинавскими странами характеризуют и политические взаимоотношения между Русью, Данией, Швецией, Ганзейским союзом, Ливонским орденом, Великим княжеством Литовским и Короной Польской [23].

---

[14] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии. 1516—1520 гг. — Сб. РИО, т. 53. СПб., 1887.

[15] ОЦААПП. М., 1960; Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Подготовка текста и комментарии А. А. Зимина, вып. 1—3. М., 1978; ОАПП, ч. 1—2. М., 1977.

[16] О приездах русских послов сохранились сведения в расходных книгах польских королей и города Кракова (Rachunki królewskie z lat 1471—1472 i 1476—1478. Wrocław—Kraków, 1960; Rachunki wielkorządowe krakowskie z roku 1471. Kraków, 1951), коронных книгах 1502—1506 гг. (Liber quitanciarum Alexandri regis ab a. 1502 ad 1506 (Księga skarbowa króla Alexandra Jag. — Teki A. Pawińskiego, t. I. Warszawa, 1897) и фрагментах коронных книг 1510—1530 гг. (*Вержбовский Ф.* Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях, вып. 5. Московские посольства в Польше, ч. 1. 1510—1585. Варшава, 1903).

[17] В частности, с крымскими татарами (*Pulaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem. Kraków—Warszawa, 1881).

[18] См. о них: *Sułkowska-Kurasiewa J., Weichertowa J.* Księgi poselskie (Libri legationum) Metryki koronnej. — In: Archeion, t. XLVIII. Warszawa, 1968, s. 61—73.

[19] АЗР, т. I—II. СПб., 1846—1848; Акты Литовско-Русского государства, вып. 1. М., 1900; *Малиновский И.* Собрание материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901; РИБ, т. 27. СПб., 1910; ЦГАДА, ф. 389, книги записей 5—9, кн. судных дел 3 и другие книги Литовской метрики.

[20] Посольские книги Коронной метрики за начало XVI в. были, по мнению А. Вычаньского, скорее попыткой сбора материалов, касающихся иностранных дел, чем настоящей документацией этих вопросов (*Wyczański A.* Polska służba dyplomatyczna w latach 1506—1530. — In: Polska służba dyplomatyczna XVI—XVIII wieku. Warszawa, 1966, s. 34).

[21] Acta Tomiciana, t. I—XVII. Poznań, 1852—1966.

[22] Materiały do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486—1516 (Kodeks Zagrzebski). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1966.

[23] *Щербачев Ю. Н.* Датский архив. М., 1893; Русские акты Копенгагенского государственного архива. — РИБ, т. 16. СПб., 1897; Акты Копенгагенского

Немалую роль в осведомлении Швеции о положении на Руси занимали ливонские (Таллин, Рига) и вендские (во главе с Любеком) города. В материалах дипломатических сношений ганзейских и ливонских городов, а также ливонского магистра со скандинавскими странами, в особенности со Швецией, ясно предстают напряженная политическая атмосфера, царившая на Балтике и севере Европы в конце XV—начале XVI в., борьба растущих национальных государств (Польши, Дании, Руси, Англии) за освобождение от тягостной опеки ганзейского посредничества в североевропейской морской торговле [24].

В переписке городских советов и орденских властей содержится материал не только о сношениях Руси с Ливонией, но и о внутреннем положении в стране [25].

Несколько хуже сравнительно с ливонскими городами знал Русь Тевтонский орден в Пруссии. В 20-х годах XVI в. он поддерживал прямые дипломатические отношения с Русью. В переписке отдельных купцов, городских советов и орденских властей отразились некоторые из тех данных, которыми они располагали [26]. Орденские дипломатические материалы изданы фрагментарно, равно как и сообщения орденских послов из Польши [27].

Слабыми источниками информации о Русском государстве обладала Англия, не имевшая с ним дипломатических отношений [28].

Довольно точными сведениями о Руси располагали имперские послы, однако посольские книги не сохранились, отчеты имперских дипломатов изданы частично.

В отчеты Франческо да Колло о его путешествии на Русь и участии в переговорах о заключении мира между Василием III

архива, вып. 1. 1526—1569. — Чтения ОИДР, 1915, кн. IV, с. 1—320; *Styffe*, d. IV—V. Stockholm, 1875; *Rydberg O. S.* Sverges traktater med främmande magter, d. III, IV. Stockholm, 1895, 1888; FMU, Bd. I—VIII. Helsingfors, 1910—1935; HRSH, d. 18—22, 32. Stockholm, 1833—1837, 1857; *Granlund*, d. I—XI. Stockholm, 1878—1888; *Grönblad.* Köpenhavn, 1857; HNH, d. I. Stockholm, 1967—1969.

[24] LECUB, Abt. I, Bd. 12. Riga—Moskau, 1910; Abt. II, Bd. 1—3, 1900, 1905, 1910; HR, Abt. II, Bd. 6—7. Leipzig, 1890—1892; Abt. III, Bd. 1—7, 1881—1905; HUB, Bd. X—XI. München—Leipzig, 1907—1916.

[25] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967; *Казакова Н. А.* Ливонские и ганзейские источники по внутриполитической истории России в конце XV—начале XVI в. — ВИД, т. VII. Л., 1976, с. 148—165.

[26] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV—начало XVI в. Л., 1975, с. 220—221. Некоторые материалы см.: Supplementum ad Historica Russiae Monumenta. Petropoli, 1848, N 134—139; ASPK, t. I—VI. Warszawa—Poznań—Toruń, 1955—1975.

[27] Documente privitore la Istoria Românilor culese de Eudoxiu de Hurmuzaki, v. XI (1517—1612). Bucureşti, 1900.

[28] Английский представитель Роберт Вингфильд сообщал Генриху VIII, что Венский конгресс имеет целью переговоры по поводу ссор с «the great Russ of Russia» (Letters and Papers Foreign and Domestic of the Reign of Henry VIII, v. II, part 1. London, 1864, N 308, 8 апреля 1515 г.).

и Жигимонтом I включены и некоторые сведения о географии, политическом положении и быте Руси [29].

Ни один из итальянских городов вплоть до 20-х годов XVI в. не отправлял своих представителей на Русь, откуда в конце XV в. часто приезжали послы (в Венецию и к папам) [30]. Итальянцы узнавали о Руси и косвенными путями, от своих послов в соседних с ней государствах. Особенно сложной и разветвленной сетью информации владела Венеция. Благодаря этому венецианская синьория и дож уже через полгода — десять месяцев [31] знали о событиях, происходивших на Руси, на ее границах и т. д. Правда, не всегда эти слухи отличались точностью [32].

К сожалению, неизвестны отчеты папских послов и нунциев из Руси, хотя в 20-х годах XVI в. папский престол развивал активную деятельность по установлению прямых контактов с нею [33]. Сведения о Руси заносились и в отчеты папских нунциев в соседних с нею странах [34], где уже с середины XV в. существовали постоянные нунциатуры.

«Дневники» Марино Сануто, бессменного секретаря венецианской Синьории в 1496—1533 гг., день за днем копировавшего посольские материалы, — неисчерпаемый кладезь сведений о международной жизни Европы конца XV—начала XVI в., в том числе и о сношениях Руси с итальянскими городами и папством. В них дается описание приема русских послов, приводятся содержание их речей, копии русских грамот в итальян-

[29] Фрагменты отчета Франческо да Колло приводились Н. М. Карамзиным (*Карамзин Н. М.* Указ. соч., т. VII. СПб., 1819, примеч. 174—176, с. 44—45 и др.), Л. Н. Майковым (Записка Л. Н. Майкова. — ЛЗАК, вып. XII. СПб., 1901, с. 130—133), С. А. Аннинским (*Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936, с. 215 и др.), М. П. Алексеевым (*Алексеев М. П.* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I. Иркутск, 1932, с. 83—87).

[30] [*Григорович И. И.*] Переписка пап с российскими государями в XVI в. СПб., 1834; *Чижов В.* Список и краткое содержание всех грамот и вообще всех бумаг, заключающих в себе сношения России с Венецианскою республикой. — Чтения ОИДР, 1846, кн. IV, ч. 1, разд. III, с. 51—58; *Шмурло Е. Ф.* Научный отчет 1907—1908 гг. — В кн.: Россия и Италия, т. III. СПб., 1911, с. 22—27.

[31] Для сравнения укажем, что новости из Англии достигали Венеции за неделю (*Thompson I. W., Padover S. V.* Secret Diplomacy. Espionage and Gryptography 1500—1815. New York, 1963, p. 21).

[32] В Венгрию из Молдавии весной 1520 г. дошли слухи о смерти великого князя московского и о начавшейся в связи с этим распре между двумя его сыновьями, которые из-за желания властвовать начали борьбу друг с другом (*Sanuto M.* I diarii, v. 28. Venezia, 1890, p. 538, май 1520 г.).

[33] Ср.: Historica Russiae Monumenta, t. I. Petropoli, 1841, N CXXIII—CXXVII.

[34] *Theiner A.* Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis Vaticanis, t. I—IV. Romae, 1860—1864; *Idem.* Vetera monumenta Slavorum meridionalium historiam illustrantia.. ., t. 1—2. Romae—Zagrabiae, 1863—1873. Подлинные документы дипломатической переписки, в том числе одна из грамот Ивана III, сохранились в отдельном сборнике (Biblioteca Marciana, Cod. ital. Cl. X, 174 (3624), N 102, f. 135).

ском переводе, сведения о переговорах русских представителей с другими городами Италии и т. д. Особое внимание Сануто уделял вопросам титулатуры великого князя [35].

Несколько более скудны «Дневники» Иоганна Бурхарда, главы и организатора папских церемоний в 1483—1506 гг. Он отмечает присутствие русских послов и особенно подробно записывает данные о деятельности Андрея Палеолога [36].

Наряду с официальными материалами каждое или почти каждое из посольств имело своим результатом какое-либо устное или письменное сообщение о своей стране или чужих странах. В XV в. были созданы два таких сочинения — Амброзио Контарини и Иосафата Барбаро [37], из коих только первый, по мнению Е. Ч. Скржинской, побывал в Москве сам, а Барбаро воспользовался ранее изданным трудом Контарини, своего последователя на дипломатическом поприще [38].

Несомненно, к неофициальным посольским материалам следует отнести многочисленные рассказы русских послов о своей родине. С пребыванием в Милане Юрия Траханиота связано одно из первых описаний Руси, составленное с его слов в канцелярии миланского герцога в 1486 г.[39] Описание это, хотя и краткое, содержит точное указание границ и размеров государства, его природных условий, хозяйства и быта. Бо́льшая часть была написана со слов русских послов. Паоло Джовио воспользовался беседами Дмитрия Герасимова [40], а Фабр, секретарь Фердинанда, эрцгерцога Австрийского, переложил рассказы русского толмача Власа [41], находившегося при посольстве князя Ивана Ярославского-Засекина и Семена Трофимова.

Исключением из цикла описаний Руси 20-х годов XVI в. и несколько более позднего времени являются «Записки о московитских делах» [42] барона Сигизмунда Герберштейна, дважды,

---

[35] *Sanuto M.* Op. cit., v. 1—52. Venezia, 1879—1898.

[36] *Burchard J.* Diarium sive rerum Urbanarum commentarii, t. I—III. Paris, 1883—1885.

[37] См. подробнее: Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971, с. 98—104.

[38] Впрочем, этот вывод Е. Ч. Скржинской был оспорен рецензентами (*Брагина Л. М., Добродомов И. Г., Кучкин В. А.* — ИСССР, 1973, № 1, с. 183—190).

[39] *Гуковский М. А.* Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.). — Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Труды ЛОИИ АН СССР, М.—Л., 1963, вып. 5, с. 652—655.

[40] *Павел Иовий Новокомский.* Книга о московитском посольстве. СПб., 1908 (издано вместе с «Записками о московитских делах» Сигизмунда Герберштейна).

[41] Донесение доктора Иоанна Фабра его высочеству Фердинанду — инфанту испанскому, эрцгерцогу австрийскому и правителю Австрийской империи о нравах и обычаях московитян. — Отечественные записки, 1842, ч. XXV, № 70, с. 285—305; 1843, ч. XXVII, № 75, с. 47—67.

[42] Ко времени первого путешествия восходят лишь «Дорожник» (параграф «Дороги в Москву») и глава «Возвращение» (*Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 219—227, 227—234).

в 1517 и 1526 гг., посетившего Русь в качестве имперского посла [43]. Его наблюдения над бытом и социальной жизнью Руси и изыскания в области ее истории придали «Запискам» ценность серьезного исторического источника.

Написанные в полемике с Матвеем Меховским, отчасти и Николаем Кузанским, Антоном Видом и Олаем Магнусом, «Записки» широко использовали русские летописи начала 20-х годов XVI в.

* * *

Собираемые послами и путешественниками сведения не только фиксировались в их официальных отчетах и неофициальных сообщениях, но и служили источником для современных историографических сочинений: летописей — на Руси, хроник — в других странах Европы.

Составители великокняжеских летописей имели доступ к документам государева архива [44]. Летописные сведения компенсируют отсутствие целого ряда посольских книг этого времени (с Данией, Швецией, Италией и др.). Летописи — единственный источник, который тщательно фиксировал сведения о деятельности иностранцев на Руси — архитекторов, литейщиков, даже ремесленников прикладных специальностей. В летописи же заносились и данные о брачных связях представителей великокняжеского дома. Приложением к летописям становились тенденциозные политические статьи, такие, как «Родословие тверских князей», «Сказание вкратце о молдавских господарях», «Сказание о князьях Владимирских», «Европейской страны короли» и др.

Разумеется, в летописях сведения о международных отношениях препарировались в соответствии с политическими концепциями их авторов [45]. Летописям с самого начала придавалось важное политическое значение. Этим объясняется быстрое следование одной редакции московских великокняжеских летописей за другой, более соответствовавшей особенностям внутреннего политического положения страны [46]. Свод осени 1472 г.[47] был

---

[43] Его дипломатическая деятельность на Руси зафиксирована в Сб. РИО, т. 35.

[44] *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 354—355; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 241—245.

[45] Эта особенность летописей недостаточно учитывается Н. А. Казаковой, давшей специальный обзор данных великокняжеских летописей о Западной, Южной и Северной Европе (*Казакова Н. А.* Известия русских летописей, с. 195—227).

[46] О работах, посвященных летописанию, см.: Библиография русского летописания. Сост. Р. П. Дмитриева. М.—Л., 1962; *Казакевич А. Н.* Советская литература по летописанию (1960—1972 гг.). — В кн.: Летописи и хроники. 1976 г. М., 1976, с. 294—356. Из новейших работ наиболее важна книга Я. С. Лурье «Общерусские летописи XIV—XV вв.»

[47] Протограф Вологодско-Пермской (ПСРЛ, т. 26. М.—Л., 1959) и Никаноровской летописей (там же, т. 27. М.—Л., 1962) относится к осени 1472 г. — 1477 г. (*Лурье Я. С.* Указ. соч., с. 135, 141, 146).

сменен сводом 1477 г., конечная часть которого сохранилась в «Летописце от 72-х язык»[48], последний — сводом 1479 г.[49], в который был внесен эпизод с титулованием Ивана III государем, приписываемый новгородским послам 1477 г., и рассказ о Флорентийской унии, вставленный не раньше лета 1477 г. из «Слова на латыню». До 1492 г. доводил изложение великокняжеский свод по Уваровскому списку[50]. Симеоновская летопись составлена в 1498—1502 гг., в княжение Дмитрия-внука[51].

Особое внимание летописям придавалось в 90-х годах XV в.: Сокращенный свод 1493[52], за ним 1495[53], 1497 гг.[54] и, наконец, самого конца XV в.[55] (вероятно, 1500 г.) подавали международные отношения каждый в новом свете.

Такая же быстрая смена летописей происходила и в княжение Василия III. Свод 1508 г. излагал события конца XV—начала XVI в., в результате которых Василий пришел к власти в угодном для него духе[56].

В княжение Василия III были составлены еще своды 1518[57],

---

[48] *Лурье Я. С.* Указ. соч., с. 140—141.

[49] ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949; *Лурье Я. С.* Указ. соч., с. 135—136.

[50] ПСРЛ, т. XXV.

[51] Там же, т. XVIII. СПб., 1913. О ее списке из Волоколамского монастыря см.: *Клосс Б. М.* О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ, Л., 1971, т. 26, с. 255.

[52] ПСРЛ, т. 27. М.—Л., 1962.

[53] Там же; см.: *Каштанов С. М.* О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493 и 1495 гг.). — ПИ, вып. VIII. М., 1963.

[54] Свод 1497 г. — Прилуцкая летопись (ПСРЛ, т. 28. М., 1963) — механическое соединение текстов, восходящих к протографу Ермолинской летописи, своду 1477 г. и протографу Синодального списка Типографской летописи [*Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — ПИ, вып. IV. М., 1955, с. 251—252; *Он же.* Материалы и исследования по истории русского летописания. — Там же, вып. VI. М., 1958, с. 253—255].

[55] Кроме Симеоновской летописи (ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913), свод конца 90-х годов XV в. отразился также в Софийской II, Львовской и Воскресенской летописях (начиная с 1490 г.), Новгородском хронографе и дополнительном тексте Типографской летописи, которая до 1484 г. использовала Ростовский свод, а за 1482—1494 гг. — Симеоновскую летопись.

[56] Свод 1508 г. отразился в Воскресенской, Софийской I по списку Царского (ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853), Софийской II (там же), Никоновской, Иоасафовской, Вологодско-Пермской и Уваровской летописях (*Пушкарев Л. Н.* К вопросу об издании списка Царского Софийской I летописи. — ПИ, вып. VIII. М., 1959, с. 432—444; *Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи. — ЛЗАК, вып. 1 (34). Л., 1927, с. 64; *Зимин А. А.* Россия, с. 37—38).

[57] Свод 1518 г., представленный Уваровской летописью (ПСРЛ, т. 28) и отразившийся в Львовской, Иоасафовской, Никоновской, Воскресенской и Софийской II летописях, до 1484 г. воспроизводил свод 1497 г. Уваровская летопись сходна с Ермолинской, позднее — с Симеоновской и Московским сводом конца XV в., Типографской летописью, а с 1484 по 1518 г. повторяет известия Софийской II и Львовской летописей (*Насонов А. Н.* Материалы, с. 253—255; *Сербина К. Н.* Летописный свод 1518 г. — Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Труды ЛОИИ АН СССР, М.—Л., 1963, вып. 5, с. 587—608).

1520 гг.[58], середины 20-х годов[59] и, наконец, свод 1533 г.[60]

Обращает на себя внимание совпадение дат составления отдельных сводов с коренными или поворотными событиями во внешней и внутренней истории Руси конца XV—начала XVI в. По-видимому, составление летописных сводов задумывалось как идеологическое обоснование той или иной политической акции.

Идеологи самодержавия из иосифлянской среды вели собственные летописцы и вне Москвы. К таким принадлежал и автор летописца из Пафнутьева монастыря[61].

Местное летописание велось и в других монастырях. В 30-х годах краткие летописцы составлялись в Кирилло-Белозерском монастыре, один из них принадлежал Гурию Тушину[62]. Летописные заметки велись и в Спасо-Ярославском монастыре до 1521 г.[63] Авторы их не располагали такой информацией о международных отношениях, как великокняжеские[64].

---

[58] Свод 1520 г. отразился в Иоасафовской (ИЛ. М., 1957), Воскресенской и Никоновской летописях. В последние годы Б. М. Клоссом предпринято изучение Никоновской летописи, результаты которого частично опубликованы (*Клосс Б. М.* Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20-х—30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 318—363; *Он же.* Митрополит Даниил и Никоновская летопись. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 188—201; *Он же.* Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV—первой половины XVI в. — ВИД, т. VI. Л., 1974, с. 107—125; *Он же.* Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никоновского свода. — В кн.: Летописи и хроники. Сб. статей. 1973 г. М., 1974, с. 250—270; *Он же.* Никоновская летопись и Максим Грек. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 30, с. 124—131.

[59] Свод 1526 г. отразился в Софийской II, Львовской, Воскресенской и Вологодско-Пермской летописях. О последней см.: *Тихомиров М. Н.* О Вологодско-Пермской летописи. — ПИ, вып. III. М.—Л., 1940, с. 243.

[60] Свод 1533 г. лег в основу Воскресенской летописи (первая редакция августа 1533 г.) и отразился на Львовской летописи (в ранней редакции, доходившей до 1533 г.). Изучением Воскресенской летописи в течение многих лет занималась С. А. Левина [*Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI в. — ТОДРЛ, М.—Л., 1955, т. XI, с. 375—379; *Она же.* К изучению Воскресенской летописи. — Там же, М.—Л., 1957, т. XIII, с. 689—705; *Она же.* Воскресенская летопись XVI в. (ее редакции, источники и значение). — Труды МГИАИ, 1957, т. 10, с. 402—403; *Она же.* Тринадцатый список Воскресенской летописи. — АЕ за 1967 год. М., 1969, с. 96—98].

[61] *Тихомиров М. Н.* Новый памятник московской политической литературы XVI в. — В кн.: Московский край в его прошлом, ч. 2. М., 1930, с. 105—114.

[62] *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, кн. V. М.—Л., 1950, с. 27—39; *Казакова Н. А.* Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. — ТОДРЛ, М.—Л., 1961, т. XVII, с. 169—201.

[63] *Насонов А. Н.* Летописные памятники, с. 253.

[64] Исключение составляет лишь Устюжский (Архангелогородский) свод второго десятилетия XVI в., составитель которого, по предположению А. А. Зимина, сообщенному им автору в устной беседе, получал сведения о международных отношениях Руси от пленных литовских воевод.

В несколько лучшем положении находились авторы летописей, составлявшихся на митрополичьем дворе. Независимое летописание было представлено Ростовским владычным сводом, как полагает Я. С. Лурье (или, по А. А. Зимину, митрополичьим), конца 80-х годов XV в., сохранившимся в Типографской, Ермолинской, отчасти Софийской II[65] летописях, и сводом 1489 г., составленным дьяком Родионом Кожухом[66] при митрополите Геронтии. Свод 1489 г. отразился в Софийской II и Львовской летописях (до 1488 г.). Для этого свода характерно внимание к различным литературным памятникам[67] и деятельности иностранных мастеров, в частности Аристотеля Фиораванти. И позднее при митрополичьем дворе велись работы по летописанию. Владимирский летописец[68] содержит сведения до 1523 г.[69] В Новгороде при дворе архиепископа Геннадия был составлен свод, отразившийся в Новгородской летописи по Хронографическому списку и в Вологодско-Пермской летописи за 1483—1496 гг.

Новые представления о всемирной истории и месте Руси во всемирно-историческом процессе нашли выражение в русском Хронографе 1516—1522 гг. (изложение доведено до 1453 г.)[70].

Из иностранных историографических сочинений в ознакомлении западных соседей Руси об этом государстве особую роль сыграли сочинения Матвея Меховского — «Хроника Польши» и «Трактат о двух Сарматиях»[71]. Последний, написанный в период

---

[65] *Шахматов А. А.* Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. — ИОРЯС, СПб., 1903, т. VIII, кн. 4, с. 72—98; СПб., 1904, т. IX, кн. 1, с. 366—423; *Он же.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 146—150, 284—301.

[66] *Насонов А. Н.* История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, с. 306—307.

[67] *Кучкин В. А.* Судьба «Хожения за три моря» Афанасия Никитина в древнерусской письменности (К 500-летию путешествия Афанасия Никитина по Индии). — ВИ, 1969, № 5, с. 67—77.

[68] ПСРЛ, т. 30. М., 1965.

[69] *Тихомиров М. Н.* Из «Владимирского летописца». — ИЗ, 1945, кн. 15, с. 278—300.

[70] ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911.

[71] *Mathiae de Meychov.* Chronica Polonorum. Cracoviae, 1519, 1521. По предположению Ю. А. Лимонова, автор располагал галицко-волынской летописью и московским сводом 1480 (?) г. (*Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII веках. Л., 1978, с. 117), а по А. И. Рогову — южнорусскими летописными памятниками (*Рогов А. И.* Известия по истории Киевской Руси в Хронике Мацея Стрыйковского и их источники. — Краткие сообщения Института славяноведения, 1964, т. 42, с. 54). *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936. Перевод на польский язык: *Maciej z Miechowa.* Opis Sarmacji aziatyckiej i europejskiej. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdynia, 1972. О нем см.: *Buczek K.* Maciej z Miechowa 1457—1523. Wrocław, 1960; *Базылев Л.* Россия в польско-латинской политической литературе XVI в. — В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 132—141; *Рогов А. И.* Основные особенности развития русско-польских культурных связей в эпоху Возрождения. — Там же, с. 167—168.

сватовства польского короля Жигимонта на Боне Сфорца, был призван опровергнуть взгляды Энея Сильвия Пикколомини о происхождении славян. Некоторые сведения о Руси содержат хроники Яна Длугоша (до 1480 г.)[72], Каспара Вейнрейха[73], Бернарда Ваповского[74], раздел которой за 1517—1528 гг. восходит к хронике Эмерика Венгра[75], продолжившего хронологически хронику М. Меховского, И. Деция[76], А. Крантца[77], Д. Малипьеро[78]. Более поздние хроники использовали некоторые современные событиям источники, не дошедшие до нашего времени[79]. Данными 20-х годов XVI в. располагал Олай Магнус, написавший свою «Историю северных народов»[80] в 50-х годах XVI в.[81]

Многие хроники (фон Турна, Снупса, Юдока Гартингера и др.) не опубликованы до сих пор. К их числу принадлежит знаменитая хроника Реймара Кока. Однако Кок рассказал об истории Новгорода конца XV в. Крантцу, поэтому рассказ последнего о Руси изобилует живыми подробностями[82].

Хроники в зависимости от осведомленности их авторов[83] довольно противоречиво рисуют положение Руси[84].

---

[72] *Лимонов Ю. А.* Культурные связи, с. 94—96; *Ловмяньский Х.* Русско-литовские отношения в XIV—XV вв. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 274.

[73] *Weinreich C.* Danziger Chronik. Ein Beitrag zur Geschichte Danzigs der Lande Preussen und Polen, des Hansabundes und der Nordischen Reiche. Berlin, 1855. Переиздана: Scriptores rerum Prussicarum, Bd. IV. Leipzig, 1870, S. 727—800.

[74] Kronika Bernarda Wapowskiego s Radochoniec. Cz. ostatnia, czazy podługoszewskie obejmująca (1480—1535). Kraków, 1874.

[75] *Bieńkowska B.* Kronika Emeryka Węgra (1516—1531) jako źródło Wapowskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969.

[76] *Decius J. L.* Księga o czasach króla Zygmunta. Warszawa, 1960.

[77] *Krantz A.* Vandalia. Frankfurt, 1580. Первое издание увидело свет в Кёльне в 1518 г.

[78] *Malipiero D.* Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500. — In: Archivio storico italiano, t. VII, parte 1—2. Firenze, 1843—1844.

[79] Хроника Быховца. М., 1966; *Флоря Б. Н.* «О летописце Быховца». — В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 135—144. Интересные сведения содержит и Хроника литовская и жмоитская (ПСРЛ, т. 32. М., 1975). О ней см.: *Улащик Н. Н.* «Литовская и жмоитская кроника» и ее отношение к хроникам Быховца и Стрыйковского. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 357—365.

[80] *Olaus Magnus.* Historia de gentibus septentrionalibus. Romae, 1555.

[81] О нем см.: *Савельева Е. А.* «История северных народов» Олауса Магнуса и ее известия о России. Автореф. канд. дис. Л., 1974; *Она же.* Россия на карте Олауса Магнуса. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. XVI. Таллин, 1971, с. 205—212; *Она же.* «Морская карта» Олауса Магнуса и ее значение для европейской картографии. — В кн.: История географических знаний и открытий на севере Европы. Сб. статей. Л., 1973, с. 59—87.

[82] *Crantz A.* Op. cit., pars IV, p. 22; HR, Abt III, Bd. 3, N 502, S. 390.

[83] Многие хронисты не были в курсе русских событий самого последнего времени (*Флоря Б. Н.* Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского. — СС, 1965, № 2, с. 52—61).

[84] *Locher J. G.* Het beeld van Rusland in de zestiende-eeuwse Europese beschrijvingen. — Tijdschrift voor Geschiedenis, Groningen, 1957, v. 70, s. 289—308.

Особым источником международной информации, имевшим более широкий круг читателей, а потому и больший резонанс, были многочисленные политические памфлеты и различные пропагандистские сочинения, рассчитанные на подрыв международного престижа Руси.

Созданием подобных сочинений особенно усердно занимались в Ливонии и Польше. В Ливонии, в кругах, близких к магистру Вальтеру фон Плеттенбергу, в 1508 г. была составлена так называемая «Прекрасная история»[85], описывавшая в самых мрачных красках Русь, варварство ее жителей, жестокость ее правителей, а также «геройство» орденских воинов, грудью защищавших в ходе русско-ливонской войны 1501—1503 гг. захваченные ими у прибалтийского населения земли.

Другим источником подобного рода сочинений были официальные круги Польского государства. Проиграв третью в XVI столетии войну с Русью, польский король и великий князь литовский, чтобы оправдать потерю Смоленска, решил воспользоваться последовавшим за этим поражением русских под Оршей, чтобы протрубить на всю Европу о своей мощи.

Средневековая международная информация имела некоторые особенности. Прежде всего круг лиц, осведомленных о состоянии дел за пределами каждой из европейских стран, был крайне ограничен — это представители государственного аппарата каждой из стран, узкие круги интеллигенции, будь то духовной или светской. Второй ее особенностью было относительное и абсолютное отставание. Под относительным отставанием имеем в виду опоздание информации о только что случившемся факте, связанное с медленностью средневекового передвижения. Так, русские послы добирались в Италию не меньше 4, а в среднем 7—8 месяцев[86]. Информация же в Москву из Империи, Пруссии, Польши поступала значительно быстрее — через один-два месяца[87]. Относительное отставание связано также с уровнем информированности

---

[85] Eynne schonne hysthorie van vunderlyken geschefthen der heren tho Lyfflanth myth den russen unde tartaren. — In: Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, Bd. VIII. Reval, 1861, S. 113—179; *Benninghoven F.* Rußland im Spiegel der livländischen Schonnen Hysthorie von 1508. — In: Rossica externa. Marburg, 1963, S. 11—35.

[86] По Герберштейну, почта на Руси передавалась за день почти на 200 км (*Alef G.* The Origin and Early Development of the Muscovite Postal Service. — JGO. N. F., 1967, Bd. 15, H 1, p. 1—2), в Англии — на 112 км (*Clare Byrne M. St.* Elisabethian Life in Town and Country. London—New York, 1961, p. 111). Для сравнения приведем сведения о скорости передвижения польских послов, собранные А. Вычаньским на основании переписки Иоганна Дантишка: Рим—Польша — 8—10, Северная Германия—Любек—Гамбург—Польша — 3—4, Нидерланды—Польша — 6—8 недель; Испания—Польша — 3—5 месяцев; Австрия (Вена, Инсбрук) — 3—6 недель; Чехия, Венгрия — 2—4 недели (*Wyczański A.* Op. cit., s. 32).

[87] Сб. РИО, т. 41, № 30, с. 157; т. 53, № 12, с. 123, 126. В летописях датировки не так точны (см.: ПСРЛ, т. 26, с. 292. Смерть Казимира отнесена к 25 мая).

адресата. Так, передавая известия из Ливонии, магистр или купцы считали нужным сообщить своим корреспондентам не только свежие новости, но и факты последних нескольких лет. Например, в 1500 г. они повествовали о заговоре 1497 г.[88], не рассчитывая на знакомство с этим событием.

Абсолютное отставание характеризуется временем, прошедшим между написанием того или иного сочинения и его изданием. Понятие абсолютного опоздания появляется лишь со времени изобретения книгопечатания. Проблема абсолютного опоздания информации о других районах Европы на Руси стоять не может, поскольку в изучаемое время все сведения о ее северных, западных и юго-западных соседях оставались в рукописном виде. В Европе же степень абсолютного отставания зависела в конечном счете от политической актуальности той или иной информации или позиции того или иного государства по отношению к Руси.

Если Хроника Меховского[89], сочинение Фабра[90], «Книга о московитском посольстве» Паоло Джовио[91] увидели свет тотчас же по написании, а «Книга о временах короля Жигимонта» Деция[92] и отчет Контарини[93] — с опозданием соответственно на 5 и 11 лет, то такое фундаментальное сочинение, как «Записки о московитских делах» Герберштейна, было издано только в 1549 г., через двадцать с лишним лет после последнего посещения Герберштейном Руси[94]. «Письмо Альберта Кампензе к папе Клименту VII с описанием Московии» опоздало на 18 лет (издано в 1543 г.)[95].

---

[88] *Nitsche P.* Großfürst und Thronfolger. Die Nachfolgepolitik der Moskauer Herrscher bis zum Ende des Rjurikidenhauses. Köln, 1972, S. 181; *Казакова Н. А.* Ливонские и ганзейские источники, с. 148—166.

[89] Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europeana et de contentis in eis. Cracoviae, 1517; ср.: *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936; Descriptio Sarmatiarum auctore Mattheo a Michovia. Cracoviae, 1521.

[90] Joannis Fabri Lencurchensis Episcopi Viennensis Epistola de Moscovitarum juxta mare glaciale religione, seu de dogmatibus Moscorum ad Seren. Principem Ferdinandum archiducem Austriae, d. XVIII, sept. 1525 data. Tubingae, 1525.

[91] Libellus de Legatione Basilii magni Principis Moscoviae ad Clementem VII Pontificum maximum, in qua situs regionis antiquis incognitus, religio gentis, mores et causae legationis fidelissime referuntur. Romae, 1525.

[92] Издана в 1521 г. (*Decii Jodoci Ludovici.* De Sigismunde regis temporibus liber. Crakoviae, 1521). Переиздана факсимильным способом в Кракове в 1901 г.

[93] Viaggio di Messer Ambrosio Contarini, Ambasciadore de Venetia ad Ussuncassan, Re in Persia. Venetia, 1487.

[94] Rerum Moscoviticarum Commentarii... Vindobonae, 1549; ср.: *Герберштейн С.* Указ. соч.

[95] Lettera d'Alberto Campense, che scrivo al beatissimo padre Clement VII in torno alle cose di Moscovia e dello stato de Moscoviti et como quanta facilita si redurrebbero alla ubedienza della Santa Chiesa Romana. Venetia, 1543.

Волна антиосманских настроений в 40—50-е годы XVI в. привела к публикации многочисленных сочинений о Руси[96]. Перевод «Отчета о переговорах о мире 1518 г.» Франческо да Колло[97] обязан своим появлением большому интересу в Италии в середине XVI в. к русским событиям начала XVI в.[98] Волна антиосманских настроений в середине XVI в. оказалась недостаточно мощной, чтобы вынести на суд общественности все хранившиеся в архивах сочинения о Руси.

* * *

Последнее, о чем следует сказать в связи с вопросом о системе средневековой международной информации, — это о ее качестве в различных странах Европы. Русские, активно развивавшие внешнеполитические связи, получали информацию от собственных послов, итальянцы узнавали о Руси по преимуществу из вторых рук, представители Германской империи сами собирали сведения. Качество информации весьма значительно влияло на внешнюю политику той или иной страны. Думается, успехам русской дипломатии способствовали полнота и точность собираемой послами информации, а просчеты папской и имперской дипломатии в начале XVI в. вызывались слабой осведомленностью.

---

[96] В 1541, 1543, 1545 гг. в Венеции был издан и двукратно переиздан сборник, включивший описание путешествий Барбаро и Контарини (Viaggi fatti da Venetia alla Tana, in Persia, in India et in Constantinopoli. Venetis, figlioli di Aldo, 1541, 1543, 1545). В 1545 г. вышли два издания перевода Джовио (Operetta della Ambasciera de Moscoviti, tradotta di latino. Venetia, 1545; Relazione dell'Ambasciata spedita da Basilio gran Duca di Moscovia al Papa Clement VII. Di Paolo Giovio. Venezia, 1545); в 1549 г. — сочинение Герберштейна, к 1557 г. Дж. Б. Рамузио было подготовлено к изданию почти все, что было известно о Руси (Delle navigationi et viaggi. Venetia, 1559).

[97] В ноябре 1558 г. Фабио Сбарра из Конельяно заказал перевод отчета Франческо да Колло на итальянский язык. Рукопись его хранится в Ягеллонской библиотеке в Кракове (Biblioteca Jagellońska, r. Przyb, 1930, N 10; *Pociecha W.* Królowa Bona (1494—1557), t. II. Poznań, 1949, s. 517). В СССР имеется издание 1608 г.: Trattamento di pace tra il Serenissimo Sigismondo Re di Polonia et Grand Basileo Prencipe di Moscovia. Padoa, 1608.

[98] Это как нельзя ясно показывают материалы фонда Е. Ф. Шмурло. См. о них: *Кафенгауз Б. Б.* Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 533—540.

ЧАСТЬ I

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Интенсификация сельскохозяйственного труда, приведшая к повышению урожайности (в Англии до сам-4,7), быстрое развитие ремесел, в особенности в текстильном деле, где появились рассеянные мануфактуры (Фландрия, Англия, Нидерланды), знаменовавшие зарождение первых элементов капиталистического уклада, промышленная предреволюция в горнорудной промышленности, охватившая Южную Германию, Венгрию, Англию, возобновление добычи полиметаллических руд в Центральной Европе, совершенствование средств сообщения благодаря изобретению компаса и использованию парусов — таковы некоторые приметы экономической жизни Европы конца XV в. Быстрый рост промышленного производства в странах Южной и Центральной Европы в сочетании с ярко выраженным аграрным развитием стран Юго-Восточной и Восточной Европы создавали предпосылки для специализации (Молдавия, Трансильвания, часть Венгрии — скотоводство, Польша, Белоруссия — хлеб, Северная Европа — добыча металлов) и развития международной торговли нового типа. Одновременно с этим подтачивались основы организаций, державших в своих руках монополию торговли. На востоке и севере Европы росло национальное купечество, требовавшее активного участия в торговле.

СТРУКТУРА РУССКО-ЕВРОПЕЙСКОГО ТОВАРООБОРОТА

Изучение состава товарооборота внешней торговли позволяет получить более правильное представление о социально-экономическом развитии Руси сравнительно с ее контрагентами и о роли внешней торговли для каждого из них и для Руси в особенности, о воздействии ее на внешнюю политику стран, на роль, которую каждая из них играла в международной жизни. На протяжении конца XV—начала XVI в. русская экономика развивалась очень быстро. Совершенствовались системы сельского хозяйства и орудия труда, осваивались новые земельные угодья, в северо-восточных районах Руси уже начал ощущаться земельный голод. Восстанавливались и подорванные в годы монголо-татарского ига

города центральной Руси[1]. Крупнейшим центром ремесленного производства стала Москва. Новгород и Псков, пережившие кратковременный кризис в первые годы после присоединения их к Русскому государству, также вступили на путь быстрого развития. Особенно успешно развивались кожевенное дело и металлообработка. Успехи русских в кораблестроении, прежде всего речном, отмечали даже иностранцы[2].

Несмотря на эти весьма значительные по русским масштабам перемены в экономике, общее направление развития Руси даже в конце XV—начале XVI в. сохранялось прежнее. Она и в эти годы оставалась ярко выраженной аграрной страной (коль скоро можно употреблять этот термин по отношению к средневековым странам, в каждой из которых преобладало земледелие) с чрезвычайно высоким уровнем и удельным весом промыслов[3].

В русском городе, как и в годы монголо-татарского ига, отсутствовал целый ряд отраслей, по современной терминологии, тяжелой и легкой индустрии. Совершенно отсутствовало сукноделие — одна из ведущих отраслей ремесла средневекового города Северной, Южной и Западной Европы, сравнительно слабо были развиты некоторые добывающие и металлообрабатывающие ремесла, в том числе литейное дело.

Поскольку Русь в конце XV—начале XVI в. не располагала ресурсами благородных и цветных металлов, естественно-географические предпосылки для развития металлообрабатывающих ремесел отсутствовали.

Состав русского экспорта оставался вполне традиционным. Ведущее место в нем по-прежнему сохраняли два товара — пушнина и воск. От конца XV в. (1492—1496 гг.) сохранились любекские таможенные книги, крайне неполно отражающие торговлю с Русью в силу тех политических осложнений, которыми характерна была обстановка середины 90-х годов[4]. По подсчетам А. Аттманна, из Риги экспортировалось 5% пушнины и кож, поступавших в это время в Любек, из Таллина — 52%, воска —

---

[1] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, с. 212 и др.; *Он же.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва XIV—XV вв. М., 1957; *Он же.* Россия в XVI столетии. М., 1962; *Он же.* Средневековая Россия на международных путях (XIV—XV вв.). М., 1966; *Бахрушин С. В.* Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI—XVII вв. — В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды, т. I. М., 1952; *Сахаров А. М.* Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969; *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

[2] *Olaus Magnus.* Historia de gentibus septentrionalibus. Romae, 1555, XI, 12.

[3] Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. М., 1971.

[4] *Bruns F.* Die lübeckischen Pfundzollbücher von 1492—96. — HGbll, 1904—1905, 1907, 1908; *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963, с. 21—22.

соответственно 22 и 73% [5]. Таким образом, весь любекский импорт воска был русского или белорусского происхождения.

И в стоимостном выражении вплоть до конца XV в. эти товары преобладали в экспорте Таллина. В поставках Таллина Любеку 1492—1496 гг. воск составлял не менее 70% стоимости товарной массы, на судах из Таллина, терпевших убытки от налетов датского каперского флота в 1490—1507 гг., на воск приходилось не менее 20%, а иногда и 50% потерь любечан. Такая же структура экспорта характерна для Риги: в Любек из общего количества товаров экспортировалось 60% воска [6]. Следует отметить колоссальную разницу в цене воска и других товаров (воск был, например, в 20 раз дороже соли, как об этом можно судить по полоцким грамотам конца XV в.), поэтому соотношение товаров по стоимости неточно передает их реальное соотношение — по весу, объему и т. д.

Пушнина — постоянный товар различных ревельских и дерптских купцов. В 1483 г. Готшалк Реммелинкроде закупал в Новгороде бобров для даров датскому королю Гансу [7]. Дерптский купец Генрих Луле в мае 1506 г. оставался должен рижанину Генриху Моллеру 12 тысяч 12 сороков ласки [8]. Среди товаров гданьских купцов, ограбленных датчанами около 20 июля 1506 г. в окрестностях Таллина, было довольно много русских мехов — 81 шкурка куницы, 520 шкурок чистой белки (schone troynissen), 400 шкурок горностая. Судя по сортам пушнины, вся она происходила из Новгорода или Пскова [9]. В письме ревельского городского совета датскому королю с просьбой вернуть задержанные в Зунде товары значатся и русские товары: 7500 шкурок ласки на корабле Иоганна Критманна, две бочки пушнины и сало на корабле Вильгельма Иогансса, две бочки пушнины на корабле Иоганна фан дер Слюша. Ревельские бюргеры поклялись, что «вышеописанные ласки, а также белки, а также сало выменены и куплены в Дерпте у русских, а не шведские товары...» [10].

Белку вывозили русские и из Ивангорода. В 1496 г. в городе находилась масса пушнины (в том числе и соболя), которая досталась шведам [11]. В 1525 г. Латуш, отец Истомы, вез в бусе

---

[5] *Attmann A.* Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik 1558—1559. Lund, 1944; *Idem.* The Russian and Polish Markets in International Trade (1500—1650). Göteborg, 1973.

[6] *Дорошенко В. В.* Ганза и Ливония. Проблемы торговли XIII—XVI вв. — Известия АН ЛатвССР, 1965, № 10, с. 146—147.

[7] *Donner G.* Striden am arvet efter kopmannen Jakob Frese. 1455—1510. Helsinki, 1930, s. 120.

[8] LECUB, Abt. II, Bd. 2. Riga—Moskau, 1900, N 941, S. 698, 11 мая 1506 г.

[9] Ibid., Abt. II, Bd. 3. Riga—Moskau, 1910, N 156, S. 107—108, 7 февраля 1507 г. Из Пскова вывозилась и «лычная белка» (ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 4, ящ. 19, № 110-а, 1 сентября 1539 г.), «luschwerk» немецких источников.

[10] LECUB, Abt. II, Bd. 3, N 430, S. 311—312, 20 августа 1508 г.; № 387, S. 285, около 10 апреля 1508 г.

[11] *Olaus Magnus.* Op. cit., XI, 1.

10 тысяч красной белки, лисью шубу[12]. Главным товаром в Нарве, судя по высказываниям ганзейских представителей, в 20-х годах оставалась пушнина: «Если бы Нарва была такой же величины, как Кельн, вся Ливония имела бы достаточно пушнины»[13]. Предприимчивые ливонцы в 1503 г. привозили из Выборга в Таллин меха горностая, белки, речной выдры[14]. Несмотря на затруднения, которые испытывала в это время русско-ганзейская торговля, в Любеке начала XVI в. по-прежнему продавалась русская пушнина[15]. По свидетельству Олая Магнуса, «их (русских. — *А. Х.*) товарами являются очень дорогие шкурки и меха всех сортов, такие, как соболь, куницы и другие, называемые по-итальянски dossi (белки)»[16]. Купцы покупали ее не только у карел, на севере Русского государства, но и у финнов и лаппов. Вывозились и заячьи шкурки, и лисьи[17].

Постепенно удельный вес воска и пушнины в ливонском экспорте начал падать. Судя по торговым операциям Г. Сельхорста в 1506—1521 гг., воск составлял 17—23%, меха — 14—19% стоимости товаров, направляемых из Таллина в Любек, а в 1531—1534 гг. воск — только 8%, а пушнина — еще меньше. Та же самая эволюция происходит и в рижском экспорте (см. список потерь рижанина Г. фон Дамме за 1534—1542 гг.). В 1536—1541 гг. в закупках таллинского купца О. Элерса непосредственно у русских пушнина и кожи составляли только 6,4%[18].

Пушнина, утратившая отчасти значение в русском экспорте через Балтику, продолжала оставаться главным товаром в сухопутном вывозе из Руси[19]. Даже в годы русско-литовской войны начала XVI в. в Познани продавалась не только смоленская, но и московская белка (mosquer werk)[20]. В 1519—1520 гг. ежегодный экспорт белки составлял 0,5 млн. штук, в эти годы вывозились и соболь (60 сороков — 2400 штук), горностай (227 сороков — 9080 шкурок), куница (107 сороков — 4280 шкурок), ласка

---

[12] РИБ, т. 15. СПб., 1894, № 17, стб. 31, 1525 г. Наряду с крупными партиями пушнина вывозилась и мелкими. Так, у ивангородца Ивана Игнатьева была 1 рысь, 1 черная лисица, 6 рыжих, 10 выдр, 4 сорока заячин (там же, № 20, стб. 35—38).

[13] HR, Abt. III, Bd. 7. Leipzig, 1905, № 413, § 238, S. 733.

[14] *Nottbeck E. von.* Fragment einer Revaler Chronik. — In: Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands, Bd. IV. Reval, 1894, S. 465.

[15] HR, Abt. III, Bd. 5. Leipzig, 1894, N 243, § 105, S. 321, 1507 г.

[16] *Olaus Magnus.* Op. cit., XI, 12; см. также XVIII, 16, 19.

[17] HNH, d. I, N 71, s. 75, до 30 июля 1515 г.

[18] *Дорошенко В. В.* Русские связи таллинского купца в 30-х годах XVI в. — В кн.: Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968, с. 57. Однако русские куницы вывозились через Швецию (HR, Abt. III, Bd. 8, N 677, § 24, S. 589, 1531 г.).

[19] *Rybarski R.* Handel i polityka handlowa Polski w XVI w., t. I. Poznań, 1928.

[20] *Wawrzyńczyk A.* Studia z dziejów handlu Polski z Wielkim Księstwem Litewskim i Rosią w XVI w. Warszawa, 1956, s. 13. Это данные 1497, 1501 и 1503 гг.

(25 сороков — 500 шкурок) [21]. Велики были и партии пушнины у отдельных купцов. В 1490 г. у 8 тверичей было отнято в Великом княжестве Литовском 37 тыс. шкурок белки, 3000 лисиц, 739 соболей и 160 куниц, а в 1532 г. один только Михаил Шпис не заплатил мыта с 26 000 московских белок, 30 сороков (1200) соболей, 70 сороков (2800) куниц [22]. У вильневца Логина Берестяникова, арестованного в Новгороде в 1532 г., было 48 сороков горностаев [23].

Русские товары проникали на всю территорию Польши. Как показывают инвентари познаньских мещан, в их быту употреблялись по преимуществу новгородские меха [24]. Московские товары появились и на местном рынке Вроцлава [25], Кракова [26], Гданьска [27] и в Чехии [28].

По-видимому, представление о падении экспорта пушнины из Русского государства, и из Новгорода в частности [29], ошибочно. Просто пути экспорта пушнины из Новгорода несколько переменились: главным направлением их вывоза стало западное, а не северо-западное.

Новгород и в XVI в. оставался школой пушного дела для торговцев мехами во всем мире. Необходимость сохранять Немецкий двор в Новгороде любечане обосновывали тем, что в Новгороде подмастерья («молодые») учатся распознавать меха (pelterie), которые отправляют в Брюгге, Англию и т. д.[30]

Русская пушнина вывозилась и на юг. В Каффе продавались меха бобров, лисиц, горностаев и белок и меховые изделия — шубы, колпаки [31].

В Италии середины XV в. торговлю русской пушниной вели даже сами итальянцы, не ограничиваясь посредничеством ганзейской конторы Фондако деи Тедески [32] или генуэзцев. Известно,

---

[21] Ibid., s. 46.
[22] Ibid., s. 50.
[23] Сб. РИО, т. 59. СПб., 1887, № 9, с. 169, январь—апрель 1542 г.
[24] Inwentarze mieszczańskie z lat 1528—1635 z ksiąg miejskich. Poznań, 1961, s. 18, 32, 34.
[25] *Wendt H.* Schlesien und der Orient. Breslau, 1916, S. 7.
[26] *Malecki J.* Studia nad rynkiem regionalnym Krakowa w XVI wieku. Warszawa, 1963, s. 27, 29.
[27] ASPK, t. V, cz. 1. Warszawa—Poznań, 1973, N 117, s. 255.
[28] *Florovskij A. V.* Česko-ruské obchodní styky v minulosti (X.—XVIII. století). Praha, 1954, s. 192—193.
[29] *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч.; *Она же.* Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных городов в конце XV—начале XVI в. — В кн.: Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968, с. 13—31.
[30] HR, Abt. III, Bd. 7, N 413, § 215, S. 729.
[31] *Małowist M.* Kaffa — kolonia genueńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453—1475. Warszawa, 1947, s. 77.
[32] *Simonsfeld H.* Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen, Bd. 1—2. Stuttgart, 1887; *Stieda W.* Hansisch-venetianische Handelsbeziehungen im 15. Jahrhundert. Rostock, 1894.

что Аристотель Фиораванти предлагал миланскому герцогу шкуры соболей, горностаев, зайцев и белых медведей [33]. Русские дипломаты и купцы, которых они брали с собой, вывозили огромные партии мехов, которые затем распродавали. Известны такие распродажи в Италии и Испании [34]. Сохранилась запись М. Сануто о распродаже пушнины лицами, сопровождавшими Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова [35], в том числе большого количества меховых шуб (fodre). Еще более подробные сведения о распродаже русской пушнины, принадлежавшей великому князю, занесены в дневники М. Сануто под 23 января 1500 г.: «Вместе с послами России были и те, кто устраивал распродажу товаров для своего короля на сумму 36 тысяч дукатов таким образом: 12 тысяч дукатов di contadi, остаток до суммы 36 тысяч дукатов такими пушными товарами, а именно свыше 16 сороков спинок и других (vari), по 36 дукатов связка (el mier), 6 сороков соболя, (по цене. — *А. Х.*) в $3^1/_2$ раза больше, чем они весят, 2 сорока горностаев, по 10 дукатов 100 штук» [36].

В конце средневековья — начале нового времени русские меха по-прежнему оставались модным украшением костюма бюргера или аристократа. Обычай украшать свой наряд роскошными соболиными мехами вызывал резкое осуждение Олая Магнуса [37]. И. Х. Гамель обратил внимание на широкое распространение русских мехов среди английской аристократии. Портреты Г. Гольбейна 1526—1554 гг. изображают Томаса Мора, Анну Болейн и других одетыми в русские меха. В Англии в 1510 г. был известен «русский костюм», включавший меховые шапки и меховую отделку [38]. Русская пушнина входила в состав подарков иностранным государям как русских дипломатов, так и зарубежных [39].

Вторым традиционным товаром русского экспорта был воск. Вплоть до 30-х годов XVI в. воск новгородского происхождения занимал первое место в экспорте таллинских купцов, составляя в отдельных случаях 69,6% [40]. С торговлей этим товаром связано

---

[33] Беседа, год второй, 1872, кн. 1, отд. «Новые книги», с. 154.

[34] Acta Tomiciana, t. IX. Poznań, 1876, N 252.

[35] *Sanuto M.* I diarii, v. 3. Venezia, 1885, p. 61. С этих товаров в Литве было взято «тамги соболми и другой рухлядью на 700 золотых на угорских» (Сб. РИО, т. 35, СПб., 1892, № 67, с. 320—321, февраль 1501 г.).

[36] *Sanuto M.* Op. cit., v. 3, p. 89, 23 января 1500 г.

[37] *Olaus Magnus.* Op. cit., XVIII, 19.

[38] *Гамель И. Х.* Англичане в России в XVI—XVII столетиях, статья первая. — Прилож. к т. VIII «Записок Академии наук». СПб., 1865, с. 32—35, 160; *Veale E. M.* The English Fur Trade in the Later Middle Ages. Oxford, 1966, p. 164—165.

[39] У посла Михаила Погожего, направленного в конце XV в. к польскому королю, было много пушнины. В Литовском княжестве с него взяли тамги «соболми и горностаи на девяносто и на три золотых на угорских» и украли мехов на 40 угорских (Сб. РИО, т. 35, № 67, с. 321, февраль [1501 г.]; см. также: *Wyczański A.* Polska służba dyplomatyczna XVI—XVII wieku. Warszawa, 1966; *Sanuto M.* Op. cit., v. VIII, Venezia, 1882, p. 61).

[40] *Дорошенко В. В.* Русские связи, с. 57.

предание, будто в 1496 г. после разграбления и сожжения Ивангорода — первого русского торгового порта на Балтике — по реке из растаявшего воска можно было плыть на лодке [41].

Упоминается воск среди русских товаров довольно часто [42]. Он вывозился не только через Новгород и Псков, связанные по преимуществу с ливонскими городами, но и сухим путем. Л. Кочи полагает, что значительная часть воска, проданного в Познани, поступала через Литву [43]. Общий экспорт из Польши А. Вавжинчик считает равным 12—23 тыс. камням [44], т. е. (исходя из предполагаемого ею равенства 1 камня 13 кг) 150—400 т в год. Доля русского (в границах государства) воска была, по-видимому, ниже, чем думает Вавжинчик. Производителями воска, снабжавшими Литву и Польшу, были русские земли Великого княжества Литовского. Приводимая ею цифра смоленского экспорта (8000 кусков воска в 1507—1508 гг.) лишь в небольшой мере может характеризовать русский экспорт воска, так как в эти годы экономические сношения Литовского и Русского княжеств были затруднены войной.

Пути распространения воска проследить очень трудно, так как тотчас по вывозе из Руси он терял «национальную окраску». Можно лишь предполагать, что он употреблялся повсюду, в особенности в тех странах, принадлежность которых к католичеству не смогли поколебать даже бури реформации.

В начале XVI в. в структуре русского экспорта происходили серьезные изменения. Воск и пушнину стали теснить кожа, сало, ворвань и продукты сельского хозяйства — лен и пенька, продукты переработки леса, в первую очередь поташ. В 30-х годах XVI в. на первом месте в экспорте из Таллина торгового дома Г. Сельхорста стояли лен и пенька (в 1531—1534 гг. — около 45%). На кораблях любечан, плывших из Риги, лен и пенька составляли не менее 20% стоимости потерь, у Г. фон

---

[41] *Olaus Magnus.* Op. cit., XI, 1, 2; *Савельева Е. А.* Книга Олауса Магнуса «История северных народов» и ее известия о России. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970, с. 335.

[42] LECUB, Abt. II, Bd. 3, N 239. Случай обмана русским купцом, менявшим воск на сукно своего контрагента, обсуждался на ганзейском съезде в 1517 г. (HR, Abt. III, Bd. 7, N 39, § 137, S. 45). В 1496 г. двое русских в Нарве продали Г. Фегезаку 2 «тысячи» (т. е. 4 берковца) воска (LECUB, Abt. III, Bd. 1, N 425, S. 309, 7 октября 1496 г.). Один из бывших участников похода Плеттенберга под г. Остров в 1503 г. привез в Таллин русский воск из Выборга, который он перепродал таллинским купцам, взявшим его настолько охотно, что они даже не взвешивали воск на городских весах, чем лишили городскую казну дохода (*Nottbeck E. von.* Op. cit.). Новгородец Иван Селиванович в 1509 г. продал воск маклеру Якоба Рихерда на 66 марок (*Hansen.* Regesten, N 108, S. 24, 24 сентября 1518 г.).

[43] *Koczy L.* Handel Poznania do połowy wieku XVI. Poznań, 1930, s. 330. Вероятно, также поступал воск и в Гданьск (ASPK, t. V, cz. 1, N 117, § 86, s. 255, 28 мая — 8 июня 1508 г.).

[44] *Wawrzyńczyk A.* Op. cit., s. 44.

Дамме (1534—1542 гг.) — более 30% [45]. Из Руси, в частности из Пскова, и позднее поступал лучший сорт льна, известный под названием церковного [46].

В 70—80-х годах XV в. лен экспортировался и в южном направлении — лен и льняные изделия в итальянских источниках известны под названием panni и tele (26—31 марта 1471 г.) [47].

Есть прямые данные о том, что в конце XV в. сало в ливонские города поступало из Пскова [48]. Русское сало таллинские купцы везли на кораблях И. фан дер Слюша и В. Иогансса. От русских в Нарве поступала и ворвань [49]. Так, на корабле Хеннига Тегеля, задержанном датчанами, находилось 8 ластов 1 бочка ворвани, купленной у русского в Нарве [50]. В Тарту в это время была устроена специальная браковальня для русского сала и конопли [51]. Правила торговли русской коноплей усложнялись. Запрещалась покупка нечистой конопли (mit baste), не упакованной как полагается. Наряду с этим, по требованию русских, от чистого товара запрещалось брать наддачи — «довески» (upwichte). Бракерам вменялось в обязанность следить за выполнением этих требований и за торговлей чистым товаром [52].

Об экспорте русской кожи, окрашенной в красный цвет, которую немцы так и называли reusch leder, через Болгарию в Италию пишет Олай Магнус [53]. В Литовском княжестве употреблялись и изделия из кожи: московские седла и уздечки были даже в великокняжеском скарбе [54]. Здесь же пользовались спросом и кони, и охотничьи собаки, и птицы [55].

---

[45] *Дорошенко В. В.* Ганза и Ливония, с. 146—147.

[46] Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, v. I. Kobenhavn, 1961, p. 117—118. О торговле льном и коноплей в 20-е годы см.: HR, Abt. III, Bd. 9, N 523, § 4, N 574, § 2, S. 654, 685, 21—24 февраля 1529 г., 27 февраля 1530 г.

[47] *Musso G.* Russia e genovesi del Levante nel Quattrocento. Note su documenti. — Raseigni di Archivio di Stato, 1965, an. 25, p. 238.

[48] HR, Abt. III, Bd. 4, N 79, § 229, S. 120, 15 июня 1498 г. Покупка воска, не прошедшего через ливонские браковальни, обсуждалась на ганзейском съезде 31 мая 1498 г. Вплоть до середины XVI в. сало и ворвань поступали в Таллин по преимуществу из Руси (*Mickwitz G.* Aus Revaler Handelsbüchern. Zur Technik des Ostseehandels in den ersten Hälfte des XVI. Jahrhunderts. Helsingfors, 1938, S. 72—73).

[49] LECUB, Abt. II, Bd. 3, N 156, 218—219, S. 107, 153—154, 7 февраля, 11 июля 1507 г.

[50] Ibid., N 430, S. 311—312, 20 марта [1508 г.].

[51] Браковальня существовала и во втором десятилетии XVI в., здесь очень старательно осматривали и маркировали каждую бочку, но тартуские бюргеры жаловались на то, что русские везут свою коноплю и сало в Нарву (HR, Abt. III, Bd. 7, N 157, § 19—20, S. 355, 24 января 1519 г.).

[52] HR, Abt. III, Bd. 6, N 310, § 17, S. 323, 15 марта 1512 г.

[53] *Olaus Magnus.* Op. cit., XXII, 6.

[54] ЦГАДА, ф. 389, кн. 223, л. 170.

[55] Виленский воевода и канцлер Николай Николаевич просил Григория Федоровича Давыдова прислать ему «иноходник нерезаный, а огаря и огарицу», пса борзого, собаку подсоколью, кречета (Сб. РИО, т. 35, № 88, с. 595; № 90, с. 605). Аристотель Фиоравanти собирался отправить

Продукты сельского хозяйства и переработки лесных материалов поступали в Европу исключительно северным морским путем[56], ближайшим к промышленно развитым центрам Европы, нуждавшимся в сырье для развития своего кораблестроения, химической и текстильной промышленности. Произошла некоторая дифференциация торговли: более легкий и дорогой товар, почти непосредственно поступавший в потребление, экспортировался сушей, сырье же для европейской промышленности вывозилось морем.

Немаловажными для динамики состава русского экспорта были и изменения европейского спроса. Развивающаяся промышленность Европы стала предъявлять повышенный спрос на сырье, в особенности на сырье для изготовления кораблей и их оснастки. Резкое повышение спроса на осветительные материалы в Европе, переживавшей период бурного роста культуры, стимулировало экспорт сала и ворвани, а спрос на «химическое сырье» в разных отраслях промышленности облегчал экспорт поташа[57].

Главной причиной изменения структуры экспорта было сокращение удельного веса промыслов в жизни русской деревни, с одной стороны, и, с другой — подъем сельского хозяйства, ставшего способным поставлять свои продукты не только на внутренний, но и на внешний рынок. Внешняя торговля способствовала расширению товарно-денежных отношений на Руси и в какой-то мере направляла развитие производительных сил.

Одновременно с этим внешняя торговля укрепляла позиции местного купечества, все чаще ездившего в прибалтийские города, завязывавшего связи с местным городским и сельским населением и отправлявшегося через Ливонию в другие районы Центральной и Северной Европы. На съезде 1476 г. в Любеке ганзейские послы торжественно объявили, что «неверные русские в этих самых землях Ливонии... торгуют с немцами и ненемцами и без разрешения проникают в небольшие городки... и пользуются не прямыми дорогами, но объездами». Они требовали, чтобы «была прекращена такая необычная торговля в необычных городах, которую ведут русские с ненемцами»[58]. В начале XVI в. русские привозили изделия городских ремесленников, в особенности металлистов и кожевников: железные сошники, косы, топоры, гвозди, жесть, хомуты, рукавицы, свечи,

---

миланскому герцогу двух кречетов (Беседа, год второй, 1872, кн. 1, отд. «Новые книги», с. 154).

[56] Так же обстояло дело и на протяжении XVI в. (*Jeannin P.* L'économie française du XVIe siècle et le marché russe. — AESC, 1954, janvier — mars, N 1, p. 31; *Florovskij A. V.* Op. cit., s. 200—201).

[57] В 1518 г. датский посол Андрей Ролоф потребовал от союзника Дании помощи против Швеции в виде поставки русской селитры (HNH, d. I, N 562, s. 697, 24 мая 1518 г.).

[58] HR, Abt. II, Bd. 7, N 364, S. 587, 28 июня 1476 г.

синюю крашенину, мыло[59]. Вопрос о русской торговле в Ливонии обсуждался на одном из ливонских ландтагов[60]. В русском экспорте конца XV—начала XVI в. отсутствовали те товары, которые позднее займут в нем ведущее место, — хлеб[61] и лес. За все изучаемое время лес упоминается один раз, да и то речь шла не об обычном лесе, а о карельской березе[62].

Несмотря на серьезные сдвиги в экономике, положение Руси даже в конце XV—начала XVI в. в мировой экономической системе было двойственным. Из Руси происходил еще один товар, поступавший в передовые страны Европы. Речь идет о рабах, торговля которыми процветала в XIII—XIV вв. во всей Западной Европе вплоть до Испании, Италии, Франции. Центром работорговли была Каффа, куда татары пригоняли русских, захваченных во время набегов на русские земли[63] или во время нападений на послов[64].

Великокняжеское правительство рассматривало угон населения как большое бедствие. Недаром в Судебнике 1497 г. появилась статья (№ 56), предусматривавшая освобождение холопа, которому удастся бежать из татарского плена[65]. Несмотря на соглашение с крымским ханом о возврате русских пленных, оно далеко не всегда выполнялось[66].

---

[59] *Kleinenberg I.* Tallinna vene kaubahoovi ajaloost XV—XVI sajandil. — Изв. АН ЭстССР, т. XI, Серия общ. наук, 1962, № 3, с. 251—252. Характерен набор товаров у псковича Ивана Павлова (ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 4, ящ. 19, № 110-а, 1 сентября 1539 г.).

[60] Akten und Rezesse der livländischen Ständetage, Bd. III. Riga, 1910, N 231, § 9—12, S. 576—577, 10 марта 1526 г.; N 253, S. 657, 12 марта 1528 г.; HR, Abt. III. Bd. 9. München und Leipzig, 1913, N 131, § 27, S. 191, 7—29 июля 1525 г.

[61] Напротив, ивангородский поп Иосиф в 1525 г. из Таллина вывез 2 ласта ржи (РИБ, т. 15, № 17, стб. 30).

[62] Русские не вывозили, а сами покупали «корельское дерево» в Таллине. Ивангородский купец Борис Нотенский покупал его по поручению новгородского дворецкого Ивана Константиновича Сабурова (там же, № 16, стб. 27—28, 1525 г.).

[63] *Лучицкий И. В.* Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886, с. 15, 19; *Он же.* Русские рабы и рабство в Руссильоне в XIV и XV вв. — Отд. оттиск из «Известий Университета св. Владимира». Киев, 1886, с. 8—9, 12—13; *Старокадомская М. К.* Очерки по социально-экономической истории генуэзской Каффы конца XIII—первой половины XV в. Автореф. канд. дис. М., 1950, с. 7—8; *Małowist M.* Op. cit., s. 51, 53, 56—57, 61—63, 68—69, 80, 82, 84, 106, 108, 157, 290, 340 (см. рецензию В. В. Стоклицкой-Терешкович — ВВ, т. IV. М., 1951, с. 203); *Verlinden Ch.* L'éslavage dans l'Europe médieval, t. I. Peninsule Ibérique-France. Brugge, 1955, p. 334, 340, 392—393, 777—781, 794—799.

[64] Так, «люди и гости», двигавшиеся в Крым вместе с А. И. Старковым весной 1475 г., были ограблены, «а иных и продали» (Сб. РИО, т. 41, № 4, с. 16, апрель 1479 г.).

[65] Судебники XV—XVI вв. М., 1952, с. 27.

[66] Так, некий Карач-мурза не желал расставаться с русскими полоняниками. Послы жаловались Менгли-Гирею: «попали... ему головы русские в полон... он ся тебя ослушал... полону не отдал» (Сб. РИО, т. 41, № 10, с. 39, март 1484 г.).

После захвата турками Каффы вывоз русских рабов в Европу сократился. В конце XV в. центр работорговли передвинулся во Львов, куда поступали в основном польские рабы. Впрочем, в Венеции русские рабы встречались и во второй половине XV в., причем они продавались по цене выше обычной [67].

В XVI в. направление вывоза рабов изменилось. Главными центрами работорговли стали Белгород, Аккерман, Очаков и Килия [68], откуда рабы переправлялись в Стамбул, где существовали специальные рынки — крытый Безестан и женский рынок Аврет-Базар. Здесь преобладали русские из Великого княжества Литовского и отчасти из Руси, продававшиеся очень дорого, несмотря на их большое количество [69].

Торговля русскими рабами поддерживала существование русских же торговцев этим живым товаром. Ивашка «разбойник», «который привел некоторых других рабов, захваченных в России» [70], занимался этим промыслом в 1471 г. Сагайдачник князя Ивана Юрьевича (Патрикеева?) Подобаец оказался проданным в Астрахани своими же соотечественниками-москвичами, потом астраханцы привезли его на продажу в Азов, где одновременно с ним продавался и скорняк-москвитин, попавший в руки астраханцев [71]. Какая-то «Русь» «покупила» двух бояр Рязанского города, захваченных азовскими казаками. Из Тростника их повели толи к «королю», толи «на Русь» [72]. В данном случае термином «Русь» могли обозначаться и жители Галицко-Волынской Руси, и выходцы из Русского государства. В какой-то мере экспорт русских в качестве рабов можно назвать и со стороны самих русских торговлей.

Наследие времени монголо-татарского ига — экспорт рабов — изживалось и принимало иные формы по мере укрепления Русского государства. Русские послы и купцы в Крыму выкупали своих соотечественников, попавших в руки ордынцам и продававшихся ими крымцам или туркам «за море» [73]. Так, за сколь-

---

[67] *Charewiczowa L.* Handel sredniewiecznego Lwowa. — In: Studia nad historią kultury w Polsce, t. II. Lwów, 1925; *Lütge F.* Strukturwandlungen im ostdeutschen und osteuropäischen Fernhandel des 14. bis 16. Jahrhundert. — In: Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, 1964, Hf. 1, S. 20; *Heers J.* Gênes au XVe siècle. Activité économique et problèmes sociaux. Paris, 1961, p. 654—656.

[68] *Jablonowski A.* Sprawy wołoskie za Jagiellonów. Akta i listy. — Źródła dziejowe, t. IX. Warszawa, 1878, s. 123.

[69] *Dziubinski A.* Handel niewolnikami polskimi i ruskimi w Turcji w XVI wieku i jego organizacja. — Zeszyty historiczne Uniwersitetu Warszawskiego, 1963, t. III, s. 36—49.

[70] *Musso G.* Op. cit., N 3, p. 238, 5 июня 1471 г.

[71] Сб. РИО, т. 41. СПб., 1884, № 68, с. 333, октябрь 1500 г. Выходцы из Охрида или Аккры Михач и Василий Охряне продали в Алеппо («Халяпи») торгового человека москвитина Проню Курагу Степанова за 70 золотых (там же, № 81, с. 411, апрель 1501 г.).

[72] Там же, т. 95. СПб., 1895, № 13, с. 231, 1 октября 1515 г.

[73] Там же, т. 41, № 49, с. 225, октябрь 1496 г.

ника, купленного крымцами в Орде, боярин Константин Малечкин в 1494 г. заплатил 500 алтын[74]. Великокняжеский дьяк Юшко за 4,5 руб. выкупил «детину» Мартынца, взятого толмачом Кудашем у Михаила Плещеева. После смерти Кудаша Мартынец оказался в руках у Алакозя, взявшего его сначала в Киев, а потом в Каффу, где он «того детину учал продавати за море»[75]. Дьяк Русин, сопровождавший посольство Ивана Берсеня Беклемишева в конце 1502 г., был захвачен в Азове и продан в Каффу. Здесь его удалось выкупить за 4000 денег, занятых у Менгли-Гирея[76]. Едва откупился из плена гость Григорий Иванович Алексеев, которого в Каффе «имал в холопи» крымец Усеин Исаков. Он вынужден был заплатить турецкому паше, кадыю (судье), приставам и придверникам паши и, наконец, своему хозяину[77].

Однако не всегда эти покупки завершались удачно. В 1499 г. подьячий Илья в Азове в присутствии посла Алексея Голохвастова купил «детину полоняника» у Ивана мандаря за 10 руб. Но Илье не удалось получить ни самого полоняника, ни грамоту на него[78]. Довлетек-мурза, пообещав русскому послу выдать городецкого казака, бежавшего к нему из турецкого плена, не сдержал своего слова[79]. Несмотря на решение суда каффинского паши, Андрею Кутузову не удалось вернуть торгового человека Проню Курагу Степанова, проданного в Алеппо[80]. Еще более трагично сложилась судьба русских, захваченных ордынцами на Дону. В Азове их продали туркам. Они бежали к днепровскому устью и направились к черкасцам. На этот раз их захватили крымцы. Менгли-Гирей взял половину пленных себе, вторую велел продать туркам «за море». Из этой партии в Балаклаве один русский бежал, но попал в руки «царева паробка», который снова продал его туркам[81].

На юге создавалась возможность торговли «живым товаром», в которой лишь в небольшой степени участвовали и русские. Татарские набеги, вплоть до XVII в. опустошавшие южную окраину страны[82], приводили к появлению на международных рынках и русских рабов. С усилением Русского государства послам и торговцам все чаще удавалось выкупать соотечественников и возвращать их на родину.

---

[74] Захваченный «в поле» тверитин Гаврило Палкин был продан в Азове (Сб. РИО, т. 41, № 81, с. 411, апрель 1501 г.). Более часты случаи продажи «за море» (там же, № 49, с. 225).

[75] Там же, № 63, с. 299—300, март 1500 г.

[76] Там же, № 100, с. 541, ноябрь 1504 г.

[77] Там же, № 50, с. 235, январь 1496 г.; № 54, с. 248, февраль 1498 г.

[78] Там же, № 63, с. 299, март 1500 г.

[79] Там же, № 49, с. 229, октябрь 1496 г.

[80] Там же, № 81, с. 411, апрель 1501 г.

[81] Там же, № 49, с. 230, октябрь 1496 г.

[82] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948.

Исследование состава русского экспорта показывает, что последствия монголо-татарского ига не были изжиты в течение всего изучаемого времени. Несмотря на большие успехи экономики, Русь выступала на рынках Европы поставщиком предметов промыслов и отчасти сельского хозяйства.

* * *

Импорт оставался вполне традиционным и состоял из тканей, соли, цветных и благородных металлов.

На Русь ввозились прежние сорта сукон фландрского, английского и немецкого происхождения. Только место самых лучших фландрских сукон в это время заняли шелковые ткани — атлас, камка и бархат, производство которых достигло высокого искусства в Италии и на Востоке.

Шелковые ткани поступали на Русь как с помощью турецких купцов, так и с помощью самих русских. Наибольшим распространением на Руси пользовалась камка — шелковая одноцветная ткань, в которой применялись нити разной толщины. Благодаря этому узор выступал над фоном в зависимости от освещения[83]. Знатные русские, по свидетельству Олая Магнуса, предпочитали камку лазоревого цвета[84], хотя употреблялась и белая, и «дикая». Камка была широко распространена в быту средних феодалов. За Еленой Ивановной Киндыревой ее отец давал среди другого платья «летник комчат»[85]. В приданое Анастасии Плещеевой входили два летника из камки, один из полосатого атласа[86]. У Афанасия Ивановича Шадрина был «кафтан камчат камка червъчата»[87]. Рузский князь Иван Борисович среди своего имущества имел «опашен камчат дик венедицкой»[88]. По-видимому, «венедицкая» камка широко употреблялась в княжеском обиходе. В 1503 г. вдова волоцкого князя Бориса Васильевича в своей духовной записывала, что ее дочь не получила полагавшейся ей в качестве приданого от князя Петра Ростовского «шубы на соболех камка бела венедицкая русской»[89].

Изделия из атласа упомянуты в духовной грамоте волоцкого князя Федора Борисовича 1506 г. и углицкого князя Дмитрия

---

[83] *Клейн В. К.* Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в. — В кн.: Сборник Оружейной палаты. М., 1925, рис. 40. Многочисленные данные о ввозе восточного шелка на Русь содержат жалобы русских купцов конца 80-х годов XV в. (Сб. РИО, т. 35, № 2, 7, с. 10—11, 23—33). Появление на Руси турецких купцов вызвало интерес и в ганзейских городах (HR, Abt. III, Bd. 9, N 131, § 49, S. 251, 7—29 июля 1525 г.).

[84] *Olaus Magnus.* Op. cit., XIV, 19.

[85] АРГ. М., 1975, № 53, с. 55, 1509/10 г.

[86] Там же, № 111, с. 113, 1513/14 г.

[87] Там же, № 251, с. 254, 26 сентября 1525 г.

[88] ДДГ. М.—Л., 1950, № 88, с. 351, до 28 ноября 1503 г.

[89] Там же, № 87, с. 350, 1503 г.

Ивановича, брата великого князя Василия III, 1521 г. Это «шуба руская отлас червъчат венедитцкои з золотом на соболех», «ментеня отлас вишнев венедицкои на черевех на бельих, а круживо у нее сажоно жемчугом гурмыским»[90]. Атлас, судя по этим источникам, был красного цвета (червчатый и вишневый).

Разнообразные итальянские ткани были в приданом Елены Ивановны, отправлявшемся вместе с ней в Литву в 1494 г. (список обнаружен А. А. Зиминым): «Бархат венедицкой на червьце с золотом... бархат венедицкой на черпе с золотом... бархат венедицкой на зелене с золотом... два бархата венедицки, лазорев да черн»[91].

Как показывают духовные грамоты первой половины XVI в., «венедицкие» атлас, камка и бархат употреблялись русской феодальной знатью для изготовления парадных одежд — по преимуществу шуб и кафтанов[92].

Изображения итальянских тканей XV—XVI вв. проникли и во фрески и иконы того времени. На одной из фресок Ферапонтова монастыря, изображающей притчу о «неключимом рабе»[93], знаменитый русских художник Дионисий в обобщенной форме передал узор итальянской ткани XV в.[94]

Еще одно изображение итальянской ткани намекает даже на пути, по которому эта ткань прибыла. Узор на иконе «Борис и Глеб» XVI в. напоминает узор итальянской ткани второй половины XV в., хранившейся в Гданьске[95]. Подобные ткани были широко распространены на Руси в конце XV в.[96] Излюбленным фоном для изготовления шитых пелен в конце XV—начале

---

[90] ДДГ, № 98, с. 407, 1506 г.; № 99, с. 411, 1521 г.

[91] ЦГАДА, Древлехранилище, отд. IV, р. II, № 1, л. 2.

[92] Афанасию Ивановичу Шадрину принадлежал «кафтан бархатен» (АРГ, № 251, с. 254, 26 сентября 1525 г.), князь М. В. Горбатый оставлял в качестве наследства «брюкишные» (из Брюгге) сукна и готовые одежды (два бархатных опашня, атласный кафтан) (Владимирский сборник. М., 1857, с. 128—130, до 14 июля 1535 г.).

[93] *Георгиевский В. Т.* Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, табл. XXIV, рис. 2; см. подробнее: *Khorosckievich A.* Domando e consumo di prodotti importati nella Russia del XIV-prima metà XVI secolo. — In: Domanda e consumi. Livelli e strutture (Nel secoli XIII—XVIII). Firenze, 1978, p. 34—36.

[94] *Свирин А. Н.* К вопросу об изображении некоторых бытовых предметов в произведениях древнерусского искусства. — В кн.: Государственная Третьяковская галерея. Материалы и исследования, т. II. М., 1958, с. 7, 8; *Он же.* Опись тканей XIV—XVII вв. б. Троице-Сергиевской Лавры. Сергиев Посад, 1926; *Муратов П. П.* Образы Италии, т. I. М., 1917, табл. к с. 106.

[95] *Свирин А. Н.* К вопросу об изображении некоторых бытовых предметов, с. 8; *Falke O. von.* Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1921, tabl. 425.

[96] О ввозе шелка данных крайне мало. На пути из Каффы в Киево купу шелка стоимостью 315 руб. потерял купец Гридко Возило (*Муханов*, № 61, с. 89—90, до мая 1495 г.).

XVI в. служили «венецейки» красного или лазоревого цвета, а также восточная тафта [97].

В быту крупных феодалов Северо-Восточной Руси итальянские дорогие ткани соседствовали с фландрскими и английскими. В 1475—январе 1476 г. новгородская знать передала Ивану III в качестве дара 45 поставов ипрских сукон [98]. Дорогими фландрскими (ипрскими) и английскими (так называемыми лунскими) сукнами пользовались крупные и средние феодалы Северо-Восточной Руси, получавшие их и из Литвы, и из прибалтийских городов, и из Гданьска [99].

Упоминания об изделиях из дорогих фландрских и английских сукон в это время редки. У Е. И. Киндыревой была «шуба ипьская зелена» и «опошень ипьскои рудожелт с пугьвицами». У нее же в приданом значилась и «шуба луньская черьчета». «Шубка луньская» была и у вдовы князя Ф. И. Стригина-Оболенского. В приданом Анастасии Плещеевой находились пять шуб, крытых зеленым и красным лунским сукном, и один летник [100].

Ипрские и лунские сукна в качестве поминков отправлялись великими князьями в Крым и в Ногаи. Так, в 1500 г. крымский хан Менгли-Гирей получил от Ивана III ипрское сукно, в 1508 г. Хош-Маахмет от Василия III — одно ипрское и два лунских, в 1504 г. ногайский мурза Ямгурчей — два ипрских (красное и желтое), багровое лунское сукно и постав сравнительно дешевого новогонского сукна [101].

В конце XV—начале XVI в. особое распространение получили дешевые и средние сорта сукон [102]. При посредничестве Ганзы на Русь доставлялись поперингские сукна [103]. В XVI в. впервые появляются чешские и моравские сукна, изготовлявшиеся в районе Оломоуца, Опавы, Старого мыта, Пардубиц [104], поступавшие на Русь транзитом через Польшу, Великое княже-

---

[97] *Маясова Н. А.* Древнерусское шитье. М., 1971, с. 7.

[98] *Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, с. 152.

[99] Иван Боровитинов в 1510 г. вез постав черного лунского сукна (ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 7, л. 180). О торговле Гданьска см.: ASPK, t. V, cz. 1, N 117, § 86, s. 255.

[100] АРГ, № 53, с. 56, 1509/10 г.; № 108, с. 111, 1 августа 1513 г.; № 111, с. 113, 1513/14 г.

[101] Сб. РИО, т. 41, № 64, 99, с. 307, 537—538; т. 95, № 2, 16, 21, с. 13, 17, 287, 357.

[102] Однорядки и свиты русских купцов, как правило, изготовлялись из новогонского сукна, иногда даже ипрского (там же, т. 35, № 11, с. 44 и далее). Подробнее о торговле этими сукнами см.: *Флоря Б. Н.* Из истории русско-фландрских торговых связей в XVI в. — СВ, вып. 26. М., 1964, с. 97—102. О ввозе их в Прибалтику, в частности в Таллин, см.: *Mickwitz G.* Op. cit., S. 59—62. О конфликте с русским из-за такого сукна см.: HR, Abt. III, Bd. 9, N 305, § 3, S. 443—444; Bd. 8, N 893, § 7, S. 909, 10—17 июня 1526 г., 17—23 июля 1524 г.

[103] HR, Abt. III, Bd. 7, N 39, § 187, S. 45, 14 апреля—5 июля 1517 г.

[104] *Wawrzyńczyk A.* Op. cit., s. 57—58.

ство Литовское, иногда при посредстве купцов из вновь присоединенных районов. Так, в 1516 г. один смоленский мещанин послал из Вильнюса в Смоленск «постав сукна чешского серого» [105].

Среди сукон среднего качества большое место стали занимать дешевые английские [106], вендские и какие-то другие [107]. В начале 30-х годов XVI в. вильневец Логин Берестяников дал Григорию Старкову в Новгороде постав колтырского сукна [108]. «Ходильное платейце», т. е. расхожие одежды, шились из дешевого новогонского сукна. Василий Федорович Сурмин в приданое за дочерью Юрия Григорьевича Мануйлова взял зеленую новогонскую шубку и такой же опашень [109]. Изделиями из средних и дешевых иностранных тканей широко пользовались представители великокняжеской бюрократии. У ясельничего Василия III Василия Ларионова были брюкишная однорядка и несколько отрезов новогонского, нетрикунского и рословского сукна [110].

Изредка в качестве владельцев изделий из дешевых импортных сукон, однорядок и опашней новогонских актовые источники называют крестьян. Это были митрополичьи крестьяне, жившие у оз. Сенеж в 1528 г., и крестьяне Спасского Ярославского монастыря из с. Еремейцева в 1543 г.[111] Б. Н. Флоря пишет о спросе на этот сорт сукна со стороны крестьян [112]. Не исключено, что опашни были получены крестьянами от их господ или приобретены уже подержанными у какого-либо соседнего монастыря, в казне которого хранилась одежда как вклады «по душе».

Появление на русском рынке итальянских тканей свидетельствует об укреплении торговых отношений Руси и Италии (хотя преимущественно не непосредственных), а дешевых чешских

---

[105] РИБ, т. 20. СПб., 1903, № 269, с. 356.

[106] В качестве пополонка при продаже Т. Д. Тормосовым Удачиным д. Енинской в Московском у. он взял «однорятку колтырскую» (АРГ, № 42, с. 49, 7 апреля 1508 г.). В имуществе Г. Д. Русинова была однорядка «колтырская лазорева лунская», а также «чюлки лунскии лазоревы» (там же, № 196, с. 199, июнь 1521 г.—15 января 1522 г.). В 1521 г. большие нарекания русских вызывали английские сукна, которые были слишком короткими. Особенно много изъянов было в сукнах низшего качества (HR, Abt. III, Bd. 7, N 372, S. 672, 14 марта 1521 г.). Какие-то laken inuchtig ввозились в Новгород в 1519 г. (ibid., N 157, § 41, S. 357).

[107] О размере ввоза сукон можно судить по тому, что осенью 1494 г. в Новгороде на Немецком дворе находилось 40 поставов сукон (LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 702, S. 526, 29 июля 1498 г.).

[108] Сб. РИО, т. 59, № 9, с. 169, январь—апрель 1542 г.

[109] ГБЛ, АТСЛ, кн. 530, л. 30 об.—38.

[110] *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. I. Духовные и сговорные грамоты. СПб., 1895, № 2, с. 6.

[111] Там же, вып. II. Правые грамоты. СПб., 1895, № 6, 10, с. 140, 196—197.

[112] *Флоря Б. Н.* Указ. соч., с. 98; *Хорошкевич А. Л.* Торговля, с. 234, 252—256, 261.

сукон — о развитии сухопутных связей со странами Центральной Европы.

Наряду с сукнами соль — один из важнейших импортных[113] товаров предшествующего времени — и в конце XV—начале XVI в. не потеряла своего значения[114]. Торговля солью на протяжении изучаемого времени проделала довольно сложную эволюцию под воздействием великокняжеской политики. В феврале — начале июня 1498 г. ввоз соли на Русь был запрещен[115], запрет был снят в 1514 г. вместе с заключением договора с ганзейскими городами. Таким образом, о ввозе соли в сколько-нибудь значительных размерах можно говорить только до 1498 г. и после 1514 г. В 1500 г. в Ивангород прибыли три шведских судна с солью (по-видимому, из Бруажа)[116].

Спрос на соль не падал и в годы запрета 1498—1514 гг. Об этом свидетельствует упорство, с которым русское же, в первую очередь псковское, купечество добивалось снятия «заповеди». В 1509 г. псковичи отправляли к великому князю послов с «большими деньгами и дарами ради разрешения (uthstedinge) соли». Эта новость взбудоражила всю Ливонию, она обсуждалась на ливонском съезде и сообщалась ганзейским городам[117].

В остальное время соль постоянно упоминается в числе импортных товаров[118]. Пять ластов соли унаследовал священник церкви св. Климента Михаил. Эту соль должен был поставить ему таллинец Антон Антонов в Новгороде по духовным сына и зятя. У складников ивангородца Федора Ивановича Шишенина было 4 ласта и 2 меха соли, купленных им в Таллине[119] Герд Симон менял соль на соболей в Новгороде и Таллине[120].

Иногда партии соли достигали колоссальных размеров. Немцы Новгорода сообщали в Тарту 24 февраля 1519 г., что «здесь перед ними были двое русских и показали (getogeth) его рукописание (hantschrift), что он (дворовый слуга Иоахим Вармбеке. — *А. Х.*) торговал с русским и русский ему должен был

---

[113] Правда, в 1485 г. сложилась такая конъюнктура цен (соль в Ливонии стоила $1^1/_2$ марки ласт), что русским было выгодно снова привозить ее для продажи в Таллине (Ревеле) (*Weinreich C.* Danziger Chronik. Berlin, 1855, S. 40).

[114] Только у двух смоленских мещан — Мальца и Матфейца — в Вязьме в момент ее перехода в руки русских в 1492/93 г. находилось 800 мехов соли (ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 6, л. 65 об.; АЗР, т. I, № 116, III, с. 137—138, август 1494 г.).

[115] Сб. РИО, т. 35, № 54, с. 261, 1498 г.

[116] *Клейненберг И. Э.* Серебро вместо соли. — ИСССР, 1977, № 2, с. 115—123; HUB, Bd. XI. München—Leipzig, 1916, N 1210, S. 740, 12 июня 1500 г.

[117] LECUB, Abt. II, Bd. 3, N 657, S. 477, 25 июня 1509 г.; HR, Abt. III, Bd. 5, N 466, § 32, S. 599, 22 июля 1509 г.

[118] Сведения о торговле солью конца XV в. см.: *Хорошкевич А. Л.* Торговля, с. 230—262.

[119] РИБ, т. 15, № 16, 28, стб. 25—27, 49—50, до 1522 г., 1514—1519 гг.

[120] HR, Abt. III, Bd. 7, N 157, § 59, N 413, § 310, 315, S. 359, 741—743, 24 января 1519 г., 29 мая—11 июня 1521 г.

поставить 20 тыс. воска; за это немец должен ему поставить 80 ластов соли, а прибыль от соли они должны получить оба, как сообщает их обоих рукописание». Сам же Вармбеке на съезде в Валмиере 3 апреля 1519 г. уверял, что сделка не состоялась, и несколько иначе излагал ее условия: «русские должны ему дать (setten) 5 тыс. воска за залог (von ein panth) в 80 ластов соли. Однако ввоз соли на Русь был запрещен, поэтому они дали друг другу рукописания; но русские с воском не пришли, и он ни одного мешка соли не поставил, так что ничего не было ни отдано, ни получено» [121].

Маломощное же ивангородское купечество ограничивалось мелкими партиями. В 1515 г. у ивангородского купца Ивана Шуйги Игнатьева под Таллином из бусы взяли 4 ласта без меха соли. В 1525 г. у ивангородского попа Иосифа в бусе из Таллина находилось 3 ласта соли [122].

По стоимости во внешнем товарообороте, вероятно, по-прежнему преобладали сукна, довольно дорогие в эпоху средневековья и на рубеже нового времени, однако не они теперь определяли главное направление в импорте на Русь. Определяющим был ввоз металлов как благородных, так и цветных — предмет особых забот великокняжеской власти, орудие давления на Русь в руках ее противников. Бурный рост Русского государства, вовлеченного в постоянные войны почти на всех границах, требовал быстрого прогресса в вооружении войска, снабжения его пушками. Рост каменного строительства также потребовал использования металлов в строительстве. Наконец, рост новой столицы, украшавшейся колоссальным количеством церквей (а в этом от нее не отставали и другие города), предъявлял высокий спрос на кровельные материалы [123]. Все это делало металлы главным для развития русской экономики импортным товаром.

Ввоз их натолкнулся на активное противодействие противников Руси. С 1495 г. был запрещен вывоз меди, свинца, чугуна и проволоки из всех ливонских городов, в 1498 г. к запрещенным товарам добавились пушки, кольчуги, латы, селитра, но был разрешен вывоз цинка и цинковых кружек, битая медь, медные котлы и кубки и тонкая медная проволока [124]. Несмотря на это, ливонский магистр в 1506 г. распорядился конфисковать медные котлы у некоего Эверта Ротерта, который отказался дать клятву,

---

[121] HR, Abt. III, Bd. 7, N 184, 187, § 31, S. 371, 377, 24 февраля 1518 г., 3 апреля 1519 г.

[122] РИБ, т. 15, № 20, 17, стб. 35—38, 30, 1525 г.; HNH, d. I, N 71, s. 75, до 30 июля 1515 г.

[123] Так, алтарь в Успенском соборе в 1493 г. был сооружен «под немецким железом» (ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, с. 212).

[124] LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 243, 741—742, S. 183, 553—555, 14 августа 1495 г., 5 декабря 1498 г. Аналогичное постановление было принято ландтагом в Валге в 1499 г. (ibid., N 872, S. 665. 26 октября 1499 г.; Akten und Recesse der livländischen Ständetage, Bd. III. Riga, 1910, N 12, § 63, 65, 9—12 сентября 1499 г.).

что не везет их русским[125]. А в 1507 г. Великое княжество Литовское и ганзейские города приняли общее постановление о запрещении ввоза на Русь цветных и благородных металлов. В 1509 г. к ним присоединился и Ливонский орден, запретивший ввоз котлов, олова и проволоки[126].

Запрет ввоза этих товаров был снят в 1514 г. одновременно с подписанием русско-ганзейского договора и возобновлением ввоза соли на Русь[127]. После 1514 г. ивангородцы могли закупать в Таллине цветные металлы. Федор Иванович Шишенин и его складник Василий Белоус, Борис Нотенский со складником Левкой Малским, Остафий Федорович Булатов и другие ивангородцы по пути из Таллина в Ивангород потеряли в результате нападения на них ливонцев 8 ластов свинца. Помимо этого, у Бориса Нотенского и его складника Левки Малского отняли 3 берковца свинца. Пять берковцев меди вез из заморья через Таллин новгородский купец Иван Васильев; для него же 11 берковцев свинца прислал из Любека в Таллин Ивану Долгому немчин Ерть[128].

В 1519 г. нарвский бюргермейстер Фредерик Корф жаловался городскому совету Тарту, что русские набивают свинец в бочки, как будто это фиги, и после взвешивания их отправляют на Русь. Таким же образом-де перевозятся и шведские котлы. Некий Ганс Витте рассказывал, что на его глазах 1,5 ласта свинца было взвешено в Новгороде[129].

Союзник Русского государства — Дания — снабжала ее «стратегическими товарами». Уже в октябре—ноябре 1494 г. датский посол Якоб Хуннингхузен привез на Русь пушки большого и малого калибра и другое вооружение. И позднее Дания регулярно снабжала Русь «стратегическими» товарами. Осенью 1507 г., т. е. тогда же, когда в Таллине находилось свыше 30 датских кораблей, двигавшихся в Швецию[130], датский король отправил на Русь корабль с большим количеством (30 ластов)

---

[125] LECUB, Abt. II, Bd. 3, N 101, S. 66, 21 октября 1506 г. В Нарве на затонувших кораблях было 5 бочек шведского железа (LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 95, S. 71, 20 декабря 1494 г.).

[126] HR, Abt. III, Bd. 5, N 402, 7 февраля 1509 г.; см. также: LECUB, Abt. II, Bd. 3, N 657, S. 477, 25 июня 1509 г. 19 июня 1508 г. ливонские города писали Любеку о том, что «все торгующие в Ливонии купцы жалуются на то, что господа и прелаты страны Ливонии строжайшим образом запрещают третью часть торговли Ливонии, то есть продажу русским медной проволоки, битой меди, медных котлов и цинка». Ливонские же города просили вмешательства Любека, чтобы орденские власти разрешили возобновить эту торговлю (HR, Abt. III, Bd. 5, N 389, S. 482, 19 июня 1508 г.).

[127] В Тарту новгородцы закупали металлы еще в 1512—1513 гг. (HR, Abt. III, Bd. 6, N 522, § 80, S. 485, 7 августа 1513 г.).

[128] РИБ, т. 15, № 28, 12, 27, стб. 49—50, 21—24, 47—48, 1514—1519 гг., 25 марта 1530 г.

[129] HR, Abt. III, Bd. 7, N 157, § 38, S. 357, 24 января 1519 г.

[130] *Grönblad*, N 176, s. 321—325, 21 июля 1507 г.

вооружения — меди, свинца, олова, пороха, формы, по которым можно лить пушки, и четырех отличных мастеров из Шотландии, имеющих опыт литья пушек различных калибров[131]. Русь в 1507 г. нуждалась в вооружении и цветных металлах больше, чем когда-либо, так как находилась в состоянии войны с Великим княжеством Литовским, а ввоз этих товаров через Ливонию и Польшу был закрыт. Накануне второй в XVI в. войны с Великим княжеством Литовским в 1511 г. датское вооружение и металлы были привезены на трех кораблях[132]. Вероятно, такие же грузы привезли на Русь Давид фон Кохран и русские послы, прибывшие на двух кораблях в сентябре 1515 г. в Таллин и направлявшиеся далее в Нарву[133].

Ввоз цветных металлов заметно увеличился в первой четверти XVI в.[134] Тотчас после установления мирных отношений с Великим княжеством Литовским и польские купцы повезли цветные металлы на Русь. Так, Михаил Шпис, краковский бюргер, королевский купец, державший мыто в Великом княжестве Литовском, торговавший вместе с Маквардом Фогельведером, судя по данным 1523 и 1532 гг., ввозил в Москву медь, вероятно, из венгерского Нового Сонча[135].

В торговле металлами в начале 30-х годов XVI в. участвовали и голландцы. Иоахим Бурмейстер из Амстердама и другие голландцы привезли на корабле пушки, олово и медь и продавали их русским. Правда, их корабль приставал то к русской, то к ливонской сторонам р. Наровы[136].

Наряду с сырьем ввозились и готовые изделия, в первую очередь ножи — венгерские[137], чешские и силезские[138]. Среди оружия важное место занимали панцири. Само слово «пансыр» появилось в русском языке в конце XV в.[139] Как правило, проис-

[131] HR, Abt. III, Bd. 5, N 363, S. 470, 10 апреля 1508 г.; *Казакова Н. А.* Раннее известие о связях России и Шотландии. — ВИ, 1970, № 7, с. 197—198.

[132] *Grönblad*, N 283, s. 527, 26 июля 1511 г.

[133] FMU, Bd. VII. Helsingfors, 1935, N 5835, s. 391.

[134] *Ebel W.* Das Revaler Ratsurteilbuch (Register van affsproken 1515—1554). Göttingen, 1952, S. 73 u. a.

[135] *Kutrzeba S., Ptašnik J.* Dzieje handlu i kupiectwa krakowskiego. — Rocznik krakowski, 1910, t. 14, s. 90; *Wawrzyńczyk A.* Op. cit., s. 76—77. Вероятно, именно о нем рассказывал Герберштейн. По его словам, краковский горожанин привез 200 центнеров меди, которую хотел купить государь. Его держали очень долго, не давая ответа, он собрался было уезжать, его задержали под предлогом неуплаты пошлин, вернули и, наконец, приобрели привезенную им медь (*Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 91). См. также данные о более поздней торговле: там же, с. 60; *Halaga O.* Košice—Balt. Košice, 1975, s. 189—193.

[136] См. письмо В. Плеттенберга шведскому королю Густаву от 4 ноября 1531 г. (*Granlund*, d. VII. Stockholm, 1877, s. 556).

[137] *Wawrzyńczyk A.* Op. cit., s. 60, 65, 66.

[138] *Florovskij A. V.* Op. cit., s. 150.

[139] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1895, стб. 875; см. также: АРГ, № 196, с. 199, июнь 1521 г.—15 января 1522 г.; ПСРЛ, т. 28. М., 1963, с. 133, 303.

хождение панцирей не указывалось [140]. У ивангородцев Бориса Нотенского и Левки Малского отняли 3 панциря [141] неизвестного происхождения. В это же время ввозились панцири итальянские и немецкие или польские. Дмитрий Григорьевич Плещеев в своей духовной 1558/59 г. писал: «А взяти ми на Олексее Даниловиче Басманова пансыр меделянской» [142], т. е. миланский. Ввозились панцири и из Польши или Германии. Менгли-Гирей заказывал в 1504 г.: «И ты бы ко мне прислал один пансырь легок, крепок, чтобы его стрела не яла, немецкой краковской» [143].

Одной из важнейших для Руси статей ввоза было серебро. Иностранцы очень отчетливо понимали значение этой торговли. Олай Магнус писал: «Поскольку (русские. — *А. Х.*) не имеют в своих землях ни золота, ни серебра, то они изобрели завозить слитки золота и серебра в обмен на свой пушной товар, на их драгоценные меха» [144].

Благородные металлы, сырье для изготовления ювелирных изделий и денег ввозились на Русь в виде сырья и в виде изделий. В периоды мирных сношений Руси с ее ближайшими соседями на первый план выходил ввоз серебра в слитках, наряду с которым существовал и импорт готовых изделий. Серебро в слитках (lothiges silber) из Любека, судя по таможенным книгам 1492—1496 гг., вывозилось исключительно в Таллин [145]. По-видимому, с 1494 г. после закрытия Немецкого двора в Новгороде ввоз серебра в слитках почти (а с 1507 г. полностью) прекратился вплоть до 1514 г.[146]

Во втором и третьем десятилетиях XVI в. серебро вновь стало одним из главных импортных товаров, который постоянно требовали из Любека ливонцы, рассматривая его как самый ходовой товар [147].

За поступлением и качеством серебра внимательно следили центральные русские власти. Когда из Нарвы в 1513 г. поступило недоброкачественное серебро, Василий III запретил там торговлю [148]. И позднее из Нарвы привозилось недоброкачественное серебро. Так, Керстен (Герд) фан Хоувер (Говер) до 1526 г. привез в Ивангород из Нарвы фальшивое серебро с ре-

---

[140] *Лихачев Н. П.* Указ. соч., № XI, с. 30; № XIII, с. 41.

[141] РИБ, т. 15, № 28, стб. 49—50. О ввозе оружия см. также: Вкладные и записные книги Иосифо-Волоколамского монастыря. Ярославль, 1906, с. 110.

[142] *Лихачев Н. П.* Указ. соч., № XI, с. 31.

[143] Сб. РИО, т. 41, № 97, с. 517, август 1504 г.

[144] *Olaus Magnus.* Op. cit., XVIII, 19.

[145] *Bruns F.* Op. cit. — HGbll, 1907, S. 403.

[146] Последним ввез его можайский купец Якуш Андреевич, у которого в Смоленске было отобрано 20 гривен серебра (АЗР, т. I, № 134, с. 155). Подробнее см. с. 68—69.

[147] *Mickwitz G.* Op cit., S. 64.

[148] HR, Abt. III, Bd. 6, N 521, S. 481—482, 3 апреля 1513 г. Весовая марка серебра содержала 15 лотов 1 квентин вместо 15,5 лотов (ibid., N 522, § 10, 11, S. 487, 7 августа 1513 г.).

вельской печатью[149]. Такое же сомнительное серебро поступало и по суше. Через Тарту в 1514 г. привезли серебро, не имевшее клейма, а в 1518 г. низкопробное серебро во Псков. В 1524 г. недоброкачественное серебро русские отправили обратно в Тарту[150].

В области торговли благородными металлами постоянно оставались трудности как для ганзейцев, так и для русских. В 1518 г. на ганзейском съезде обсуждалась проблема ввоза серебра на Русь. Купцам, торгующим с Русью, приходилось третью часть серебра превращать из слитков в монеты, при этом они терпели большой убыток, но избежать этого не могли, так как нуждались в русских разменных деньгах[151]. Принятое на этом съезде постановление о клеймении серебра печатью того города, откуда серебро вывозилось, не спасло ганзейцев от необходимости переплавки этого металла. В 1521 г. ганзейские купцы, находившиеся в Новгороде, жаловались Таллину, что купцы, отправляющие в Новгород свои товары, терпят большой убыток на серебре, поскольку при переплавке в нем очень велик угар, и им приходится платить большую наддачу[152]. В середине 20-х годов ливонские города принимали постановления о необходимости клеймения серебра печатью Любека или города вывоза[152a]. Русские брали иноземную монету, пересчитывая ее на весовые гривны. Так, у ивангородца Ивана Шуйги Игнатьева при возвращении из Таллина было «50 гривен шкиликов, да 4 рубли денег новгородская... да две гривны шкиликов без верника, да две гривны новгородская». В 1525 г. ивангородский поп Иосиф вез из Таллина «полтораста гривен пенязей неметцких и русских»[153].

Наряду с серебром в виде слитков ввозились и монеты[154]. Так, золото поступало преимущественно в виде монет. В конце XV в. на Руси обращались венецианские дукаты, более распространенные и ценившиеся выше, чем флорентийские золотые монеты — гульдены — и английские корабельники.

Кроме английских и итальянских золотых, на Русь поступали и угорские[155]. О том, в каких размерах происходил ввоз в Нов-

[149] HR, Abt. III, Bd. 9, N 283, § 8, N 284, § 5g, S. 416, 419, 10—27 марта, 27—31 мая 1526 г.

[150] Ibid., Bd. 6, N 593, S. 553—554; Bd. 7, N 157, § 32, S. 356; Bd. 8, N 893, § 10, S. 909, 2 июля 1514 г., 24 января 1519 г., 17—25 июля 1524 г.

[151] Ibid., Bd 7, N 113, § 47, S. 211, 9 июля 1518 г.

[152] Ibid., N 157, § 40, N 373, S. 357, 672, 24 января 1519 г., 14 марта 1521 г.

[152a] Ibid., Bd. 9, N 113, § 5, N 283, § 7, N 284, § 5k, S. 168, 416, 419, 2—10 июля 1525 г., 10—27 марта, 27—31 мая 1526 г.

[153] РИБ, т. 15, № 20, стб. 37—38; № 17, стб. 30, 1525 г. У того же ивангородца в 1515 г. при выезде из Таллина было 20 марок шиллингами (HNH, d. I, N 71, s. 75, до 30 июля 1515 г.).

[154] Серебряные монеты поступали и из Османской империи, и из Крыма (Сб. РИО, т. 35, № 7, с. 26; *Дунаев*, с. 83). В 1527 г. Тахун привез в Москву 2000 «отманских денег голым серебром» (ЦГАДА, ф. 123, кн. 6, л. 129 об.).

[155] 30 угорских золотых Демьян Фрязин вез через Литовское княжество в Новгород (Сб. РИО, т. 35, № 7, с. 23, март 1489 г.).

город золотых монет, можно судить по тому, что 1000 золотых угорских и «венедицких» в 1478 г. новгородские посадники и духовные лица преподнесли Ивану III [156].

Как и раньше [157], привозились и изделия из благородных металлов. В 1510/11 г. Иван Боровитинов вез из Литовского княжества золотую «жиковину» стоимостью 12 золотых [158]. Многочисленные итальянские ювелирные изделия поступали на Русь через Новгород. Частично они оседали в самом Новгороде, частично переправлялись в Москву [159].

О доле этой группы импортных товаров можно судить по их удельному весу в торговых операциях отдельных купеческих товариществ. Так, в операциях Сельхорста в 1505—1525 гг. металлы и пряности составляли только 20% ввоза. Иногда их доля поднималась выше, не превышая четверти ввоза [160]. Доля металлов могла быть выше в импорте отдельных польских купцов. Однако в целом она не превышала $^1/_4$ общего ввоза. Тем не менее ввоз металлов, цветных и благородных, не покрывал потребностей Руси.

Важное значение имел и ввоз серы, из которой изготавливался порох [160а]. Квасцы употреблялись в стеклоделии, при дублении кож, для очищения шерсти в текстильной промышленности и для закрепления краски. В середине XV в., когда при участии банкирского дома Медичи началась активная разработка красных квасцов на папских рудниках в районе Тюльфы—Чивитты—Веккиа, ганзейские купцы поспешили отправлять и этот товар в далекий Новгород.

Единственный раз за изучаемое полустолетие известно о торговле книгами. Известие о сожжении в Москве во времена Жигимонта I «Священного писания, напечатанного на русском языке», относится к 50-м годам XVI в. И. И. Первольф предполагал, что его привез в Москву Франциск Скорина, а А. В. Флоровский отнес поездку Скорины или его помощника к 1525—1530 гг.[161] На некоторых экземплярах пражского издания сохра-

---

[156] ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 305—307, 322—323. См. подробнее: *Потин В. М.* Корабельники на Руси. — НЭ, т. VIII. М., 1970, с. 101—108.

[157] Иван Данилович Калита в своем завещании около 1339 г. писал: «А из золота дал сыну своему Андрею 4 чепи золоты, пояс золот фрязьскии с жемчугом с каменьем» (ДДГ, № 1, с. 8—9). Еще с XIV в. известно о бытовании на Руси чарок-ромеек (там же, с. 413), само название которых выдает их итальянское происхождение.

[158] ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 7, л. 180.

[159] *Даркевич В. П.* Произведения художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М., 1966, с. 47 и др.

[160] *Mickwitz G.* Op. cit., S. 65.

[160а] LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 971, S. 738, 1500 г.

[161] *Fiedler J.* Ein Versuch der Vereinigung der Russischen mit der Romischen Kirche im XVI. Jahrhundert. — Sitzungsberichte der philosoph.-histor Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Wien, 1860, Bd. XL, S. 80; *Первольф И.* Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, с. 596—597; *Флоровский А. В.* Чешская Библия в истории

нилась рукописная надпись: «А то ся стало накладом Богдана Онкова, сына радцы места Виленского», что, по Флоровскому, свидетельствует о том, что Онков вошел в дело, когда значительная часть тиража была уже отпечатана, или, по Е. Л. Немировскому, Онков приобрел бóльшую часть тиража [162]. Эпизод сожжения книг мог быть связан с поездкой Онкова в Москву до декабря 1526 г. для взимания денег со своих должников [163]. Вероятно, он привозил с собой и книги для продажи.

Бумага поступала различными путями: и с юга через Крым вплоть до падения Каффы, и с севера при посредничестве ганзейского купечества, и с запада — сухим путем через Великое княжество Литовское. Новгородский купец Демьян Фрязин вез из заморья через Литву «20 нюг бумаги клупчятой» [164]. В конце XV в. крымский купец Гортемир вез «3 кантари бумаги» [165]. Роль южного пути подчеркивал Н. П. Лихачев [166].

На Русь ввозилась бумага из Италии и Франции. Итальянская бумага с различными водяными знаками («трехгорье», «перчатка» и в особенности «ножницы» и «греческий крест») получила распространение только преимущественно в конце XV — самом начале XVI в. Оба последних вида бумаги происходят из Северной Италии, где главным центром бумагоделания были Генуя и ее окрестности [167]. Из Северной же Италии [168], скорее всего из Венеции, происходят некоторые разновидности бумаги с греческим крестом, которые бытовали на Руси очень короткое время — только в 70-х годах XV в.

Из продуктов питания по-прежнему ввозились сельдь [169],

русской культуры и письменности. — In: Sbornik Filologický. Vidáva III Třida České Akademii Ved a Uměni, Sv. XII. Praha, 1940—1946, s. 210—211.

[162] *Флоровский А. В.* Указ. соч.; *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. М., 1964, с. 65.

[163] Сб. РИО, т. 35, № 102, с. 752, 759; см. также: *Голенченко Г. Я.* Новое о Франциске Скорине. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 138—139.

[164] Сб. РИО, т. 35, № 7, с. 23—24, март 1489 г.

[165] Там же, т. 41, № 58, с. 268, август 1498 г.

[166] *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков, т. I. СПб., 1899, с. LXIII—LXIV.

[167] *Heers J.* Op. cit., p. 225, 227.

[168] *Briquet C. M.* Les filigranes, t. I. Amsterdam, 1968, p. 324.

[169] В Вязьме Федец, приказчик смоленских мещан Мальца и Матфейца, в 1492/93 г. потерял 9 бочек «селедцов» (ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 6, л. 65 об.; АЗР, т. I, № 116, III, с. 138, август 1494 г.). На Русь ввозилась шонская, альборгская сельдь. Вопрос о ее упаковке и полноте бочек не раз поднимали русские в 10—20-х годах XVI в. (HR, Abt. III, Bd. 7, N 157, S. 357, 24 января 1519 г.; N 371, § 7, S. 669, 2 февраля—1 марта 1521 г.). В 1521 г. датчане привезли в Ригу, а потом в Новгород и Псков такую скверную сельдь, что ее хотели даже выкинуть в Двину (HR, Abt. III, Bd. 7, N 371, § 7, N 413, § 290, S. 669, 738, 24 февраля—1 марта, 29 января — 11 июня 1521 г.), 2½ ласта сельди было потеряно на пути из Таллина в Ивангород у нескольких ивангородцев в 1514—1519 гг. (РИБ,

вино и мед [170], орехи, перец, сыр «крепкий краковский»[171].

Изредка ввозились из-за границы и лекарства. Так, в 30-х годах XVI в., когда Михаил Глинский достиг вершин своей карьеры, став тестем великого князя, по его поручениям, в основном для покупки лекарств, ездил Истома Малый, великокняжеский толмач [172]. Поступали на Русь краски, мыло и нефть [173]. Московские купцы Сава Деревянчин, Андрей Масленников и Нечай везли ее из «Царьгорода» в конце 20-х годов XVI в. По личному распоряжению Жигимонта I старосте львовскому «ону нефть в них взято», поскольку, по словам литовских послов, существовал запрет вывоза нефти куда бы то ни было за пределы Великого княжества Литовского. Правда, речь шла о незначительных количествах нефти, «а и теи ж нефти велми малая цена есть 10 коп грошей» [174]. Ввозился на Русь и темьян [175].

Ввоз лошадей из Ливонии в конце XV в. был запрещен. Он возобновился лишь в 1514 г.[176]

В русский быт постепенно входили различные предметы европейского производства. Так, в грамоте тверского епископа Нила 1515 г. упомянуты немецкие часы, в имуществе Г. Д. Русинова было «седло неметцкое» [177].

В целом ассортимент русской внешней торговли в изучаемое пятидесятилетие изменился крайне незначительно. Он почти не отличался от ассортимента предшествующего времени (наряду

т. 15, № 28, стб. 49—50). О вывозе скверной сельди из Нарвы на Русь см.: HR, Abt. III, Bd. 8, S. 235, Anm. 2, 28 января 1523 г.

[170] Согласно договору Пскова с ливонским магистром и Дерптским епископством 1474 г. и Новгорода с Ливонией 1481 г. ввоз из Ливонии в Псков и Новгород пива и меда был запрещен (*Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, с. 148—149, 152, 167). Позднее известны факты торговли этими напитками. «4 бочки вина больших красного служебного» пропало на пути из Таллина в Ивангород в 1514—1519 гг. (РИБ, т. 15, № 28, стб. 49—50). У ивангородского купца Ивана Шуйги Игнатьева было в ладье 2½ ласта меда, 2 бочки пресного прусского, 2 большие бочки бастру, 4 бочки красного вина (там же, № 20, стб. 35—38). В 1515 г. он же вез из Таллина 3 бочки красного вина (HNH, d. I, N 71, s. 75, до 30 июля 1515 г.). Священник церкви св. Климента в Новгороде Михаил должен был получить по духовной своих родственников бочку горячего вина с Ванши Худоносова в Таллине (РИБ, т. 15, № 15, 28, 20, стб. 25—27, 49—50, 35—38).

[171] Сб. РИО, т. 41, № 58, 90, с. 268, 476, август 1498 г., июль 1503 г.

[172] ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 4, ящ. 95, № 100, 101.

[173] Сб. РИО, т. 41, № 58, с. 268, август 1498 г.; ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 21, л. 237 об.

[174] Acta Tomiciana, t. XIV. Poznań, 1952, N 349, p. 538, 21 июля 1532 г. 10 сентября 1537 г. нефть была доставлена великому литовскому князю Жигимонту (ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 21, л. 237 об.).

[175] 20 берковцев «черного темьяна» отдал на сохранение рижанину Матвею псковский гость Игнат Костенев (ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 4, ящ. 19, № 94-а, 16 февраля 1526 г.).

[176] LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 872, S. 665, 26 октября 1499 г.

[177] *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение, т. I, с. XXXI; АРГ, № 196, с. 199, июнь 1521 г. — 15 января 1522 г.

с предметами промыслов появились и продукты сельского хозяйства, в импорте важную роль стали играть металлы и вооружение), однако за этим «почти» скрываются колоссальные перемены в экономике Руси и соседних с ней европейских стран. Рост производительных сил Руси позволил начать вывоз продуктов сельского хозяйства, что было бы немыслимым, если бы сельское хозяйство страны не шло так быстро по пути восстановления и нового развития.

Удельный вес русских товаров в общеевропейском товарообороте не был особенно значительным. Ввоз русской пушнины — товара, предназначенного для довольно широких слоев городского населения, способствовал развитию скорняжного дела. Так было повсюду и в ганзейских, и в итальянских городах. Наиболее распространенными среди европейских скорняков были специалисты по обработке беличьих шкурок [178].

Воск, частичная обработка которого производилась вне Руси, способствовал развитию воскобойного дела в Европе. Более важен для развития европейской экономики был ввоз сырья для других ремесел, таких, как конопля, сало, ворвань, сырья для канатного дела, развивавшейся в то время химической промышленности в виде мыловарения и крашения. В условиях быстро росшего в начале XVI в. в Европе флота ввоз льна и конопли приобретал весьма серьезное значение.

Ввоз на Русь также делился на предметы потребления и сырье для различных отраслей промышленности. К первым относились сукна, соль, продукты питания, лекарства, ко вторым — металлы, цветные и благородные, и квасцы. Ввоз ювелирных изделий на Русь знакомил русских ремесленников с великолепными произведениями итальянских мастеров периода Возрождения и новыми техническими приемами. Ввоз благородных металлов, в том числе в изделиях, служил сырьевой базой для русского ювелирного дела. Большое значение для развития русского ремесла имел ввоз квасцов, широко употреблявшихся в кожевенном, ткацком деле и других ремеслах. Итальянская бумага служила материалом для письма, а торговля ею способствовала развитию русской культуры. Предметом реэкспорта становились восточные шелковые ткани [179].

Несколько особое место занимала торговля рабами, бывшими жителями русских окраинных земель и городов, попавшими в плен. Спрос на рабов в Османской империи был постоянным стимулом для татарских набегов, ослаблявших города южной окраины.

В современной историографии часто делят Европу по особенностям ее экономического развития на различные регионы.

---

[178] *Соколова Н. П.* Венецианские цехи в XIII и XIV вв. — СВ, т. XV. М., 1959, с. 31—50.

[179] HR, Abt. III, Bd. 9, N 131, § 49, S. 251, 7—29 июля 1525 г.

Возникает вопрос, к какому региону можно отнести Русь. По-видимому, из определенных доныне — ни к какому. Наиболее близок Руси восточнобалтийский регион, характеризующийся, по определению Г. Самсоновича и А. Мончака [180], преобладанием в составе экспорта лесных и сельскохозяйственных товаров. Однако даже к этому региону Русь нельзя причислить, поскольку появившиеся только в начале XVI в. в ее экспорте продукты переработки предметов сельского хозяйства занимали подчиненное место сравнительно с продуктами промыслов — охоты и бортничества. Русь, по-видимому, составляла особый экономический регион — русский.

КОНТРАГЕНТЫ И ПУТИ РУССКОЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Торговые сношения Русского государства со странами Европы, как и в XIV—первой половине XV в., осуществлялись в нескольких направлениях — южном, северном, западном и северо-западном.

Важнейшим направлением русско-европейских торговых контактов вплоть до 1475 г. было южное. Торговля итальянцев, и в частности генуэзцев, в Каффе имела широкий размах [181]. В Каффе осуществлялись контакты русского купечества с южноевропейским [182], в которых участвовали почти все крупные русские города — Москва, Новгород, Тверь, Псков и пр. Торговля отдельных купцов достигала значительных размеров. В начале 70-х годов XV в. у нескольких русских торговцев — Гридки Жука, Степана Васильевича и их товарищей — в Каффе отобрали товара на 2 тыс. руб.[183]

Южное сухопутное для русских направление торговли и восточное по морю для итальянских городов существовало только до третьей четверти XV в. Захват турками многочисленных колоний Венеции в третьей четверти XV в. и потеря итальянцами Каффы в 1475 г. нанесли сокрушительный удар по торговле итальянских городов в этом районе. Из всех итальянских колоний и дворов уцелела лишь колония в Стамбуле, где место венецианцев и генуэзцев в конце XV—начале XVI в. заняли флорентийцы, в конце 50-х годов XV в. возобновившие ввоз туда шерстяных тканей и шелка. Флорентийская колония в Стамбуле даже в тяжелое для других итальянских городов время жила

---

[180] *Mączak A., Samsonowicz H.* La zone baltique, l'un des éléments du marché europeen. — In: Acta Poloniae Historica, t. 11. Warszawa, 1965, s. 71—89.

[181] *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М., 1935.

[182] *Malowist M.* Op. cit.

[183] Сб. РИО, т. 41, № 1, с. 8, март 1474 г.

напряженной жизнью. В 1488 г. она получила новый устав, сохраняла свою церковь св. Михаила и продолжала соперничать с венецианцами [184]. Вплоть до 1492 г. в Стамбуле существовали венецианские байи, венецианцы в 1479—1499 гг. сохраняли право передвижения по турецкой территории, в том числе на Черном море.

Тем не менее численность венецианской колонии в Пере все уменьшалась, торговля сокращалась, так как синьория запретила отправку больших торговых судов в Стамбул [185].

Участие итальянцев в активной торговле с Русью было невелико. В качестве купцов выступали фрязи, ехавшие в 1495 г. в Крым вместе с русскими Кадышом Обашевым, Кожухом Карчеевым, Бегишем Шадыкиным, а также торговыми людьми Менгли-Гирея, азамлянами и армянами. Фрязы, азамляне и армяне составляли группу из семи человек [186]. Армяне в 20-х годах XVI в. торговали и в Новгороде [187].

Русские купцы не ограничивались поездками к Черному морю [188]. В это время они часто достигали так называемого Заморья, т. е. «Царьграда» [189].

По-видимому, торговля со Стамбулом возобновилась в 20-х годах XVI в. 15 декабря 1532 г. русские представители излагали жалобы торговых людей москвичей, тверичей и торопчан на то, что они на пути в «Царьгород» подвергаются ограблению в городах Литовского княжества — Вильнюсе, Полоцке, Витебске, Шклове и в других [190]. В начале 30-х годов XVI в. из Стамбула через Молдавскую землю и Львов возвращались московские купцы Сава Деревянчин, Андрей Масленников и Нечай [191], задержанные во Львове и отпущенные по требованию Жигимонта I [192]. Греки из Стамбула вели торговлю в Москве. Андреа Халкокондилл, известный в Польше под именем Андреа

---

[184] *Doren A.* Die Florentiner Wollentuchindustrie vom XIV. bis zum XVI. Jahrhundert, Bd. I. Stuttgart, 1901, S. 131; *Mazi G.* Statuti delli colone fiorentine all'estero (secc. XV—XVI). Milano, 1941, p. 37—41, 45.

[185] *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au Moyen-Age, v. II. Leipzig, 1939, p. 327—330.

[186] Сб. РИО, т. 41, № 47, с. 215, май 1495 г.

[187] HR, Abt. III, Bd. 7, N 413, § 210, S. 729, 29 мая — 11 июня 1521 г.

[188] Магистраль Москва—Каффа была представлена тремя путями (*Сыроечковский В. Е.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. — Известия АН СССР, Отд. общ. наук, Л., 1932, № 3; *Он же.* Гости-сурожане; см. также: *Тихомиров М. Н.* Пути из России в Византию в XIV—XV вв. — В кн.: Византийские очерки. М., 1961, с. 3—33). Гридко Возило из Каффы шел на Черкасы, а далее Днепром (*Муханов,* № 61, с. 89—90, до мая 1495 г.).

[189] Особенно часто они ездили до 1491 г. В 1492 г. русские жаловались, что их не пустили в Каффу и Азов, с них берут новую тамгу и «чинят» им «силу» (Сб. РИО, т. 41, с. 163, август 1492 г.).

[190] ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 15, л. 205 об.

[191] Там же, кн. зап. 21, л. 237—237 об.

[192] Acta Tomiciana, t. XIV, N 349, p. 538; *Гамель И. Х.* Указ. соч., с. 175—176.

Карконделли, приезжал в Москву до 1523 г., в 1529 и 1538—1539 гг.[193]

Вместе с дипломатами русские купцы посещали итальянские города. В 1488—1489 гг. в Риме побывал Семен Саларев[194]. В посольстве Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова были купцы, имевшие при себе пушнину великого князя, на обратном пути они везли товар стоимостью на 97 тыс. денег, который вынуждены были оставить в заклад в Крыму. С Дмитрием Герасимовым приехал Алексей Васильев, которому было разрешено покупать любые товары в Риме[195].

В связи с этим нельзя исключить возможность проникновения итальянских товаров на Русь южным путем в конце XV—начале XVI в. Разумеется, это был очень узкий канал, через который товары не столько устремлялись, сколько просачивались на Русь и из нее[196].

Место итальянцев в посреднической торговле с Русью и Польшей наряду с армянами постепенно стали занимать турки и греки[197]. В 1496 г. вместе с Михаилом Плещеевым в Литовское княжество возвращались и армяне[198]. Армянин Богдан принес в Москву письмо от таманского князя Захарии Гуила Гурсиса[199]. К 20-м годам XVI в. армяне добрались до Новгорода[200]. Из постоянных жителей Каффы в Москву ездили Данилко[201] и некий Хозя. Когда он заболел, приехал другой каффинский армянин Хозя Кутлуй, или Хозя Лутвий, и остался тут на 5—6 лет[202]. После смерти армянина Богоса в Москву из Каффы приехал армянин Бабека за его имуществом[203].

---

193 *Abrahamowicz Z.* Katalog dokumentów tureckich. Warszawa, 1959, № 18, 25. 8 мая 1525 г. он под именем Андреа Карконделли получил охранную грамоту Жигимонта I на проезд из Кракова в Москву (Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej polskiej z Archiwum tak zwanego bernardynskiego we Lwowie..., t. X. Spis oblat, zawartych w aktach grody i ziemstwa Lwowskiego. Lwów, 1884, s. 24; *Дунаев*, с. 46, 84—86; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 307; ПСРЛ, т. XIII, пол. 1. М., 1965, с. 122).

194 *Гамель И. Х.* Указ. соч., с. 175—176.

195 Сб. РИО, т. 41, № 100, 101, с. 550, 554, ноябрь 1504 г. — февраль—март 1505 г. См. письмо папы Климента VII Василию III от 1 февраля 1527 г. (Sitzungsberichte der philologisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, Wien, 1862, Bd. 40, S. 76).

196 Сокращение роли южной торговли прослеживается и по нумизматическим данным (*Векслер А., Мельникова А.* Московские клады. М., 1973, с. 86—87).

197 Впрочем, среди новгородских купцов в конце 80-х годов XV в. упоминается и Демьян Фрязин, ехавший на Русь из Стамбула. Он шел на великокняжеское имя и вез ковер и жемчуг (Сб. РИО, т. 35, № 7, с. 23, март 1489 г.).

198 Сб. РИО, т. 35, № 52, с. 248, март 1498 г.

199 Там же, т. 41, № 20, с. 72, октябрь 1487 г.

200 HR, Abt. III, Bd. 7, N 413, § 209—210, S. 729, 29 мая — 11 июня 1521 г.

201 Сб. РИО, т. 41, № 21, с. 76—77, сентябрь 1489 г.

202 Там же, № 58, с. 271, август 1498 г.

203 Там же, № 61, с. 284, 286, октябрь 1499 г.

Однако главными контрагентами русских в Каффе стали турки. «Турчане», как явствует из проекта торгового договора Руси с Османской империей 1515 г., кроме Москвы ездили в Великий Новгород[204]. В целом можно сказать, что к концу XV—началу XVI в. путь на юг стал путем не столько русско-европейской, сколько русско-турецкой торговли. Позднее, в середине XVI в., сами турки выступали посредниками в торговле Италии с Русью. Снабжая Русь итальянскими шелками и сукнами, они получали оттуда столь ценимые в средневековье меха[205].

Роль южного направления в русско-европейском товарообороте конца XV—начала XVI в. значительно упала сравнительно с предшествующим временем и занимала последнее место в ряду других направлений этой торговли. Русским купцам, ездившим в Стамбул, пришлось иметь дело с наиболее могущественной азиатской державой — Османской империей.

Прекращение непосредственных русско-итальянских связей в Крыму направило русские и итальянские товары другими путями. Давно подчеркивалась роль Львова, поддерживавшего широкие контакты как с Польшей вплоть до Гданьска, так и с крымскими колониями итальянцев, особенно с Каффой. С падением Каффы и уменьшением роли морского пути по Средиземному и Черному морям роль Львова упала. Активная торговля русских проходила мимо него. Львовские купцы в 1527 г. жаловались на Каменец-Подольский совет, который разрешил купцам проезжать мимо Львова по Османской империи и Молдавии в Литву и «Московию», а московским и литовским — в обратном направлении[206]. Эта жалоба отражала реальное положение вещей. Связи с Молдавией, завязавшиеся еще в конце XV в.[207], особенно укрепились в конце 20-х годов XVI в., одновременно с укреплением русско-турецких экономических отношений. Отдельные львовские купцы приезжали в Москву и в конце 20-х—начале 30-х годов. «Уръменове» (львовские армяне) Иван Богданович, Якуб Григорьевич, Василий Вертикович во время своего пребывания в Москве были обвинены в ограблении московских купцов и присуждены к уплате 100 руб. пострадавшим и 60 руб. — великому князю[208].

---

[204] Сб. РИО, т. 95, с. 120, 1515 г.; см. также: *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956, с. 11, 18, 48.

[205] *Aymard M.* Venice, Raguse et le commerce du blé pendant la seconde moitié du XVIe siècle. Paris, 1966, p. 98.

[206] ЦГИА УССР во Львове, ф. 131, инв. Ваг. 441 (373), спр. 350, 11 апреля 1527 г.

[207] *Ioneşcu-Niscov T.* şi *Constantinescu A.* Relaţiile comerciale romîno-ruse în a doua jumătate a secolului al XVII-lea. — Analele romîno-sovietice. Seria istorie, Bucureşti, 1956, jul. — sept., N 3, p. 83—85; *Костакэл В. А.* Русско-украинско-молдавские исторические связи в XIV—XV вв. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 276—279. Благодаря контактам с Молдавией в русском быту появились «валашские» предметы, в частности «чуня волошская».

[208] ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 21, л. 237—237 об., 10 сентября 1537 г.

О русско-венгерских экономических отношениях[209] можно судить по тому, что в денежном обращении Руси находились «угорские золотые»[210], поступали они в результате отчасти прямых экономических контактов, отчасти посреднической торговли. Венгерскую же внешнюю торговлю этого времени, постоянно нарушаемую османскими набегами, характеризовало преобладание экспорта скота на запад и меди — на запад и север[211]. В начале XVI в. при посредничестве польских купцов венгерская медь поступала и на Русь[212].

Юго-западное направление — юго-восточные районы Великого княжества Литовского и Польша (Львов), Молдавия и Венгрия в конце XV—начале XVI в. еще не приобрели серьезного значения в русско-европейской торговле отчасти из-за дальности сухопутной дороги, небезопасности пути, пролегавшего через сферы влияния татар и турок, отчасти из-за неблагоприятной политической обстановки (войны с Литовским княжеством). Войны на литовско-русском порубежье не могли остановить развития торговли в западном, северо- и юго-западном направлениях для русских и восточном и северо-восточном направлениях — для жителей Великого княжества Литовского. Последние снабжали, по словам таллинского городского совета, Новгород и Москву металлами в 1503—1504 гг.; в то время когда подвоз их из Ливонии был запрещен, в Москве и Новгороде они зарабатывали немалые деньги[212а].

Московские купцы прибывали в Великое княжество Литовское и вместе с послами, и самостоятельно[213]. При этом путешествие с послами не всегда было более безопасным, чем независимое от них. В случае объезда крупных городов товары реквизировались в пользу литовского князя согласно правилу: «которыи гость где промытится, мыто проедет, не заплативши, тот товар свои тратит»[214]. В 1497 г. русских купцов задержали, ссылаясь на то, что послы «гостей купцов проводят с собою мимо... голов-

[209] Связи с Венгрией были эпизодическими. В 1500 г. из Стамбула на «Муптьянскую» землю шли Микитка Харланов, Мелешко Иванов, Гридка Афонасов, Алферка Иванов. В венгерском городе Барань-баше они были ограблены воеводой на 1008 золотых угорских (Сб. РИО, т. 35, № 65, с. 305, январь 1501 г.).

[210] *Потин В. М.* Венгерский золотой Ивана III. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе, с. 291—292; *Он же.* Малоизвестный иностранный источник о монетах, ценах и мерах в России начала XVI в. — В кн.: Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977, с. 206, 208.

[211] *Lütge F.* Op. cit., S. 41—42; *Пах Ж. П.* Восточная Европа и начальный период современной международной торговли в XV в. М., 1970, с. 3—7.

[212] Подробнее см. с. 40.

[212а] LECUB, Abt. II, Bd. 1, № 702, 722, S. 550, 563, 31 декабря 1504 г., 8 февраля 1505 г.

[213] Тверской купец Иван Соболев с товарищами в 1498 г. ездил в Смоленск, а москвитин Микула Айдаров — в 1508 г. (Сб., РИО, т. 35, № 55, 84, с. 263, 490, 1498 г., 1508 г.).

[214] ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 6, л. 78.

ный мыта», в Киеве и в Луцке[215]. Товары вяземских купцов, якобы объехавших Смоленск, были конфискованы[216]. Конфликт возник из-за того, что Михаил Плещеев и сопровождавшие его купцы проехали Полем, мимо Черкас, Канева и Киева[217].

Вторая половина XV в. характеризуется нарастающей активностью русского купечества. При Казимире «московитин» Семен Саларев получил освобождение от уплаты мыта «до воли»[218]. В 1477 г. «низовские» гости из Новгорода поехали в Литву[219]. В конце XV—начале XVI в. купечество Москвы, Новгорода, Твери, Рязани и многочисленных мелких городов (Можайска, Коломны, Козельска и др.)[220] включилось в русско-литовскую торговлю, развертывавшуюся прежде всего на русских же землях Великого княжества Литовского.

От Вязьмы начинались две дороги: одна проходила по притокам Угры, потом по самой Угре, некоторое время по суше, затем Десной и Сеймом к Киеву, другая — по судоходной тогда р. Вязьме к Днепру. От Смоленска открывался путь по Днепру в Заморье (Стамбул), по Двине и сушей — в Ливонию, Литву и Польшу. Вся территория Великого княжества Литовского, в особенности восточная его часть, т. е. западнорусские и белорусские земли, были изрезаны густой сетью русских торговых дорог. Они шли по преимуществу с востока на запад через города Мценск, Путивль, Смоленск, Полоцк, Вильнюс.

Во многих городах Литвы и Белоруссии существовали специальные кварталы или дворы, где бывали русские. Так, в Бресте уже в 1485 г. рядом с Немецкой располагалась Русская улица (с Кузьмодемьянской церковью)[221], где селились русские купцы, приезжавшие туда. Русский конец в Вильнюсе известен с 1471 г.[222] В начале XVI в. в Вильнюсе действовал Русский

[215] Сб. РИО, т. 35, № 51, с. 245, февраль 1498 г.; ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 6, л. 77—77 об.

[216] Сб. РИО, т. 35, № 54, с. 258—261, 1498 г.

[217] Там же, № 52, с. 248, март 1498 г.

[218] РИБ, т. 27. СПб., 1910, стб. 41. Ошибочно напечатано «Галарев».

[219] ПЛ, вып. 2. М., 1955, с. 211.

[220] Сб. РИО, т. 35, № 55, с. 261—262; ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 6, л. 78 об. В 1505/06 г. «торговые люди козличи, и олексинцы, и колужане шли с торгом с Кричева ... псковичи шли... с торгом из Смоленска». И те и другие пали жертвой грабежа, как сообщал брянский наместник удельного князя Юрия Ивановича Василий Елизаров (ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 8, л. 41). До августа 1480 г. в Луцке был ограблен псковский купец Микифорка (АЗР, т. I, № 74, с. 94).

[221] Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов, т. 33. Вильна, 1908, № 4, с. 4, 23 апреля 1485 г. В XVI в. на территории Литовского княжества селились русские купцы, захваченные в плен в течение многолетних войн с Русью: в 1526 г. московскому «вязню», купцу Василию Кузмичу было даровано право жить в Городне (ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 14, л. 47). Впрочем, москвичи селились в соседнем государстве и раньше: великий князь Александр пожаловал москвитину Алексею Андреевичу Зузину двор в Каменецкой волости (там же, кн. зап. 25, л. 129 об., 14 июля 1506 г. (?)).

[222] ПЛ, вып. 2, с. 179.

двор — огромное великолепное здание, где и происходила торговля пушниной.

Вильнюс, обязанный своим ростом тому, что был важным центром на пути из Руси в Польшу и Германию, стал притягательным пунктом для немцев. Как указывает Вюиллихий, «для торговли с русскими в Вильне стали селиться немцы и заняли целую улицу, которая называется Немецкой»[223]. В торговле с Русью участвовали крупнейшие виленские купцы[224].

Свидетельством прочности русско-литовских экономических отношений является система кредита, широко распространенная в этой торговле. Русские купцы часто оказывали торговый кредит литовским[225]. Виленский мещанин Груша в конце 80-х годов XV в. торговал с псковичами и остался должником какого-то псковитина. В 1504 г. русские говорили литовским послам «о займех и о поклажех, что того в Литве не дают»[226].

Виленские купцы сохраняли традиционные связи и с феодалами, переселившимися на Русь. Так, Федор Иванович Бельский, находившийся в Русском государстве с 1482 г., незадолго до 1495 г. дал виленскому бургомистру Онке Грицевичу, его жене Ульяне и сыну Богдану 100 руб. новгородскими деньгами. Должник по кабале, написанной собственноручно Онкой, обязался «тыми... денгами торговати; а што проторгую тыми его денгами яз, Онко, и нам тот прибыток со князем Феодором наполы»[227]. Вплоть до июля 1498 г. Ф. Бельский не получил денег по кабале, которую вильняне ему дали «на себя»[228].

Богдан Онкович по традиции был кредитором и вернувшихся на Русь князей Можайских и Шемячичей, листы которых в начале 20-х годов XVI в. на 400 коп и на 500 коп были отняты у него на луцкой дороге. Судя по тому, что вильневец брал эти листы с собой, он торговал и по поручению этих князей[229].

После того как русская сторона отпустила задержанных еще до переговоров 1508 г. купцов Литовского княжества, послы Григорий Федорович, Иван Андреевич и Михаил Кляпик в январе 1512 г. требовали возвращения русских купцов, их товаров и долгов[230]. В 1511/12 г. русские гости и торговые люди (москвичи, можаичи и псковичи) жаловались на то, что не могут получить своих долгов: «Иным на твоих людех на мещанех взимки по

---

[223] *Преображенский С.* Вильна в начале XVI столетия (по Брауну и другим источникам). — В кн.: Виленский сборник. Вильна, 1869, с. 265, 254.

[224] Польские послы в январе 1503 г. просили о получении опасной грамоты для купца Кондрата из Вильнюса, спешившего в Москву (Сб. РИО, т. 35, № 74, с. 362—363, 22—24 января 1503 г.).

[225] В 1480 г. литовский князь Казимир требовал от псковичей возврата «суженого» виленским и полоцким купцам (АЗР, т. I, № 73, I, с. 93).

[226] Сб. РИО, т. 35, № 24, с. 148, август 1494 г.; № 78, с. 461, 1504 г.

[227] Там же, № 55, с. 264.

[228] Там же, с. 263.

[229] Там же, № 102, с. 752, 759.

[230] ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 7, л. 152.

кабалам и без кобал, и тые де твои люди мещане взимков их нашим людем не платят»[231]. Одним из кредиторов был купец Иван Боровитинов, ездивший с русскими послами в Литву и потом оставшийся «для своих взимъков», которые ему удалось получить, хотя позднее по пути домой он был ограблен[232]. Изредка торговый кредит русским оказывали и литовские купцы. Так, в конце 20-х годов XVI в. Гридя Миневич Усатый дал товар Филату Тараканову из Городца, за который тот должен был расплатиться воском[233].

Русско-литовские войны немало препятствовали развитию нормальных экономических отношений. В 1506—1507 гг. на Русь направлялись литовские послы. С ними вместе двигались и «купци литовские». Их задержали из-за того, что в предшествующее время были арестованы «государевы купцы» в «королевских» городах[234]. Это были «торговые люди козличи и олексинцы, и колужане», которые «шли с торгом с Кричева», и псковичи, которые были ограблены за 30 верст от Смоленска. В 1511 г. московских купцов, арестованных в Литовском княжестве, отпустили, а товары их остались неполученными. Не были возвращены им и долги[235]. О роли русской торговли для Минска можно судить по размерам мыта: в конце XV в. оно достигало 400 коп грошей, а в XVI в., когда прервалась эта торговля, оно упало до 60[236].

Заинтересованность городов севера Польши в возобновлении нормальных торговых отношений с Русью нашла выражение в проекте ординации королевской Пруссии, составленной гнезненским архиепископом Яном Ласким между 2 и 18 июня 1511 г. В нее были занесены специальные статьи о разрешении литовцам и «московитам» торговать в прусских городах. Если они не продадут своих товаров в течение трех дней, они должны были получить право свободного проезда в любой город Пруссии[237].

Противоречия купечества и феодалов в области торговли

---

[231] ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 7, л. 202, зима 1511/12 г.

[232] Там же, л. 180, 5 июля 1511 г.

[233] Сб. РИО, т. 35, № 108, с. 825, май 1530 г.

[234] Там же, № 84, с. 484—485.

[235] АЗР, т. II. СПб., 1848, № 16, II, с. 17; Сб. РИО, т. 35, № 84, с. 490; № 78, с. 461.

[236] РИБ, т. XX. СПб., 1903, кн. 2, № 226, стб. 898, 1516 г.

[237] ASPK, t. V, cz. 3 (1511—1512). Warszawa—Poznań—Toruń, 1975, N 290, § 26, s. 11. Торговля с «Московией» и Литвой считалась настолько выгодной для гданьчан, что представители королевской Пруссии устами Лукаша Ватценроде, епископа варминьского, требовали, чтобы в этом районе сохранялась монополия гданьчан, а проникавшие из Нюрнберга купцы не допускались (ibid., cz. 1, N 117, § 86, s. 255, 28 мая — 8 июня 1508 г.). Русское же правительство придерживалось иной позиции. Отправляя Василия Григорьевича Морозова и Андрея Никитича Бутурлина осенью 1522 г. в Литву, Василий III строго определял количество гостей, получивших право ехать вместе с ними. Решительно запрещались поездки торговым людям из Вязьмы, Дорогобужа и Смоленска (Сб. РИО, т. 35, № 94, с. 656—657).

обострились в период войны 1517—1518 гг., когда купцы жаловались: «А что повезуть купци на государя нашего имя, и его панове то у них отнимают на себя» [238].

Во втором десятилетии XVI в. русско-литовская торговля резко сократилась как из-за войн, так и из-за возобновления русско-ливонских торговых контактов. В 1523/24 г. Жигимонт I обратился к панам-раде с требованием запретить литовско-ливонскую торговлю под угрозой конфискации товаров и ареста самих купцов. Он заявлял, что до него дошли слухи, «иж вси купцы его милости подданыи как з Великого князьства Литовского, так некоторыи с Короны Польское тую дорогу смоленскую вси опустили, а ездять и к Рызе со всякими куплями, а в том есть пожиток мистру вифлянтскому, а нам и мытом нашим шкода ся великая деет». Ради увеличения доходов казны Жигимонт I приказывал «всим купъцом тою дорогою старою к Москве ездити на Минеск и на Смоленск» [239].

Таким образом, временное сокращение литовско-русского товарооборота в 1512—1522 гг. вынудило литовское правительство искусственно поощрять ту самую торговлю, которую оно десятилетием раньше пыталось свести на нет. В 1523 г. в Москве вновь находились литовские купцы. Несколько лет подряд торговал на Руси Иван Попович из Вильнюса [240]. Виленский мещанин Антон Зелькович, побывав в конце 20-х годов XVI в. в Москве, прямо оттуда на три года отправился в Ригу, а затем в Гнезно. Однако и за три-четыре года он не сумел продать приобретенные в Москве шкурки соболей и белок [241]. С деятельностью купцов из Литовского княжества связано, вероятно, создание на московском посаде на будущей улице Варварке Панского двора (до 1507 г.) [242].

Виленские купцы были частыми гостями и в Новгороде. До 1522 г. за кредитную торговлю в Новгороде был наказан Эразм Казелек. Логин Берестяников из Вильнюса в начале 30-х годов XVI в. торговал с одним из крупнейших новгородских купцов Григорием Старковым [243].

Наряду с вильневцами активную торговлю с Русью в конце XV в. вели и киевляне [244]. В конце XV в. заметной стала роль полочан и витьблян. Витебские мещане в начале 20-х годов XVI в. торговали в Смоленске, где некоторые из них (Иван Мятков и Матвейко) оказались ограбленными казаками. 10 апреля

---

[238] Сб. РИО, т. 35, № 85, с. 525, ноябрь 1517 г.
[239] Документы Московского архива Министерства юстиции, т. I. М., 1897, доп. 1, № 3, с. 517, 1523—1524 гг.
[240] Сб. РИО, т. 35, № 95, с. 672; *Дунаев*, с. 84.
[241] ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 15, л. 244 об.—245 об., 31 марта 1530 г.
[242] ПСРЛ, т. 30, с. 140—142.
[243] HR, Abt. III, Bd. 8, N 202, § 9, S. 230, 12—14 июня 1522 г.; Сб. РИО, т. 59, № 9, с. 169, январь—апрель 1542 г.
[244] Сб. РИО, т. 35, № 52, с. 248, март 1498 г.

1526 г. были приняты меры по упорядочению торговли полочан с Москвой. Отныне с полочан, направлявшихся на Русь с товаром, следовало брать «обестки»[245].

В последние годы ученые обратили более пристальное внимание на связи Южной и Центральной Германии (Нюрнберг, Франкфурт, Кёльн), Венгрии, Богемии, Польши с итальянскими городами. Можно говорить и об их связях с Русью. В Москве в 1494 г. находились торговый подмастерье Питер Бисс и брат его хозяина Вольф Бломе из Франкфурта[246]. Исследованиями чешских ученых Я. Яначека и Ф. Грауса выяснено существование интенсивных экономических связей Венеции с Чехией, а Я. Птасьника и М. Маловиста — Польши с Италией. Яначек подчеркнул значение Венеции в торговле с Чехией, Ганзой и Новгородом, в транзитной торговле русской пушниной[247]. Особенно серьезное значение сухопутный маршрут как путь проникновения итальянских товаров на Русь приобрел в третьей четверти XV в. В это время итальянские купцы, в том числе из Каффы, обосновались в Кракове[248] и Познани[249]. Говорить о «заинтересованности итальянских государств (прежде всего Генуи и Венеции) в торговле с далекой Московией»[250] было бы преждевременным. Краков, Люблин и Познань, переживавшие эпоху своего экономического расцвета, вероятно, стали местом непосредственного соприкосновения итальянских и русских купцов в последней четверти XV—начале XVI в.

Большая роль в торговых сношениях Руси и Польши принадлежала литовскому купечеству[251].

---

[245] Сб. РИО, т. 35, № 95, 96, с. 674, 677, 681; ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 14, л. 59 об.

[246] *Ammann A.* Wirtschaftsbeziehungen zwischen Oberdeutschland und Polen im Mittelalter. — VSWG, 1961, Bd. 48, S. 435—436; *Schulte A.* Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien mit Ausschluss von Venedig, Bd. 1—2. Leipzig, 1900; HR, Abt. III, Bd. 4, N 50—51, S. 53, 3 июня—17 сентября 1498 г.

[247] *Janaček J.* Der Böhmische Aussenhandel in der Hälfte des 15. Jahrhunderts. — Historica, 1962, IV, S. 39, 42, 49; *Graus F.* Die Handelsbeziehungen Böhmens zu Deutschlands. — Ibid., 1960, II, S. 77—110.

[248] *Reumont A. v.* Di alcune relazioni dei Fiorentini nella citta di Danzica. Memoria. — Archivio storico italiano, nuova ser., 1861, v. XIII, pr. 1, p. 37—47; *Sapori A.* Gli Italiani in Polonia nel medioevo. — Archivo storico italiano, 1925, v. 83, p. 125—150.

[249] *Malowist M.* Le développement des rapports économiques entre la Flandre, la Pologne et les pays limitrophes du XIIIe an XIVe siècle. — Revue belge de philologie et d'histoire, 1930, v. X, p. 1013, 1050; *Sapori A.* Op. cit.; *Маловист М.* Основные черты развития материковых путей международной торговли между Балтийским морем и Карпатами в XV и в первой половине XVI в. М., 1970.

[250] *Шаркова И. С.* Заметки о русско-итальянских отношениях XV—первой трети XVI в. — СВ, вып. 34. М., 1971, с. 203.

[251] *Rybarski R.* Op. cit., t. I, s. 83; *Koczy L.* Op. cit., s. 80, 95—96; *Wawrzyńczyk A.* Op. cit., s. 26, 76—77; *Kutrzeba S.* Handel Polski ze wshodem w wiekach średnich. Kraków, 1903; *Idem.* Handel Krakowa w wiekach średnich na tle stosunków handlowych Polski. Kraków, 1903.

Благодаря предприимчивости литовских евреев[252] русские товары достигали Аугсбурга, Кёльна и других южнонемецких городов[253]. В 20-х годах XVI в. краковское купечество завязало непосредственные отношения с Москвой. В 1524 г. краковский радца Михель, торговавший медью через Минск, получил право безмытной отправки товаров в Москву и из Москвы[254].

Материалы русской дипломатической переписки с Казимиром конечной целью поездок русских купцов называют Люблин — польский город на развилке дорог в Краков, Познань, Лейпциг. В 1488 г., через год после коренной перестройки системы обложения иностранных купцов в Великом княжестве Литовском и в Польше, русские упрекали поляков за введение новой пошлины: «Да в Лясех в Люблине емлют тридцатое, раньше того не бывало»[255]. В 1528—1531 гг. в таможенных книгах Люблина зафиксированы явки трех новгородских и двух смоленских купцов[256]. В Люблине в это же время бывали московские купцы, товар которых хотели «порубить» за потери, понесенные польским купечеством в торговле с Русью[257]. Можно предположить, что русские ездили и в Краков, известный по частым дипломатическим поездкам[258]. Краковский бюргермейстер торговал со смольнянами в то же время, как Михаил Шпис — с москвичами[259].

В 1531/32 г. незаконный арест русских купцов в Сандомире стал предметом особого беспокойства польского короля и великого князя литовского Жигимонта I, который писал сандомирскому воеводе Отгону Ходецкому о необходимости срочно отпустить этих купцов с товарами великого князя[260].

В первое десятилетие XVI в. Вроцлав добивался права свободной торговли с Русью. Именно через этот город, как и Краков, проходил путь русских на Антверпен. Через Вроцлав, Лейпциг, Нюрнберг они могли двигаться в Венецию[261].

Познань стала одним из главных центров торговли русскими товарами в Восточной и Центральной Европе[262]. После заключе-

---

[252] Купцы Бреста в 1485 и 1492 гг. достигали Аугсбурга (*Wawrzyńczyk A.* Op. cit., s. 14).

[253] *Kutrzeba S.* Finanse Krakowa w XV—XVI w. — Rocznik Krakowski, 1900, t. III, s. 104. Купцы из этих городов бывали и в Москве (ПДС, т. I, стб. 90, осень 1491 г.).

[254] ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 14, л. 160—160 об.

[255] Сб. РИО, т. 35, № 2, с. 10.

[256] *Samsonowicz H.* Handel Lublina na przelomie XV i XVI w. — PH, 1968, r. LIX, z. 4, s. 618.

[257] ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 21, л. 237—237 об., 10 сентября 1537 г.

[258] Сб. РИО, т. 35, с. 13, 18—19, 39—41.

[259] Там же, № 102, с. 759, 1527 г.

[260] Acta Tomiciana, t. XIV. Poznań, 1952, N 349, p. 537—538, 21 июля 1532 г.

[261] *Koczy L.* Związki handlowe Wrocławia z Polską do końca XVI wieka. Katowice, 1936, s. 21; HR, Abt. III, Bd. 4, N 39, S. 45, 8 ноября 1497 г.; Bd. 9, N 131, § 38, S. 193, N 132, § 50, S. 251—252, 7—29 июля 1529 г. О приезде «рославских» купцов из Шленска см.: ПДС, т. I, стб. 90, ноябрь 1491 г.

[262] Первые значительные партии пушнины в Познани появились с 1459 г.

ния мирного договора с Польшей энергия русского купечества устремилась в те районы, которые издавна были связаны с Русью. В познаньской торговле русские товары быстро завоевали первое место[263].

В первую половину XVI в. основная масса русского экспорта направлялась сушей через города Вильнюс, Минск, Брест, Гродно, Люблин, Краков, Вроцлав, Варшаву или через Гродно, Познань.

Польско-русская торговля, возникшая как транзитная между Шленском (Силезией) и немецкими землями, Фландрией и Русью, в начале XVI в. стала приобретать самостоятельное значение. По мнению А. Вавжинчик, русский экспорт составлял $^1/_3$ общего товарооборота Литвы и Польши, его объем в этом направлении, насколько позволяет судить материал зундских таможенных книг, во много раз превышал русский экспорт через балтийские порты и достиг размеров архангельского экспорта середины XVII в.[264]

В конце XV в. торговые пути изменились, центр их из Нюрнберга переместился в Лейпциг. Основные транзитные пути теперь миновали Чехию. Чешско-русские связи сменились русско-польскими[265]. Промышленные северочешские и северо-восточноморавские районы с помощью Польши поставляли на Русь предметы своего производства, в первую очередь сукна. Росту таких крупных городов, как Лейпциг, который в 1497 и 1507 гг. получил привилей на право устраивать имперские ярмарки, немало способствовала пушная торговля[266] — прежде всего русской пушниной[267]. В первой трети XVI в. завязались непосредственные связи Руси с Лейпцигом.

Торговля в западном направлении на протяжении конца XV—первой трети XVI в. приобрела значительный размах. Несмотря на войны с Великим княжеством Литовским, активность русского купечества развивалась. Если в конце XV в. русское купечество «освоило» русские же земли Литовского княжества, то к концу первой трети XVI столетия оно уже достигало польских городов — Люблина, Сандомира и др. В формировании программы внешней политики этому направлению зарубежной торговли принадлежала весьма серьезная роль.

На северном и северо-западном направлениях купечество русских городов, в первую очередь Пскова и Новгорода[268], вступало

---

[263] *Koszy L.* Handel Poznania do połowy wieku XVI. Poznań, 1930.

[264] *Wawrzyńczyk A.* Op. cit., s. 22, 73, 123; *Idem.* Rola Warszawy w handlu z Wielkim księstwem Litewskim i Rosią w XVI w. — KH, 1956, r. 63, z. 2, s. 1—26.

[265] *Florovskij A. V.* Op. cit., s. 46—68; *Koczy L.* Handel Poznania, s. 26—28.

[266] *Hasse E.* Geschichte der Leipziger Messen. Leipzig, 1963, S. 11—35; HR, Abt. III, Bd. 4, N 39, S. 45, 8 ноября 1497 г.

[267] *Netta G.* Die Handelsbeziehungen zwischen Leipzig und Ost- und Süd-Ost-Europa bis zum Verfall der Warenmessen. Zürich, 1920.

[268] В Риге в конце XV—начале XVI в. торговали и псковичи: кожевник Аксентий, портной мастер Стефан, котельники Моисей и Тимоха, Семен

в контакт с купечеством ливонских городов — Тарту, Таллина, Риги. В 1522 г. были строго разделены сферы их торговли: Рига получила право торговать с полочанами, смольнянами, вильневцами и литовцами, Таллин, Тарту и Нарва — с псковичами, новгородцами и купцами «из страны великого князя московского» [269].

Ливонское и ганзейское купечество, основой экономики которых была транзитная торговля, очень болезненно переживало закрытие Немецкого двора в Новгороде, продолжавшееся по его подсчетам 9 лет и 3 недели [270]. Тотчас по восстановлении двора туда поспешили ганзейцы. В 1521 г. на Немецком дворе было не менее дюжины подмастерьев (geselle) [271]. В 1521 г. положение двора пошатнулось в результате неудачной попытки увоза ливонки, принадлежавшей новгородскому священнику. Ливонцы и ганзейцы должны были уплатить большой штраф городу и священнику. Часть этих денег была занята у самих новгородцев. Вплоть до 1523 г. с любечанина Якова Иванова (Якоба Шутте) новгородский купец Семен Мижуев требовал возврата 65 новгородских рублей под угрозой взять в залог кассу и утварь вплоть до медных дверей церкви Немецкого двора [272].

Иголка, Иван и Василий Цюзоновы, и выходцы из других городов, живших во Пскове: Иван Тверитин, Иван «з Ржова» (ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 4, ящ. 19, № 268; 1486 или 1501 г.), и «московские сведенцы»: Иван Позняков, Алексей Душка, Елизар Елоха, Иван Голова, Федос Семенов, Нестер (там же, № 85-а, 25 июля 1517 г.), и гости Юрий Константинов, Гридя и Игнат Костеневы, Микула Дмитриев Личнин (там же, № 94-а, 16 февраля 1526 г.; *Хорошкевич А. Л.* Источники по истории полного холопства конца XV—начала XVI в. — СА, 1974, № 4, с. 84). О торговле Пскова дополнительно к работам В. В. Дорошенко, А. Аттманна см.: *Jenss J.* Rīgas pilsētas tirdzniecība ar Pleskavu XVI un XVII gs. — Jzglītības Ministrijas Mēnešraksts, 1937, N 1—2.

269 HR, Abt. III, Bd. 8, N 203, § 3b, 3e, S. 232, 12—14 июня 1522 г. С московскими купцами ганзейцы знакомились и раньше, во время пребывания в Москве. Так, в 1494 г. посла Г. Реммелинкроде ссужали деньгами магистр (mester) Альбрехт фан Веттер и Стеффен Хильбек. Они же принимали участие в приеме послов. По-видимому, оба немца состояли на службе у Ивана III, который отправил их с известием о своей позиции по поводу русско-ливонской торговли к ливонскому магистру. По сообщению последнего Иван III благоволил к Хильбеку и богато его одаривал. Тем не менее Хильбек до осени 1502 г. покинул Русь. Цели его поездки в Швецию (до 1496 г.) неизвестны (LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 31, 32, 34, S. 22, 26, 29, 1494 г.; Bd. 2, N 411, S. 286, 27 ноября 1502 г.; Bd. 1, N 401, S. 286, 31 августа 1496 г.). В 1518 г. в Москве был задержан купец ливонского магистра Угрим Баграков, должник многих русских (ПДС, т. I, стб. 434). В 1523 г. к «королеву человеку» в Москве запрещался доступ «немчину», вероятно купцу (Сб. РИО, т. 35, № 95, с. 672). Речь могла идти и о «русских» иностранцах, активно участвовавших в торговле. [До 1521 г. торговал Степан немчин (РИБ, т. 16, № 10, с. 30, 1521 г.).]

270 HR, Abt. III, Bd. 7, N 413, § 216, S. 729, 29 мая—11 июня 1521 г.

271 Ibid., N 202, § 3, S. 229, 12—14 июня 1522 г.

272 *Гансен.* Грамоты, № 30, с. 24, б. д.; HR, Abt. III, Bd. 7, N 372, S. 673; Bd. 8, N 513, S. 446, 25 января — 13 февраля 1523 г.; S. 447, A. 1.

Гостевая торговля в Риге была запрещена в 1459/60 г., в Таллине — только в 1516 г.[273] До второго десятилетия XVI в. ганзейцы имели право торговать с приезжавшими сюда русскими. Это, вероятно, и было предпосылкой быстрого развития русско-таллинской торговли. В условиях восстановления русско-ганзейской торговли и борьбы русских за беспосредническую внешнюю торговлю запрещение гостевой торговли имело ярко выраженную антирусскую окраску.

В ответ на запрещение гостевой торговли в Таллине русские стали привозить свои товары — лен и пеньку в Ригу, причем новым путем — через Псков и Алуксне (Мариенбург) [274].

Среди балтийских городов заметное участие в торговле с Русью на рубеже XV—XVI вв. стал играть Гданьск[275], роль которого справедливо подчеркивал А. Мончак[276]. Это важно, с одной стороны, для установления окончательной судьбы русских товаров в Польше, а с другой — для понимания сущности балтийского вопроса. Гданьск занимал противоречивую позицию: собственные экономические интересы толкали его к установлению непосредственных торговых связей с Русью, а традиционные связи с Ливонией — на воинственные по отношению к Руси действия.

Во втором десятилетии XVI в. в число русских контрагентов включились и представители Прусского ордена. В апреле 1518 г. Дитрих Шонберг получил жалованную грамоту на торговлю его приказчика — «человека» в Новгороде, Пскове и Москве[277].

---

[273] *Hollihn G.* Die Stapel und Gästepolitik Rigas in der Ordenszeit. — HGbll, 1935, S. 177.

[274] *Hansen.* Regesten, N 195, 198, S. 45, 46, 1 февраля, 19 марта 1522 г.; HR, Abt. III, Bd. 8, N 201, § 4—5, S. 228; № 512, § 20, S. 446, 12—14 июня 1522 г., 25—26 января 1523 г.; Bd. 9, N 523, § 14, S. 655, N 575, § 8, S. 686, 21—24 февраля 1529 г., февраль 1530 г.; *Dorošenko V. V.* Rīgas pilsētas pēdejās brunotās cīņas ar Livonijas ordeni. — In: Feodāla Rīga. Rīga, 1978, l. 111.

[275] Гданьчане торговали на Неве в 1495 г., в 1494 г. русские купцы посетили Гданьск, возможно купцы участвовали в поездке русских послов из Москвы в Гданьск и в 1498 г. (LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 175, 38, 740, S. 133, 33, 553, 8 апреля 1495 г., 2 августа 1494 г., 1 декабря 1498 г.). Новый налог на купцов, торгующих с русскими (на покрытие расходов ганзейских посольств в Москву), с 1498 г. взимался с гданьчан и всех тех, кто ездит через Зунд (ibid., N 680, § 89, S. 508—509, 28 мая—15 июня 1498 г.). В 1502—1503 гг. гданьчане вступили в контакт с русскими в Выборге (ibid., Bd. 2, N 395, 531, S. 284, 424, осень 1502 г., сентябрь 1503 г.). В торговле с Русью активно участвовал бюргермейстер города Матвей Циммерман, 18 октября 1507 г. получивший от Жигимонта I право торговать в Москве [ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 8, л. 198 об.—199 (по старой пагинации 181 об.—182)]. Готшалк Циммерман — видимо, его брат — направлялся в Москву в 1503 г. «со своими товарищи и с служебники» (Сб. РИО, т. 35, № 74, с. 362—363). Он же торговал в 1509 г. и в Вильнюсе (*Хорошкевич А. Л.* Некоторые социально-политические предпосылки формирования правовой культуры литовских городов конца XV—начала XVI в. — In: Studia maritima, v. I. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1978, c. 59).

[276] КН, 1957, г. LXIV, N 2, s. 164.

[277] Сб. РИО, т. 53, № 5, с. 56.

О русской торговле на Белом море в конце XV—начале XVI в. из русских источников ничего не известно. По свидетельству же Олая Магнуса, по Белому морю передвигались суда, называемые «московитами» strudzar (речь, по-видимому, шла о стругах) [278]. Вероятно, местная торговля имела значение лишь для жителей самого побережья Белого моря [279].

В период некоторого ослабления русско-ливонских отношений — в 1494—1514 гг., т. е. тотчас после закрытия Немецкого двора в Новгороде и в особенности во время русско-ливонской войны, в роли контрагентов Руси выступило купечество Выборга и окрестное карельское крестьянство, торговля которых с русскими приобрела не местное, но более широкое международное значение [280].

После 1514 г. серьезно выросла торговля Ивангорода, успешно конкурировавшего со старыми центрами транзитной торговли, как русскими (Новгород и Псков), так и ливонскими (Нарва, Рига, Таллин). Ивангородское купечество предпринимало самостоятельные морские поездки в Таллин [281].

---

[278] *Olaus Magnus.* Op. cit., XIX, 45.

[279] Вряд ли к Белому морю относится рассказ в Распространенной редакции Жития Варлаама Хутынского о жене купца, который «куплю деяше на мори» (*Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 46).

[280] *Казакова Н. А.* Малоизвестные источники о русско-прибалтийской торговле конца XV—начала XVI в. — ВИД, т. I. Л., 1968, с. 269—276. В 1490 г. русские приходили в Кемь со своими товарами. Вероятно, они вели торговлю не только с городским населением, но и с бондами (FMU, Bd. V. Helsingfors, 1928, N 4286, s. 256, 21 июля 1490 г.). В 1492 г. выборгские бюргеры активно участвовали в торговле с русскими на Неве, где таллинцы отобрали у них 3 корабля с 5 ластами зерна, 1 ластом, 5 шиффсфунтами соли и 2 бочками пива (ibid., N 4464, s. 381, 26 января 1493 г.). В 1493 г. выборжцы занимались посреднической торговлей между таллинцами и русскими (ibid., N 4487, s. 399, 28 апреля 1493 г.). Значительные размеры русская торговля в Выборге приобрела в годы русско-ливонской войны (*Казакова Н. А.* Малоизвестные источники). Продолжалась она и после 1503 г. В 1505 г. Тарту сообщал съезду вендских городов в Любеке, что все города в Ливонии «жалуются на непривычные поездки (вернее плавания. — *А. Х.*) к Выборгу в Швеции, которые совершают русские к убытку всей страны в Ливонии» (HR, Abt. III, Bd. 5, N 43, S. 127). Позднее, в 1507 г., в Финляндии был один любекский купец, Бернд Лютге, который следил за этой торговлей и вынужден был признать, что она велась регулярно (ibid., N 153-a, S. 253—254, 17 февраля 1507 г.). В 1507 г. финские бонды были ограблены таллинцами, когда они плыли на Неву с 10 ластами соли и 10 марками денег (FMU, Bd. VI. Helsingfors, 1930, N 5261, s. 488, 28 июля 1507 г.). Наконец, зимой 1509 г. русским в Выборге было продано 100 (!) ластов сельди (ibid., Bd. VII. Helsingfors, 1932, N 5389, s. 29, весна 1509 г.).

[281] Так, ладья Ивана Шуйги Игнатьева подверглась ограблению на обратном пути из Таллина в 4 милях от города (HNH, d. I, N 71, s. 75—76, до 30 июля 1514 г.; *Hansen.* Regesten, N 46, S. 11, 1515 г.). Вместе с ивангородцами в Таллин ездили и ямгородцы (HR, Abt. III, Bd. 8, N 202, § 3 f, S. 230, 12—14 июня 1522 г.; Bd. 9, N 575, § 8, S. 686, февраль 1530 г.). Летом 1523 г. они сняли там все подвалы для складов (ibid., Bd. 8, S. 235, A. 2, 7 августа 1523 г.).

Ивангород был притягательным пунктом для датчан, шведов, купцов немецкого происхождения, но не входивших в Ганзу[282]; все они приезжали в Ивангород и торговали там. Торговля велась ими в таких размерах, что Таллин завел старую песню о «гибели» города[283]. Даже союзники ливонских городов не упускали возможностей непосредственных контактов с русскими. В 1505 г. в Ивангород прибыл шведский корабль[284].

В эти годы ливонцы очень опасались, что торговля с русскими по распоряжению великого князя будет ограничена только Ивангородом или Нарвой. Опасения ливонцев несколько оправдались. После восстановления торговли в 1514 г. ивангородский наместник запретил и псковичам, и новгородцам ездить в Нарву[285], они должны были торговать только в самом Ивангороде. Русские решили сбывать свой воск в Тарту или Риге[286]. В 1515 г. ивангородский наместник задержал немецкие товары, предназначенные для Новгорода[287].

Великий князь ревниво следил за тем, чтобы Ивангород процветал. Здесь нарвские, а с 1517 г. и таллинские купцы покупали русские товары, где и происходило их взвешивание[288]. Если же псковичи и новгородцы не могли сторговаться в Ивангороде, они должны были ехать в Таллин[289]. Ивангородский наместник еще в предшествующее десятилетие взял в свои руки управление всеми внешними сношениями[290].

На второе десятилетие — первую половину третьего десятилетия XVI в. приходится быстрое развитие внешней торговли Ивангорода.

В конце XV—начале XVI в. постепенно увеличивалась роль иных контрагентов в торговле с Русью, голландских и в первую очередь антверпенских купцов[291]. Голландский корабль, прибывший в 1531 г. в Ивангород, а затем в Нарву, привез русским пушки и металлы, принадлежавшие Иоахиму Бурмейстеру (Амстердам) и др.[292]

---

[282] HR, Abt. III, Bd. 5, N 53, S. 135, 8 мая 1505 г.

[283] LECUB, Abt. III, Bd. 3, N 169, S. 117, 19 марта 1507 г.

[284] HR, Abt. III, Bd. 5, N 51, S. 133—134, 26 марта 1505 г.

[285] В результате этого в 20-х годах XVI в. роль Нарвы резко упала. Ганзейцы жаловались, что в Нарве только 5 или 6 бюргеров ведут торговлю русской пушниной (ibid., Bd. 7, N 413, § 238, S. 733, 29 мая—11 июня 1521 г.).

[286] Ibid., Bd. 6, N 593, 31 декабря 1514 г.

[287] Ibid., N 601, 25 марта 1515 г.

[288] Ibid., N 604, S. 565, 3—6 мая 1515 г.; *Hansen.* Regesten, N 82, S. 18—19, 1517 г.

[289] HR, Abt. III, Bd. 6, N 607, S. 566—567, 25 июля 1515 г.

[290] Ibid., Bd. 5, N 520, S. 610, 1509 г.

[291] Niederländische Akten und Urkunden zur Geschichte der Hanse und zur deutschen Seegeschichte, Bd. I—II. Lubeck, 1929; *Denucé J.* La Hanse et les compagnies commerciales anversoises aux payx baltique. Anvers, 1938; *Doehaerd R.* Etudes anversoises. Documents sur le commerce international à Anvers. 1488—1514, v. I—III. Paris, 1962—1963.

[292] *Granlund*, d. VII, s. 556.

К концу XV в. относятся первые сведения о торговле французов на Балтике с помощью ганзейцев. И в первой трети XVI в. непериодически осуществлялись экономические связи Руси и Франции [293].

В 20-х годах XVI в. наряду с французами к богатейшим русским рынкам и заманчивому для людей эпохи Возрождения пути на восток рвались и итальянцы, и англичане. На англо-ганзейских переговорах в Брюгге был поставлен вопрос о торговле англичан в Ливонии и с русскими [294]. Ливонцы жаловались, что приходят ломбардцы и другие чужие люди, которые ищут «странные и удивительные» пути, чем торговля может быть «повреждена». Но ни французам, ни англичанам, ни итальянцам не удалось закрепиться в балтийской торговле с русскими в первой трети XVI в.

Внедрение Фуггеров в ливонскую торговлю впервые стало заметно в начале второго десятилетия XVI в. Ливонский магистр принял решительные меры по пресечению торговли Фуггеров с Москвой и потребовал, чтобы представители этой компании не ездили дальше Нарвы. Тогда Фуггеры завязали связи с литовцами, которые выполняли роль посредников между компанией и московским купечеством. Магистру в 1513 г. стало известно, что литовец с товарами Фуггеров находится в Риге [295].

Торговля Фуггеров должна привлечь особое внимание, потому что если на востоке Европы эта компания стремилась к установлению торговых отношений с Русью, то на севере Европы она приобрела прочные позиции в стране, союзной Руси, — в Дании, и один из проектов развития русско-датской, а шире — всей североевропейской торговли, вышедший из кругов датского купечества, которое поддерживал и Христиан II, было связано с деятельностью Фуггеров. Датчане, поддерживавшие сношения с этой компанией в Аугсбурге, рассматривали их как союзников [296].

---

[293] *Преображенский В. Д.* Франко-русские отношения в XVI—XVII вв., ч. I. Взаимоотношения Франции и России до начала дипломатических отношений между ними и первые русские посольства во Францию. — Уч. зап. Ярославского гос. педагогического института, 1945, вып. VII. История, с. 23, 29—30; *Attmann A.* Den ryska marknaden, S. 1551; *Kirchner W.* Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550—1650). — RH, t. CCII, oct.-dec., 1949, p. 161—183; *Jeannin P.* Les relations économiques des villes baltiques avec Anvers au XVIe siècle. — VSWG, Wiesbaden, 1956, Bd. 43, H. 4, S. 329.

[294] HR, Abt. III, Bd. 7, N 455, § 11, S. 860, N 456, § 10, 12, S. 869—870, 12 сентября—30 ноября 1521 г. Рижско-английский договор 26 ноября 1496 г. предусматривал возможность торговли русских в Англии (LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 735, S. 550).

[295] HR, Abt. III, Bd. 7, N 413, § 288, S. 739, 29 мая—11 июня 1521 г. В Тарту Фуггеры появились в конце XV в. В городской устав 1501 г. был занесен запрет вступать с ними в компанию (LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 837, § 40, S. 653).

[296] *Christensen A. E.* Danmarks Handel i middelalderen. — In: Nordisk kultur, Handel och Samfardsel, t. XVI. Stockholm — Oslo — Kobenhavn, 1933, s. 123.

Фуггерам к 1521 г. удалось проникнуть в Новгород. Против использования ими Немецкого двора там резко выступили на ганзейском съезде в Любеке в мае-июне 1521 г. послы Тарту. Они говорили, что не следует пускать представителей других наций, а именно Фуггеров и датчан, на Немецкий двор в Новгороде. Рига и Таллин жаловались, что Фуггеры и другие заморские гости (Averlender) торгуют с русскими не серебром, а пряностями, зеркалами и всяким мелочным товаром (kramerie) и поэтому получают от них большое количество соболей [297].

Торговля датчан в Прибалтике проходила под покровительством и при активном содействии государственной власти. Датские корабли прибывали в Прибалтику вместе с послами, двигавшимися на Русь. Данных о датском купечестве на Руси крайне мало [298].

Неудачи Христиана в его борьбе за власть над Швецией и за власть в собственной стране самым пагубным образом сказались на судьбах русско-датской торговли. Она фактически прекращается, а место датчан в середине 20-х годов XVI в. занимают шведы. В это время они становятся частыми гостями в русских и ливонских городах, равно как и русские в Стокгольме [299].

Таким образом, на протяжении конца XV—начала XVI в. происходила быстрая смена контрагентов русских купцов — на юге место итальянцев в начале XVI в. заняли турки, на северо-западе к ливонцам и ганзейцам присоединялись то датчане и Фуггеры, то шведы, не считая эпизодических появлений купцов других национальностей. Лишь на западе, где проходила основная государственная граница Руси, неизменными контрагентами оставались литовцы, русские, украинцы и белорусы, жившие на территории Великого княжества Литовского. В непосредственный и постоянный контакт с русскими вступили поляки.

В зависимости от политической обстановки то или иное направление русской внешней торговли временно становилось главным. В периоды войн с Великим княжеством Литовским (1487—1494, 1500—1503, 1507—1508, 1512—1514, 1517—1518 гг.) резко падала роль западной торговли, в 1501—1503 гг. прекратились русско-ливонские торговые сношения, в последние годы XV в., по-видимому, упала роль южной торговли, характер которой полностью изменился после завоевания турками Каффы.

Выдвижение то одного, то другого направлений русской внешней торговли очень точно отражало изменения внешнеполитической обстановки, на первый план выходило то Великое княжество Литовское, то Выборг или Нарва. Передвижение центров

---

[297] HR, Abt. III, Bd. 7, N 413, § 208, 211, S. 728, 729, 29 мая—11 июня 1521 г.

[298] Деньги и товар должен был датчанину Антону Степан пушечник (РИБ, т. 16, № 10, с. 30, 1521 г.).

[299] *Olaus Magnus*. Op. cit., IX, 36.

было следствием и лихорадочной борьбы русского купечества за свободную торговлю со всей остальной Европой.

Ни сменой контрагентов, ни сменой направлений внешней торговли не исчерпываются новые явления в русских внешнеторговых связях с Европой в конце XV—начале XVI в. Наиболее характерными для них в этот период были попытки русского купечества освободиться от всякого посредничества в торговле со странами Европы.

Во внешней торговле конца XV—начала XVI в. участвовали все основные русские города. Поскольку Центральная Русь 70-х годов XV в. была еще полностью отрезана от северо- и восточноевропейских мировых торговых путей, посреднические функции между Северо-Восточной Русью и ганзейским купечеством осуществляли новгородские и псковские купцы. Причем новгородцы упорно осуществляли свою монополию на ганзейскую торговлю. В конце 70-х годов XV в. в Новгороде появились московские и владимирские купцы, активно включившиеся во внешнюю торговлю. Купечество Москвы и небольших городков Московского княжества (Можайска, Дмитрова) стало ведущей силой в западной и южной торговле, где так же активно действовали новгородские, псковские и великолуцкие горожане. Псковичи, более тесно связанные с Москвой политически, в это же время допустили москвичей на свой рынок. Московское купечество появлялось в Смоленске, куда в конце 60-х годов XV в., несмотря на запреты полочан, удалось проникнуть и ганзейцам. Большую роль в торговле с Литвой в XV в. играла и Тверь [300].

И позднее, в 20-х годах XVI в., состав купечества остался прежним. В 1525 г. у ряда русских купцов в Великом княжестве Литовском были отобраны товары. Среди них значились купцы Новгорода, Пскова, Великих Лук, Вязьмы, Новгорода, Старицы [301].

Города Центральной Руси, и в первую очередь Москва, все чаще стали принимать в своих стенах иностранных купцов. Поэтому трудно согласиться с мнением А. Вавжинчик, будто иностранные купцы в Москве были редкостью [302].

Главным отличием изучаемого времени была борьба русского купечества за развитие активной торговли. Если в предшествующее время центрами внешнеторговых контактов были русские города, центры отдельных государственных образований (исключение составляла лишь южная торговля), то теперь русское купечество само стремилось за пределы Руси, чтобы, минуя всех и всяких посредников, установить непосредственные контакты с производящими импортные и потребляющими экспортные русские товары странами.

---

[300] *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане, с. 42—43; *Черепнин Л. В.* Образование, с. 402—408.

[301] *Wawrzyńczyk A.* Op. cit., s. 16, 19.

[302] Ibid., s. 76.

Двадцатые годы XVI в. были годами развития активной русской торговли. В литературе уже приводился факт плавания русского корабля в Копенгаген в 1517 г.[303] Правда, морская война 1519—1521 гг. должна была задержать развитие этой торговли. Однако уже в 1525 г. русские снова появляются в Антверпене[304]. В то же время продолжала развиваться и сухопутная торговля. Тем не менее попытка ликвидации посредников в северо-западной торговле Руси оказалась безрезультатной.

Роль городов Руси во внешней торговле изменялась в зависимости от внешнеполитической ситуации. Так, в конце XV—начале XVI в. Псков несколько потеснил Новгород в торговле с Прибалтикой и Северной Европой[305]. В западной торговле в XVI в. большую роль стали играть воссоединенные русские города — Вязьма и Смоленск.

В связи с развитием активной русской торговли центр внешнеторговых контактов передвинулся из Руси за ее пределы — в Великое княжество Литовское, ливонские города и города Финского залива. В южной торговле по-прежнему участвовали те же самые города, независимо от того, с кем велась эта торговля.

ВНЕШНЕТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Внешнеторговая политика Русского государства складывалась из нескольких компонентов. Потребности русской экономики ставили перед великокняжеским правительством задачу обеспечения благоприятных условий для бесперебойного поступления на Русь импортных и свободного экспорта русских товаров за рубежом. Традиции торговли, унаследованные Русским государством от прежде независимых политических образований, складывались в иную эпоху, эпоху, когда Русь была ослаблена монголо-татарским игом. Это позволило иностранному купечеству пользоваться различными привилегиями, которые ныне, в эпоху об-

[303] Впервые этот факт отмечен В. Кирхнером (*Kirchner W.* Commercial Relations between Russia and Europa 1400 to 1800. Bloomington, 1966, p. 34; см. также: *Шаскольский И. П.* Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970, с. 18).

[304] HR, Abt. III, Bd. 9, N 131, § 24, 27, 38, 42, S. 191, 193—194, 7—25 июля 1525 г.

[305] Это объясняется тем, что после закрытия Немецкого двора в Новгороде и прекращения новгородско-таллинских прямых контактов основной поток товаров направился во Псков, остававшийся независимым от Русского государства. Тартуско-псковская торговля развертывалась до 1501 г. на основе договора 1493 г., на сохранении которого настаивали как сами ливонские города, так и магистр (LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 132, 143, S. 105—106, 112 u. a.). О роли внешней торговли на Балтике для развития русских городов северо-запада см. подробнее: *Хорошкевич А. Л.* Значение экономических связей, с. 13—31.

разования единого государства, стали тормозом на пути расширения экономических контактов. Поэтому к главным линиям внешнеторговой политики, свойственным и раннему средневековью, — защите имущественных и личных прав купечества — в изучаемое время добивались и другие, в силу особенностей этого времени вышедшие на первый план. Это борьба за равенство контрагентов в торговле внутри страны и за ее границами, за справедливые условия торговли.

Наиболее традиционной была политика в области южной торговли. Как в политических, так и в торговых отношениях с Крымским ханством, русское правительство чувствовало себя наиболее связанным пережитками монголо-татарского ига. На протяжении всего изучаемого времени оно не смогло добиться гарантии личной безопасности русского купечества, торговавшего с Крымом. Лишь в 1492 г. оно выступило с программой защиты прав купечества по отношению к Османской империи: соблюдать старые правила торговли, выдавать купцам имущество их умерших товарищей и т. д.[306] Ни в конце XV, ни в первой трети XVI в. положение русских купцов в пределах Османской империи не охранялось специальными статьями договоров.

Лучше складывалась ситуация в отношении западной сухопутной торговли с Великим княжеством Литовским и другими странами. В конце 70-х—начале 80-х годов XV в. псковичи выступили с требованием предоставления им гостевой торговли с немцами. Они обвиняли литовские власти в том, что «по твоей державе воеводы и мещане нашим псковичом купцом с немцы торговати не дадут»[307]. В период существования независимой Псковской республики ее жителям не удалось получить права гостевой торговли на территории Великого княжества Литовского. Введение новой системы взимания торговых пошлин, в 80-х годах XV в. отдаваемых на откуп, осложнило поездки русских торговых людей в Литовское княжество. Были введены новые мыта в Минске, Полоцке, Смоленске. Под предлогом объезда русскими этих мыт их товары иногда конфисковались[308]. В докончание 1494 г. была внесена специальная статья о торговле: «Гостем нашим по нашим землям гостити на обе стороны без рубежа и без всякие пакости». Русское купечество на ее основании настаивало на своем праве ездить любой дорогой: «Куде которому гостю будет надобе к которому городу ехати, и он к тому городу тою дорогою едет».

---

[306] Подробнее о внешнеторговой политике по отношению к Крымскому ханству и Османской империи см.: *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М., 1935.

[307] АЗР, т. I, № 74, с. 94.

[308] Так было с вяземскими купцами в Смоленске в 1498 г. В ответ были захвачены товары (на 700 коп) мещан из Смоленска — Ивана Патрикеева с товарищами (Сб. РИО, т. 35, № 54, с. 259).

Поскольку на Руси и в Литовском княжестве были разные порядки наказания за неуплату мыта (на Руси за это полагалась только «заповедь», т. е. запрет продавать товар, в Литовском княжестве — конфискация товара), то разница эта оказывалась причиной многих конфликтов.

Русские требовали прекратить взимание «новых мыт и лишних пошлин на старых мытех»[309]. Не добившись этого, после вхождения Вязьмы в Русское государство здесь по образцу литовских городов русские власти установили взимание мыта, во Пскове в 1510 г. было введено взимание тамги. В конце XV в. размеры мыта в Полоцке и других городах Литовского княжества были увеличены, что вызвало противодействие русских[310]. Однако вопрос о размерах мыта с русских купцов в Литовском княжестве остался нерешенным.

Проведение русской внешнеторговой политики встретило резкое сопротивление западного соседа Руси — Литовского княжества. Великий князь литовский запретил вывоз серебра на Русь, вероятно, пользуясь конфликтом из-за изготовления фальшивых денег в Полоцке в 1492 г. как предлогом[311]. Возможны и другие предположения, например, о том, что этот акт был предпринят как реакция на закрытие Немецкого двора в Новгороде. К сожалению, дата введения «заповеди» на серебро неизвестна. Ни на переговорах 1489 г., ни 1494 г. русские не жаловались на ограничение торговли благородными металлами. О нем речь зашла только в 1495 г.

В конце 1494 г. у можаетина Якуша Андреевича Малышкина, ехавшего из Вильнюса вместе с литовскими купцами, в Смоленске, входившем в пределы Литовского княжества, было отобрано серебро. Великокняжеский дворянин Петр Держкович, произведший конфискацию серебра, объявил русским послам, «что заповедано из Литовские земли серебро в наши (т. е., по словам посла, — русские) земли возити». Иван III через своих послов просил литовскую сторону вернуть серебро Малышкину и снять запрет с ввоза серебра на Русь: «а будет в его земле и его людем заповедь, что серебра не возити в наши земли, и он бы и своим людем велел отповедати, занже нынеча есми с ним в любви, и из наших земель в его земли наши купци в наши земли ездили бы добровольно со всяким товаром». Ту же просьбу русский великий князь повторил в августе 1495 г.[312] Только в марте 1496 г. великий князь литовский ответил на послания

[309] Сб. РИО, т. 35, № 56, с. 260, 269, 271.

[310] Там же, № 78, с. 461.

[311] Некий Андрейка изготовил $^1/_2$ ласта фальшивых рижских денег, распространением которых в Таллине занимались двое русских из Ямы — Василий Захарьевич и Ортус. Первый поплатился за это жизнью. В сентябре—октябре 1494 г. он был заживо сварен в Таллине (HR, Abt. III, Bd. 3, N 153, S. 103, января 1493 г.; LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 647, S. 480, 2 февраля 1498 г.).

[312] Сб. РИО, т. 35, № 36, с. 193—196, май 1495 г.; № 40, с. 209, август 1495 г.

своего тестя: «ино мы заповедали нашим купцом не возити сребра з нашеи земли, а ни продавати никому; а слышели есмо, что наши мещане виленские повезли сребро с нашие земли, и для того послали за ними того нашего дворянина; и он вгонил их в Смоленску, а того купца твоего с ними нашел, и тое сребро в купца твоего взял, а пытал его, где то сребро взял. И он поведал перед нашим дворянином, што ж тое серебро купил в нашего мещанина виленского, ино в которого будет он вилневца купил тое сребро, и мы тому вилневцу велим его сребро заплатити»[313]. Таким образом, запрет вывоза серебра из Литовского княжества к марту 1496 г. не был снят, возможно, он продержался и дольше, до 1514 г.

Дело полоцких фальшивомонетчиков и распространителей фальшивой монеты оказалось предлогом для закрытия Немецкого двора в Новгороде. Для того чтобы понять, как это произошло, нужно обратиться к истории русско-ганзейских отношений 70—80-х годов. В новгородско-ганзейской и новгородско-ливонской торговле сохранялись обычаи, сложившиеся несколькими столетиями раньше. Новгородские купцы обязаны были давать «наддачи» при продаже пушнины (около 30 шкурок на 1000), не оплачиваемые покупателем. Иностранцы имели право проверять качество воска путем отделения кусков (так называемого «колупания»), которые также шли бесплатно в пользу покупателя. Соль и мед продавались расфасованными, поставы сукна, как правило, не имели установленной длины. Все это составляло источник дополнительной прибыли ганзейцев[314].

Великокняжеское правительство с 1478 г. начало борьбу за ликвидацию привилегий иностранного купечества и за развитие активной торговли русских за рубежом. Больших успехов в этом последнем отношении удалось достигнуть в 1487 г. Ганзейские города согласно своему договору с Новгородом взяли на себя ответственность за имущественную и личную безопасность русских в ганзейских городах, их охрану от ганзейских же бюргеров[315].

Борьба же за изменение условий торговли продолжалась и в конце 80-х—начале 90-х годов. На первый план вышли правила торговли весовыми товарами, а именно солью и медом, которые ганзейцы привозили расфасованными в мешки и бочки, в результате чего русское купечество терпело большие убытки. С 1489 г. было введено обязательное для новгородцев постановление покупать мед и соль по весу, в это же время была по-

---

[313] Там же, № 40, с. 216; АЗР, т. I, № 134, с. 155, март 1496 г.

[314] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, с. 180—182; *Клейненберг И. Э.* Цены, вес и прибыль в посреднической торговле товарами русского экспорта в XIV—начале XVI в. — В кн.: Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968, с. 36—44.

[315] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, с. 182—193.

вышена весовая пошлина. В 1489 г. право взвешивания серебра было передано новгородским денежникам, ганзейские купцы обязаны были отныне отдавать на переливку ввозимое ими серебро и тем самым на них перекладывались убытки от передела низкопробного серебра (так называемый «угар»), от которых раньше страдали новгородцы. В начале 1494 г. новгородцам было запрещено разрешать колупать продаваемый ими воск и давать наддачи к мехам под угрозой штрафа в 2 руб. В это же время, добиваясь гарантии личности русских за рубежом, новгородские власти известили ливонские города, что отныне считают ответственными за русских представителей иностранного купечества в Новгороде и в первую очередь приказчика Немецкого двора [316].

С целью отменить все эти нововведения в Москву было направлено посольство во главе с таллинским послом Готшалком Реммелинкроде и тартуским Томасом Шрове, которые от имени всех 72 ганзейских городов пытались вернуть прежние привилегии. Великий князь отверг все домогательства послов и требовал признания контрагентами русских полного равенства в торговле и гарантии личности и имущества русских в ливонских городах. По окончании безрезультатных переговоров 27 октября 1494 г. в Москву пришла весть о казни в Таллине двух русских — гостя Василия Сабурова (или Зубарева) и Василия Захарьевича из Ямы [317]. Казнь русских показала, что ни ливонский магистр, ни таллинский городской совет не признают права верховного суда великого князя над его подданными, находящимися в Ливонии. На этом праве Иван III настаивал на переговорах конца 1493 г. с литовскими представителями. В результате посол Таллина был арестован, Немецкий двор закрыт. Это, однако, не привело к прекращению русско-ливонской торговли, но к ее сокращению и изменению направления (на первое место вышла торговля в Пскове и Нарве). В августе 1495 г. был принят, а в конце 1498 г.[318] повторен запрет вывоза из Ливонии меди, свинца, чугуна и т. д., т. е. сырья для русского металлообрабатывающего ремесла, в первую очередь для изготовления оружия. Прекращение импорта в страну этих «стратегических» товаров было для Руси еще более губительно, чем сокращение ввоза серебра — сырья для чеканки монет и изго-

---

[316] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, с. 195—200.

[317] LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 34, 647, S. 31, 480, декабрь 1494 г., 2 февраля 1498 г.

[318] Ibid., N 243, 734, 741, 742, 745, S. 183, 548, 553, 557, 14 августа 1495 г., ноябрь—декабрь 1498 г. В 1493 г. купцы Кракова и Гданьска, желая сосредоточить восточноевропейскую торговлю в своих руках и опасаясь конкуренции русского купечества, просили польского короля Яна Ольбрахта закрыть новгородцам, москвичам и полочанам дорогу через Пруссию, Мазовию и другие польские земли (*Маловист М.* Экономическое развитие феодальной Польши в XIV—XVII вв. — ИЗ, М., 1955, т. 53, с. 210).

товления предметов роскоши: в условиях войн за воссоединение русских земель лишение русского ремесла цветных металлов обезоруживало страну. Трудно сказать, насколько всеобъемлющей была блокада Русского государства, предпринятая Великим княжеством Литовским и Ливонией.

В условиях подготовки к новой русско-литовской войне торговля между этими странами была, по-видимому, незначительной. Русско-ливонская торговля продолжалась почти в прежнем объеме [319]. Это, как и развитие русско-датской торговли, позволило русской стороне по-прежнему настаивать на принятии ганзейскими и ливонскими городами новых условий торговли с Русью на переговорах февраля 1498 г. Ганзейские города не сделали выводов из закрытия двора и так же, как раньше, настаивали на восстановлении своих привилегий в торговле с Русью. Неудача очередных переговоров показала, что необходимы более действенные меры для воздействия на прибалтийских контрагентов Руси. Между концом февраля и 24 июня 1498 г. был запрещен ввоз на Русь соли как из Ливонии, так и из Великого княжества Литовского [320].

По поводу этой меры русского правительства высказывались различные мнения: попытка обойтись собственной солью — А. Л. Хорошкевич, протекционистское мероприятие — Н. А. Казакова, А. Аттманн, Т. Эспер, чисто дипломатический маневр — С. Свенссон, Э. Тиберг, отчасти Т. Эспер, раннемеркантилистическое мероприятие, имевшее целью изменить состав ганзейского ввоза на Русь, повысив роль серебра: «серебро вместо соли» — И. Э. Клейненберг [321]. Можно рассматривать запрет ввоза на Русь соли как чрезвычайное мероприятие для принятия русской внешнеторговой программы контрагентами и противниками Русского государства на политической арене.

Прошло еще много времени, прежде чем эта мера оказала свое воздействие. Съезд ганзейских городов в Любеке 28 мая—15 июня 1498 г. постановил продолжить торговлю с русскими на тех же условиях, что и раньше, еще в течение одного-двух лет [322].

Предложение Гданьска, сделанное накануне переговоров и повторенное в мае 1498 г., о прекращении торговли с новгородцами, москвичами и псковичами не было принято, оно предусматривало продолжение торговли в Литовском княжестве и

---

[319] LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 603, S. 436, 16 октября 1497 г.

[320] О переговорах см.: *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, с. 283—292. Нарвские бюргеры, первыми узнавшие о запрете импорта соли, объясняли это желанием русских добиться покупки соли по весу (LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 687, S. 516, 24 июня 1498 г.). Действительно, в 1498 г. воск был взвешен на русских весах (ibid., N 744, S. 556, 10 декабря 1498 г.).

[321] *Клейненберг И. Э.* Серебро вместо соли, с. 117, 118. Здесь же см. литературу вопроса.

[322] LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 680, § 89, 103—105, S. 508—509.

Пруссии и было направлено на укрепление связей Гданьска с русским купечеством [323].

В соответствии с решением любекского съезда торговля продолжалась. По-видимому, Нарва, не будучи членом Ганзейского союза, после переговоров февраля 1498 г. в одностороннем порядке согласилась на русские условия. В Нарве началась торговля на вес солью и воском. Ей это было тем легче сделать, что еще в 1468 г. в Нарве был введен новгородский вес [324]. Это вызвало незамедлительный протест Таллина, который несколько раз в 1499 г. обвинял нарвский городской совет в том, что в каждом «весе» купленного в Нарве товара не хватает 3—4 лисфунтов, а в Нарве 1 шиффсфунт на 4 маркфунта тяжелее, чем в Таллине, как это было установлено 20 (!) лет назад. Таллин требовал, чтобы нарвские гири были уравнены с таллинскими. Сетовал он также и на то, что в Ивангороде введено обязательное взвешивание [325].

В результате мелкого пограничного конфликта магистром была закрыта торговля в Нарве, что также вызвало неудовольствие таллинских властей, настаивавших на ее возобновлении [326].

В 1501—1503 гг. все контакты русского и ганзейского купечества были прерваны. Великий князь не спешил с их возобновлением, тем более что любечане настаивали на прежних условиях торговли [327]. Весть о запрещении русско-ганзейской торговли на 6 лет, т. е. с 1503 по 1509 г., вызвала всеобщую озабоченность в ливонских городах [328]. Таллин, в наибольшей степени страдавший от прекращения контактов с Русью, предлагал не только возобновить их, но и разрешить вывоз на Русь металлов, на торговле которыми ливонские, ганзейские и русские купцы зарабатывали «некоторые деньги» [329]. В условиях официального запрещения русско-ганзейской торговли лишь Нарва продолжала поддерживать оживленные сношения с ивангородским купечеством [330]. Остальные же ливонские города вели лишь тайную торговлю с Русью. По-прежнему не был снят запрет с ввоза на Русь металлов. В 1507 г. ганзейские города

---

[323] LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 613, 679, S. 445, 509, сентябрь 1497 г., май 1498 г.

[324] *Клейненберг И. Э.* Унификация вощаного веса в новгородско-ливонской торговле XV в. (Из истории внешнеторговой политики Ивангородского ста). — АЕ за 1965 г. М., 1966, с. 90—93.

[325] LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 803, 804, S. 602—603, апрель-май 1499 г.

[326] Ibid., N 838, 954, 958, S. 638, 726, 728—729, вторая половина 1499 г., март 1500 г.

[327] Ibid., Bd. 2, N 498, S. 396, 26 мая 1503 г. Русские на протяжении 1503—1505 гг. выдвигали ту же программу развития активной торговли в ливонских городах, повторяли старые требования предоставления домов и церквей в ливонских городах и признания некоторой неполноправности «челобитья» ливонского магистра (ibid., N 745, S. 578, 26 марта 1505 г.).

[328] Ibid., N 531, 558, 583, 599, S. 424, 458, 467, 476, 29 сентября, 14 октября, 30 ноября 1503 г., 1 января 1505 г.

[329] Ibid., N 702, S. 550, 31 декабря 1504 г.

[330] Ibid., N 745, 826, S. 578, 639, 26 марта, 9 декабря 1505 г.

обратились к Жигимонту I с просьбой подтвердить этот запрет[331], который в Ливонии строго проводился в жизнь. В 1506 г. по распоряжению ливонского магистра были конфискованы медные котлы у Ротерта, отказавшегося присягнуть в том, что не везет их русским[332].

Готовясь к войне с Русским государством, Жигимонт поспешил известить Гданьск, что он готов к союзу с Ганзой против Руси[333]. Жигимонт не ограничился увериениями в дружбе, а быстро включился в блокаду Руси. Вывоз серебра и цветных металлов через Польшу и Литовское княжество на Русь был запрещен. Возможно даже, что Великое княжество Литовское выступило инициатором запрета вывоза цветных металлов. В конце 1506 г. во время пребывания Жигимонта в Вильнюсе он дал полоцкому наместнику Станиславу Глебовичу право получать 50 коп грошей «з бобров полоцких» (т. е. с налога, взимаемого с полочан за право бить бобров), за это он должен был с помощью своих слуг организовать «сторожу... о серебро и олово, медь, свинец, салетру (селитру. — *А. Х.*), серу, порох, абы тых речей за границей не провозили»[334]. Разумеется, ближайшей к Полоцку границей была граница Литовского княжества с Русью. В 1507 г. было принято общее постановление о запрещении ввоза на Русь благородных и цветных металлов из ливонских городов и Великого княжества Литовского, а в 1509 г. к ним присоединился и ливонский магистр В. Плеттенберг[335].

Руси удалось добиться выполнения своей внешнеторговой программы только в 1514 г., после удачной войны с Литовским княжеством, успехов на дипломатическом поприще (признания императором царского титула Василия III), развития русско-датской торговли. В ответ на снятие торговой блокады был разрешен ввоз соли на Русь[336]. Упорство, которое проявил Василий III в проведении торговой контрблокады Ливонии, принесло свои плоды: в 1514 г. противникам Руси пришлось отказаться от запрещения ввоза на Русь благородных и цветных металлов. С этого же года было восстановлено право ливонского и ганзейского купечества импортировать на Русь соль. Впрочем, Русь встречала трудности в покупке металлов и позднее. В 1517 г. в Нарве была задержана партия свинца, купленного

---

[331] Ibid., Bd. 3, N 194, § 150—151, S. 228 (то же: HR, Abt. III, Bd. 5, N 243, § 150—151, S. 327—328), 16 мая—июнь 1507 г.

[332] LECUB, Abt. II, Bd. 3, N 101, S. 66, 21 октября 1506 г.

[333] HR, Abt. III, Bd. 5, N 280, S. 423, 28 июля 1507 г.

[334] ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 8, л. 441 об.

[335] LECUB, Abt. II, Bd. 3, N 194, § 150—151, S. 134, 17 мая 1507 г.; HR, Abt. III, Bd. 5, N 285, S. 424, 26 августа 1507 г.; то же — ASPK, t. V, cz. 1 (1506—1508). Warszawa — Poznań, 1973, s. 115—116.

[336] Впрочем, по сообщению Герберштейна, условия торговли на Балтике из-за каперства были настолько неблагоприятны, что даже литовцы пользовались солью из Южной Руси (*Герберштейн С.* Указ. соч., с. 167).

русским в Таллине[337]. В 1519 г. таллинский городской совет обратился к ливонскому магистру с просьбой о разрешении возобновить торговлю с русскими медными котлами и свинцом в связи с истечением срока запрещения этой торговли[338]. Вопреки «крестоцелованию» даже в 1520 г. свинец принадлежал к запрещенным товарам таллинской торговли. 6 шфф свинца Левонтия было поэтому задержано фогтом Раквере (Везенберга). Ливонцы объявили, что Левонтий 4 года жил в Таллине и занимался тайным провозом свинца в бочках из-под меда[339]. У новгородского купца Ивана Васильева в русской церкви в Таллине в 1529 г. городским советом было отобрано 5 берковцев меди, привезенной из Заморья для великокняжеской казны, а Иван Долгий (Ланге) не отдавал ему же 11 берковцев свинца, привезенных из Любека немчином Ертем[340].

Небольшое количество свинца поступало на Русь из Швеции и Выборга[341].

В соответствии с тем что серебро было одним из главных предметов иностранного импорта на Русь как в XIV—XV вв., так и в XVI в., торговый баланс Руси на протяжении этого времени оставался активным[342]. В конце XV—начале XVI в. речь шла не об установлении подобного баланса принудительными мерами великокняжеского правительства, а о восстановлении обычного порядка внешней торговли, о снятии торговой блокады и возвращении к обычному ассортименту импорта на Русь, в том числе и о разрешении импорта серебра. Вопреки представлениям современной зарубежной науки (так, Э. Тиберг считает, что внешнеторговая политика Ивана III вредила развитию внешней торговли) целью внешнеторговой политики Ивана III было нормальное, всестороннее развитие внешней торговли, отвечавшее современному уровню и задачам будущего развития русской экономики.

Элементы протекционизма — побочный результат политики русского правительства, формы и методы которой были навязаны Руси ее противниками на внешнеполитической арене[343].

---

[337] *Hansen.* Regesten, N 89, S. 20, 20 ноября—26 декабря 1517 г.

[338] Ibid., N 118, S. 26, 12 февраля 1519 г.

[339] Ibid., N 166, 167, 169, 170, 172, 173, 175, S. 38—40, 31 октября, 6, 15, 20 ноября, 2, 13 декабря 1520 г. и 1 января 1521 г.

[340] *Гансен.* Грамоты, № 27, с. 22, 22 марта 1530 г.; см. также № 28, с. 22, 24, б. д.

[341] *Hansen.* Regesten, N 170, S. 39, 20 ноября 1520 г.

[342] Этот вывод давно уже стал достоянием как советской, так и зарубежной историографии (*Хорошкевич А. Л.* Внешняя торговля Руси XIV—XVI вв. в освещении современной буржуазной историографии. — ВИ, 1960, № 2).

[343] Они использовали в качестве «стратегических» товаров не только металлы, но и хлеб. Запрет вывоза на Русь ржи в 1524 и 1527 гг. должен был принудить русское правительство к принятию более благоприятных для Ливонии условий договора (*Hansen.* Regesten, N 242, 352, S. 57, 85, 5 ноября 1524 г. и 13 мая 1527 г.).

В 20-х годах XVI в. основная борьба развернулась из-за уравнения мер веса в соляной торговле. Русская сторона настаивала на уравнении нарвских мер с новгородскими, поскольку еще в 1468 г. в Нарве был введен новгородский вес [344]. Почти целое десятилетие после возобновления русско-ливонской торговли в Нарве пользовались новгородско-тартуским весом и в соляной торговле. В начале 20-х годов русская сторона потребовала проверки гирь и фактического уравнения мер веса. Вплоть до выполнения этого условия были запрещены новгородско-нарвская и псковско-тартуская торговля [345]. Пользуясь заключением псковско-ливонского договора 1521 г., русское купечество стало активно пользоваться путем на Ригу через Алуксне.

Вторым спорным вопросом в 20-х годах был вопрос о содержании серебра в весовых марках. Любечане настаивали на том, чтобы поставлять серебро, содержавшее точно 15 лотов, русские требовали больше 15 $^1/_5$ лотов, как поставляли серебро верхненемецкие города. На съезде 29 мая—1 июля 1521 г. было решено сохранить старую меру 15 лотов 1 квентин, считая ее за 15 лотов [346]. Это можно считать победой русской стороны, поскольку в 1490 г. серебро, ввозимое на Русь, могло содержать лишь 15 лотов [347]. В условиях быстро расширявшегося государства проблема обеспечения обращения денежными знаками была весьма существенной. Нормализация импорта серебра облегчила проведение реформы 1533—1538 гг.

Много трудностей встало на пути введения монополии новгородских «транспортников» — извозчиков и носильщиков, установленной в 80-х годах. Вплоть до 20-х годов XVI в. ливонцы не могли примириться с тем, что услуги приезжим купцам оказываются новгородцами. В 20-х годах они жаловались на установление новгородцами собственных цен за переноску товаров в Немецкий двор или на весы и поддержку требований извозчиков и носильщиков со стороны великокняжеской администрации (от наместников и дьяков до приставов) и со своей стороны в 1522 г. приняли решение, что на территории Ливонии русские должны пользоваться услугами ливонских же перевозчиков [348].

Согласно псковско-ливонскому договору 1521 г. был ликвидирован штапель в ливонских городах: разрешалась русско-немецкая торговля в кораблях (бусах). Упорядочены были и правила покупки лошадей русскими [349].

---

[344] *Клейненберг И. Э.* Унификация вощаного веса, с. 90—93.

[345] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, с. 183—184; HR, Abt. III, Bd. 8, N 201, § 5, N 203, § 3 f, N 250, § 15, S. 228, 230, 272, 12—14 июня 1522 г., 6—8 января 1523 г.; *Hansen*, Regesten, N 195, 209, S. 45, 49, 1 февраля, 24 декабря 1522 г.

[346] HR, Abt. III, Bd. 7, N 413, § 300, 304, S. 740.

[347] *Хорошкевич А. Л.* Торговля, с. 290.

[348] HR, Abt. III, Bd. 7, N 372, N 202, § 3-a, S. 672, 232, 14 марта 1521 г., 12—14 июня 1522 г.

[349] РЛА, № 369, с. 332—333, 1 сентября 1521 г.

* * *

Русская торговля конца XV—начала XVI в. претерпела серьезные изменения. Значительно выросла активность русского купечества, вступившего в непосредственные контакты за границей со всеми странами Северной Европы, включая, вероятно, и Англию. На юге, помимо Стамбула, поддерживались контакты и с итальянским купечеством. Расширилось и число иностранных купцов, посещавших Русь. Купечество Северной Европы, ранее ограничивавшееся только Новгородом и Псковом, стало ездить в Москву. Быстро развивалась сухопутная торговля со странами Центральной и Южной Европы.

Борьба русского правительства за равноправие в торговле велась в трудных условиях частых войн за воссоединение земель, входивших в состав Древнерусского государства. Торговля развивалась скачкообразно, ее лихорадило вместе с политическими событиями. Войны, ведшиеся и в интересах упрочения положения купечества на мировых рынках, временно тормозили активную торговлю русских. Несмотря на это, а также на условия экономической блокады, предпринятой Ливонским орденом (с 1495 г.) и Великим княжеством Литовским (с 1507 г., запрет вывоза серебра в 1494 г.), русскому правительству удалось добиться установления равных условий торговли для русского и иностранного купечества в русско-ливонских и русско-ганзейских контактах. В целом политика великокняжеского правительства, прибегавшего и к чрезвычайным мерам (запрет импорта на Русь соли в первой половине 1498 г., запрет русско-ганзейской торговли с 1503 по 1509 г.), оказалась весьма плодотворной для упрочения всесторонних экономических связей Русского государства с другими странами Европы. Эта политика создала предпосылки для подъема хозяйства Руси, для проведения денежной реформы, способствовавшей экономическому объединению страны.

ЧАСТЬ II

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Политическая карта Европы конца XV в. поражает тремя особенностями: огромностью Священной Римской империи (занимавшей весь центр, часть севера и юга Европы и состоявшей из одного королевства, эрцгерцогства, ряда герцогств, епископств, республик и имперских городов), отсутствием южнославянских и балканских государств, кроме Черногории и Валахии (все остальные были поглощены Османской империей, в конце XV в. угрожавшей безопасности Венгрии, Молдавии, Южной Италии), и наличием национальных государств, границы которых более или менее соответствовали расселению отдельных народностей (Англии, Франции, Испании). Формирование таких государств происходило и в Северной и в Восточной Европе (Дания, Швеция, Польша, Русь).

Процесс формирования национальных государств ставил несколько проблем в международной жизни: территорий, экономических и культурных связей и престижа. Для Русского государства все три проблемы были особенно острыми. Территориальный вопрос был наиболее актуален, поскольку многие русские земли в течение XIV—XV вв. перешли в состав Великого княжества Литовского.

От колоссального Древнерусского государства, занимавшего все пространство Восточноевропейской равнины, осталось меньше десятой части. Глава этого государства должен был получить признание со стороны глав других европейских политических образований [1].

Эти проблемы составляли ось внешнеполитических отношений Руси с другими странами.

---

[1] Признание полного титула русских государей рассматривалось как признание международного престижа всего государства [*Лакиер А.* История титула государей России. — ЖМНП, 1847, октябрь-ноябрь; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800-й год), ч. I. М., 1894, с. 1] и права этого последнего на суверенное существование и развитие. В начале XIV в. во Франции было провозглашено: «король — император в своем королевстве», а в начале XVI в. Генрих VIII объявил: «Королевство Англия — это империя» (*Maillet I.* Histoire des institutions publiques et des faits sociaux. Paris, 1969, p. 58—59; *Hinsley F. H.* Sovereignity. London, 1966, p. 89—91).

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ И АНТИЯГЕЛЛОНСКИЕ КОАЛИЦИИ 1471—1497 гг.

Формирование территории Русского государства в связи с международными отношениями (с Литовским княжеством, Молдавией, Венгрией, Империей) было предметом исследований как русских, так и советских и польских ученых. Важно проследить влияние этого процесса на изменение международного положения Русского государства.

До 1485 г. процесс образования территории Русского государства не выходил за рамки отношений между отдельными русскими же политическими образованиями — Московского княжества с Тверским и Новгородской республикой[2]. Хотя феодалы этих земель, стремясь сохранить привилегии, которыми они пользовались в период независимости, обращались за помощью в соседнее Великое княжество Литовское, последнее с 1470 по 1485 г. ни разу не выступило против объединительных условий Московского княжества. В 1470—1471 гг. новгородскими феодалами был даже выработан проект договора Великого Новгорода с великим князем литовским Казимиром, которого новгородцы рассматривали как гаранта своей независимости. Казимир же, согласно позднейшей историографии, прислал в Новгород своего «наместника» князя Михаила Олельковича[3], племянника Ивана III. В действительности никакого соглашения между православными Олельковичами, главу которых, Семена, прочили в великие князья литовские вместо Казимира, и Казимиром не существовало[4].

Осторожную позицию Литовского княжества в русских делах польские историки приписывали желанию Казимира сгладить

---

[2] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918; *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892; *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972; *Шеламанова Н. Б.* Образование западной части территории России в XVI в. в связи с ее отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. Автореф. канд. дис. М., 1971; *Natanson-Leski J.* Dzieie granicy wschodniej Rzeczypospolitej, cz. I. Lwów—Warszawa, 1922; *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego, t. I. Warszawa, 1930; *Idem.* Polska Jagiellonów. Lwów, 1936; *Halecki O.* Dzieje unii Jagiellońskiej, t. II. Kraków, 1920; *Papée F.* Kazimierz Jagiellończyk i jego następcy wobec Nowogrodu i Moskwy. — In: Studia historyczna ku czci St. Kutrzeby, t. II. Kraków, 1938; *Wojciechowski Z.* Zygmunt Stary (1506—1548). Warszawa, 1946.

[3] ПСРЛ, т. 32. М., 1975, с. 162.

[4] *Konecznу F.* Litwa a Moskwa w latach 1449—1492. Wilno, 1929, s. 72—75; *Papée F.* Ostatnie 12-lęcie Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1903, s. 38; *Idem.* Polska a Litwa na przełomie wieków średnich. Kraków, 1903, s. 41.

польско-литовский антагонизм, направив основное внимание поляков на решение важнейших для них прусских и чешских дел, важность которых понимали и русские современники: «а король в ту пору (осенью 1471 г. — *А. Х.*) заратился со иным королем, со угорским» [5].

Немалое значение имели и переговоры Ивана III непосредственно с Казимиром. Из книг расходов польского королевского двора выясняется, что на протяжении 1471 г. Краков, столицу Короны Польской, дважды посетили московские посольства. В приеме послов 8 июля 1471 г. участвовали королевский двор и краковский городской совет [6]. В декабре 1471 г. в Кракове вновь появились московские послы. Плата за доставку шести бочек вина для угощения «Москвы» записана в книге расходов королевского двора под 13 декабря 1471 г.[7] Содержание переговоров остается неизвестным. Итоги их ясны — московская дипломатия обеспечила нейтралитет Казимира при единоборстве московских и новгородских сил.

Большие и малые неудачи (к числу последних можно отнести пожар Лятцкого конца в Вильнюсе, во время которого чуть не погиб и сам Казимир) [8] преследовали литовского князя в течение всего 1471 г. Неудача постигла Казимира в его попытке поднять хана Большой орды Ахмата на Русь. Посольство Кирея Кривого, потомка холопа Василия I, купленного им у Витовта, было задержано ханом на целый год: «не бе ему с чем отпустити его к королю и иных ради зацепов своих» [9].

Политика Ивана III в отношении Новгорода в конце 60—начале 70-х годов XV в. пользовалась поддержкой Пскова, где укрепились позиции московского князя, его наместник получил право суда в 12 пригородах Пскова вместо 7[10]. Псковская III летопись, высоко оценивая деятельность Семена Олельковича по защите Киева от татар и приравнивая его к «древним» киевским князьям, очень неодобрительно относилась к Михаилу, на обратном пути из Новгорода разграбившему Руссу. Промосковски настроенный летописец писал, что новгородцы, требуя от литовского князя помощи против князя московского, «на себя наводят истору... и на свои волости кровопролитие» [11].

Опираясь на поддержку Ивана III, псковичи в январе (во время пребывания Казимира в Полоцке), марте 1470 и марте 1471 г. пытались урегулировать псковско-литовские погранич-

[5] ПСРЛ, т. 27. М., 1962, с. 136.
[6] Rachunki wielkorządowe krakowskie z roku 1471. Kraków, 1951, N 6—9, s. 401; Rachunki królewskie z lat 1471—1472 i 1476—1478. Wrocław—Kraków, 1960, s. 88.
[7] Rachunki królewskie z lat 1471—1472 i 1476—1478, s. 41.
[8] ПЛ, вып. 2. М.—Л., 1955, с. 179—180.
[9] ПСРЛ, т. 27, с. 128.
[10] ПЛ, вып. 2, с. 164; *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, с. 59.
[11] ПЛ, вып. 2, с. 173.

ные отношения. Казимир сам предложил приехать к псковско-литовской границе и «досмотреть» спорные места. Это предложение пришлось не по нраву псковичам (пограничными вопросами ранее ведали только бояре) [12], а великий князь литовский был оповещен о промосковской позиции Пскова. Ту же позицию занимал в это время ливонский магистр, не пропустивший, «дружа великому князю», новгородского посла с проектом новгородско-литовского договора [13], найденным впоследствии на поле Шелонской битвы.

Темой последующих русско-литовских переговоров (Богдана Саковича и Васьки Любича осенью 1474 г. в Москве и Василия Китая и Федора Мансурова весной 1475 г. в Литве) были пограничные конфликты в районе Любутска и увод его населения в плен [14]. Укрепление позиций Ивана III в Новгороде в тот же год прошло без вмешательства извне.

Окончательное присоединение Новгорода в 1478 г. сопровождалось новой дипломатической акцией Ивана III, посол которого Ивашко, «посол государя русских земель», 5 августа прибыл в Сандомир [15]. Несмотря на то что Казимир 15 марта 1478 г. находился в Бресте-Литовском, он не откликнулся на просьбы о помощи новгородских бояр. Даже страх потерять доходы с некоторых новгородских земель не мог заставить его выступить против Руси [16]. Не «пожалова» он и Ивана Кузьмина, в 70-х годах XV в. бежавшего в Литву с 30 слугами [17].

Осторожная политика Казимира имела как внутренние причины (оппозиция литовской знати, настаивавшей на разрыве личной унии Польши и Литвы) [18], так и внешние: рост авторитета Русского государства. Решительная позиция Ивана III по отношению к Великому Новгороду, «обильнейшей земле», которую Длугош считал превосходившей богатством Венецию, равно как и освобождение от монголо-татарского ига, послужили поводом для написания польским хронистом в 1480 г. панегирика русскому великому князю [19].

---

[12] ПЛ, вып. 2, с. 169, 175.

[13] УЛС. М.—Л., 1950, с. 89.

[14] ПСРЛ, т. 28. М., 1963, с. 136, 138; т. XVIII. СПб., 1913, с. 250; т. VIII. СПб., 1859, с. 181.

[15] Rachunki królewskie z lat 1471—1472 i 1476—1478, s. 250.

[16] *Dlugosz J.* Opera omnia, t. XIV. Cracoviae, 1878, p. 697. Надолго остались спорными вопросы распределения дани и других доходов с различных территорий, тянувших ко Ржеву (РИБ, т. 27, СПб., 1910, № 140, стб. 464—477).

[17] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3. Л., 1929, с. 610; т. VI. СПб., 1853, с. 36, 235—236; т. 28, с. 152; т. XXIV. Пг., 1921, с. 203. Иные новгородцы все-таки оказались в Литовском княжестве. В числе дворян после 1514 г. значился некий Олифер («з Великого Новагорода»), владевший имением в Смоленске (после 1510 г.) и выставлявший двух коней (ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 8, л. 472; кн. зап. 7, л. 136 об.).

[18] *Koneczny F.* Op. cit., s. 141; *Halecki O.* Op. cit., t. II, s. 420—421; ПСРЛ, т. 32, с. 89.

[19] *Dlugosz J.* Op. cit., t. XIV, p. 697.

Для большинства стран Европы, хорошо знавших Великий Новгород, владения Ивана III представлялись как находившиеся «за Новгородом» [20].

Если Длугош призывал Казимира к миру с могущественным соседом, то в Литве и в Польше в первой четверти XVI в. преобладали иные настроения. «Потерю» Новгорода оплакивал Б. Ваповский: «Счастье этого короля (имеется в виду Казимир. — *А. Х.*) омрачал лишь великий князь московский, который занял у короля Казимира Великий Новгород и многие другие благородные места in Basilicis Sarmaticis» [21]. Пассивности в отношении Новгорода не простил Казимиру и М. Меховский. Он дважды сообщал в своей хронике о присоединении Новгорода, в характеристике которого следовал за Длугошем, и упрекал Казимира, что тот не позаботился о городе [22].

В 1482 г. отношения Руси и Литовского княжества обострились. Весной (между 15 марта и 14 мая) в Москве появился посол, полоцкий наместник Богдан Сакович, судя по летописям, «прося Новагорода Великого и Лук Великих» [23]. Одновременно Казимир не пропустил русских послов в Молдавию [24].

Накануне присоединения Твери летом 1483 г. состоялось упомянутое отдельными источниками [25] соглашение Казимира и Ивана III, хотя последний в 1484 г. говорил крымскому послу, что подобных переговоров не велось. Вероятно, в хронике Вейнрейха речь шла о союзе тверского князя Михаила Борисовича с Казимиром, союзе, который должен был быть скреплен браком князя Михаила с внучкой Казимира, как явствует из переписки тверского и литовского князей [26]. Выполняя свои союзнические

---

[20] ChrdSt., Bd. XI. Leipzig, 1874, S. 468. Его называли «главой (caput) Руси» даже в 1523 г. (HR, Abt. III, Bd. 8. Leipzig, 1910, N 467, § 25, S. 419, 17—22 января 1523 г.).

[21] *Wapowski B.* Kronika. Kraków, 1874, s. 14.

[22] *Miechowski M.* Chronica Polonorum. Cracoviae, 1521, p. 343, 377. В тех же традициях повествовала об этом Хроника литовская и жмоитская (ПСРЛ, т. 32, с. 92).

[23] ПСРЛ, т. VI, с. 234; т. XX, ч. 1. СПб., 1910, с. 349; ПДС, т. I. СПб., 1851, стб. 165; *Kolankowski L.* Polska Jagiellonów, s. 354. В дипломатической переписке зафиксировано только требование Ржева и Великих Лук (Сб. РИО, т. 41. СПб., 1884, № 8, с. 33), вопрос о дани с которых стоял еще в 1480 г. (РИБ, т. 27. СПб., 1910, № 140, стб. 464).

[24] ПСРЛ, т. VI, с. 234.

[25] «Во время рождественного поста польский король заключил с московитом перемирие на 10 лет» (*Weinreich C.* Danziger Chronik. Berlin, 1855, S. 31). Присоединению Твери предшествовало три докончания Ивана III с тверским князем. По первому — Михаил терял власть над Вышгородом, по второму (1472 г.) — он считался ниже удельных князей московского дома, третье (1482 г.) было заключено от имени князя Михаила и его сына и, по-видимому, низводило последнего на положение отца (ОАПП, ч. 1. М., 1977, с. 45).

[26] Сб. РИО, т. 41, № 11, с. 43, июнь 1484 г. Начальный протокол тверско-литовского договора показывает влияние литовской дипломатики и проливает свет на условия его заключения (АЗР, т. I. СПб., 1846, № 79, с. 99—100).

обязательства, «литовский король Андрей, — по свидетельству псковского летописца, — заставу постави в Смоленске 10 тысящь человек ратных». «Застава» простояла всю зиму и лето, а король находился неподалеку, в Гродно[27]. Подготовка к присоединению Твери сопровождалась попытками сколотить антирусский блок. В Орду в первой половине 1484 г. были направлены королевские послы[28].

Готовность к войне с Русью, сопровождавшаяся урегулированием отношений Литовского княжества с Псковом[29], в решительный момент исчезла.

Нейтралитет Великого княжества Литовского в период присоединения Твери[30], благожелательный к Твери, Казимир в 1486 г. объяснял условиями докончания с Василием II, что якобы и не позволило ему дать «помочи» князю Михаилу[31]. Последний тверской князь и его бояре нашли убежище в Литовском княжестве[32]. Второе поколение тверских беженцев получало людей и земли в Ярославце Городенского повета (Сенко Толстой, Иван Белый, Иван Тоганов)[33], а в 1510—1514 гг. тверичи владели имениями около Смоленска (Василий, Иван, Игнат, Петр, Гридка, Клим) и выступали в поход на 2—3 конях[34].

Присутствие в литовском войске выходцев из Твери, сохранявших даже спустя четверть века сознание своей принадлежности к бывшему независимому княжеству, придавало большую боеспособность этому войску. Испомещение части тверичей в Смоленске, происшедшее, по-видимому, после 1509 г., гарантировало лучшую, чем наемным войском, защиту смоленских земель.

---

[27] ПЛ, вып. 2, с. 63.

[28] Сб. РИО, т. 41, № 11, с. 43, июнь 1484 г.

[29] Псковским посадникам Андрею Рублеву и Василию Епимаховичу удалось добиться «многих исправ», король удовлетворял пожелания «с кротостью» (ПЛ, вып. 2, с. 63). В 1480 г. Казимир предъявлял псковичам многие требования: давать «суд и право» вильневцам и полочанам «без отволоки», отпустить задержанных купцов и возвратить им товары, вернуть приезжим гостям «суженое» (АЗР, т. I, № 73, I, с. 93).

[30] О ходе присоединения Твери см.: *Зимин А. А.* Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV—первой трети XVI в. — ИССССР, 1973, № 3, с. 125.

[31] РИБ, т. 27, № 136, стб. 460, 25 сентября 1486 г.

[32] Во время пребывания Казимира в Литве «прибег до него князь великий Михайло Борисович тверский» (ПСРЛ, т. 32, с. 163). Он получил имение Печи-Хвосты в Луцком повете и сохранил титул «великий» (АЗР, т. I, № 218, с. 365—366; т. II. СПб., 1848, № 35, с. 42, июнь 1508 г.; ДДГ. М.—Л., 1950, № 83, с. 331). Умер до 13 декабря 1505 г.

[33] Это связано, вероятно, с ликвидацией Тверской «земли» как особого политико-территориального целого в 1504 г. и упразднением чинов тверских бояр и окольничих в 1509 г. (*Флоря Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли). — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 287—288).

[34] ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 7, л. 136 об.; кн. зап. 8, л. 339. В 1506—1510 гг. они еще не имели земли (там же, кн. зап. 8, л. 437, 454, 463 об., 472 об.).

В 70—80-х годах XV в. территориальные присоединения Москвы не очень задевали непосредственные интересы Великого княжества Литовского и Короны Польской, оставаясь внутренне русским делом. Правомерность объединения русских земель польскому королю и великому князю литовскому Казимиру трудно было оспорить даже силой оружия[35]. К 80-м годам XV в. на смену отдельным русским землям пришло Русское государство, отношения с которым рождали новые проблемы. Одна из них — наименование этого государства.

В Великом княжестве Литовском и Польше Русскому государству со столицей в Москве присвоили наименование Московского княжества, или Московии[36], в отличие от Галицко-Волынских земель[37]. Иное самоназвание Руси и Руссии[38] укрепилось внутри бывшего Московского княжества[39], ныне сохранившего

---

[35] Казимир поддерживал последних удельных князей. Так, князь боровский Иван Васильевич, сын Василия Ярославича, внук Владимира Андреевича, дети Ивана Можайского, Ивана Шемякина и др. находились в Литве до конца XV в. (Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882, № 24, с. 127, 131, 168). Лишь Александр предлагал в 1493 г. отпустить их (а также Василия Верейского) на Русь (АЗР, т. I, № 114, III, с. 136).

[36] *Хорошкевич А. Л.* Россия и Московия. К истории политико-географической терминологии. — In: Acta balitico-slavica t. X. Bialystok, 1976, s. 47—57. Все, кто получал информацию о Руси из Польши, называли ее Московией. Дополнительно к данным вышеназванной статьи укажем Олая Магнуса (*Olaus Magnus.* Historia. Romae, 1555, XIX, 45), Каспара Вейнрейха (*Weinreich C.* Op. cit., S. 24, 31, 81, 84 u. a.). «Московию» знали и в Османской империи в 80-х годах XV в. (*Beldiceanu N.* La conquête des cités marchandes de Kilia et de Cetatea Albă par Bayezid II. — In: Südostforschungen, Bd. XXIII. München, 1964, p. 51). «Князем Московии» называл Ивана III папа Александр VI в 1498 г. (LECUB, Abt. II, Bd. I. Riga—Moskau, 1900, N 747—748, S. 558—559).

[37] Acta Tomiciana, t. I. Posnaniae, 1852, p. 100, 121, 220, 227; t. V, 1856, p. 116, 267; см. также: *Хорошкевич А. Л.* Термины «Руссия» и «Московия» в 9—13 книгах «Анналов Польши» Яна Длугоша. — In: Cultus et cognicio. Studia z dziejów średniowiecznej kultury. Warszawa, 1976, s. 204—208.

[38] В титуле великого князя преобладала формула «всея Руси», с 90-х годов XV в. изредка стала употребляться иная: «Русии» или «Руссии» (АСЭИ, т. I. М., 1952, № 567, 568, 573, 631, 658, с. 445, 446, 453, 543, 581, 1492, 1493, 1500—1501, 1505 гг.; т. II. М., 1958, № 334, 495, с. 320, 542, 1499—1500, 1503 гг.; т. III. М., 1964, № 184, 187, 249, с. 198, 200, 267, 1490—1505; 1505 гг., около 1490 г.). Форма «России» встречается только в поздних копиях актов.

[39] *Тихомиров М. Н.* О происхождении названия «Россия». — ВИ, 1953, № 11, с. 93—96 (переиздано в кн.: *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII вв. М., 1973, с. 11—17); *Он же.* Происхождение названия «Россия» и «Русская земля». — В кн.: Советская этнография, т. VI—VII. М.—Л., 1947, с. 62—68; *Он же.* Малоизвестные памятники. — ТОДРЛ, М.—Л., 1960, т. XVI, с. 453. Распространению греческой огласовки русского имени в форме «Россия», утвердившемуся в письменности к середине XVI в., способствовали приезды греков, в том числе с Софьей Палеолог (*Соловьев А. В.* Византийское имя России. — Византийский временник, т. XII. М., 1957, с. 145), и славян, знакомых с греческой географической терминологией.

наименование Московской земли [40]. Собирательным этнографическим названием для жителей этого государства были русины [41], или русаки [42], в отличие от жителей Московской земли — москвичей [43]. В Литовском же княжестве Русское государство называлось Московским [44], а его жители — московитами. Это название в начале XVI в. проникло во все страны, которые получали информацию о Русском государстве из Великого княжества Литовского и Польши, в первую очередь в Италию. В странах же Северной Европы, равно как и при дворе императора, сохранилось правильное этнографическое название — Руссии или России [45].

---

[40] Термин «Московская земля» обозначал великокняжеский домен, иногда — центральную часть Русского государства. Он употреблялся наряду с терминами «Новгород», «Псков», «Тверь» и др. (Сб. РИО, т. 41, № 32, 34, с. 127, 140, ноябрь 1491 г., март 1492 г.; ПДС, т. I, стб. 23, 48, 91, 113 и др.). Изредка термину «Московская земля» придавалось расширительное значение. В разрядных книгах при описании похода Семена Курбского на Югорскую землю в 1499 г. названы «вятчане, которые живут в Московской земле» (РК 1475—1605, т. I, ч. 1. М., 1977, с. 55—56). В сообщении Типографской летописи о походе немцев на Изборск в 1503 г. район города отнесен к Московской земле (ПСРЛ, т. XXIV, с. 215). В данном случае могло иметь место умышленное нарушение традиции ради того, чтобы подчеркнуть принадлежность Изборска Русскому государству. Трудно сказать, о ком шла речь в 1488 г. — обо всех русских купцах или купцах Московского княжества: «А се на Московские земли гостех пошлин прибавили» (Сб. РИО, т. 35, № 2, с. 9, январь 1488 г.). В трех последних случаях нельзя исключить влияние польско-литовской политико-географической терминологии.

[41] Сб. РИО, т. 41, № 35, 81, с. 155, 404, 1492, 1501 гг.; т. 95. СПб., 1895, № 13, с. 232, 233, февраль 1515 г.; УЛС, с. 91, 102.

[42] Сб. РИО, т. 41, № 56, с. 255, 1498 г.; УЛС, с. 91.

[43] Сб. РИО, т. 41, № 56, с. 255. Обобщенное этнографическое наименование русских чаще всего употреблялось в пограничных районах или там и тогда, когда русские приходили в контакт с представителями иных народностей.

[44] ПСРЛ, т. XVIII, с. 254, 1477 г. Термин «государство» с определением «Московское» употреблялся в Литовском княжестве еще с 1495 г. (ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 6, л. 68 об.). Так же стал называть Александр и Литовское княжество (АЗР, т. I, № 109, II, с. 127).

[45] Подробнее см.: *Хорошкевич А. Л.* Россия и Московия. Как только итальянцы записывали сведения о Руси со слов русских же дипломатов, они уточняли, что речь шла о Руси (*Sanuto M.* I diarii, v. 46. Venezia, 1897, p. 626). Традиция наименования Северо-Восточной Руси Белой Россией просуществовала до XVI в. (*Barbieri G.* Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Bari, 1957, p. 82—84; *Гуковский М. А.* Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.). — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, с. 650; Барбаро и Контарини о России. Л., 1971, с. 226; *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 259; *Розов Н. Н.* Похвальное слово великому князю Василию III. — АЕ за 1964 г. М., 1965, с. 282). По традиции «белым королем России» был назван Иван III в истории правления Максимилиана, по его замыслу иллюстрированной (Der Weisskunig. Wien, 1888, S. 400; Einleitung, S. XXV). В нюрнбергской хронике говорится о «могущественном князе в Белой Руси» (ChrdSt, Bd. XI, S. 468).

Вопрос о наименовании нового государства был далеко не праздным. Название Руси, да еще с определением «всея» (утвердившимся внутри государства с 1479 г., а во внешних сношениях — с 1485 г.) [46] скрывало за собой программу воссоединения земель в объеме Древнерусского государства. Русское государство конца XV в., складывавшееся как многонациональное (с 1485 г. в него вошли коми и другие северные народы), включало далеко не все земли, населенные русскими или восходящими к древнерусской народности белорусами и украинцами, формирование народности которых началось в XV в. Белорусские, украинские, западнорусские земли находились в составе Великого княжества Литовского, а западноукраинские во главе со Львовом — в составе Польши.

Приращение титула великого князя за счет слов «всея Руси» в 1479 г. вызвало резкое противодействие в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском. Провозглашение Иваном III в 1478 г. программы возвращения всех русских земель — Полоцка, Витебска, Смоленска и повторение этой декларации в 1480 г. одновременно с освобождением Руси от ордынского ига [47] сопровождалось бурным сопротивлением великого князя литовского и короля польского Казимира [48].

В 1483 г. распространился слух, исходивший из Польши, будто Иван III потребовал у папы «королевскую корону во всей Русской нации». К этому времени относятся переговоры Казимира с папой, на которые намекал Николай Поппель в 1489 г., с целью предотвратить это [49].

Наименование нового государства Русью рождало особый тип отношения Русского государства с западнорусским и будущим белорусским и украинским православным населением, тип «государственно-народных» отношений. Для этого населения,

---

[46] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967, с. 123, прим. 194-а; см. также: *Кучкин В. А.* О времени написания Буслаевской псалтири. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 223—224. С введением этого титула связано и начало чеканки в Новгороде денег с изображением московского ездеца и надписью «осподарь всея Руси» (*Янин В. Л.* Монетные клады Новгородского музея. — НЭ, т. II. М., 1960, с. 145). Сферой применения этого термина, спорадически употреблявшегося и раньше (*Каштанов С. М.* Две жалованные грамоты 1510 г. псковским монастырям. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, М., 1961, вып. 24, с. 238; *Alef G.* The Political Significance of the Inscriptions on Moscovite Coinage in the Reign of Vasili II. — Speculum, Cambridge, Mass., v. 34, N 1, January 1956, p. 6), были, как справедливо отметил Каштанов, отношения с Новгородом, иногда идентифицировавшимся с Русской землей (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 323).

[47] *Lewicki A.* Codex epistolaris saeculi decimi quinti, t. III. 1392—1501. Cracovia, 1894, p. 263.

[48] Даже в 1515 г. Жигимонт главную «вину» Ивана III видел в присвоении титула князя всея Руси (Acta Tomiciana, t. III. Posnaniae, 1853, N 548, p. 405).

[49] ПДС, т. I, стб. 11.

в особенности феодального [49а], Русь становилась притягательным центром в силу неравноправности и по мере увеличения неравноправности его положения в Великом княжестве Литовском.

До 1476 г. положение православных и католиков в пределах Литовского княжества было почти одинаковым. Хотя Городельский привилей 1413 г. исключал православных — «схизматиков» из числа тех, кому предоставлялись права и вольности польской шляхты, на положении православных в конце XV в. это не отразилось. Привилеи 1432, 1434, 1447, 1492 и 1506 гг. предоставляли им равные с католиками права [50]. Акт 1432 г. о запрещении православным участвовать в управлении государством действовал, по мнению польского историка К. Ходыницкого [51], только на Волыни.

В конце 70-х—начале 90-х годов XV в. ситуация изменилась. К 1494 г. относятся жалобы православного населения Литвы на попытки католического духовенства насильственно обращать православных в свою веру [52]. В 1481 г. было запрещено строить новые или восстанавливать старые разрушенные православные храмы [53]. Этому соответствовало исчезновение и в жалованных грамотах права передавать свои земли церкви [54].

В 70-х годах XV в. в Великом княжестве Литовском началось проведение унии. Киевский митрополит Михаил в 1473 г. завязал отношения с папой. Антонио Бонумбре на обратном пути из Москвы вез его послание папе, подписанное рядом церковных иерархов и православных магнатов [55]. Повторное послание от имени митрополита Мисаила, Михаила Олельковича, Федора Бельского, Дмитрия Вяземского и др. было отправлено

[49а] Впрочем, на Русь бежали и холопы, и феодально зависимые люди (АЗР, т. I, № 97, с. 113, 11 января 1492 г.).

[50] *Любавский М. К.* К вопросу об ограничении прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии. — В кн.: Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 10.

[51] *Chodynicki K.* Kościół prawoslawny a Rzeczpospolita Polska. Warszawa, 1934, s. 85.

[52] АЗР, т. I, № 116, с. 141; *Любавский М. К.* Указ. соч., с. 10—11; *Fijalek J.* Opisy Wilna aż do połowy wieku XVII-go. — AW, Wilno, 1924, t. II, z. 5—6, s. 139—142, 155—157.

[53] Архив юго-западной России, ч. I, т. VII. Киев, 1887, с. 229; Сб. РИО, т. 35, № 36, с. 187, 191. На постановление «церькви греческого закона больши не прибавляти» ссылался Александр в 1495 г. (АЗР, т. I, № 116, II, с. 141).

[54] *Хорошкевич А. Л.* Жалованные грамоты Литовской метрики конца XV века и их классификация. — В кн.: Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970, с. 53. Противоположной точки зрения придерживаются Х. Яблоновски и О. Бакус, по мнению которых в последнее десятилетие правления Казимир перешел к благожелательной по отношению к православной церкви политике (*Jablonowski H.* Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Leiden, 1955, S. 52; *Buckus O.* Motives of the West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow 1377—1514. Lawrence, 1957, p. 86—87, 90—91).

[55] Архив юго-западной России, ч. I, т. VII, с. 229.

в 1476 г. Участники обращения предлагали урегулировать церковные отношения на основе Флорентийской унии[56]. Они же, «русские господа» хроники Вейнрейха, в начале 80-х годов составили заговор с целью убийства сыновей Казимира[57]. Организаторы его — Михаил Олелькович и Иван Гольшанский — были убиты, Федор Бельский в 1482 г. бежал в Москву[58].

Националистически настроенные польские историки утверждали, что положение православных в Литовском княжестве было благоприятным, о чем, по мнению Ходыницкого, свидетельствует участие смоленского епископа и князя Константина Острожского в войнах против Руси[59]. Обвинения же Ивана III об угнетении православных — только предлог для войны. Однако он недооценивает тяжесть положения православного населения Великого княжества Литовского. Приводимые Бакусом данные относительно религиозной принадлежности наместников и воевод показывают несомненное преобладание католиков[60]. Вместе с тем многочисленные приезды на Русь православных феодалов из-за религиозного угнетения и их жалобы на это сыграли определенную роль в идеологической подготовке войны 1487—1494 гг. и ее ходе.

Второй проблемой международной значимости в период формирования единого Русского государства стала титулатура его главы. Новый политический организм складывался в форме самодержавной монархии. Это нашло выражение в появлении нового термина для обозначения великого князя — «государя» и возглавляемого им политического образования — «государства»[61]. Термин «государь» включал понятие верховного владетеля и судьи, пользующегося неограниченной властью. Вне Руси он приравнивался к титулу «король», хотя по размерам обозначаемой им власти был более емким.

Термин «государь», принятый большинством стран Европы как законный титул главы Русского государства[62], вызвал про-

---

[56] Там же, с. 193—231. Обзор литературы по поводу подлинности послания см.: *Jablonowski H.* Op. cit., S. 97—98, Anm. 91.

[57] *Prochaska A.* Niesnane documenta do unju Florenckiej w Polsce. — AW, Wilno, 1923, t. I, s. 62—63; *Weinreich C.* Op. cit., S. 24—25.

[58] ПСРЛ, т. 28, с. 152.

[59] *Chodynicki K.* Stosunek, s. 79—81. Того же мнения придерживается и Х. Яблоновски (*Jablonowski H.* Op. cit., S. 55).

[60] *Backus O.* Op. cit., p. 61—78.

[61] *Булахов М. Г.* Московский летописный свод конца XV в. как памятник русского литературного языка. — В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961, с. 58. Термин «государь» в значении верховного владетеля и судьи сохранился и в XVI в. Ср. противопоставление «государя» и «великого государя» (ПИВ. М.—Л., 1959, с. 186, 194, 201, 207; ПЛ, вып. 2, с. 296—297).

[62] Так, Максимилиан звал Ивана III «государем всея Руси», «государем русским» и «своим братом» (ПДС, т. I, стб. 66, 70—71, 73). Представители ганзейских городов в 1487 г. называли Ивана III «кайзером», а любекский городской совет в 1489 г. — «императором всея Руси» («tocius Russie imperator») (HR, Abt. III, Bd. 2. Leipzig, 1883, N 136, S. 265).

тиводействие со стороны Великого княжества Литовского, разделявшего сепаратистские устремления феодалов ранее независимых русских земель[63]. В 1479 г., когда Иван III просил Казимира выдать охранную грамоту Андрею Палеологу для проезда через земли Великого княжества Литовского и Польского королевства, Казимир энергично протестовал против титула «короля»[64], который якобы присвоил себе Иван III[65]. Значение введения титула «государь» было неоднозначно. Оно поднимало и закрепляло международный престиж главы государства, но одновременно ограничивало права подданных, создавая тем самым предпосылки для сепаратистских устремлений феодалов вновь присоединяемых земель, готовя базы для противоположных тенденций в международных отношениях — как государственных, так и «государственно-народных», тенденций центростремительных и центробежных, среди которых преобладали центростремительные.

Последнее приращение титула — ссылка на божью милость[66] как источник власти великого князя, в которой можно видеть следы опосредствованного Молдавией византийского влияния[67], дошедшего на Русь в результате бракосочетания Ивана Ивановича Молодого и Елены Стефановны Волошанки, — освящало власть государя авторитетом церкви, усиливало притягательность Русского государства в глазах православного населения Литовского княжества и других славянских народов.

Война 1487—1494 гг. дала выход отмеченным выше тенденциям — стремлению западнорусского населения Великого княжества Литовского к воссоединению с Русью и стремлению Русского государства к объединению древнерусского наследства.

Несмотря на существование постоянной тяги западнорусского населения Литовского княжества к Москве[68], отмеченной даже

---

[63] Следы этого можно обнаружить в титулатуре Василия III, который для новгородского архиепископа Сераиона даже в конце 1510—начале 1511 г., правда в передаче Иосифа Волоцкого, оставался «великим князем московским» (ПИВ, с. 221).

[64] Arch. Vat., XXXIX, 16, D, 2 октября 1479 г.; *Koneczny F.* Geneza uroszczeń Iwana III do Rusi Litewskiej. — AW, Wilno, 1926, v. III, s. 19. Так расценили в Литовском княжестве применение титула «государь», принятого в актах внутреннего управления с 1479 г.

[65] *Theiner A.* Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, t. II. Romae, 1861, N 257, p. 230. Вейнрейх при описании событий 80—90-х годов XV в. называл Ивана III «королем Москвы» (*Weinreich C.* Op. cit., S. 24, 81). Протестуя против применения русским князем термина «государь», Казимир ввел его (в форме «господар») в собственный титул в сношениях с русскими землями, в частности Псковом (АЗР, ч. I, № 97, с. 113, 11 января 1492 г.).

[66] Сб. РИО, т. VI. СПб., 1908, № 10, 12, 19, с. 41, 45, 71, 14 марта 1484 г., 31 июля 1485 г., 18 октября 1487 г. В грамотах в Крым Иван III назван «царем» и по южнославянскому образцу — «осподарем».

[67] *Koneczny F.* Geneza uroszczeń, s. 19.

[68] Бакус подчеркивает значение двух причин подобного стремления: попытки централизации Великого княжества Литовского, поддержка ве-

папским нунцием Якубом Пизоном в 1514 г.[69], вопросы территориальных взаимоотношений с Великим княжеством Литовским решались с 80-х годов XV в. по преимуществу не «за круглым столом», а силой[70]. На западной границе Русского государства (1487—1494 гг.) по инициативе Александра разразилась первая из серии войн Русского государства с Великим княжеством Литовским, носившая своеобразный характер пограничной войны[71]. Потери литовцев на границе, в 1493 г. достигшие якобы 2 тыс. человек, произвели сильное впечатление в Гданьске, где внимательно следили за ходом войны и ее результатами. Поездка литовских дипломатов на Русь и заключение договора и брачного союза Александра с «москвитянкой» оказались отмеченными в Хронике Вейнрейха[72].

Основным фактором успеха этой войны[73] был стихийно сложившийся «союз» западнорусского населения Великого княжества Литовского с мощным Русским государством, самая прочная из антиягеллонских коалиций. Наряду с ней важную роль сыграло участие Руси в антиягеллонской коалиции ряда государств Юго-Восточной и Центральной Европы — Молдавии, Венгрии.

Зарождение русско-молдавских отношений исследователи датируют серединой XV в., когда был заключен брак Стефана Великого с Евдокией (1467 г.), троюродной сестрой Ивана III (от

ликокняжеской властью своих представителей католиков на местах в ущерб привилегированному православному населению (*Backus O.* Op. cit., p. 107). Для западнорусских территорий, в частности Смоленска, существенное значение имело увеличение обязанностей военной службы (ibid., p. 100). Движение на Русь сопровождалось и некоторым обратным течением. До ноября 1492 г. бежал в Литву Юрий—Юшко, Юношъко Елизаров (ПСРЛ, т. XVIII, с. 276; т. 27, с. 292; т. XXIV, с. 210), в 1488 г. бывший «человеком» Ивана Ивановича Молодого (Сб. РИО, т. 35, № 4, с. 16, март 1488 г.). В ходе войны в 1492 г. удельный князь Андрей якобы «грамоты свои посылал в Литву к королю Казимиру, одиначеся с ним на великого князя» (ПСРЛ, т. 27, с. 291).

[69] Acta Tomiciana, t. III, N 246, p. 206, 26 сентября 1514 г.

[70] Что усиленно подчеркивается некоторыми зарубежными историками, выдвинувшими тезис об «экспансии» Руси (*Jablonowski H.* Op. cit.).

[71] Б. Ваповский писал, что русские «тревожили границы Литвы» (*Wapowski B.* Op. cit., s. 11). Подробнее см.: *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 282—337.

[72] *Weinreich C.* Op. cit., S. 84—85. Эти события подробно описаны и в Хронике Быховца и особенно Литовской и жмоитской (ПСРЛ, т. 32, с. 164, 96).

[73] Итогом войны 1487—1494 гг. было присоединение территории Северских земель и временная стабилизация положения православных. Идя навстречу пожеланиям православной знати, смоленский епископ в 1495 г. велел переписать летопись, известную под названием Летопись Авраамки (ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889). Надежды русских на веротерпимость литовского князя не оправдались. В сентябре 1494 г. свита Елены Ивановны была отправлена на родину (Семен Ряполовский, Михаил Русалка, Василий Ромодановский, Прокофий Скуратов и др.) (там же, т. 30. М., 1965, с. 138), а также «поп Фома легатос» (РК 1475—1605, т. I, ч. 1, с. 40—41). Объяснение Александром причин этого см.: АЗР, т. I, № 116, II, с. 142.

киевского князя Александра — Олелько и Анастасии, внучки Василия I). Отказ Молдавии от признаний вассальной зависимости Польше в 1470 г. делал ее потенциальным союзником Руси в борьбе против Ягеллонов[74]. В связи с этим в конце 70-х годов XV в.[75] начались переговоры о заключении другого брака, на этот раз дочери Стефана и Евдокии — Елены и Ивана Ивановича Молодого, четвероюродных сестры и брата. В условиях напряженной борьбы за сохранение независимости Стефан Великий не мог обойти Русь, такую же православную страну, как и сама Молдавия. Еще до 1480 г. он просил свояченицу сестру Евдокии Федку — Феодосию Александровну[76] — через ее брата князя Михаила Александровича (Олельковича) и ее сестричича, брата мужа, Ивана Юрьевича Патрикеева, «бить челом великой княгине Марии» и просить, «чтобы князь великий взял за своего сына за великого князя твою дочку»[77]. Участие Патрикеевых обеспечило успех предложения Стефана.

Брак Ивана Ивановича Молодого с Еленой Стефановной должен был казаться в Москве очень привлекательным. По материнской линии Елена могла породнить великих князей московских с киевским княжеским домом, по отцовской линии она выступала наследницей «старых» римлян, сохранивших православие. Для доказательства «римского» происхождения Стефана Великого и была составлена Славяно-молдавская хроника[78], по-

---

[74] *Мохов Н. А.* Зарождение дружбы молдавского народа с великим русским и украинским народами (XV—начало XVI в.). — Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та, 1957, т. XXVI, с. 25—46; *Он же.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, с. 191; *Базилевич К. В.* Указ соч., с. 246—249; *Черепнин Л. В.* Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV и XVI вв. — В кн.: Вековая дружба. Материалы научной сессии Института истории Молдавского филиала АН СССР, состоявшейся 27—29 ноября 1958 г. Кишинев, 1961, с. 87—110; *Fennell J.* Ivan the Great of Moscow. London, 1961, p. 108—109; *Bezviconi G.* Contribuţii la istoria relaţiilor Romîno-Ruse (din cele mai veche timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea). Bucureşti, 1962, s. 32—44.

[75] По И. Б. Грекову — в 1479—1481 гг. (*Греков И. Б.* Очерки международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, с. 223).

[76] Феодосия и Евдокия Александровны, Михаил Александрович — это дети киевского князя Олелька Владимировича (АСЭИ, т. I, № 279, 607, 607-а). Феодосия Александровна была замужем за князем Семеном Юрьевичем Патрикеевым (по мнению К. В. Базилевича, Пронским), братом московского наместника Ивана Юрьевича Патрикеева. Последний поддерживал постоянные связи с Киевом. В синодике вышгородской церкви Бориса и Глеба под Киевом записан «Иван Юрьевич с Москвы». В этот же синодик занесены имена Василия Семеновича Стародубского и Семена Ромодановского (ГБЛ, Рум. № 387, л. 18).

[77] Сб. РИО, т. 41, № 5, с. 23, 16 апреля 1480 г.; см. также: *Уляницкий В. А.* Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции. М., 1887, с. 111—112.

[78] ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, с. 256—259; Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М., 1976, с. 55—59; *Болдур А. В.* Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи. — АЕ за 1963 г. М., 1964, с. 74.

мещенная в самом конце предисловия после памятников, окончательно сложившихся в 20-х годах XVI в., к Воскресенской летописи (третья ее редакция относится к 19 марта 1542 г. — 8 октября 1544 г.) [79].

Ряд исследователей связывал хронику с деятельностью бояр, приехавших с Еленой Волошанкой, и относил ее к 70—90-м годам XVI в. (А. И. Яцимирский, Д. Ончиул, Н. Иорга, А. В. Болдур, А. А. Зимин), другие видели в ней сокращение хроники Путны (1517—1527 гг.) и относили к концу 20-х—началу 30-х годов XVI в., ко времени союзных антипольских русско-молдавских отношений (И. Богдан, П. П. Панаитеску) [80]. Болдур полагает, что хроника, за исключением третьей части [81], была составлена при дворе князя Стефана «для нужд Москвы». В это время в Молдавии составлялись три разные хроники — одна для Германии, где подробно описывались деяния Стефана Великого, одна для Польши и одна для Москвы. Две первые части Славяно-молдавской хроники написаны в Сучаве при дворе Стефана, чтобы внушить русскому читателю представление о римском происхождении молдаван, о сохранении ими православия в борьбе с католицизмом, их борьбе с татарами и, наконец, о переходе молдаван из Марамуреша на молдавскую территорию и основании Драгошем Молдавского государства.

Все это понадобилось в период переговоров о браке Елены Стефановны с Иваном Ивановичем Молодым, т. е. в конце 70-х—начале 80-х годов XV в. Рассчитывая на будущего читателя хроники — великого князя Ивана III, составители хроники подчеркнули мысль о сохранении молдаванами православия, о борьбе между «новым» и «старым» Римом [82].

---

[79] *Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI в. — ТОДРЛ, М.—Л., 1955, т. XI, с. 375—379; *Она же.* К изучению Воскресенской летописи. — Там же, М.—Л., 1957, т. XIII, с. 689—705; *Она же.* Воскресенская летопись XVI в. (ее редакции, источники и значение). — Труды МГИАИ, 1957, т. 10, с. 402—403.

[80] Подробнее см.: *Грекул Ф. А.* Историография славяно-молдавского летописания XV—XVI вв. — В кн.: Летописи и хроники. 1976 г. М., 1976, с. 172—188.

[81] В этой последней части отсутствуют сообщения о самых важных во время княжения Стефана событиях (войны с венгерским королем Матвеем Корвиным в 1467 г., битвы с турками), неправильно указана и дата смерти Стефана — 7017 вместо 7012. Третья часть хроники не могла быть написана в Молдавии; по мнению Болдура, она написана «русским дьяком-компилятором» (*Болдур А. В.* Указ. соч., с. 78).

[82] Это сочинение было написано «в пару» к «Ряду Августа», вошедшему позднее в «Сказание о князьях владимирских». В Славяно-молдавской хронике, как и в «Ряде», чувствуется источник хорватского (?) происхождения, есть дословные совпадения с «Рядом» (о папе Формосе, прозвище Владислава и др.). О датировке см.: *Болдур А. В.* Указ. соч., с. 81, 86. А. А. Зимин датирует Славяно-молдавскую хронику временем после 1486 г. (*Зимин А. А.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 135).

Зимой 1483 г. Елена Стефановна, за которой ездили Андрей и Петр Михайлович Плещеевы [83], прибыла в Москву вместе с боярами Стефана Синкой, Лайкой и Герасимом с женами и многими слугами [84]. А через три года после венчания Елены с Иваном Ивановичем у этих дальних родственников родился сын Дмитрий.

Женитьба Ивана Ивановича произошла в тот момент, когда все антиосманские силы надеялись на некоторый успех в связи с войнами за наследство, развернувшимися в Османской империи после смерти Мухаммеда II. Заключение этого брака механически вводило Русь в число тех держав, которые вели борьбу против Османской империи. Молдавия же в результате этого брака могла рассчитывать на более действенную поддержку со стороны Руси в борьбе против установления зависимости от Польши.

Брак Елены Волошанки и Ивана Ивановича Молодого давал основание московской великокняжеской власти претендовать на звание государей всей Руси, обосновывал претензии на возвращение Киева — матери городов русских — не только правом старины, но и силой династических связей, аргументом, который был более доступен пониманию тогдашних соседей Русского государства.

Заключение брака сопровождалось упрочением русско-молдавских отношений. В 1484 г. Стефан в грамоте с послом, приехавшим вместе с Федором Курицыным и венгерским послом, предлагал союз Молдавии и Руси: «Только бы бог научил вашу милость, щобе есте обернулся к нам лицем и приятельством к нам пригладили» [85]. Одновременно с этим (2 февраля 1484 г.) в переписку вступили и церковные иерархи Молдавии (епископ Василий) и Руси (митрополит Геронтий) [86].

Наряду с Молдавией одним из союзников Руси в ее борьбе с Великим княжеством Литовским стала Венгрия, установлению постоянных дипломатических отношений с которой способствовали связи Руси с Молдавией и Венгрии с Молдавией. Две последние с середины 70-х годов XV в. совместно боролись против Османской империи.

Корвину удалось утвердить свою власть в стране лишь в результате борьбы с королем чешским Владиславом и воеводой Владом. Согласно Оломоуцкому договору 1479 г., воевода Влад получал права на Чехию, Матвей Корвин — на Моравию, Шлёнск,

---

[83] Первые послы — Андрей Плещеев и Иван Зиновьевич — были задержаны в Литве в 1482 г. (ПСРЛ, т. VI, с. 234).

[84] Судьба окружения Елены Стефановны на Руси неизвестна. Вряд ли с боярином Стефана может быть идентифицирован Федор Федорович Лайко, дядя Ивана Васильевича Шадры Вельяминова, который в 70—90-х годах выкупал земли в Костромском у. (АСЭИ, т. I, № 487, с. 367).

[85] АЕД. М.—Л., 1956, с. 388.

[86] *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, с. 64.

Лужицкую землю, на Венгрию [87]. Тем не менее угроза со стороны Владислава не была устранена. Тотчас по заключении Оломоуцкого договора Владислав сблизился с Фридрихом III, союзником против Венгрии. В октябре 1479 г. был заключен договор Владислава и Фридриха III, после этого неоднократно возобновляемый [88]. Создавался ягеллонско-габсбургский союз, одним из членов которого становилась Польша.

Наступление Матвея Корвина на австрийские земли вызвало недовольство Габсбургов. Фридрих III, оставаясь в тени, добился нападения короля Владислава на Матвея. В ответ венгерское войско двинулось на империю Габсбургов. В 80-х годах XV в. на первом плане внешней политики Корвина были антигабсбургские и антипапские начинания, хотя и в это время он внимательно следил за положением на южном фронте. В борьбе с империей Габсбургов Матвей повсюду искал союзников — от Анконы до Парижа, от городов Фландрии до Персии. В 1482 г. Венгрия завязала отношения с Молдавией [89] и одновременно с Русью. Последняя тем более была заинтересована в установлении союза с Венгрией, что ягеллонско-габсбургский союз — Фридрих приглашал в 1480 г. в него и Швецию — носил антирусский характер [90]. В ответ на венгерское посольство был направлен Федор Курицын, который в 1482 г. заключил договор с Венгрией, «взя великому князю докончание, братство и любовь» [91]. Острие русско-венгерского союза было направлено не столько против Габсбургов, сколько против Ягеллонов [92]. Договор оставлял возможности для дальнейшего расширения его содержания, а посему способствовал укреплению международных позиций Венгрии. Матвей особенно резко выступал против патронатных устремлений папства, подрывавших власть короля. Он объявил, что готов присоединиться к восточной церкви, лишь бы избавиться от вмешательства папы во внутренние дела Венгрии [93]. Вскоре после заключения договора с Русью Венгрия подписала перемирие с Османской империей. То же сделала и

---

[87] *Elekes L.* Die Verbundeten und die Feinde des ungarischen Volkes in den Kämpfen gegen die türkischen Eroberer. — Studia historica Academiae Scientiarum Hungariae, Budapest, 1954, S. 30; *Fraknöi V.* Mathias Corvinus, König von Ungarn 1458—1490. Freiburg in Breisgau, 1891, S. 200—201.

[88] *Chmel J.* Regesta Friderici III, Abt. II. Wien, 1859, N 7409, 7449, 7504, 7532, 7553.

[89] *Karge P.* Die ungarisch-russische Allianz von 1482—1490. — DZGW, Freiburg in Breisgau—Leipzig, Jg. 1892, Bd. 7, H. 2, S. 328; *Idem.* Kaiser Friedrich's III. und Maximilian's I. ungarische Politik und ihre Beziehungen zu Moskau 1486—1506. — Ibid., Jg. 1893, Bd. 9, H. 2, S. 261.

[90] *Halecki O.* Op. cit., t. II, s. 424.

[91] ПСРЛ, т. VIII, с. 214; т. XXIV, с. 204, т. 28, с. 152; т. 32, с. 163; ОАИП, ч. 1, с. 50. Подробнее см.: *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 249 и далее.

[92] *Géresi K.* Hunyadi Mátyás Magyar kiraly diplomacziai összeköttetései III-ik Iván Vaziljevics orosz czárral. — Századok. Budapest, XIII évf., füz. 1, 1879, l. 239—249.

[93] *Elekes L.* Op. cit., S. 31.

Венеция. Молдавия временно осталась один на один с Османской империей.

В 1484 г. туркам в результате морского похода удалось захватить Килию и Белгород, последние порты на Черном море[94]. А в 1485 г. Стефану IV пришлось признать зависимость от Польши, для чего он ездил в Коломыю[95]. В 1487 г. объединенным польско-литовским силам удалось потеснить Большую орду[96]. В ответ на это Казимир сделал некоторые шаги, чтобы разрушить союз своего «голдовника»[97], как он называл Стефана, с Иваном III. Литовские послы, князь Тимофей Владимирович и Зенько, в 1485 и летом 1486 г. призывали Ивана III к защите Молдавии: «аж бы еси посполу з нами Стефану, воеводе волоскому, помоч вчинил против того его неприятеля», «што было нам за один стояти против въсякого нашего недруга»[98]. Иван III с Михаилом Кутузовым и с Федором Мансуровым давал дипломатичный ответ: «...штобы нам не столь далече, а льзе бы нам то дело делати, и мы средно хотели то дело делати и стояти за хрестиянъство, сколько бы нам бог помог». Мансуров переадресовал просьбу о помощи к Казимиру, говоря, что-де молдавское посольство Ивана Туркула в Русское государство, по-видимому 1485 г., напомнило Ивану III об обязательствах Казимира по отношению к Молдавии[99].

Федору Степановичу Еропкину и Прокофию Зиновьеву Скуратову русским послам в Молдавию 1485—1486 и 1486—1487 гг.[100], досталась нелегкая миссия разъяснить позицию и возможности Руси.

Итогом же бездеятельности союзников Молдавии — Руси, переживавшей процесс воссоединения, и Литвы, не заинтересованной в усилении вассальной Молдавии, был мир Молдавии с Османской империей в 1487 г. Стефан III обязался отныне уплачивать ежегодную дань султану. И в это время Молдавия и Русь обменивались посольствами. В июле 1488 г. в Молдавию отправился Василий Карамышев, в марте 1489 г. в Сучаве находился Михаил Еропкин[101].

---

[94] ПЛ, вып. 2, с. 65.

[95] Описание этой торжественной церемонии в присутствии массы поляков см.: ПСРЛ, т. 32, с. 163; *Wapowski B.* Op. cit., s. 3—4. Полякам льстило, что вассалом польского короля стал Стефан, «воевода, князь и прославленнейший воитель этого времени, знаменитый многими победами над турками». Казимир рассчитывал в его лице найти защитника от османской опасности (*Wapowski B.* Op. cit., s. 43, 14; см. также: ПСРЛ, т. 32, с. 92—93).

[96] Псковский летописец ошибается, приписывая этим войскам заслугу освобождения Килии и Белгорода (ПЛ, вып. 2, с. 67).

[97] РИБ, т. 27, № 55, стб. 367.

[98] Там же, № 128, стб. 433—444.

[99] Там же, № 54, 55, стб. 365—366, 367, осень—зима 1487 г.

[100] Там же, стб. 365, 368; Сб. РИО, т. 35, № 7, с. 24, 25, 33, март 1489 г.

[101] ПСРЛ, т. VIII, с. 214. Подробнее см.: *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 249 и далее.

Обеспечив себе безопасность со стороны турок, Матвей Корвин вернулся к борьбе за Нижнюю Австрию. Летом 1485 г. венгерские войска заняли Вену. Венгрии в это время важно было изолировать Фридриха III и не допустить оказания ему помощи со стороны Казимира, женатого на Елизавете Габсбург. В сентябре 1486 г. был возобновлен Оломоуцкий договор венгерского короля Матвея и чешского — Владислава [102]. Политику изоляции Казимира Матвей проводил с помощью Руси [103]. Новый венгерский посол Климент призывал Ивана III к решительным действиям против Казимира [104]. Следующему послу дьяку Ивану Иван III рассказывал «о почине и наступе» против Казимира, а именно о присоединении Тверской земли, а также Ржева, Великих Лук и др. [105] Вести о военных действиях русского князя венгерский посол разносил по всей Северной Европе, поскольку он возвращался домой через Таллин и Любек.

О присоединении Твери как проявлении союзнических действий Руси по отношению к Венгрии должен был сказать и московский посол Штибор, отправившийся в Венгрию через Крым и Молдавию. 16 декабря 1488 г. на его приеме Матвей Корвин вновь заявил о своих воинственных намерениях против Казимира и предложил выслать новое посольство для переговоров о совместных антипольских действиях. В грамоте, привезенной Штибором 9 апреля 1489 г., Матвей извещал своего союзника о верности принятым обязательствам, о многократных попытках Казимира заключить с ним союз и просил Ивана III сообщить ему, когда тот будет готов «на общего нашего недруга со всем одлучением и мыслью и мощью наступити и с ним дело делати» [106]. Неудача имперско-венгерских переговоров, начатых при посредничестве Венеции, упрочила русско-венгерский союз [107].

В том же, 1489, году укрепились венгерско-молдавские отношения. В связи с заключением польско-турецкого договора в 1489 г. Стефан признал венгерский сюзеренитет [108] и Молдавия вернулась в систему антиягеллонских коалиций [109], а русско-молдавские отношения снова встали на почву антиягеллонского союза.

---

[102] *Karge P.* Die ungarisch-russische Allianz, S. 331.

[103] ПСРЛ, т. VIII, с. 214. Подробнее см.: *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 249 и далее.

[104] ПДС, т. I, стб. 161. Об остроте польско-венгерских противоречий в это время см.: Materialy do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486—1516 (Kodeks Zagrzebski). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1966, N 2, s. 8—9.

[105] ПДС, т. I, стб. 159—169.

[106] *Karge P.* Die ungarisch-russische Allianz, S. 333.

[107] ПДС, т. I, стб. 171—173.

[108] *Piervan V.* Relatiile lui Stefan cel Mare cu Ungaria. Bucureşti, 1905, p. 104—105.

[109] *Papacostea S.* De la Colomeea la codrul Cosminului. Poziţia internaţională a Moldovei la sfîrşitul secolului al XV-lea. — In: Romanoslavica, v. XVII. Bucureşti, 1970, p. 537.

Антиягеллонская направленность отличает и русско-имперские отношения конца 80-х годов XV в. Падение политического могущества Габсбургов, потерявших свои наследственные земли, а также Венгрию и Чехию, и рост могущества Ягеллонов, сосредоточивших в своих руках четыре государства — Польшу, Литву, Венгрию (с 1490 г.) и Чехию, заставили Империю пересмотреть свое отношение к Руси, возможному союзнику против Ягеллонов. Степень антиягеллонских настроений в Империи была очень значительна. Предметом спора были не только австрийские земли, но и часть балтийского побережья, перешедшего в состав Польского королевства в 1466 г.

Русско-имперские отношения открылись в 1486 г. неофициальным визитом Николая Поппеля, силезского рыцаря, путешествовавшего по всей Европе с 1468 г.[110] Второй раз он приехал на Русь в начале 1489 г. уже в качестве посла Фридриха III. Между первым и вторым визитами Поппеля имперско-венгерские дела складывались не в пользу Империи: Вена перешла в руки Матвея Корвина. Повторный приезд Поппеля в Москву в 1489 г. имел целью подчинение Русского государства императору, который предлагал Ивану III королевский титул. Закрепить включение Руси в политическую систему Священной Римской империи должен был брак одной из дочерей Ивана III с маркграфом баденским Альбрехтом. Одновременно империя пыталась вмешаться во внешнюю политику Руси по отношению к Ливонскому ордену в связи с тем, что «немцы Вифлянские земли» — подданные «царству государя нашего» (императора) жаловались на псковичей, захвативших орденские земли. Ответ великого князя, переданный Поппелю Федором Курицыным, содержал решительный отказ от «поставления» от кого бы то ни было и указание на божественный источник власти русских государей.

22 марта 1489 г. к императору были направлены Юрий Траханиот, Иван Халепа и Костя Аксентьев. Первое русское посольство было принято на рейхстаге во Франкфурте 25 июля 1489 г. Послы преподнесли драгоценные подарки и уверили Фридриха III в желании Ивана III утвердить мир с Римской империей.

Смерть Матвея Корвина 6 апреля 1490 г. изменила всю международную обстановку на востоке Европы. Венгрия стала объектом борьбы его сына, Максимилиана и Владислава Ягеллона, страна, по словам русских дипломатов, «порознилася на трое»[111]. Наибольшие шансы были у чешского короля Влади-

---

[110] *Fiedler N.* Nikolaus Poppel, erster Gesandter Osterreichs in Russland. Wien, 1857; *Бауэр В.* Сношения России с германскими императорами в XV и начале XVI столетий. — ЖМНП, 1870, март, с. 55—93; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч., ч. I. М., 1894.

[111] ПДС, т. I, стб. 63—64. Кроме этих трех претендентов, был еще один — наследник польского престола, сын Казимира Ян Ольбрахт, об интере-

слава Ягеллона, и в условиях усиления Ягеллонов Габсбурги проявили значительно больший интерес к заключению союза с Русским государством. По мысли императора, великий князь должен был оказать помощь королю Максимилиану для завоевания Венгрии — «истинного и праведного его отчьства и наследия» против Владислава Ягеллона, Казимира и любого другого претендента на венгерскую корону.

Одновременно Георг фон Турн, прибывший в Москву 18 июля 1490 г., приглашал воинников великого князя во Фландрию сразиться против «изменников» короля Максимилиана и в первую очередь французского короля. Вместо отвергнутых Иваном III кандидатов в зятья фон Турну поручено было начать переговоры о браке короля Максимилиана с одной из дочерей Ивана III.

Проект договора, разработанный в Москве, должен был быть утвержден королем Максимилианом. Для этой цели к нему снова отправилось посольство во главе с Юрием Траханиотом. Статья о помощи была сформулирована в общей форме и предусматривала взаимные обязательства сторон оказывать помощь, «где будет... мочно». Особо оговаривалась обязательность совместного выступления против Казимира и его детей: «...а быти нам с тобою на Казимера на короля и на его дети заодин и до живота, а тебе с нами быти на Казимера на короля заодин и до живота»[112]. Предусматривалась возможность, что каждый из союзников мог прийти в конфликт с Ягеллонами, когда Максимилиан начнет «доставати своего отчьства Угорского королевства», а Иван III — Великое княжество Киевское[113].

Послы прибыли в Нюрнберг 22 марта 1491 г. и застали заседание рейхстага по вопросу о финансировании войск Максимилиана, необходимых для защиты Вены и продолжения борьбы за Венгрию[114]. 19 августа 1490 г. войска Максимилиана заняли Вену, а 17 ноября — Буду. Сохранить эти земли было трудно, так как ландскнехты подняли бунт из-за задержки уплаты денег. А войска Владислава находились близ Вены.

В таких условиях союз с Русью приобретал для Максимилиана особое значение. Утвердив докончальную грамоту, 23 июня 1491 г. он отпустил московских послов. Заключение договора нашло отражение в одном из рисунков Ганса Бургмайра под на-

---

сах которого очень заботился Каллимах. Он пытался привлечь Стефана III к поддержке этой кандидатуры. В своде 1497 г. события 1490 г. изложены с позиций Максимилиана, поскольку речь шла только о споре Максимилиана и Владислава, которые в результате поделили Белград, доставшийся Владиславу, и Австрию с Веной, перешедшей Максимилиану (ПСРЛ, т. 28, с. 154).

112 ПДС, т. I, стб. 37, 38.

113 Там же, стб. 37.

114 *Uebersberger H.* Österreich und Russland seit dem Ende des XV. Jahrhunderts, Bd. I. Wien—Leipzig, 1906, S. 25.

званием «Союз с белым русским» [115], соответствовавших замыслу самого Максимилиана I.

30 августа 1491 г. послы вернулись в Москву, а 20 ноября прибыл и фон Турн, посол римского короля. Его предложение «со всею своею силою» двинуться на Казимира и его детей было уже запоздалым. В Москве хорошо знали о заключенном 7 ноября того же года Пожонском (Пресбургском) мире, согласно которому Венгрия переходила к Владиславу Ягеллону, женившемуся на вдове Матвея Корвина [116]. Максимилиан получал австрийские земли, контрибуцию в 100 тысяч венгерских гульденов и право наследовать Венгрию в случае отсутствия мужских потомков Владислава. Позиции Ягеллонов в Центральной Европе упрочились. Укрепился и польский король Казимир, в тылу которого больше не было враждебного государства.

Венгерский вопрос был решен, и одна из причин заинтересованности Империи в союзе с Русью отпадала [117]. Максимилиан ограничился благодарностью русским послам за предложение военной помощи ради завоевания Венгрии [118].

Юрий Траханиот и Михаил Кляпик Еропкин отправились к Максимилиану вслед за фон Турном. В Прибалтике и Любеке они узнали о подробностях вечного мира Владислава и Максимилиана, о перипетиях борьбы римского короля с французским из-за Бретани.

В Любеке в августе 1492 г. русские послы встретили Михаила Снупса, направлявшегося в Москву от эрцгерцога тирольского Сигизмунда для ознакомления со страной вплоть до р. Обь. Пробыв в Москве до начала января 1493 г., Снупс вернулся, так и не увидев вновь открытых серебряных рудников на р. Цильма.

15 января 1493 г. Юрий Траханиот и Кляпик Еропкин прибыли в Кольберг (Эльзас) к Максимилиану, полностью погруженному в распри с Францией. Напоминания русских послов о выступлении против Казимира и сохранении договора с Русью были незлободневны для Максимилиана. Его активность была направлена теперь лишь в сторону борьбы с Францией и отчасти на отражение османской опасности. Предполагавшееся посольство на Русь весной 1494 г. (Вильгельм фон Загориен и Бартоломей фон Модрус), по-видимому, не состоялось. Таким образом, договор с римским королем Максимилианом оказался недействительным. Безрезультатными оказались и переговоры ганзейского посольства с И. Ю. Патрикеевым, Д. В. Ховриным и Юрием Траханиотом осенью 1494 г. [118а]

---

[115] Der Weisskunig, S. 400; Einleitung, S. XXV.

[116] *Berzeviczy A.* Beatrice d'Aragon, reine de Hongrie, 1457—1508, v. 1—2. Paris, 1911.

[117] *Biskup M.* Badania nad reformą Rzeczy i politika zagraniczna Habsburgów w drugiej połowie XV — początkach XVI wieku. — PH, 1963, N 4, r. 54, s. 657—666.

[118] *Uebersberger H.* Op. cit., S. 41.

[118а] LECUB, Abt. II, Bd. I, N 31, S. 22.

Иной характер носили русско-молдавские отношения. После 1490 г. с упрочением Владислава в Венгрии резко ухудшилось положение Молдавии. Она стала объектом соперничества между Владиславом Ягеллой, королем чешским, Яном Ольбрахтом, королевичем польским, и Максимилианом Габсбургом, которому по его просьбе Ивану III, переданной со Стефаном Мушатом, должен был помогать молдавский воевода Стефан. Особую активность проявлял Ян Ольбрахт, метивший на венгерский трон. Его отношения с Молдавией в том же, 1490, году дошли до вооруженного конфликта [119].

Русско-литовская война началась как «открытие второго фронта» во владениях Ягеллонов. Посольства в Молдавию и на Русь Стефана Мушата (до лета 1490 г.), Ивана Дмитриевича Лихарева (4 августа 1490 г. — 1 января 1491 г.), Стецко и Шандра (1 января — 28 июля 1491 г.), Скурата Зиновьева (28 июля 1491 г. — февраль 1492 г.), воеводы Оники Мушата (февраль — 6 апреля 1492 г.) и, наконец, Ивана Андреевича Плещеева (сентябрь 1492 г.) [120] преследовали цель выработки союзнических действий против Ягеллонов.

Ко времени после 1487 и до 1498 г. Н. А. Мохов относит заключение русско-молдавского договора [121], упомянутого в грамоте 1498 г. Стефана III Ивану III, где молдавский государь писал, что в отношениях с Литвой он поступал по «докончальным грамотам и по крестному целованию» [122]. Судя по множественному числу этого выражения, докончальных грамот было несколько. Тогда заключение одной из них можно отнести к 1492 г., к представительному посольству воеводы Оники Мушата. В том же, 1492, году союз со Стефаном заключил и крымский хан Менгли-Гирей [123]. В связи с посольством Мушата Иван III изменил, вероятно, позицию в вопросе о престолонаследии [124]. Заключением договора с Александром Ягеллоном в 1494 г. и его женитьбой на великой княжне на первый взгляд прекращалась заинтересованность Руси в дружественных отношениях с Молдавией. Однако с помощью этого брака Александр надеялся восстановить «кровное звезанье», в котором были Витовт и Василий I, и тем самым вернуть в состав Литовского княжества земли, которые «прислу-

---

[119] *Papacostea S.* Op. cit., p. 537—538, 541; Materialy, N 5, s. 12—14; *Finkel L.* Zjazd Jagiellonów w Lewoczy r. 1494. — KH, 1914, r. 28, z. 2, s. 317—350; *Papée F.* Jan Olbracht. Kraków, 1936, s. 64—77.

[120] ПДС, т. I, стб. 80; ПСРЛ, т. XVIII, с. 273—276; Сб. РИО, т. 35, № 13, с. 52, до 27 февраля 1491 г. (Вопреки Симеоновской летописи в посольских книгах говорится о посольстве Федора Степановича Еропкина, а не Скурата Зиновьева.) Ряд посольств не был пропущен через Литовское княжество (Сб. РИО, т. 35, № 5, 10, с. 19, 41, лето 1488 г. и февраль 1490 г.).

[121] *Мохов Н. А.* Молдавия, с. 192—193.

[122] *Bogdan I.* Documentele lui Stefan cel Mare, v. II. Bucureşti, 1913, p. 409.

[123] Сб. РИО, т. 41, № 35, с. 151, июнь 1492 г.

[124] См. подробнее с. 111—112.

хали» Литовскому княжеству при Витовте. Во время посольств Яна Лютавора Хребтовича 13—30 августа 1494 г. и писаря Адама Якубовича 16—22 ноября 1494 г. была предпринята попытка умалить достоинство тестя, которого называли просто «великим князем», не указывая ни «русский», ни «московский» [125]. Александр, титул которого в верительных грамотах был написан полностью, потребовал возвращения захваченных русскими земель, настаивал на сохранении старых рубежей [126].

Русские дипломаты, не учитывая остроты противоречий Русского государства и Литовского княжества, упорно проводили в жизнь программу заключения союзов Крымским ханством и Молдавией с Великим княжеством Литовским. В 1496 г. на юге Европы распространялись слухи о союзе Руси с Польшей, Чехией и Молдавией против турок [127]. В это же время Ягеллоны пришли к соглашению, направленному как против Молдавии, так, вероятно, и против Руси [128]. Молдавско-польские отношения в 1497 г. достигли кризиса. В целях подчинения Молдавии, якобы перешедшей на сторону Османской империи [129], Ян Ольбрахт решился на вторжение в Молдавию. Польские войска дошли до Сучавы и осадили ее. Сняв осаду, польский король повел войска в Буковину, где в октябре 1497 г. в Козминском лесу его войско потерпело сокрушительное поражение от Стефана и турок. Эти события имели чрезвычайно широкий резонанс. Они отражены даже в русском летописном своде 1508 г.: польская армия, «вошед в землю Волошскую, начала пленити и сещи и грабити...», но после поражения «возвратися король с великим срамом восвояси» [130].

В ходе этих событий Русь оказала дипломатическую поддержку Молдавии [131]. Иван III настойчиво требовал, чтобы литовское войско не участвовало в польско-молдавском конфликте. Александр, уже было двинувшийся на помощь брату, вернулся [132]. На следующий год повторилась та же история, и снова

---

[125] Сб. РИО, т. 35, № 28, с. 147; № 30, с. 158; ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 6, л. 65—65 об.; АЗР, т. I, № 114, с. 134.

[126] ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 6, л. 65 об.

[127] Сб. РИО, т. 41, с. 17—24, 213; т. 35, с. 238, 253, 327—331.

[128] ПСРЛ, т. 32, с. 164. В 1496 г. был закрыт проезд молдавским послам на Русь (*Муханов*, № 56, с. 83—84).

[129] Materialy, N 14, s. 33—34; ПСРЛ, т. 32, с. 165.

[130] ПСРЛ, т. VI, с. 42; см. также: т. 32, с. 165, 98—99.

[131] Непосредственные связи Руси с Молдавией продолжались и после заключения брака Александра и Елены, хотя осуществлялись они по территории Литовского княжества, объекта нападений Стефана. Летом 1495 г. по ходатайству Семена Ступишина (АЗР, т. I, № 116, III, с. 142) через Литву получил право ехать в Молдавию Михаил Васильевич Кутузов (там же, № 132, с. 153; Сб. РИО, т. 35, № 40, с. 209, август 1495 г), а летом 1496 г. — Иван Иванович Ощерин (Сб. РИО, т. 35, № 43, с. 221, май 1496 г.).

[132] Сб. РИО, т. 35, № 48, с. 238; № 53, с. 253. Согласно Хронике Быховца Александр столкнулся с сопротивлением воевод, в результате он вы-

вмешательство Ивана III удержало Александра от похода на Молдавию.

События 1497 г. были кульминационным пунктом борьбы Молдавии против попыток Польши подчинить ее своему сюзеренитету, равно как и кульминационным пунктом дружественных русско-молдавских отношений.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ И УКРЕПЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТИЖА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ В 1498—1533 гг.

В последние годы XV в. и в первой трети XVI в. осью русско-литовских отношений оставались территориальный вопрос и «титулатурно-терминологический». В сношениях с Великим княжеством Литовским вплоть до 1487 г.[133] Иван III употреблял в своем титуле слова «всея Руси». После трехлетнего перерыва он возобновил эту практику в феврале 1491 г.[134] Иван Юрьевич Патрикеев, инициатор и активный участник русско-литовских переговоров 1492—1494 гг. о сватовстве Александра на великой княжне Елене Ивановне (переговоры он вел в качестве московского наместника), вопреки распоряжению Ивана III согласился на предложенный литовскими послами порядок урегулирования дел — сначала сватовство, потом договор. Иван же требовал сначала урегулирования «начальных больших дел», а затем проведения переговоров о сватовстве[135]. 4 февраля состоялось обручение, а 5 февраля был подписан договор. Послы согласились на все, что требовала от них русская сторона. Текст договорной грамоты при утверждении ее литовским князем был изменен: опущены слова «всея Руси» в титуле Ивана III. Отказ Александра дать грамоту о «непринуждении» Елены к католичеству вынудил Василия Ивановича Патрикеева и Семена Ивановича Ряполовского, послов к Александру, поступиться «именем» великого князя. Его титул в этой грамоте оказался написан неполностью. С августа

нужден был с запозданием отправить лидского наместника Станислава Петровича, князя Семена Ивановича Можайского и князя Василия Ивановича Шемячича на Молдавскую землю (ПСРЛ, т. 32, с. 165—166).

[133] Сб. РИО, т. 35, с. 1, прим. 1; РИБ. т. 27, кн. 4, № 54, стб. 365—366.

[134] Там же, № 13, 17, 22, 24, с. 52, 69, 105, 129. Наименование Ивана III «государем и самодеръжцем всея Русии» в русской надписи на Спасской башне, датированной июнем 1491 г., принадлежит переводу Н. Спафария (*Белоброва О. А.* Эпиграфическое известие о работе итальянских мастеров в Московском Кремле. — В кн.: Уникальному памятнику московской архитектуры Успенскому собору Московского Кремля 500 лет. М., 1979, с. 29—31).

[135] Сб. РИО, т. 35, № 18, 25, с. 75, 78, 139—140, ноябрь-декабрь 1492 г., март-апрель 1494 г. Предварительное соглашение И. Ю. Патрикеева с Яном Юрьевичем Заберезинским предшествовало ведению официальных переговоров (АЗР, т. I, № 109, с. 127—128; № 113, I—III, с. 133—134).

1494 г. по июнь 1499 г. литовские послы называли Ивана III просто великим князем[136]. В условиях краха южной и западной внешней политики, в конце 1498—начале 1499 г., подобная позиция ее руководителей Патрикеевых рассматривалась как измена и послужила непосредственным поводом их опалы. В. И. Патрикеева в 1503 г. Иван III обвинял и в неумеренном пьянстве во время службы.

На рубеже XV—XVI вв. вопрос о титуле главы Русского государства в русско-литовских отношениях приобрел особую остроту. Чтобы понять причины этого, следует проследить эволюцию титулатуры великого князя в предшествующее время. В сношениях с Ливонией в 70-х годах XV в. не только Иван III, но и его наследник, с 1471 г. великий князь[137] Иван Иванович Молодой, именовались царями[138]. В договоре с Ливонией 1481 г. они названы «царями» и «великими государями»[139].

В русско-, вернее, новгородско-шведских договорах 80-х годов XV в. Иван III именовался «русским кайзером» (договор января 1482 г.) и даже «великим королем, кейзером всех русских, великим князем» (договор 1487 г.)[140].

В 1498 г. во время венчания[141] Дмитрия-внука Иван III сделал попытку присвоить себе, подобно византийскому базилевсу, титул «царя» и «самодержца»[142]. Не случайно современники и

---

[136] Сб. РИО, т. 35, № 28, 29, с. 145, 156; *Муханов*, № 45, с. 72; ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 6, л. 65, 66.

[137] Это наблюдение принадлежит И. А. Голубцову (АСЭИ, т. II, с. 521; см. также: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история, с. 33, прим. 84; *Кучкин В. А.* О времени написания, с. 223). П. Нитше полагает, что в 1471 г. состоялось официальное возведение Ивана Ивановича на княжение (*Nitsche P.* Grossfürst und Thronfolger. Die Nachfolgepolitik der Moskauer Herrscher bis zum Ende des Rjurikidenhaus. Köln—Wien, 1972, S. 89).

[138] ГВНП, № 78, с. 133; АЗР, т. I, № 69, с. 84.

[139] АЗР, т. I, № 75, с. 95—98. См. также опасную грамоту Ивана III ливонским послам июня 1495 г.: LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 208, S. 162. В 1495 г. Любек и Гданьск по образцу великого литовского князя сделали попытку отказаться от употребления титула «царь» по отношению к Ивану III, ограничившись титулом «великого князя» и «герцога» Московии (ibid., N 133, 219, S. 106—107, 168, январь, июль 1495 г.), а все 72 ганзейских города называли его просто «могущественным и великодушным государем (princeps)» (ibid., N 240, S. 181, 1 августа 1495 г.). Эту же титулатуру в 1495 г. применял и Максимилиан (ibid., N 247, 249, S. 185, 187, 17 августа 1495 г.). Городской совет Брауншвейга назвал Ивана III «королем Москвы» (ibid., N 368, S. 265, июль 1496 г.).

[140] *Rydberg O. S.* Sverges traktater med främmande magter, d. III. Stockholm, 1895, N 525, s. 360; N 535, s. 404.

[141] По мнению В. И. Саввы, церемониал соответствовал хиротописанию цезаря (*Савва В. И.* Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901, с. 121—128).

[142] ПСРЛ, т. 28, с. 331. К этому времени и может относиться надпись на Буслаевской псалтири с титулом «самодержцев», не современная, по-видимому, той части кодекса, которую она замыкает. (Иное мнение см.: *Кучкин В. А.* О времени написания, с. 224.) Впрочем, настаивать на этом нельзя, так как термин «самодержец» характерен только для нарра-

исследователи расценивали этот акт как претензию Ивана III на титул императора [143]. В византийском тексте венчания не было слова «автократор», которое, по Г. Острогорскому, обозначало лишь независимость правителя от церкви [144].

Русские государи, на протяжении конца XV—начала XVI в. совершенствовавшие свой титул, тщательно присматривались к тому, как оформляли свои притязания на власть их славянские предшественники. Болгарские и сербские государи, Асени и Неманичи, в период независимости и расцвета Болгарии и Сербии носили титулы царей и самодержцев, причем принятие этих титулов сочеталось с представлением о власти над Византией и греками. Недаром Асени называли себя «царями болгар и греков». Еще дальше пошел Стефан Душан, первым из сербских королей принявший титул царя [145].

Термин «самодержец» — калька греческого «автократор», применявшийся в славянских странах с древнейших времен образования их государственности (так называли себя князья киевские, владимирские, цари и крали болгарские и сербские), исклю-

---

тивных источников и его датировка более затруднительна, нежели титулатура актов.

[143] *Sanuto M.* Op. cit., v. III. Venezia, 1880, p. 89; *Soloviev A. V.* «Reges» et «Regnum Russiae» au moyen âge. — In: Byzantion, v. 36. Bruxelles, 1966, p. 172. С 1495 г. на Руси стали вводиться византийские обычаи (*Маркевин Н.* Богомольные выходы древних русских царей по сравнению с такими же выходами византийских императоров. — В кн.: Христианские и русские древности и археология, т. I. СПб., 1872, с. 36; *Ošir G.* Chiesa e Stato nell incoronazione degli ultimi Rurikidi. — In: Orientalia Christiana Periodica, v. XVI. Roma, 1950, p. 290). Применение эмблемы императорской власти (двуглавого орла) с середины 90-х годов XV в. возводят либо к византийской (*Soloviev A. V.* Les emblemes heraldiques de Byzance et des Slaves. — In: Seminarium Kondakovianum, v. VII. Praha, 1935, p. 149), либо к западноевропейской «римской» имперской традиции (*Alef G.* The Adoption of the Muscovite Two-headed Eagle: A Discordant View. — Speculum, Cambridge, Mass., v. 41, N 1, January 1966, p. 1—21; *Hellmann M.* Moskau und Byzanz. — JGO, 1969, Bd. 17, S. 321—344; *Stökl G.* Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972, S. 30).

[144] *Ostrogorski G.* Avtokrator i samodržac. — In: Srpska kraljevska akademija. Glas CLXIV, Drugi razred. Filosofsko-Filoloska, društvene i istoriske nauke, 84. Belgrad, 1935, s. 102, 106—107.

[145] Асень II (ок. 1230 г.) — «царь блъгаром и греком», Иоанн Александр (1348 г.) и Иоанн Шишман (1378, до 1382 г.) — «царь и самодержец всем болгаром и греком» (*Ильинский Г. А.* Грамоты болгарских царей. М., 1911, с. 13, 19, 23, 25, 28, 29). Городской совет Дубровника 15 июня 1253 г. обращался к Михаилу Асеню — «к святому и верному в Христа бога цару самодръжавьцу вьсеи земли Блъгарьске» (*Miklosich F.* Monumenta serbica. Vindobonensi, 1856, N 35). Титул его предшественников был скромнее: «Стефань Урошь с помощию божиеи краль вьсе срьбске земле и поморски». 23 августа 1253 г. [*Miklosich F.* Op. cit., № 45; см. также: *Соловјев А. В.* Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века). Београд, 1926, № 51, с. 99]. Развернутый титул Стефана Уроша звучал так: «Стефань Оурошь краль вь Христа бога вѣрны и самодрьжавны краль всеи Срьпьскои земли и Поморьскои и Овчепольскои и Велбоуждъскои» (*Соловјев А. В.* Указ. соч., № 57, с. 111, 9 сентября 1330 г.).

чал возможность существования иных независимых или полунезависимых князей. Не случайно на Руси этот термин стал применяться, когда Иван III после смерти или ухода с политической арены братьев, удельных князей, остался единственным великим князем. Русские церковные деятели, признававшие главенство великого князя над церковью, называли великого князя «самодержцем» (митрополиты Зосима — в Извещении о пасхалии 1492 г.[146], Симон — в чине своего поставления 1495 г.[147], архиепископ Макарий в 1526 г.) [148]. Проник этот титул и в нарративные источники. Никаноровская летопись, сообщая о возвращении Ивана III из новгородского похода, называет его «князь великии Иван Васильевич володимерскии и новгородскии и всея Руси самодержец»[149]. В условиях внешнеполитических отношений 1498 г. употребление Иваном III этого титула, равно как и венчание внука по образцу венчания сына императора[150], ставило великого князя на более высокую ступеньку иерархической лестницы европейских государей. Если мнение П. Нитше о попытках Ивана III приравнять Дмитрия-внука к Максимилиану — некоторое преувеличение, то с его наблюдением о стремлении Ивана III возвыситься над Александром можно согласиться[151].

Царский титул за Иваном III и Василием III признавали, как и раньше, ганзейские и ливонские города. Основной внешнеполитический соперник Русского государства — Литовское княжество — выступал против употребления даже более скромного титула: «государь всея Руси». Попытка посольства В. В. Ромодановского и В. Г. Кулешина в марте 1498 г. исправить промах, допущенный в 1494 г. В. И. Патрикеевым и С. И. Ряполовским, и добиться признания этого титула со стороны «брата нашего и зятя» ни к чему не привела. Ссылка на практику внешнеполитических сношений Руси с другими странами не произвела впечатления в Литве[152]. Апрель—июль 1498 г. прошли в мирных переговорах по частным вопросам (о вяземских мещанах и тор-

[146] РИБ, т. VI, стб. 795.

[147] ПСРЛ, т. VIII, с. 230. Ср.: *Kämpfer F.* Das russische Herscherbild. Recklinghausen, 1978, S. 53—54, 158—160.

[148] Там же, т. 30, М., 1965, с. 176, 201.

[149] Там же, т. 27, с. 135. То же в сводах 1497 и 1518 гг. (там же, т. 28, с. 128, 298, 336, 348; *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV—XVI вв. — ИА, кн. V. М., 1950, с. 11; см. также: *Binner R.* Zur Datierung des «Samoderžec» in der russischer Herrschertitulatur. — Saeculum, München, 1969, Bd. 20, H. 1, S. 57—68). Ко времени Василия III относится и появление символа великокняжеской власти — посоха (*Stökl G.* Op. cit., S. 25—26).

[150] «Чин венчания» Дмитрия-внука восходит не непосредственно к византийскому, но к сербскому XIV в. (*Барсов Е. В.* Древнерусские памятники священного венчания на царство в связи с греческими их оригиналами. — Чтения ОИДР, 1883, кн. 1, с. 25, 26, 33—34; *Герберштейн С.* Указ. соч., с. 28—31).

[151] *Nitsche P.* Op. cit., s. 147.

[152] Сб. РИО, т. 41, № 57, с. 262, август 1498 г.; т. 35, № 53, с. 257, март 1498 г. На эти же грамоты русские дипломаты ссылались и в 1503, и в 1504 гг. (там же, т. 35, № 75, 78, с. 381, 462).

говых конфликтах) [153]. 20 июля в Москву прибыли Станислав Петрашкович Кишка и Иван Сапега, имевшие поручение разобраться в пограничных конфликтах. Перед ними Иван III поставил вопрос о признании полного титула русского великого князя [154] и потребовал оформления новой договорной грамоты. Нарушая дипломатический протокол, великий князь сам обратился к послам с напутствием уговорить зятя пойти на уступки в титулатуре [155]. Литовская сторона, воспринявшая выходку Ивана III как проявление слабости русского князя, боявшегося обострять отношения с западным соседом и лично вмешивавшегося в урегулирование столь больного для престижа Руси вопроса, прервала отношения с Русью. На 11 месяцев с июля-августа 1498 г. диалог тестя и зятя прекратился.

Четыре проблемы — воссоединение русских земель, укрепление международного престижа великого князя, свободное развитие торговли и беспрепятственное передвижение послов по территории Литовского княжества — «начальные большие дела» ждали решения. К ним присоединились и проблемы положения православных в Литовском княжестве, когда в 1498 г. «митрополитом киевским и всея Руси» был избран Иосиф Болгаринович, приступивший к энергичному внедрению унии [156]. В сборник 80-х годов XV в., составленный в Новгороде Тимофеем Вениаминовым, были занесены жалобы середины 90-х годов XV в. (в качестве приписки) на владыку смоленского Иосифа [157], почти

---

[153] Там же, № 54, 55, с. 258—261, 261—265. Александр выразил готовность удовлетворить жалобы купцов можаичей, тверичей и новгородцев против мценян, рылян, путивлян, смольнян, полочан (АЗР, т. I, № 157, с. 178, 27 июля 1498 г.).

[154] В титуле литовской верительной грамоты отсутствовали слова «государю всея Руси»: «Ивану божиею милостью великому князю володимерскому и московскому и новгородцкому и псковскому и тферскому» и т. д. (Сб. РИО, т. 35, № 56, с. 265). Подобная титулатура была установленной для писцов литовской канцелярии (*Муханов*, № 81, с. 130).

[155] Сб. РИО, т. 35, № 56, с. 272.

[156] В послании от 20 августа 1500 г. Александру VI он признавал Флорентийскую унию и зависимость от папского престола (*Theiner A.* Op. cit., t. II, N 296, p. 267—268).

[157] ГПБ, Кир.-Бел. 41/37, л. 209 об.—210. (О сборнике см.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. М., 1977, с. 42.) В марте 1501 г. Венеции достиг слух о том, что папский легат, епископ кальенский, рассказывал о желании литовского князя развестись со своей женой и даже направлял послов с просьбой о разводе к папе (*Sanuto M.* Op. cit., v. III, p. 1549, 15 марта 1501 г.). О пребывании в Риме виленского архиепископа Эразма Виттелия, секретаря Иоганна Сапеги, и др. 11 марта—20 апреля 1501 г. см.: *Burchard*, t. III. Paris, 1885, p. 120, 123, 124, 132. На переговорах 1503 г. литовские послы говорили, что папа часто обсуждал с кардиналами, «как бы королевская ее милость могла быти захована у греческом законе». Был изобретен хитроумный план: ни ей, ни другим православным не нужно было креститься заново, «только бы мели вчинить столцу апостолскому послушенство, подлуг Флориньского збору» (АЗР, т. I, № 200, с. 348). Подробнее см. с. 196.

буквально совпадающие с рассказом Федора Шестакова о положении православных в Литовском княжестве. Он писал о «замятенье великом межи латыны и межу нашего христианства», о «неволе» княгини Елены и русских в «латынскую проклятую веру» [158].

Несоблюдение условий договора 1494 г. (строительства православной церкви) и притеснения православных в Литовском княжестве были, по мнению Герберштейна, причиной войны [159]. На переговорах августа 1499 г. признание полного титула Ивана III литовский князь обставлял условием включения в перемирную грамоту текста о принадлежности Литовскому княжеству Киева, статус которого в это время был предметом обсуждения, поскольку существовал проект передачи его Жигимонту, брату Александра. Включение подобного условия в договор с Литовским княжеством означало бы отказ от внешнеполитической программы воссоединения русских земель, из числа которых изымался бы Киев [160]. Мирное урегулирование стало невозможным, и русское правительство взяло курс на войну. Это сопровождалось крутым изменением во внутренней политике, вызванным крайне неблагоприятными внешнеполитическими условиями, в которых Русь была вынуждена вступить в войну с Великим княжеством Литовским. Речь идет о потере союзника — Молдавии.

Заключив договор с Литовским княжеством, в 1495 г. русское правительство выступило инициатором урегулирования отношений Литовского княжества и Молдавии, главы которых находились в родстве с Иваном III. Послы в Молдавию (Тимофей Петрович Замыцкий зимой 1494 г., Михаил Васильевич Кутузов летом 1495 г., Иван Иванович Ощерин ранним летом 1496 г.) предлагали, чтобы Александр и Стефан были «в миру и в докончанье», «другу бы нашему друг был, а недругу — недруг» [161]. Забыв о весьма глубоких разногласиях Литовского княжества и Молдавии, русская дипломатия упорно проводила в жизнь уто-

---

[158] АЗР, т. I, № 155, с. 177, до мая 1498 г.; Сб. РИО, т. 35, № 57, с. 273—274, 30 мая 1499 г. (та же датировка: *Любавский М. К.* Указ. соч., с. 10); РК 1475—1605, т. I, ч. 1, с. 42.

[159] *Герберштейн С.* Указ. соч., с. 13; см. также: ПСРЛ, т. 32, с. 99. Объяснение Александра причин высылки русских бояр и боярынь см.: АЗР, т. I, № 116, II, IV, с. 142.

[160] Сб. РИО, т. 35, № 61, с. 282; АЗР, т. I, № 135—136, с. 157—161. В сношениях и договоре с ливонским магистром Александр называл себя князем Руси и Киева (LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 1029, S. 776, 21 августа 1500 г.; Bd. 2, N 45, 127, S. 30, 82, 3 марта, 21 июня 1501 г.).

[161] Сб. РИО, т. 35, № 33, 36, 40, 43, с. 175, 191, 212, 221, февраль, май, август 1495 г., май 1496 г. Летом 1497 г. в Москве было известно о согласии Стефана на мир с литовским князем (там же, № 48, с. 238). Новая попытка заключения молдавско-литовского договора была сделана русским послом Иваном Берсенем, прибывшим в Молдавию с посольством дьяка Балицы (АЗР, т. I, № 161, с. 183; ЦГАДА, ф. 389, кн. судных дел 192, л. 418).

пическую программу союза — равноправного и дружественного — этих держав, союза, вряд ли полезного для Руси в связи с несоблюдением Литовским княжеством условий договора 1494 г.

Верный союзу с Молдавией, Иван III пытался вмешаться в военные действия своих союзников. Посольство Петра Григорьевича Заболоцкого августа 1497 г. имело целью удержать литовское войско от похода на Молдавию. Позднее стало известно, что русское вмешательство улучшило положение Молдавии, теснимой силами польского короля Яна Ольбрахта, хотя, несмотря на просьбы русских, Александр «посылал воевод своих с людьми на помочь своему брату». В марте 1498 г. русская сторона повторила свои требования, чтобы Александр ни сам «не ходил, ни людей бы еси своих на помочь брату своему не посылал, а за то бы еси, брате, с нами нежитья не хотел» [162].

Судя по хронике Быховца, в 1497 или начале 1498 г. произошло заключение или подтверждение русско-молдавского союза. Говоря о дипломатической подготовке войны 1500—1503 гг., автор этой части пишет, что Иван III принял решение о начале военных действий, «вступив перед тем в сговор с Тейдли-Гиреем (следует читать — Менгли-Гиреем. — *А. Х.*), царем перекопским, и со своим сватом Стефаном, воеводою молдавским, присягнув на вечный мир и на кровный союз» [163]. Естественным следствием и продолжением этих отношений явилось провозглашение 4 февраля 1498 г. внука Стефана Великого и Ивана III великим князем московским и государем всея Руси [164], что, впрочем, не спасло Молдавию от сокрушительного поражения от Ягеллонов.

Согласно договору июля 1498 г. трех Ягеллонов — Яна Ольбрахта, Александра и Владислава — они взяли Молдавию под свое покровительство. Торжественно объявив о неприкосновенности Молдавии и власти молдавского государя, они обязались оказывать друг другу помощь в случае нападения османов, соблюдать свободу торговли и свободу передвижения по Молдавии [165]. Этот

---

[162] Камнем преткновения в молдавско-литовских отношениях был конфликт из-за Браславля (Сб. РИО, т. 35, № 50, с. 243). О посольстве Заболоцкого см.: там же, № 48, с. 238, а также № 53, 56, с. 253, 269—270, март и июль 1498 г. Зимой 1497/98 г. русско-молдавские отношения были стеснены нежеланием литовской стороны пропустить молдавского посла на Русь (там же, № 53, с. 252, март 1498 г.). 18 июня 1498 г. был установлен маршрут, которым могли следовать молдавские послы на Русь: Браславль, Винница, Корец, Дубровица, Пинск (АЗР, т. I, № 156, с. 177).

[163] ПСРЛ, т. 32, с. 166.

[164] Объявляя Дмитрия-внука своим наследником, Иван III подчеркивал «неразрывность русско-молдавского союза и побуждал своего родича к энергичному сопротивлению польско-литовским силам» [*Лурье Я. С.* Рец. на кн.: Дж. Феннел. Иван Великий московский. Лондон, 1961; (*J. L. I. Fennell.* Ivan the Great of Moscow. London, 1961). — ИСССР, 1962, № 4, с. 206].

[165] *Уляницкий В. А.* Указ. соч., с. 151—153.

договор продолжал прежние принципы Ягеллонов в отношении Молдавии и был направлен на ее дипломатическую изоляцию в Европе. Теснимая с одной стороны коалицией Ягеллонов, с другой — Османской империей, Молдавия почти не имела права выбора. Вместо коалиции Русь — Молдавия — Литовское княжество — Крым, о котором так пеклась русская дипломатия в 1495—1497 гг., была создана другая: коалиция Ягеллонов, основанная для защиты их позиций от Русского государства и Молдавии и направленная на подчинение последней. Не без насмешки Александр писал об этом договоре Ивану III: «што перво сего ты... через свои послы всказывал и нашими послы наказывал, абыхмо с Стефаном, воеводою волоским, были в миру и в любви и в докончаньи и единацстве... ино мы на твое, брата нашего, слово ... то есмо вчинили, приязнь с ним и вечный мир и докончанье взяли» [166].

Неблагоприятная дипломатическая обстановка была одной из причин задержки войны, с началом которой Иван III медлил в 1498 и 1499 гг. Еще более веские причины лежат во внутренней политической обстановке Руси. Провозглашение Дмитрия-внука наследником престола и великим князем московским осложнило внутриполитическую ситуацию в стране. Династический кризис продолжался еще 4 года [167]. Пребывание Дмитрия-внука у власти было кратковременным. С сентября 1498 г., когда он предъявил претензии на титул князя всея Руси, прекращается его участие в решении каких бы то ни было дел [168]. Еще через 4 месяца, 31 января—5 февраля 1499 г., подверглись опале его сторонники. И. Ю. Патрикеев с сыновьями и казни С. И. Ряполовский — виновники умаления титула Ивана III при заключении договора 1494 г. Тем самым была расчищена дорога к великокняжескому столу Василию. 21 марта 1499 г. он был наречен великим князем, была объявлена передача ему Великого Новгорода и Пскова, 29 июля того же года он действительно стал соправителем отца по делам, касающимся Новгородской земли [169]. На «великом княжении Владимирском и Московском» номинально находился Дмитрий-внук, «Степанов внук Воложского». Великим князем оставался и сам Иван III, «государь всеа Русии». Таким образом, к марту 1499 г. номинально на Руси было три великих князя.

---

[166] Сб. РИО, т. 35, № 61, с. 281.

[167] Обзор работ К. В. Базилевича, А. А. Зимина, Я. С. Лурье, Л. В. Черепнина, Дж. Феннела, в той или иной мере касавшихся династического кризиса, см.: *Зимин А. А.* События 1499 г. и борьба политических группировок при дворе Ивана III. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 91—104; *Он же.* Летописные свидетельства о коронации Дмитрия-внука и заговоре Владимира Гусева (1497—1498 гг.). — В кн.: Летописи и хроники. Сб. статей. 1973 г. М., 1974, с. 240—251; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история, с. 79—115.

[168] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история, с. 95, 101.

[169] Там же, с. 144.

Рассредоточение титулов великого князя среди наследников Ивана III породило у современников и позднейших хронистов большую неясность [170]. Надежные сведения дают лишь акты и посольские книги, в особенности русские наказы (с поправкой на тот эффект, который должны были иметь действия послов в иных государствах). Неясны и причины, и ход возвращения Василия к власти. Ко времени между 2 апреля и началом мая 1500 г. С. М. Каштанов относит попытку «мятежа» Василия III, отъехавшего в район Свинского поля, где у Самсова бора произошло сражение поддерживавших его сил с войсками Ивана III. Каштанов локализует обозначенный летописцем пункт, до которого добрался Василий, в окрестностях Дорогобужа, вплоть до 1503 г. входившего в Литовское княжество, и связывает события на Свинском поле с началом военных действий.

Известие об этом «отъезде» сохранилось в явно испорченной записи Погодинского летописца под 7008 (1500) г.[171], противоречащей предшествующему сообщению под 7007 г. о «наречении» Василия великим князем. Запись о мятеже — это первая из записей под 7008 г., имеющая датировку: «Въ лето 7008 году». Подобным же образом начинаются сообщения под 7004, 7006, 7007 гг., содержащие и некоторые оригинальные сведения. В записи о «мятеже», помимо тех особенностей, которые отмечал Каштанов, обращает на себя внимание незавершенность грамматической конструкции (в первой половине фразы отсутствует сказуемое, зато есть два деепричастных оборота, относящихся, по-видимому, к разным глаголам, а соответственно и к разным лицам, что свидетельствует о пропуске между словами: «хотя великого княжения и ... хотев его истравити»).

Дефектность записи допускает все различные толкования, в частности «мятежа». Земли Литовского княжества, в которые углубился Василий, оказались не столь гостеприимны, как он рассчитывал: горстка «воев» и «советников» князя оказалась в положении зайца, которого хотели «истравити». Василий по собственному желанию, «сам», как подчеркивает летописец, решил изменить направление и двинулся в Вязьму, с лета — осени

---

[170] Согласно Холмогорской летописи Дмитрий-внук был посажен на «великое княжение владимирское и московское и всея Руси», Василий наречен «государем великим князем» и получил Новгород и Псков, а в 1502 г. «учинен» «всея Руси самодержцем» (ПСРЛ, т. 33. Л., 1977, с. 132—134). Во Пскове с осени 1499 г. оба князя — Иван и Василий — величались «государями» (ПЛ, вып. 1. М., 1941, с. 83—84).

[171] *Лурье Я. С.* Краткий летописец Погодинского собрания. — АЕ за 1962 г. М., 1963, с. 443. Характеристику его см.: там же, с. 434—435. Летописец отличается интересом к русско-литовским отношениям времени Витовта и Ивана III. Названы пленные при Ведроши, точно обозначено место стычки Василия с кем-то. Возможно, в основе летописца лежал текст, по характеру близкий к Устюжскому своду и составленный при участии пленных литовских воинов, находившихся с 1500 по 1503 г. в Москве, а вплоть до 1509 г. — в различных северных городах.

1492 г. после перехода вяземских князей на сторону Ивана III ставшую частью Русского государства.

Титулатура Василия, названного «сыном великого князя»[172], и мотивировка его отъезда («хотя великого княжения») противоречат дате известия. После 21 марта или 29 июля 1499 г. он уже был великим князем, и стремление к полноте власти (дополнительно к имевшемуся титулу) только ошибочно могло быть сформулировано в таких выражениях. Если предполагать, что первая часть рассматриваемого известия точна, равно как точна и мотивировка причин «мятежа», то его отъезд следует относить ко времени до 21 марта 1499 г. и после лета — осени 1492 г. (присоединение Вязьмы). Это предположение основательно лишь при допущении того, что первая часть записи повествует о событиях иного времени, нежели ее вторая часть, а вся запись содержит ретроспективный рассказ о давних перипетиях взаимоотношений великого князя Ивана III со старшим сыном Софии Палеолог, завершившихся в 1502 г. (в записи неправильно 1500 г.) арестом соперника князя Василия — Дмитрия-внука и его матери. Против этого предположения говорит глагол «возвратиша», который связывает первую и вторую части записи, свидетельствуя в пользу ее единства и, следовательно, правильности датировки, принятой Каштановым.

Истолкование же смысла «мятежа» от датировки не меняется. Своим отъездом Василий продемонстрировал готовность к союзу с враждебной Руси державой, решимость к расколу Руси и возобновлению тех усобиц, воспоминание о которых было еще живо не только в памяти его отца.

Попытаемся, однако, увязать противоречия записи 1500 г. с фактами биографии Василия, тщательно изученной Каштановым, исходя из предположения, что подобный отъезд Василию удобнее всего было бы совершить, находясь на западе страны. Поздней весной 1492 г. Василий участвовал в приеме имперского посла делла Торре, а весь 1493 г. он пробыл вне Москвы. Зимой 1492/93 г. (после 4 января 1493 г., когда он еще находился в Москве) Василий был отправлен в Тверь, 17 января 1494 г. он снова оказался в Москве и далее Дорогомилова вплоть до 1502 г. не выезжал[173]. Отъезд на Свинское поле можно приурочить

---

[172] На отпуске послов 30 ноября 1491 г. Василий, названный «сыном великого князя», находясь вместе с Иваном III, «приказал» передать поклоны королю и королевичам (Сб. РИО, т. 35, № 14, с. 53, 56, 30 ноября 1491 г.). Та же формула и в посланиях Ивана III около 21 мая 1493 г.: «сыну моему Василию» (там же, № 21, с. 93) и в марте 1503 г., правда, на этот раз с добавлением титула великого князя (там же, № 75, с. 364).

[173] РК 1475—1598. М., 1966, с. 23; ПДС, т. I, стб. 82—83; Сб. РИО, т. 35, № 21, с. 93, май 1493 г. (послание Ивана III Василию в Тверь). 4 января 1493 г. датировано письмо Василия (названного просто «князем») Василию Михайловичу Верейскому (Сб. РИО, т. 35, № 19, с. 82). 16 сентября Василия еще в Москве не было (там же, № 23, с. 108). В январе 1495 г. он провожал сестру до Дорогомилова (там же, № 31, с. 163). В августе

только к 1493 г. и расценить как реакцию Василия на реальное возвышение Дмитрия-внука в 1492—1493 гг. (имя внука в посольских делах появляется впервые в мае 1492 г., причем он упомянут раньше Дмитрия-сына) [174]. Попытка отъезда Василия на некоторое время задержала процесс возвышения Дмитрия-внука, но особенно пагубно она отразилась на нем самом, вся деятельность его была отныне ограничена земельными делами Московского и некоторых других центральных уездов государства [175], и на дипломатах из окружения Софьи Палеолог, в частности Трахаништах, с 1494 г. исчезающих с политической арены вплоть до 1500 г.

Наиболее резкое ухудшение положения Василия произошло в 1497 г., когда жизнь его и Софьи Палеолог почти висела на волоске. В 1497 г. Василий был обвинен в намерении «издрада учинити» над своим соперником и бежать на Белоозеро и в Вологду, захватив великокняжескую казну. Известие об опале Василия в связи с этим обвинением сохранилось во фрагменте официальной летописи 1500 г. (или 1499 г.), включенном в Архивский II список Никоновской летописи, список Дубровского Новгородского свода 1539 г., Ростовскую летопись [176]. А. А. Шахматов объяснил факт, что этот фрагмент во всех вышеперечисленных случаях ошибочно был включен под датой 7000—7001 гг., введением числа месяца в годовую дату [177], и, таким образом, фрагмент был соединен с рассказом об опале князя Андрея углицкого. Л. В. Черепниным были сделаны интересные наблюдения о связи сторонников Василия, названных в обвинении 1497 г., с Угличем и севером страны, с одной стороны, и связи опалы Василия с посмертной реабилитацией Андрея Васильевича углицкого (умер в «нятстве» в 1493 г. после опалы 1491 г.) — с другой [178].

Положение Василия претерпело существенные изменения на протяжении 1490—1492 гг. Один из детей Ивана III в июне 1490 г. (как и они, не участвовавший в приеме имперского по-

1494 г. из-за недомогания не участвовал во встрече послов (там же, № 28, с. 146).

[174] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история, с. 63. Изменение порядка престолонаследия произошло до осени 1492 г. 23 декабря 1492 г. в Выборге русские из Карелы рассказывали, что «великий князь московский скончался, а его семилетний сын был избран вместо него». Предвидели будущие волнения со стороны братьев великого князя, которым он при жизни был крайне враждебен (FMU, d. V. Helsingfors, 1928, N 4458, s. 376—377, 5 января 1493 г.).

[175] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история, с. 53.

[176] ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, с. 263; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 530.

[177] *Шахматов А. А.* О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, с. 82—87. Его мнение разделяет и Лурье (*Лурье Я. С.* Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРЛ, М.—Л., 1955, т. XI, с. 180—181).

[178] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, с. 292—302; см. также: АЕД, с. 201. О близости участи Василия к участи Андрея углицкого писал Каштанов (*Каштанов С. М.* Социально-политическая история, с. 100).

сла) он стал единственным «сыном великого князя», предполагаемым зятем Максимилиана (ноябрь 1491 г.), вытеснившим всех остальных, с тем чтобы в мае и ноябре 1492 г. превратиться, наряду с Дмитрием-внуком и остальными сыновьями, в одного из «детей» Ивана III. Взлет в ноябре 1491 г. сменился падением летом 1492 г. Пребывание Василия на Белоозере не осталось бесследным [179]. По-видимому, в это время возник заговор, в котором Василий был обвинен в 1497 г. В 1491 г. пострадал один из участников заговора или неправильно оклеветанный Андрей углицкий. Спустя 6 лет с него обвинения были сняты, «вина» была полностью возложена на Василия, а одним из главных зачинщиков объявлен Федор Стромилов, троюродный брат литовского маршалка Станислава Петровича, «Стромилова внука» (женатого на дочери кн. Ф. Воротынского), посла на Русь в июне 1490 г., виновника «неисправления» Василия Ивановича Патрикеева, которого он был послан «поить» после обеда у великого князя Александра 23 июня 1494 г.[180]

В 1497 г. имела, видимо, место расправа за события 6-летней давности. Практика таких запоздалых репрессий существовала на Руси конца XV—начала XVI в. (расправа с Патрикеевыми спустя 5 лет после их «ослушания», суд над Максимом Греком за его действия и высказывания 3—5-летней давности).

«Раскрытие» заговора Василия в 1497 г. было удачным введением к венчанию Дмитрия-внука, равно как расправа с Патрикеевыми и Ряполовским — к назначению Василия III великим князем и резкому изменению внешнеполитического курса. Степенная книга объявила опалу 1497 г. ошибкой «некоих ради людьских крамол». В 1499 г. Иван III-де, «испыта подробну вся преже бывшая крамолы, их же ради», приказал казнить Ряполовского и постричь Патрикеевых [180а].

29 июля были закреплены права Василия, великого князя, на Новгород, Юрия — на Дмитров, Дмитрия — на Углич. «Государем всея Русии» оставался Иван III [181]. Стабилизация внутриполити-

---

[179] Сб. РИО, т. 35, № 12, 14, 15, 16, с. 47, 53, 57, 61. Были сокращены и права Василия в Твери (*Каштанов С. М.* Социально-политическая история, с. 51; ПДС, т. I, стб. 35). 6 мая 1492 г. Василий вместе с родителями отправлял поминки Максимилиану (ПДС, т. I, стб. 74). Представление о возвышении Василия в 1492 г. бытовало в XVIII в. 1492 годом датировал монету Василия «Великого» чиновник Берг-коллегии И. Блюэр, близкий к В. Н. Татищеву (*Спасский И. Г.* На заре русской нумизматики. — В кн.: Культура и искусство Петровского времени. Л., 1977, с. 57, 59).

[180] Сб. РИО, т. 35, № 12, 25, 35, с. 46—51, 142, 185, 188—198, 205, 212, 433. О Петрашке Стромиле см.: РИБ, т. 27, кн. 1, № 19, стб. 143.

[180а] ПСРЛ, т. XXI, пол. 2. СПб., 1913, с. 572.

[181] Там же, т. VIII, с. 239; т. VI, с. 45; т. XII, с. 252. Приехавшие в Тарту новгородцы рассказывали, будто Иван III собирается сам прибыть в Новгород и вручить власть над Новгородом и Псковом Василию (LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 977, S. 742, 14 апреля 1500 г.). По-видимому, в Ливонии считали, что отныне великим князем будет Василий. Именно против

ческого положения создавала возможность перехода к открытым военным действиям. Появление третьего великого князя и превращение его во время войны в князя «всея Руси» не вызвало волнений, ожидавшихся противниками Руси на внешнеполитической арене — Великим княжеством Литовским и Ливонским орденом [182].

Во время династического кризиса, в 1498—1499 гг., ухудшались русско-молдавские отношения. Осенью 1498 г. состоялся поход 100-тысячной турецко-молдавской армии на Галицию. В ответ на это соединенные войска Ягеллонов, в основном польские, двинулись на Сучаву, поскольку, по словам Александра, «Стефана воеводы папство всих христьянских земель нашего острова (имеется в виду «Скифский остров». — *А. Х.*) есть ворота». Несмотря на неудачу турецкого похода, другого пути, кроме признания вассальной зависимости от Польши, у Молдавии не оставалось. В развитие тех положений, которые были сформулированы в июле 1498 г., в апреле 1499 г. был составлен проект договора Польши и Молдавии, а 14 июля состоялось его окончательное утверждение [183]. В тексте не было ни слова о вассальной зависимости Молдавии. Формально договор заключали равные стороны (Польша, Венгрия, Молдавия), направлен же он был против Османской империи. 14 сентября 1499 г. было заключено соглашение Молдавии и Великого княжества Литовского. Русь же не только не присоединилась к этому союзу, но не была даже приглашена. Отвергая право Литовского княжества помогать Молдавии против турок, Иван III настаивал на своей поддержке Стефана, поскольку был с ним «в свойстве и в одиначстве» [184].

него, а не Ивана III был направлен договор ливонского магистра с литовским князем от 3 марта 1501 г. (ibid., Bd. 2, N 45, S. 29—32). Возможно, впрочем, что Плеттенберг и Александр тем самым пытались ограничить действие договора, не вступая как бы в конфликт со всей Русью. В посольских книгах 21 февраля 1501 г. и в марте 1503 г. Василий назван «великим князем» (Сб. РИО, т. 35, № 67, с. 310, 324). Менгли-Гирей и в сентябре 1502 г. говорил Стефану, что Василий получил «великое княженье на Великом Новегороде» (там же, т. 41, № 86, с. 432—433). Подробнее см.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история, с. 115, 121—122. О реальной власти наследников см.: там же, с. 167—168. Лишь после ареста Дмитрия в 1502 г. «государевы *все* великие княжества» были переданы Василию (Сб. РИО, т. 41, № 86, с. 440, октябрь 1502 г.). «Великим князем всея Руси» он назван впервые в проекте договора с Литовским княжеством в марте 1503 г. (там же, т. 35, № 75, с. 398).

182 *Каштанов С. М.* Социально-политическая история, с. 118—121; *Казакова Н. А.* Ливонские и ганзейские источники о внутриполитической истории России в конце XV—начале XVI в. — ВИД, т. VII. Л., 1976, с. 151—152.

183 Сб. РИО, т. 35, № 64, с. 281; *Sanuto M.* Op. cit., v. II. Venezia, 1879, p. 169, 504—505, 544; *Bogdan I.* Op. cit., v. II, p. 415—416, 442—444, 456; *Iorga N.* Polonais et Roumains. Relations politiques, économiques et culturales. Bucarest, 1921, p. 23; *Jablonowski A.* Sprawa woloskie za Jagiellonów. Warszawa, 1878.

184 Сб. РИО, т. 35, № 61, с. 284.

После заключения союза Стефана с Александром, не оставшегося незамеченным на Руси[185], отношения ее с Молдавией теряли почти всю привлекательность[186]. Молдавия отныне входила в коалицию Ягеллонов. Изменение внешнеполитической ориентации Стефана Великого повлекло за собой падение Дмитрия-внука, вернее, стало дополнительной причиной этого, хотя Иван III распространял версию о чисто внутренних причинах опалы[187].

Потеря Дмитрием-внуком свободы больно ударила по русско-молдавским отношениям и престижу молдавского государя. До конца 1502 г. в Италии стало известно, что «воевода (duca) Молдавии имеет дочь в Москве и племянника, сына дочери, которому принадлежит княжение (или княжество — duchato) Московия и государство (signoria) России»[188]. В ответ на заточение дочери и внука Стефан отказался пропускать мастеров на Русь и задержал русских послов Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова с лета 1501 г. до лета 1503 г.[189] В начале 1503 г. крымскому хану Стефан объявил, будто ему стало известно от польских послов, что «Иван князь дочь ... поимал, а дочери ... сына княжение отнял, и, поимав, лиха им много учинил»[190].

Охлаждением русско-молдавских отношений не преминул воспользоваться литовский князь Александр, разжигая рознь между Молдавией и Русью. Стефан выступил посредником в переговорах о примирении Литовского княжества и Руси и даже предлагал крымскому хану Менгли-Гирею заключить союз с Александром[191]. До июля 1501 г. к Менгли-Гирею прибыл посол Стефана,

---

[185] Там же, т. 41, № 72, 78, с. 357, 380, июль 1501 г.—январь 1502 г.

[186] В Молдавии хорошо было известно о причинах русско-литовской войны. Русский посол в Молдавии возлагал вину на Литовское княжество, где православных принуждают к перемене религии, не признают полного титула Ивана III и устанавливают антирусский союз с Большой ордой (АЗР, т. I, № 162, II, с. 184). То же услышали Федор Исаевич, наместник хотенский, и дьяк Шандр (там же, № 161, с. 182—183), приезжавшие в Москву весной 1500 г. (ПСРЛ, т. XII, с. 251; т. VI, с. 44; т. VIII, с. 238; т. 28, с. 333). Александр же, извещая Стефана о начале войны с Русью, требовал помощи от своего молдавского союзника (АЗР, т. I, № 162, I, с. 183).

[187] Сб. РИО, т. 41, № 86, 88, 98, с. 440, 463, 535, октябрь 1502 г., февраль 1503 г., август 1504 г. В соответствии с этой версией писал и Матвей Меховский в 1521 г. (*Miechowski M.* Op. cit., p. 377—378). См. также: *Fennell J. L. I.* Op. cit., p. 344—345.

[188] *Sanuto M.* Op. cit., v. IV. Venezia, 1880, p. 806, 5 января 1503 г.

[189] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 463—464; Сб. РИО, т. 41, № 76, с. 375—376, октябрь 1501 г.; № 83, с. 418, июнь-июль 1502 г.; № 84, с. 424, 427, июль 1502 г.

[190] Сб. РИО, т. 41, № 89, с. 466, 470, апрель 1503 г. Судьбу мастеров решило вмешательство Менгли-Гирея, который при после Стефана Максиме Яне Тягиниче объявил все это неправдой. После уплаты крымским ханом 1000-рублевого долга за русских послов и мастеров они были отпущены.

[191] Сб. РИО, т. 41, № 84, 90, с. 424—429, 472, июль 1502 г., июль 1503 г.; *Sanuto M.* Op. cit., v. IV, p. 736, 7 декабря 1502 г.

который говорил: «князь велики московской тот нам издалека, а литовской к нам ближной сусед; и ты бы с литовским мир взял»[192]. Однако уже в ноябре 1502 г. из Крыма просочились вести, будто «волошской... сбирает же рать свою, а хочет послати на литовского землю воевати»[193]. Весной 1503 г. Александр упрекал Стефана в том, что тот нападал на Великое княжество Литовское («меня воюешь»), «в кою пору на меня мой недруг приступил»[194], «Ивана князя деля мне недружбу чинишь, мои земли и мои городы разоряешь»[195].

В связи с некоторым охлаждением литовско-молдавских отношений вместе с Ралевым и Карачаровым на Русь отправились молдавские послы Дома и Улюка «о внуке... слово молвити»[196].

Одновременно Александр установил контакты с «явными недругами» Руси — шведским наместником Стеном Стуре[197], Ордой[198] и ливонскими городами[199].

Иван III делал попытки наладить отношения с Тевтонским орденом, новый (с 1498 г.) магистр которого, Фридрих саксонский, отказался принести присягу польскому королю Яну Ольбрахту[200]. В конце XV в. Русь оказалась совершенно одинокой в борьбе против Литовского княжества: Венгрия была подчинена чешскому королю Владиславу, Молдавия вступила во временный союз с Ягеллонами.

Успех войны определили православные магнаты: Хроника Быховца рассказывает об отправке тайного посольства к Семену Ивановичу Бельскому, Семену Ивановичу Можайскому и Василию Ивановичу Шемячичу с предложением «служить» Ивану III и обещанием многих городов и волостей на Руси. Князья согласились и «присягнули, что им с помощью его воевать с Великим княжеством Литовским непрестанно, а которые городы и волости они у Литвы заберут, то им все держать»[201]. Семен Иванович

---

[192] Сб. РИО, т. 41, № 72, с. 355—356, июль 1501 г.

[193] Там же, № 87, с. 451.

[194] Там же, № 89, с. 470, апрель 1503 г. В мае 1502 г. Стефан, поддерживая связи с Крымом, предлагал Менгли-Гирею совместные действия против Орды в случае ее наступления за Днепр. Союзники рассчитывали и на помощь Руси (там же, № 82, с. 414, май 1502 г.; № 83, с. 418, июнь-июль 1502 г.).

[195] Там же, № 89, с. 466, май 1503 г.

[196] Там же, с. 472, июль 1503 г. В Крыму же в это время был молдавский посол Тимофей (там же, № 90, с. 475, июль 1503 г.).

[197] Там же, т. 35, № 53, 56, с. 255, 269—271. Отправленные к Стену Стуре послы Намайболт Винолт (Винголт) и Мартин Бокс были задержаны в Новгороде и отправлены в Москву (там же, № 61, с. 283, 288). Василий Ромодановский и Василий Кулешин должны были объявить Александру согласно инструкции 29 марта 1498 г.: «А к нашим к явным недругом в Орду и к свейскому воеводе к Стенстуру, послов своих завсе посылает» (там же, № 53, с. 255, 29 марта 1498 г.).

[198] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 539.

[199] См. подробнее с. 151.

[200] *Pociecha W.* Geneza holdu pruskiego (1467—1526). Gdynia, 1937, s. 9—11.

[201] ПСРЛ, т. 32, с. 166.

Бельский перешел на сторону Руси еще до начала военных действий, остальные князья — во время похода русских воевод на Брянск[202]. Массовость процесса перехода на Русь была замечена даже Вильгельмом Изенбургом, маршалком Тевтонского ордена[203]. Союзником Руси выступал и крымский хан Менгли-Гирей, сын которого Ахмат-Гирей совершил поход на Великое княжество Литовское[204].

Несмотря на полную дипломатическую изоляцию Руси в начале XVI в.[205] и участие в литовском войске поляков и моравов, известных своим воинским искусством, война с Великим княжеством Литовским (1500—1503 гг.) и ливонским магистром (1501—1503 гг.) привела к упрочению ее международного положения. Победа при Ведроши[206] показала окрепшую военную мощь Русского государства и поставила под угрозу дальнейшее пребывание русских земель в составе Литовского княжества. Спустя четверть века Герберштейн писал: «... через одно только сражение и в один и тот же год владыка московский достиг того, чего великий князь литовский Витольд добился в течение многих лет и с превеликими усилиями»[207]. Широкий резонанс имел поход князя Дмитрия Ивановича на Смоленск, показавший далекий размах внешней политики Руси[208].

Помимо территориальных присоединений, Ивану III с апреля 1500 г. удалось добиться признания титула «государя всея Руси» со стороны литовского князя[209]. Ливонский же магистр, как и

---

[202] Вместе с ними к Руси переходили Чернигов, Стародуб, Гомель, Новгород Северский, Рыльск (ПСРЛ, т. 32, с. 166—167).

[203] LECUB, Abt. II, Bd. I, N 1082, S. 808, декабрь [1505 г.].

[204] Подробнее см.: *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 484—485.

[205] Там же, с. 468—469. Вероятно, именно в связи с этой попыткой в начале 1503 г. в Москве находился польский коронный писарь Теодор Пшибрановский (Liber quitanciarum Alexandri regis ab a. 1502 ad 1506, t. I. Warszawa, 1897, p. 38).

[206] В результате ее много литовских военачальников попало в русский плен, где они находились до 1509 г. (ПСРЛ, т. XIII, пол. 1. М., 1965, с. 12). Константин Острожский в 1508 г. даже бил челом в службу великому князю (ОАПП, ч. 1, с. 57). О найме чехов и немцев см.: ПСРЛ, т. 32, с. 100. См. также с. 233.

[207] *Герберштейн С.* Указ. соч., с. 14. Несмотря на это, в инструкции послам 1503 г. Александр, надеясь на смерть Ивана III, требовал «приступити к старым записом Витовтовым, або Казимировым, жебы тых земль поступился, которые забраны» (АЗР, т. I, № 200, с. 349).

[208] Этот эпизод подробно описан М. Меховским и Быховцем (*Miechowski M.* Op. cit., p. 354; ПСРЛ, т. 32, с. 168).

[209] Сб. РИО, т. 35, № 64, с. 296—297. 28 февраля 1500 г. в литовской великокняжеской канцелярии был принят новый формуляр титулатуры Ивана III (*Муханов*, № 70, с. 99). В январе 1503 г. была сделана попытка пересмотра вопроса о титуле: в инструкции литовским послам указывалось, что поскольку в предшествующих докончаниях не было занесено это условие, то и теперь не следует «быти обовязану королевскому маестату к писанью князю московскому паном всея Руси». Став королем над «большей частью Руси», литовский-де князь не может признать титула «государя всея Руси» за Иваном (АЗР, т. I, № 200,

раньше, именовал Ивана III царем [210]. В опасной грамоте ливонским послам Иван III был назван «царем и государем всеа Руси», а Василий — «князем великим и царем всеа Руси» [211].

Война 1500—1503 гг. привела к временному улучшению положения православных. В начале 1503 г. Александр сообщал на Русь, что разрешил строительство православных церквей [212], возможно и княгине Елене [213]. После смерти Иосифа Болгариновича в 1503 г. и избрания митрополита Ионы позиции православия укрепились [214]. В особенности осторожны в религиозных вопросах были великие князья литовские в городах, которые находились под «угрозой» воссоединения с Русью. Так, в привилее Смоленску 1505 г. Александр обещал «христианство греческого закона не рушити» [215].

Во время войны окрепла тяга феодалов Великого княжества Литовского к Руси. Пользуясь этим, после смерти Александра 19 августа 1506 г. Василий пытался через свою сестру воздействовать на литовских магнатов, чтобы они выбрали его великим князем литовским, пообещав быть таким же терпимым в религиозных вопросах, каким был Александр [216].

Войны начала века подняли авторитет Руси во всех странах Европы, куда достигали сведения о ней. Новости из Польши в Италию поступали зачастую через Венгрию. Венецианский оратор из Буды писал 13 октября 1500 г. о начале войны московского князя против литовского, своего зятя, брата короля польского и короля венгерского. Об этой же войне рассказывал и папский посол, письменно и устно, когда возвратился в Италию зимой 1500/01 г.[217]

Урегулирование русско-литовских отношений было кратковременным. В опасной грамоте датскому послу Давиду, написанной по-латыни в январе 1504 г., по словам русских, «имя наше писал не по тому, как в перемирной грамоте писано и на чем нам крест целовал», а просто «великий князь московский» [218]. Возобновились

с. 347). Елена же называла отца в 1503 г. «самодержцем царства Казанского» (Сб. РИО, т. 35, № 75, с. 367).

[210] ГВНП. М.—Л., 1949, № 347, с. 331.

[211] Сб. РИО, т. 35, № 73, с. 361. О переговорах см.: ПСРЛ, т. 34. М., 1978, с. 8.

[212] АЗР, т. I, № 200, с. 348; *Муханов*, № 74, с. 109; *Backus O.* Op. cit., p. 88—89.

[213] В 1505 г. ей был послан митрополитом Устав (Сб. РИО, т. 35, № 82, с. 475, 7 февраля 1505 г.).

[214] *Любавский М. К.* Указ. соч., с. 3.

[215] АЗР, т. I, № 213, с. 360.

[216] Сб. РИО, т. 35, с. 481 и далее; см. также: *Kolankowski L.* Polska Jagiellonów, s. 184.

[217] *Sanuto M.* Op. cit., v. III, p. 867, 883, 1163—1164, 1549.

[218] Сб. РИО, т. 35, № 78, с. 454, 459. Ответ Александра см.: там же, № 80, с. 467—469. Литовские власти не признавали включения в титул Ивана III слов «самодержца Казанского» (там же, № 82, с. 473) и напоминали хану Большой орды Шиг-Ахмату о том, что русский князь был его «холопом» (АЗР, т. I, № 184, с. 213, ноябрь 1500 г.). См. сп. 209.

споры об «отчине» — смоленских волостях, Чернигове, Дорогобуже, Торопце [219] и нападении дорогобужских и вяземских «помесников» под руководством князя Семена Ивановича Бельского [220].

Преемник Александра — младший сын Казимира Ягеллона Жигимонт, 20 октября 1506 г. избранный великим князем литовским, в русско-литовских отношениях пытался вернуться к политике отца. Отправляя посольство Яна Миколаевича, наместника виленского, Петра Олехновича и Богдана Сапеги в 1506 г., он апеллировал к договору Казимира с Василием II [221]. В ответ на это и на последующие посольства 1506—1508 гг. русская сторона повторяла старую формулировку: «и вся земля Русская государева вотчина» [222].

Война 1507—1508 гг. была начата Литовским княжеством с целью возврата земель, потерянных в 1503 г.[223] На этот раз расстановка сил более благоприятствовала Руси, нежели во время предшествующей войны. Ливонский орден отказался поддержать своего бывшего союзника, а Русь, напротив, имела такового в лице императора. В 1502 г. на Русь был отправлен Юдок Гартингер, прибывший туда в мае 1504 г. 15 мая он покинул Москву с обещанием помощи [224]. 19 июня 1505 г. Иван III направил послание австрийскому эрцгерцогу Филиппу Красивому [225]. На следующий год Гартингер из Нарвы передал ивангородскому наместнику просьбу Максимилиана и Филиппа об освобождении пленных ливонцев [226]. 25 мая Гартингер выехал из Вены и прибыл в Москву в октябре [227].

Оживление интереса Империи к Руси объясняется и тем, что венгерский вопрос после 1505 г. вновь приобрел актуальность. Антигабсбургская венгерская партия, пользуясь болезнью Владислава, не имевшего мужских наследников, отменила Пожонский договор и потребовала обручения дочери Владислава с главой национально-аристократической партии Яном Заполья [228]. В этих условиях Максимилиану казалось нелишним заручиться поддержкой своего прежнего союзника, враждовавшего с одним из Ягеллонов. Миссия Гартингера 1506 г. касалась не только судьбы

---

[219] Сб. РИО, т. 35, № 84, с. 483, 486.
[220] Там же, № 81, с. 471—472; ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 6, л. 89—89 об.; кн. зап. 8, л. 41, 1506 г.
[221] ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 8, л. 24; см. также: АЗР, т. II, № 42, с. 52.
[222] Сб. РИО, т. 35, № 78, 84, с. 460, 483, 484, 486.
[223] О ходе ее см.: *Herbst S.* Wojna moskiewska 1507—08. — In: Księga ku czci Oskara Haleckiego. Warszawa, 1935, s. 27—54.
[224] ПДС, т. I, стб. 115, 117, 119, 121.
[225] *Шутой В. Е.* Документы по истории СССР в австрийском государственном архиве. — ВИ, 1963, № 9, с. 213.
[226] ПДС, т. I, стб. 125; *Uebersberger H.* Op. cit., S. 62.
[227] ПДС, т. I, стб. 144; LECUB, Abt. II, Bd. I, N 780, S. 598.
[228] *Liske X.* Der Kongres zu Wien im Jahre 1515. Eine kritisch-historische Studie. — FDG, Bd. VII. Göttingen, 1867, S. 519—521.

пленных ливонцев, но, по мнению Бауэра, и союза против Венгрии[229]. В хронике рода Штрассольдо, написанной в конце XVI в. младшим Сольдониеро де Штрассольдо, содержится указание на участие Джованни де Штрассольдо в переговорах 1507 г. по поводу заключения нового мира Максимилиана с Василием, недавно занявшим отцовский престол[230]. Отсутствие русских и имперских посольских материалов этого времени не позволяет проверить догадку Бабингера о перезаключении в 1507 г. договора.

Летом 1506 г. Максимилиан с 20-тысячным войском занял Пожонь (Прессбург). Венгерские аристократы вынуждены были подтвердить Пожоньский мир. А 19 июня 1506 г. был заключен пятилетний мир Владислава с Максимилианом, согласно которому внуки Максимилиана (Карл или Фердинанд) должны были обручиться с принцессой Анной, дочерью Владислава, а девятнадцатидневный сын Владислава Людовик — с одной из внучек Максимилиана (Екатериной или Марией). Соглашение с Владиславом относительно двойной женитьбы урегулировало венгерско-имперские отношения, в связи с чем у Максимилиана на время исчезла заинтересованность в союзе с Русью. После заключения унии в Камбрэ 10 декабря 1508 г.[231] Максимилиан был полностью погружен в итальянские дела. И снова русско-имперский союз был пожертвован в угоду иным устремлениям Максимилиана.

Не надеясь на успех военных действий, Жигимонт в 1507 г. предпринял дипломатическую попытку вызвать рознь между Василием III и Юрием Ивановичем. Посольство Петра Олехновича, кухмистра и наместника скерстомойского, и Богдана Сапеги, окольничего смоленского, наместника высокодворского, имело тайное поручение предложить союз с Жигимонтом, направленный против Василия III, и заключение сепаратного мира и военную поддержку в случае попытки Юрия захватить «осподарство»[232].

Исход войны определил переход на сторону Руси православных магнатов, одному из которых, Ивану Львовичу Глинскому, великокняжеский дьяк Никита Семенович Губа Моклоков обещал передать все возвращенные им Руси города[233]. На заключительном этапе войны большую роль сыграли переход князя Михаила Львовича Глинского, крупнейшего политического деятеля при Алек-

---

[229] *Бауэр В.* Указ. соч., с. 76. Противоположного мнения придерживался Г. Юберсбергер (*Uebersberger H.* Op. cit., S. 65).

[230] *Babinger F.* Kaiser Maximilian's I. «Geheime Praktiken» mit den Osmanen (1510—1511). — In: Babinger F. Aufsätze und Abhandlungen zur Geschichte Südosteuropas und Levante. Münschen, 1962, S. 281.

[231] Подробнее см. с. 159.

[232] АЗР, т. II, № 19, с. 21; ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 8, л. 71; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 82—83.

[233] *Зимин А. А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г. — СА, 1970, № 5, с. 72.

сандре[234], и ряда представителей русской знати Литовского княжества на сторону Василия III[235], а также союз с Ногайской ордой, нанесшей контрудар крымским ордам Менгли-Гирея, двинувшимся на Русь согласно польско-литовско-крымскому соглашению[236].

С Михаилом Глинским связан следующий этап русско-имперских отношений: Глинский, служивший у Максимилиана и Альбрехта саксонского в течение 12 лет[237], побудил Василия III в августе 1508 г. написать императору Максимилиану. Расчеты Василия и вдохновлявшего его Глинского строились на предположении, что после смерти Владислава никакому иностранцу не удастся занять венгерский престол. В послании от 28 августа 1508 г. Василий, ссылаясь на сведения Глинского о желании Максимилиана вернуть Венгрию, предлагал возобновить антивенгерско-антипольский союз, существовавший при его отце[238].

14 января 1509 г. в Вильнюсе было заключено русско-литовское перемирие[239], а 31 марта литовские послы добились отпуска пленных воевод[240]. Перемирие подтвердило все присоединения предшествующей войны, которые в договоре 1503 г. значились как временные[241]. О событиях 1507—1508 гг., поднявших престиж Руси, Б. Ваповский в Риме написал специальное сочинение[242].

В 1510 г. состоялось знаменательное событие в истории Русского государства: присоединение еще одной «отчины государевой»[243] — Пскова[244]. Оно, как и присоединение Новгорода и Твери,

---

[234] Последние три года он держал в своих руках и управление Денежным двором (АЗР, т. II. СПб., 1848, № 4, с. 3, 6 декабря 1506 г.; ПСРЛ, т. 32, с. 102).

[235] На Русь переехали Глинские, брат Михаила Львовича Василий Львович Слепой, Иван и Андрей Дрождь (Дрозд Хроники Быховца), Якуб Ивашенцов и несколько представителей титулованной знати: князья Иван Озерецкий, Дмитрий и Василий Жижемские, Андрей Друцкий и др. В середине XVI в. их потомки входили в состав «литвы дворовой» по Можайску, Медыни, Юрьеву, Костроме, Серпухову, Переяславлю (*Зимин А. А.* Россия, с. 91; *Он же.* Новое о восстании, с. 72—73; *Он же.* Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. — ИА, 1960, № 3, с. 147—150).

[236] Коронный подканцлер епископ плоцкий Матвей Джевицкий придавал этому походу решающее значение в неудачах 1507 г. (ASPK, t. V, cz. 1, N 80, s. 182, 11 ноября 1507г.).

[237] Acta Tomiciana, t. I, p. 15.

[238] ПДС, т. I, стб. 151—154.

[239] ПСРЛ, т. XIII, пол. 1, с. 12.

[240] Заинтересованные в возобновлении торговли с Русью, гданьчане узнали о перемирии в начале 1510 г. (ASPK, t. V, cz. 2, N 216, s. 265, 18 февраля 1510 г.).

[241] АЗР, т. II, № 43.

[242] *Wapowski B.* De bello a Sigismundo I, rege Poloniae, contra Moscos gesto. Romae, 1508.

[243] Так называли русские дипломаты Псков в 1480, 1490, 1502 и 1504 гг. (РИБ, т. 27, кн. 4, № 36, стб. 341—343; ПДС, т. I, стб. 10; Сб. РИО, т. 41, № 86, с. 439; *Rydberg,* d. III, N 568, s. 505).

[244] Об этом см.: *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

происходило в условиях мира Руси с Литовским княжеством и сопровождалось дипломатической подготовкой. Так, в Кракове 21 мая 1510 г. побывали Иван Семенович Путятин и 30 августа — Борис Микулин. В январе-феврале 1511 г. на сейм в Пиотркове явилось огромное русское посольство Михаила Захарьина и дьяка Василия Далматова, активного участника присоединения Пскова, со свитой из 364 человек, прием которого дорого обошелся великокняжеской казне (почти 400 флоринов) [245]. В отличие от Новгорода и Твери Пскову не инкриминировались сношения с Литовским княжеством. Псков последовательно придерживался промосковской и прорусской ориентации и ссылался на традицию докончаний с великими князьями: «Кои ни будеть на Москве, и нам от него не ити ни в Литву, ни в Немци» [246]. О некоторой симпатии к Литве в Пскове свидетельствует сообщение псковских летописей о прозвище Александра: «А называли его Милостивым» [247].

Присоединение Псковской земли не только увеличило территорию Русского государства, но еще выше подняло авторитет его главы. Псковичи, соблюдая традицию, называли Василия III в 1510 г. царем [248]. В Пскове стала чеканиться монета с царским титулом: «Василии божиею милостью царь и государь всеа Руси» [249]. Несколько позднее термин «царь» стал употребляться и в Москве. На покрове 1514 г., данном Настасьей Овиновой Троице-Сергиеву монастырю, великий князь именуется «господарем и царем всея Руси» [250]. Уваровская летопись, рассказывая о службе смольнян у Василия III, называла его «царем всея Руси» [251]. С этим же титулом в 1515 г. обращался к Василию III Иосиф Волоцкий [252]. До этого он ограничивался употреблением слов: «самодержец, государь всея Руси и великий князь» [253], хотя и писал, что Василий III «всем нам общий государь, ино всея Русскии земля государем государь, которого господь бог устроил

---

[245] *Вержбовский Ф.* Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. Варшава, 1903, с. 1—2.

[246] ПЛ, вып. 1, с. 94.

[247] Там же, с. 84.

[248] Там же, с. 95, см. также с. 103; *Масленникова Н. Н.* Указ. соч., с. 186; *Кукушкина М. В.* Новый список Повести о Псковском взятии. — ТОДРЛ, М.—Л., 1960, т. XVI, с. 475—476; *Каштанов С. М.* Две жалованные грамоты, с. 252, 255; *Зимин А. А.* Россия, с. 140—141.

[249] *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896, с. 19. По мнению Д. И. Прозоровского, эти монеты выбиты между 1514 и 1517 гг. (*Прозоровский Д. И.* О значении царского титула до принятия русскими государями титула императорского. — Известия Русского археологического общества. СПб., 1875, т. VIII, вып. 5, с. 461).

[250] *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. М., 1971, № 65, с. 72.

[251] ПСРЛ, т. 28, с. 349.

[252] ПИВ, с. 239.

[253] Там же, с. 193, 194, 204, 220, 229, 231.

вседрьжитель во свое место и посадил на царьском престоле»[254]. Вероятно, присоединение Пскова сыграло такую же роль в принятии титула «царь», как в свое время присоединение Новгорода — в применении титула «государь», а Твери — в определении «всея» Руси. Это не осталось незамеченным в соседних странах. Герберштейн неоднократно подчеркивал, что Василий III первым «узурпировал» титул царя[255]. Послы же Жигимонта I, собственными глазами видевшие первые результаты присоединения Пскова во время пребывания там в 1518 г., называли Василия III «с титлы по прежнему»[256].

Мир на русско-литовской границе, сопровождавшийся многочисленными пограничными конфликтами[257], в результате которых страдало хозяйство новых русских помещиков, едва водворившихся во вновь присоединенных районах (дорогобужских, стародубских и т. д.)[258], торговыми конфликтами купечества Русского и Литовского княжеств[259], попытками вмешательства во внутреннюю жизнь Руси[260], продержался четыре года[261].

В 1512 г. разразилась четвертая за двадцать с небольшим лет война с Литовским княжеством. Целью Руси было овладение сильнейшей крепостью на Днепре — Смоленском. Русское войско, располагавшее 300 пушками[262], было хорошо подготовлено к штурму и осаде крепости. Тем не менее потребовались три похода (конца 1512—февраля 1513 г., июня—ноября 1513 г., наконец весны 1514 г.) и поддержка смоленского владыки[263], чтобы

---

254 ПИВ, с. 195.

255 *Herberstain S.* Gratae Posteritati. Wien, 1500, p. 4.

256 Сб. РИО, т. 35, № 84, с. 490—491.

257 ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 7, л. 116—117 об., 119—125, 152 об. — 156 об., 159—162 об.; АЗР, т. II, № 57, 62, 66, с. 67—71, 79—80, 82—84.

258 В Литовское княжество устремлялся поток беглецов. 20 апреля 1510 г. посол Гридя Путятин жаловался: «беглецы от наших людеи бежят к нему (Богдану Сонеге. — *А. Х.*), холопы и рабы и тати и розбойники и должные люди... которые люди бежят из наших поместишков и с их подъмогою и з денгами и с хлебом» (ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 7, л. 117). Так, в Кричев в 1510—1511 гг. бежали полные холопы («паробце па имя Индрих и иные...») новгородского наместника Данилы Васильевича Щени (АЗР, т. II, № 74, с. 99). До 1514 г. в Смоленске владели имением Ивашко Москвитин, два вязмитина, Яцко Прокопович из Дорогобужа, выставлявший по 2—4 коня.

259 ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 8, л. 95 об.

260 Попытка Семена Ивановича отъехать в Литовское княжество в январе 1511 г. была инспирирована или поддержана во время Пиотрковского сейма (ПСРЛ, т. XIII, пол. 1, с. 13).

261 Единственный вопрос, который не был предметом спора после войны 1508 г., — это вопрос о титуле. Представители Русского и Литовского княжеств называли обоих государей полными титулами (ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 7, л. 116—117, 119—120, 152 об., 159 об.; кн. зап. 8, л. 95 об.; АЗР, т. II, № 66, с. 82—84).

262 *Decius J.* Księga o czasach króla Zygmunta. Warszawa, 1960, s. 75.

263 В 1510 г. смоленский владыка на крещение приезжал в Новгород (ПЛ, вып. 1, с. 93).

русским войскам удалось взять город[264], часть жителей которого бежала в Великое княжество Литовское[265].

Во время войны за Смоленск 1512—1514 гг. новости с русско-литовского фронта поступали в Италию по-прежнему через Венгрию и непосредственно от поляков. 14 апреля 1513 г. доктор Антонио Сурьяни, находившийся в Буде, писал о победе польского короля над московским князем. Число убитых, по его сведениям, достигало 11 тыс. человек. А осенью 18 сентября 1513 г. Жигимонт I писал Льву X о своей победе над московским князем, «тираном азиатской Сарматии»[266]. Несколько изменился тон посланий Жигимонта летом 1514 г. Он жаловался, что в войне с великим князем московским не имеет ни отдыха, ни передышки[267]. После шестикратного штурма Смоленск, окруженный стеной из земли, кирпича и дубовых колод, был взят. Замок разграблен[268].

В войне за Смоленск Русь не была одинока. В 1512 г. Жигимонт писал Владиславу венгерскому о том, что молдавский воевода Богдан, в 1509 г. выступивший против Польши[269], заключил союз с «Московией»[270]. В начале 1511 г. молдавский воевода Богдан предложил русскому государю, «абы нам на тое бесурмянство (т. е. Османскую империю. — *А. Х.*) помочен был»[271]. Поворот Молдавии в сторону возобновления контактов с Русью понятен в связи с антипольскими и антитурецкими войнами, которые она вела в это время. Связи с Русью, первоначально направленные против Османской империи, легко могли служить и антипольским действиям Молдавии.

Более прочными были в это время русско-тевтонские отношения. Под руководством саксонского герцога Фридриха Орден проводил независимую от Польши политику, надеясь вернуть потерянные по Торуньскому миру 1466 г. земли и активно поддерживая все антипольские силы.

Христофор Шлейниц, подданный саксонского герцога, судя по польским посольским делам 1511 г., находился на службе

---

[264] *Зимин А. А.* Россия, с. 142—168. О подробностях борьбы за Смоленск см.: *Кашпровский Е. И.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском. 1507—1522 гг. — В кн.: Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине, II. Нежин, 1899, с. 173—344; *Рябинин И. С.* Новое известие о Литве и Московитах (К истории второй осады Смоленска в 1513 г.). — Чтения ОИДР, 1906, кн. III. Смесь, с. 1—7; ПСРЛ, т. 32, с. 104—105.

[265] ЦГАДА, кн. зап. 8, л. 136 об., 139 об.

[266] *Sanuto M.* Op. cit., v. XVI. Venezia, 1886, p. 112—115.

[267] Ibid., v. XXI. Venezia, 1887, p. 308—309, август 1514 г.

[268] *Decius J.* Op. cit., s. 76.

[269] *Pulaski K.* Wojna Zygmunta I. z Bogdanem, wojewoda moldawskim w 1509 r. — In: Pulaski K. Szkice i poszukiwania historyczne. Kraków, 1887, s. 93—127.

[270] Acta Tomiciana, t. V, p. 125.

[271] ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 7, л. 159—166.

у Глинского в Польше[272]. После бегства Глинского, по просьбе герцога саксонского, он получил охранную грамоту на проезд в Гданьск. Побывав в Ливонии и Пруссии, он всюду искал союзников против Польши. В Москву он прибыл как посол саксонского герцога и предложил начать войну с Польшей. На обратном пути в результате кораблекрушения письма Глинского, великого князя Василия III, охранные грамоты следующим саксонским послам и руководителям Тевтонского ордена оказались в руках Жигимонта[273]. Потом Жигимонт обвинял саксонского герцога в связях с «князем схизматиком и варваром»[274]. В этих переговорах оказался замешан и краковский мещанин Лата, чех по происхождению, поплатившийся головой за поддержку Василия III[275].

Несмотря на крах миссии Шлейница, отношения Руси с Тевтонским орденом упрочились. Альбрехт Ансбах бранденбургский, племянник Жигимонта, сменивший Фридриха саксонского, вплоть до 1512 г. не принес присяги дяде. Сроки этого акта переносились то на январь, то на ноябрь 1513 г.[276] Альбрехт бранденбургский и Максимилиан, по сообщению сохачевского воеводы, вынашивали планы раздела Польши[277].

Некоторые историки полагают даже, что на протяжении января—июня 1513 г. сложился союз императора, хохмейстера Тевтонского ордена, датского короля, курфюрста саксонского, бранденбургского и великого князя русского в защиту Немецкого ордена[278]. Для заключения этого союза в середине августа 1513 г. Максимилиан отправил Г. Шнитценпаумера к имперским князьям, гроссмейстеру Альбрехту бранденбургскому[279].

В это время для закрепления союза династическими браками предполагалось замужество внучки Максимилиана Елизаветы с королем Христианом[280]. В связи с этим понятно, почему зондаж

---

[272] Саксонские сношения с польским королем касательно посольства Хр. Шлейница в Москву. 1511—1514 гг. — Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии, 1915, кн. 1, с. 1—27; *Бауэр В.* Указ. соч., с. 83—85; *Балязин В. Н.* Россия и Тевтонский орден в 1466—1525 гг. Автореф. канд. дис. М., 1963, с. 11; Supplementum ad Historiae Russiae monumenta. Petropoli, 1848, N 141.

[273] Acta Tomiciana, t. 1, N 224, p. 176.

[274] Ibid., p. 177; Саксонские сношения, с. 14, 16, 17.

[275] *Decius J.* Op. cit., s. 75.

[276] Acta Tomiciana, t. II. Posnaniae, 1852, N 143, 148, 229, 230, 233.

[277] Ibid., t. III, N 234; *Liske X.* Der Wiener Kongress von 1515 und die Politik Maximilians I. — FDG, Bd. XVIII. Göttingen, 1878, S. 478.

[278] *Ulmann H.* Maximilian I. in dem Conflicte zwischen dem Deutschen Orden in Preussen und Polen, besonders in den J. 1513—1515. — FDG, Bd. XVIII. Cöttingen, 1878, S. 95; *Voigt J.* Geschichte Preußens, Bd. IX. Königsberg, 1839, S. 416. В октябре 1514 г. Альбрехт бранденбургский направил посла в Данию, чтобы подтвердить свою верность антипольскому союзу (ЦГАДА, ф. 147, оп. 1, ч. 3, отд. 29, № 657; *Балязин В. Н.* Россия и Тевтонский орден. — ВИ, 1963, № 6, с. 67).

[279] *Voigt J.* Op. cit., Bd. IX, p. 451.

[280] *Бауэр В.* Указ. соч., с. 85.

Глинского в пользу Руси нашел благоприятную почву. Надеясь на помощь Альбрехта бранденбургского и Максимилиана, Василий III пошел на Смоленск[281]. По мнению Лиске, только благодаря вмешательству Максимилиана, посол которого, Шнитценпаумер, в начале 1514 г. прибыл в Москву, Василий III предпринял третью попытку овладения Смоленском[282].

Такое же объяснение причин русско-литовской войны давали и поляки, подстрекательству императора они приписывали поход русских на Смоленск[283].

Антипольские настроения Максимилиана подогревались усилением связей Жигимонта с Венгрией. В 1511 г. он женился на Варваре, дочери Стефана Заполья и сестре Яна Заполья[284]. Этот брак усиливал позиции Владислава и Польши в противоположность Империи и Габсбургам и делал Жигимонта сторонником антигабсбургской партии в Венгрии.

3 февраля 1514 г. в Москву прибыл императорский посол Шнитценпаумер[285]. Он договорился о возобновлении русско-ганзейской торговли в качестве платы за заключение союзного договора с Империей[286]. 7 марта Шнитценпаумер вместе с русскими послами Дмитрием Ласкиревым и дьяком Елизаром Суковым[287], везшими проект договора, отправился обратно к Максимилиану[288]. 4 августа 1514 г. договорная грамота была утверждена Максимилианом[289]. Эту грамоту привезли в Москву Якоб Ослер и Мориц Бургштеллер[290].

Главным достижением русской дипломатии была не договоренность о конкретных действиях, а признание Максимилианом претензий Руси на русские земли и титула царя за Василием III. Согласно договору Русь соглашалась защищать земли Ордена и поддерживать борьбу за возвращение Ордену тех его территорий, которые перешли к Польше по Торуньскому миру 1466 г. Максимилиан же должен был содействовать получению Русью Киева и

---

[281] Acta Tomiciana, t. II, p. 143, 159, 150.

[282] *Liske X.* Der Kongress zu Wien, S. 465.

[283] Acta Tomiciana, t. II, N 143, p. 142.

[284] Ibid., t. I, N 205; t. II, N 15, 21.

[285] ПСРЛ, т. VIII, с. 253—254; т. XIII, пол. 1, с. 16.

[286] Ганзейцы и позднее не забывали помощи Максимилиана в заключении договора (HR, Abt. III, Bd. 6. Leipzig, 1899, N 599, S. 561, 18 марта 1515 г.).

[287] 1 июня 1514 г. они были в Любеке (ibid., N 574, S. 536).

[288] СГГД, ч. V. М., 1894, № 66, 67, с. 62—68.

[289] ПДС, т. I, стб. 1502. Издана Петром Великим 10 мая 1718 г. Перепечатана: *Lünig J. Ch.* Codex Germaniae diplomaticus, t. I. Frankfurt—Leipzig, 1732, № 88.

[290] *Fiedler J.* Die Allianz zwischen Maximilian I. und Wassili Iwanowicz. — In: Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Classe, 1863, Bd. 43, S. 183—289; *Бауэр В.* Указ. соч.; *Писаревский Г. К.* К истории сношений России с Германией в начале XVI в. — Чтения ОИДР, 1895, кн. 1.

других русских городов, временно пребывавших в Великом княжестве Литовском. За Василием III он признавал также титул царя[291]. Отныне Василий III мог на более законных основаниях именоваться царем (по словам Герберштейна, «в сношениях с римским императором, папой, королем Швеции и Дании, магистром Пруссии, Ливонии и ... с государем турок»[292]).

Вскоре после утверждения Максимилианом русско-имперского договора военное положение переменилось. Поражение русских под Оршей, не повлиявшее на результаты войны, рассматривалось поляками как поворотный пункт в русско-литовских отношениях[293]. Из Буды 24 сентября 1514 г. венецианский посол Антонио Сурьяни сообщал в Венецию свежеполученные новости из Польши, будто великий князь «московский» с 80-тысячным войском переправился через Днепр (Борисфен), чтобы атаковать город огромного значения — Оршу, но к этой границе отправился «сам» король Жигимонт. Во время битвы русское войско бежало, оставив на поле боя 30 тыс. убитыми, а свыше 1500 верховных военачальников сдались в плен.

Жигимонт, не страдая ложной скромностью, торопился оповестить Италию о своей победе над «еретиками и схизматиками московитами». 11 декабря в венецианской синьории выступал посол польского короля[294], принесший дожу Леонардо Лоредано послание от 18 сентября 1514 г. о победе над русскими. Барбаро рассказал о выступлении посла, объяснившего причины войны, подробно охарактеризовавшего военные силы своего короля, рассказавшего, наконец, о знатных пленниках, которых Жигимонт выслал венецианскому дожу и папе[295] (впрочем, по пути они были отбиты по приказанию императора)[296]. А в январе 1515 г. по следам первого гонца в Рим к папе спешил польский посол Николай Вольский с тем же сообщением. Он вез с собой и послания польского канцлера Матвея Джевицкого о победе поляков[297]. Ян Дантишек, Б. Ваповский, Ян Критский наперебой восхваляли короля. К хору польских панегиристов присоединился

---

[291] СГГД, ч. V, № 66—67, с. 62—68.

[292] *Герберштейн С.* Указ. соч., с. 24.

[293] *Decius J.* Op. cit., s. 77; *Herbst S., Walicki M.* Obraz bitwy pod Orszą. — In: Rozprawy Kommisii Historii i Stzuki Towarzystwa Naukowego, t. I. Warszawa, 1949, s. 33—48. Список пленных см.: РИБ, т. 20. СПб., 1903, кн. 1, № 384, стб. 519.

[294] *Sanuto M.* Op. cit., v. XIX. Venezia, 1887, p. 314, 345—347. Послание Жигимонта издано: Epistola ad Leonem X. Pontificum Maximum de victoria contra haereticos et schismaticos Moscovienses. Romae, 1514; Acta Tomiciana, t. III, N 232.

[295] *Barbaro D.* Della storia veneziana, libro II. — In: Archivio storico italiano, t. VII, parte II. Firenze, 1844, p. 1079.

[296] Пленные вернулись через Любек (Acta Tomiciana, t. III, № 451). Кроме того, знатные русские пленники были посланы венгерскому королю и Яну Заполья (ibid., N 288, 293, 298, 303, 321).

[297] *Sanuto M.* Op. cit., v. XIX, p. 385—387.

и папский нунций Якуб Пизон[298]. Вся эта литература тотчас издавалась в Риме. Его святейшество папа внимательно присматривался к «еретикам» и «схизматикам»[299].

Вслед за гонцами в Италию Жигимонт отправил вестников победы и в другие страны, в том числе в Ригу и Крулевец[300]. Так, венгерскому и чешскому королю Владиславу 18 октября 1514 г. он писал о «сильнейшем московском князе», о «великой и жестокой войне» с этим князем. Рассказывая о желании великого князя московского овладеть всем Великим княжеством Литовским, которое находится во владении Жигимонта, выражал надежду на скорейшее возвращение Смоленска.

Преувеличенная численность русского войска, которая сообщается в многочисленных польских реляциях о победе под Оршей, должна была произвести впечатление на всю Европу. Ведь даже Максимилиану не удалось бы собрать войско в 100 тыс. человек, приписываемое Жигимонтом Василию III в послании Владиславу (правда, папе он писал просто о «многочисленнейшем войске»)[301].

В Польше и далеко за ее пределами в ходе войн за Смоленск распространялись слухи, будто великий князь намерен захватить не только этот город и даже не только Литовское княжество, но и все Польское королевство[302]. Эти слухи, как бы нелепы они ни были, способствовали формированию преувеличенных представлений о военной и политико-экономической мощи быстро растущего Русского государства.

Шум, который подняли поляки по поводу войны с русскими, заставил все страны уважать огромную силу самого восточного в Европе государства. Этому русские отчасти обязаны крупнейшей удачей своей дипломатии — признанием императором царского титула Василия III. В 1517 г. Герберштейн утверждал, будто Шнитценпаумер превысил свои полномочия, но проговорился об истинной причине заключения договора: «цесарь тогды

---

298 *Dantyszek J.* De clade Moscorum. Romae, 1515; *Wapowski B.* Panegyris seu carmen elegiacum in victoriam Sigismundi I, regis, de Moschis. Romae, 1515. Яну Критскому принадлежат кантилена и другие поэтические произведения на эту тему (Acta Tomiciana, t. III, N 242—245, p. 191—202). О роли этой пропагандистской деятельности польских дипломатов см.: *Wyczański A.* Polska służba dyplomatyczna w latach 1506—1530. — In: Polska służba duplomatyczna XVI—XVIII wieku. Warszawa, 1966, s. 77. Папский нунций Якуб Пизон написал «Epistola Pisonis ad Joannem Coritium de conflictu Polonorum et Lituanorum cum Moscovitis». Romae, 1515 (переиздано Acta Tomiciana, t. III, N 246, p. 202—207). Наконец, под польским влиянием была составлена немецкая брошюра «Die Schlacht von den Kunig von Polen und mit den Moscoviter, geschcen am Tag Marie Gepurt MCCCCXIII».

299 *Sanuto M.* Op. cit., v. XVI, p. 112—113; v. XXI, p. 308—309, 1513—1514 гг.

300 ЦГАДА, ф. 147, оп. 1, ч. 3, отд. 31, № 713, 14 сентября 1514 г.; *Балязин В. Н.* Россия и Тевтонский орден, с. 67.

301 Acta Tomiciana, t. III, N 288, 293, p. 231, 233; 18 октября, 20 октября 1514 г.

302 *Рябинин И. С.* Указ. соч., с. 5.

аки недруг королю то учинил»[303]. Лучшим опровержением позднейшей версии Герберштейна является быстрое утверждение императором договорной грамоты. 1 декабря 1514 г. уже утвержденную грамоту привезли в Москву Якоб Ослер и Мориц Бургштеллер, пробывшие здесь до апреля 1515 г. Имперские послы оставили великого князя в надежде на совместную с императором борьбу против Польши ради возвращения Максимилиану Пруссии, а Василию III — русских земель во главе с Киевом. В это время Жигимонт, видя тщетность продолжения войны (даже помощь крымских и перекопских татар, двинувшихся по его предложению на Москву, не изменила исхода войны)[304], просил Владислава походатайствовать перед императором о заключении мира[305]. Максимилиан охотно взялся за выполнение этого поручения. В Москву был отправлен посол Балтазар Одерус, принятый там, однако, за шпиона и арестованный[306]. На Руси еще не знали о готовящихся переменах в позиции Польши и Империи. Пользуясь тем, что Торуньский мир 1466 г. вплоть до начала XVI в. оставался не утвержденным папой, Максимилиан предложил обсудить его в Риме в апреле 1515 г.[307]

Венский конгресс закрепил изменение в расстановке сил в Центральной и Восточной Европе[308]. Жигимонт отказался от поддержки партии Заполья в Венгрии[309] и согласился утвердить брачные договоры Владислава и Максимилиана[310]. Габсбурги получили право на наследование венгерской и чешской короны. Ради улаживания дел с Венгрией Максимилиан легко отказался от помощи Пруссии и Руси[311] и согласился поддерживать требования литовского князя[312].

Русские послы Алексей Заболоцкий и дьяк Алексей Малый явились в Вену после окончания конгресса[313], и их просьбы о по-

---

[303] Сб. РИО, т. 35, № 85, с. 513, 536. В сношениях с Литовским княжеством титул в это время звучал так: «великий господар... божьей милостью господар всея Руси» (РИБ, т. 20, кн. 2, № 407, стб. 1137, 23 июля 1517 г.).

[304] Acta Tomiciana, t. III, N 321, 326, p. 244, 247, октябрь-ноябрь 1514 г.

[305] Ibid., N 216, 219; HR, Abt. III, Bd. 6, S. 553, Anm. 1.

[306] *Decius J.* Op. cit., s. 216. Он пробыл в Москве до весны 1516 г.

[307] Acta Tomiciana, t. II, N 231, p. 190.

[308] Трактовку Жигимонтом решений Венского конгресса см.: Сб. РИО, т. 35, № 86, с. 553, февраль 1520 г.

[309] *Liske X.* Der Kongress zu Wien, S. 475—476.

[310] *Hermann Z.* Az 1515. évi Habsburg-Jagelló szerződés. Adalek a Habsburgok Mazyarországi uralmának előtörténetéhez. Budapest, 1961.

[311] Acta Tomiciana, t. III, N 532, p. 390. Накануне конгресса во внутренней политике Польши произошли перемены: канцлером стал Христофор Шидловецкий (вместо Матвея Джевицкого), а вице-канцлером — Петр Томицкий (ibid., N 433—434, 443—445, 4 марта 1515 г.).

[312] *Barbaro D.* Op. cit., p. 1083.

[313] *Sanuto M.* Op. cit., v. XX. Venezia, 1887, p. 366, 535, 17, 18, 30 июля 1515 г. Во время заседаний Венского конгресса венецианские послы из Буды сообщали об очередных происшествиях в русско-польских отношениях — о заключении перемирия, которое утвердили русские, о возвращении польского короля в пределы своего королевства.

мощи императора против Польши, конечно, не были удовлетворены. С русскими послами император направил посла, предлагая свое и датского короля посредничество [314]. Весной 1516 г. в Москву от Максимилиана прибыл «отрок» Георгий, а от Христиана — Сидор [315].

В это же время территория Русского государства вновь расширилась. С переходом на службу Василию III Василия Семеновича Стародубского [316] в состав Руси вошли и его земли. После смерти Стародубского в шертную грамоту, посланную в Крым в августе 1518 г. с Останей Андреевым, были включены в качестве русских Стародуб, Чернигов, Почап, Гомель, «что их царю не воевати» [317]. В 1514 г. в титул Василия III вошло определение «черниговский» [318], показавшее, что в ходе очередной войны Василий III готов защищать свое новое приобретение.

Выполнение этой задачи осложнилось успешными дипломатическими действиями Литовского княжества. В соответствии с соглашением с Жигимонтом, щедро одарявшим крымских ханов поминками, Мухаммед-Гирей двинулся на Русь. По сообщениям Дециуша, русское войско потеряло 20 тыс. человек [319]. Тем самым был ослаблен русско-литовский фланг. Жигимонт, долго готовившийся к войне (в январе 1517 г. об этом стало известно в Буде) [320], сначала не мог добиться никаких существенных успехов. Первые сообщения о военных действиях (в том числе отправленное в Буду 24 марта 1517 г.) [321] были довольно скромными. К концу года поляки радостно оповещали мир о новой великой победе. В «жесточайшей» битве пало 20 тыс. русских, победа досталась полякам ценой жертвы 2 тыс. соотечественников [322]. Правда, они вынуждены были признаться, что среди павших были виднейшие военачальники (li principali) и много польской молодежи [323].

Война 1517—1518 гг. была последней из серии войн конца XV—первой трети XVI в. Она показала некоторое равновесие сил: Великое княжество Литовское вместе с Польским королевством уже не было в состоянии вернуть перешедшие к Руси территории [324], а Русское государство не могло умножить числа воз-

[314] Acta Tomiciana, t. III, N 582, 593; ПДС, т. I, стб. 204, 206.
[315] РИБ, т. 16, № 6, с. 16, 1 июня 1516 г. В это же время в Империю отправился Григорий Дмитриевич Загряжский.
[316] Сб. РИО, т. 95, № 12, с. 104; № 61, с. 200, 202, апрель 1514 г., 1515 г.
[317] Там же, т. 95, № 31, с. 554, август 1518 г.
[318] СГГД, ч. V, № 66, 67, с. 62, 66.
[319] *Decius J.* Op. cit., s. 126.
[320] *Sanuto M.* Op. cit., v. XXIV. Venezia, 1889, p. 366.
[321] Ibid., p. 132.
[322] Ibid., v. XXV. Venezia, 1889, p. 141, из Буды от Алевиза Бона от 27 октября 1517 г., в Венеции 19 декабря 1517 г.
[323] Объективную оценку русского войска дал турецкий посол Али-Бей (ibid., p. 52, 28 октября 1517 г.).
[324] Весть о последней победе, которую приписывали себе поляки, — под Полоцком — дошла до Италии через Буду лишь в октябре-ноябре 1519 г. (ibid., v. XXVIII. Venezia, 1890, p. 59).

вращенных русских земель[325]. Отказ Василия III выполнить обещания, данные роду Глинских и другим феодалам, перешедшим на сторону Руси, и в особенности опала князя Михаила Львовича Глинского, с одной стороны, умелая религиозная политика Жигимонта I, активно привлекавшего во втором десятилетии XVI в. православных магнатов и представителей шляхты в состав рады (высшего органа) Великого княжества Литовского, — с другой, на время разрушили союз Руси с православным населением Литовского княжества, обеспечили временную поддержку его внешней политики белорусскими феодалами. Отныне русско-литовские отношения переходили в иную стадию — стадию закулисных дипломатических инициатив и открытых дипломатических переговоров. Опираясь на содействие императора Максимилиана, после 1514 г. взявшего уверенный курс на союз с Ягеллонами[326], литовские представители требовали невыполнимого: то возвращения Смоленска Великому княжеству Литовскому (на переговорах 1517 и 1520 гг.), то невключения «имян» городов в перемирную грамоту (1518 г.). Камнем преткновения в этих переговорах надолго осталась судьба русских пленных, находившихся в Литовском княжестве до 1525 г.

Материально поддерживая крымских ханов и вступая с ними в договоры, Великое княжество Литовское с их помощью добилось самого большого успеха. «Крымский смерч» Мухаммед-Гирея, финансированный 30 тыс. золотых из литовской казны и проведенный при участии литовского воеводы Остафия Дашковича, привел Русь на некоторое время к пассивности по отношению к Великому княжеству Литовскому. Воспользовавшись этим, литовская сторона стала чаще, чем раньше, употреблять весьма скромный титул «князя московского». Так, послу Василию Полукарпову в июне 1522 г. говорили: «Отказ великого князя московского... говорил есть нам от своего государя, великого князя Василья Ивановича московского...»[327]. Учитывая реальное соотношение сил в 1522 г., Василий III ограничивался при общении с Польским королевством и Великим княжеством Литовским скром-

---

[325] Это показала и военная «демонстрация» 1519 г., когда русским войскам удалось дойти до Вильнюса (*Зимин А. А.* Россия, с. 200). Задуманный как часть большой военной авантюры, крымско-тевтонско-датско-русский поход не привел ни к каким результатам (там же, с. 202). Тевтонско-польские военные действия складывались в пользу Польши. Подробнее см. с. 160—161.

[326] О посольстве Герберштейна в 1517 и в 1518 г. Франческо да Колло и Антонио да Конти см. подробнее с. 205, 207.

[327] Впервые этот титул был употреблен литовской стороной в 1517 г. (Сб. РИО, т. 35, № 85, с. 505). Русские представители на переговорах 1517 г. величали Василия III «великим государем божьею милостью, царем и государем всеа Руси и великим князем» (там же, с. 506—507, 511, 532, 537, 540), как и Ивана III (там же, с. 530). В 1520 и 1522 гг. в верительной грамоте и статейных списках литовским послам были опущены слова: «государь, божьею милостью государь всея Руси» (там же, № 88, 93, с. 575, 576, 637).

ным титулом: «Божиею милостию государь всея Руси и великий князь» [328]. Попыткой восстановить свой пошатнувшийся в 1521 г. международный престиж можно считать усилия по подготовке венчания в 1523 г.[329] Результатом было временное (до 1529 г.) возобновление обычая употреблять титул «государя всея Руси» литовской стороной [330].

В целом русско-литовские отношения во второй половине 20-х годов XVI в. несколько стабилизировались. В 1526 г. было заключено 5-летнее перемирие на условиях поддержания статус-кво. Борьба за воссоединение русских земель в составе Русского государства возобновилась в 30-х годах XVI в.

Одновременно возобновились и русско-молдавские отношения. Молдавия дважды — в 1522 и в 1526 гг. — отправляла своих послов на Русь, но им не удавалось добраться до места назначения. Только в начале 1529 г. на Руси появились подскарбий Дума Дмитрий Кузмич и Тома Иванович, уехавшие с русским послом Константином Тимофеевичем Замыцким [330а]. Молдавия, поставленная перед необходимостью защищать свою независимость от натиска Ягеллонов, вновь обратилась к союзу с Русью.

БАЛТИЙСКИЙ ВОПРОС

Сущность балтийского вопроса в конце XV—начале XVI в. состояла в борьбе Руси за выход к Балтийскому морю, за установление благоприятных для русского купечества условий торговли со всеми странами Европы. Серьезным препятствием на пути к осуществлению этой программы были Ганза, включавшая города Северной Германии, Польши, Прибалтики и пользовав-

---

[328] Там же, № 91—93, 95, 96, 99, с. 608, 624, 648, 674, 679, 685, март 1522 г., июль 1523 г., май 1524 г., апрель 1525 г.

[329] Следы этого намерения Василия III можно обнаружить в Вологодско-Пермской летописи, где под 1523 г. появляются термины «царствующий град» применительно к Москве, «царское слово». Сам Василий III назван «царем» (ПСРЛ, т. 26. М.—Л., 1959, с. 312). О том, насколько актуальным был вопрос о венчании великого князя, можно судить по тому, что выступление Максима Грека против астрологии имело одним из адресатов Василия III, которого Максим Грек предупреждал, что бог, а не «фортуна» «поставляет царя и представляет», что «божиим мановением и учинением, а не колесом неким и счастием басненым возводятся на высоту царскую, такожде и отпадают его» (*Максим Грек.* Сочинения, т. I. Казань, 1859, с. 308). См. подробнее: *Зимин А. А.* Россия, с. 326; *Он же.* Максим Грек и Василий III в 1525 г. — ВВ, т. 32. М., 1971, с. 80—82.

[330] Сб. РИО, т. 35, № 94, с. 660; Акты Литовско-Русского государства. М., 1899, с. 236. Вплоть до конца XVI в. в Литовском княжестве не приняли титула «царь», ограничиваясь лишь великокняжеским титулом времени Василия III (*Флоря Б. Н.* О текстах русско-польского перемирия 1591 г. — В кн.: Славяне и Россия. М., 1972, с. 73—74).

[330а] Сб. РИО, т. 35, № 94, 102, 104, с. 650, 741, 778, 779. О молдавско-польских отношениях см.: ПСРЛ, т. 32, с. 107.

шаяся монополией торговли на севере Европы [331], и Ливонский орден, поддерживавший города Прибалтики.

В 1478—1494 гг. Русское государство впервые соприкоснулось с проблемой непосредственных внешнеполитических и внешнеторговых сношений на Балтике. После присоединения Великого Новгорода Ивану III пришлось решать проблемы, связанные прежде всего с Ганзой. Ганзейские конторы находились в Норвегии, Англии, Дании, Руси. Все эти государства, экономика которых быстро развивалась, в конце XV в. встали на путь борьбы против монополии этого союза торговых городов. Рушился мир ганзейских привилегий. Ганзейцы жаловались на «притеснения в Дании, Норвегии, Руссии, Англии, Голландии и Фландрии» [332]. Впрочем, в 70-х годах XV в. еще не предпринималось решительных действий по отношению к Ганзе. Мир Новгорода с 73 северонемецкими городами 1472 г. повторял «старину».

Благоприятно складывались и отношения Руси с Ливонией, которой теперь противостояли не отдельные княжества, а объединенная сила всей Руси. Двадцатилетний договор Пскова с Ливонией был заключен под давлением военной мощи Руси. В поход на Ливонию собрались 22 князя из Ростова, Дмитрова, Юрьева Польского, Мурома, Костромы, Коломны, Переяславля и других городов. Во Псков прибыло и новгородское войско. Военная демонстрация оказала свое воздействие. Договоры Пскова с Ливонским орденом 1474 г. и дерптским епископом были заключены «на всей воле псковской» [333].

Псков упорно добивался охраны личности своих купцов, большое внимание уделялось нарвской торговле [334]. 13 января 1474 г. был заключен тридцатилетний мирный договор Пскова, Новгорода и дерптского епископа, по которому последний обязался не помогать Ордену и уплачивать великому князю так называемую юрьевскую дань, «недоимки» по которой накопились за 8 лет [335]. Улучшились и условия новгородско-шведской торговли. В договоре Новгорода со Швецией от 22 января 1473 г. появилась но-

---

[331] *Форстен Г. В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884; *Dollinger Ph.* Die Hanse. Stuttgart, 1966; *Schildhauer J., Fritze K., Stark W.* Die Hanse. Berlin, 1975; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV—начало XVI в. Л., 1975; *Балязин В. Н.* Политика Ивана III в юго-восточной Прибалтике. — Вестник МГУ. Сер. IX. История, 1964, № 6, с. 89—90.

[332] HR, Abt. III, Bd. 5. Leipzig, 1894, N 331, S. 446, 3 марта 1508 г.

[333] ПЛ, вып. 1, с. 79; вып. 2, с. 195—198; АЗР, т. I, № 75, с. 95—97.

[334] Постановление «отложить колоду» «у костра» Казакова трактует как освобождение псковских купцов от уплаты таможенных пошлин (*Казакова Н. А.* Русско-ливонские отношения, с. 149, 152). Речь могла идти о запрещении задерживать купцов и без суда сажать их в «колоду» (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893, стб. 12).

[335] ГВНП, № 78, с. 133—136; *Шаскольский И. П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 381, 387.

вая статья: Швеция взяла на себя гарантию свободного пути новгородцев до Выборга [335а].

Первые антиганзейские мероприятия великокняжеского правительства относятся к 1478 г., когда в Новгороде были арестованы ганзейские купцы [336]. В это время Иваном III была предпринята первая попытка пересмотра условий торговли Новгорода с Ганзой. А в 1480 г. по всей Балтике распространилась весть, что «у купцов в Новгороде уменьшаются их старые привилегии, ослабляются и отнимаются» [337]. С развернутой программой равенства контрагентов и защиты прав русского купечества, ездившего в Ливонию, русские выступили в 1487 г. во время обсуждения условий мира с Ганзой (они поставили вопросы о проводниках, весах, покупке лошадей и т. д.). Некоторые новые статьи были включены в договор 1487 г.[338]

Пересмотр русской стороной условий торговли и одновременное повышение весовой пошлины [339] вызвали обращение к Ивану III «о купецких делах, о весу о медовом и о соляном» [340] в 1489 г. и обсуждение новых правил в июне 1489 г. в Любеке Юрием Траханиотом [341], одним из вдохновителей и организаторов этой политики.

К 90-м годам XV в. отношения Ганзы и Дании, и ранее весьма далекие от идеальных, вступили в период острого кризиса. Весной 1491 г. датский король Ганс принял новые правила пребывания ганзейцев в Дании. Отныне они теряли возможность и право оставаться в Дании на зиму после 30 ноября. Им запрещалась торговля с крестьянами, только купцы и горожане могли быть их контрагентами. Не разрешалась организация совместных датско-ганзейских торговых компаний. Вводились новые правила торговли пивом, лошадьми, мясом и т. д.[342] Ганс проводил активную

[335а] *Rydberg*, d. III. Stockholm, 1895, N 517, s. 326—327.

[336] HR, Abt. III, Bd. 1. Leipzig, 1888, N 84, S. 63—64, 10 марта 1478 г. Отрицательные для немецкого купечества последствия присоединения Новгорода подчеркивал столетие спустя Альберт Кранц, записавший слова очевидца Реймара Кока (*Krantz A.* Wandalia, lib. XIII. Frankfurt, 1580, cap. 14, p. 301).

[337] *Styffe*, d. IV, N 47, s. 69. По-видимому, последние поддерживали торговлю с Новгородом согласно договору, заключенному в январе 1476 г. архиепископом Феофилом с «сестричичем» «короля свейского Герстура» — Орбаном, приехавшим в Новгород 12 января 1476 г. (ПСРЛ, т. XII, с. 166; *Rydberg*, d. III, N 521, s. 338—340).

[338] Подробнее см.: *Казакова Н. А.* Русско-ливонские отношения, с. 196—197.

[339] HR, Abt. III, Bd. 3. Leipzig, 1888, N 330, S. 253—254, март 1494 г.; *Клейненберг И. Э.* Цены, вес и прибыль в посреднической торговле товарами русского экспорта в XIV—начале XV в. — В кн.: Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968, с. 43—44.

[340] HR, Abt. III, Bd. 2, N 258, 259, 261, S. 301—303; HUB, Bd. XI. München—Leipzig, 1916, N 257, 277; ГБЛ, Рум. 44, № 6.

[341] HR, Abt. III, Bd. 2, N 264, 265, S. 304, 3 и 5 июня 1489 г.

[342] HR, Abt. III, Bd. 3, N 1, S. 3—4, 23 мая 1491 г.; *Christensen A. E.* Danmarks handel i middelalderen. — In: Nordisk kultur. Handel och Samfärdsel, t. 16. Stockholm—Oslo—Kobenhavn, 1933, s. 124.

политику поддержки местного купечества. В 1489 г. он даровал привилегии городам, которые облегчали развитие бюргерства. Обострились и взаимоотношения Дании и Ганзы на море. Датские каперы, гроза северных морей, в течение нескольких столетий державшие в постоянном страхе ганзейское купечество, усилили свои нападения на гданьские и любекские корабли [343].

Ганзейские города, всегда поддерживавшие Швецию, рассчитывали на помощь Стена Стуре Старшего, губернатора Швеции, в возвращении товаров и возмещении убытков [344]. Обращение за помощью к злейшему противнику датского короля не могло улучшить датско-ганзейских отношений. Стороны готовились к войне [345].

Одновременно с антиганзейскими мероприятиями датское правительство поддерживало купечество других государств. В 1490 г. Дания заключила договоры с Англией и Нидерландами, согласно которым купцы этих стран, активные конкуренты ганзейцев, получили большие привилегии в Дании [346]. В 1491 г. в результате заключения договора о взаимном возвращении товаров отношения между ганзейскими городами и Данией были временно урегулированы, но осенью 1493 г. были ограблены ганзейские купцы, ездившие в Сконию, а торговля ганзейцев в Эрезунде и Эльстинборге была обложена новыми тяжелыми пошлинами. Положение не улучшилось до весны 1494 г. Очередной съезд вендских городов сетовал на утеснения ганзейцев в Эльсиноре, Брюгге, Лондоне, Новгороде [347].

Датская антиганзейская борьба была тесно связана с войной против Швеции, ибо крупнейшим контрагентом последней были Гданьск и Любек [348], т. е. города, стоявшие фактически во главе ганзейского союза. В 80-х годах XV в. Швеция и ганзейские города заключали одно за другим соглашения и союзы. Швеция не ограничивалась заключением союзов с городами, она вступала в договорные отношения с Ливонским и Тевтонским орденами. В 1488 г. Стен Стуре вел переговоры с ревельским городским советом о желательности союза с Таллином, рижским архиепископом [349] и ливонским магистром против русских [350].

---

[343] HR, Abt. III, Bd. 3, N 3, 10, S. 4, 7—11, 5 июля, 18 июля 1491 г.
[344] Ibid., N 28, S. 20, 10 ноября 1491 г.
[345] Ibid., N 245, S. 172, 12 ноября 1493 г.
[346] *Christensen A. E.* Op. cit., S. 124.
[347] HR, Abt. III, Bd. 3, N 33, 244, 274, S. 30—32, 171, 191, 20 ноября 1491 г., 25 октября 1493 г.,14 марта 1494 г.
[348] *Söderberg T.* Sveriges handel under medeltiden. — In: Nordisk kultur. Handel och Samfärdsel, t. 16. Stockholm—Oslo—Kobenhavn, 1933, s. 164; *Małowist M.* Handel zagraniczny Sztockholmu i polityka zewnętrzna Szwecji w latach 1471—1503. — In: Rozprawy historyczne towarzystwa Naukowego Warszawskiego, t. XV. Warszawa, 1935, z. 2.
[349] Договор рижского архиепископа Сильвестра со Стеном Стуре был заключен в 1479 г. (*Grönblad*, N 34, s. 69—72).
[350] FMU, Bd. V, N 4199, 4213, s. 207, 218, 18 октября, 23 октября 1488 г.

Рижский архиепископ Михаил охотно откликнулся на это приглашение и начал разрабатывать планы совместного нападения на русских [351]. Швецию и Данию разделяли не только экономические противоречия: Швеция, управлявшаяся то наместниками-регентами (1471—1497 и 1501—1503 гг. — Стен Стуре Старший, 1503—1512 гг. — Сван Нильссон Стуре, 1512—1520 гг. — Стен Стуре Младший, сын Свана Нильссона), то непосредственно датским королем (1497—1501 гг. — король Ганс, 1520—1523 гг. — Христиан), вела борьбу за создание независимого государства, которая в 1523 г. привела к отделению Швеции от Дании и образованию независимого королевства во главе с Густавом Вазой [352].

В борьбе Швеции с Данией Русь по преимуществу соблюдала нейтралитет. Русско-шведские отношения носили противоречивый характер. Русь и Швецию, с одной стороны, разделяли некоторые пограничные вопросы из-за спорных земель в районе Карелии [353], с другой — объединяли экономические связи. Союз со Швецией, поставщиком высококачественного железа и стали, был совершенно необходим для Руси с ее быстро развивавшимися ремеслами и растущей армией. Пытаясь вернуть пограничные земли, Русь заключала и перезаключала договоры от имени новгородских наместников со Швецией [354], договоры, которые ясно показывают, что на первый план русское правительство ставило интересы торговли. В 1476 г. во время пребывания Ивана III в Новгороде шведский посол продлил перемирие [355].

Одновременно с окончательным присоединением Новгорода в 1478 г. русские совершили нападение на Саволакс. В 1480 г. в результате этого нападения и ухудшения отношений с Ганзой была запрещена торговля на Неве и в Нарве, что больно ударило по русскому купечеству. Переговоры русских «знатных послов» в июне-июле 1480 г. в Выборге [356] и Петера Кокена на Неве и в Новгороде привели к возобновлению торговли согласно перемирию Новгорода и Выборга 17 января 1482 г. Русской стороне уда-

---

[351] Ibid., N 4324, S. 287, 22 ноября 1490 г.

[352] *Roberts M.* The Early Vasas. A History of Sweden, 1523—1611. Cambridge, 1968, p. 2, 8.

[353] *Hildebrand B. E.* Om Nöteborgska freden och Sveriges gräns mot Russland från år 1323 till början af 17-de Århundradet. — In: Konglige Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens Handlingar, Bd. XX. Stockholm, 1906, s. 171—260; *Gullen J.* Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östgrans. Helsingfors, 1968.

[354] 20 января 1473 г., 1476 г., 17 января 1482 г., ноябрь 1487 г., 1493 г., 3 марта 1497 г., 14 сентября 1504 г., март 1510 г., 9 мая 1513 г., 1524—1526 гг. (*Rydberg*, d. III, N 517, 521, 525, 535, 542, 549, 568, 577, 581; d. IV. Stockholm, 1888, N 16; *Friedlender I.* De medeltida svensk-ryska fredstraktaterna 1323—1513. En diplomatarisk undersökning. — Svensk historisk tidskrift, 1946, H. 2, s. 97—138).

[355] ПСРЛ, т. XXV, с. 307. О. С. Рюдберг датирует заключение договора, текст которого не сохранился, декабрем 1475—началом 1476 г. (*Rydberg*, d. III, N 521, s. 338—340).

[356] *Styffe*, d. IV, N 49, s. 71, 16 июля 1480 г.

лось добиться новых успехов. Шведы брали на себя гарантию поездок новгородцев не только в Выборг, как это было в 1473 г., но и в Нарву и Таллин[357]. Проблема «чистого пути за море» в русско-шведских отношениях была решена в 1482 г. На этот раз в русско-шведских отношениях возобладали экономические интересы. И впредь позиция Русского государства оставалась неустойчивой: то перевешивали экономические интересы, требовавшие мира, то верх брали конфликты из-за пограничных земель, урегулировать которые Максимилиан пытался в 1491 г.[358]

Такая же противоречивость характерна и для позиции Швеции по отношению к Руси. В ноябре 1487 г. было возобновлено пятилетнее перемирие Швеции с Новгородом (сроком до 6 ноября 1492 г.), существенно отличавшееся своей преамбулой. В договоре Новгорода со Швецией, подобно русско-ливонскому договору этого же времени, было сказано, что он заключен «по божьей воле и по приказу великого князя (koniinges), государя (keisers) всея Руси, и его сына Ивана Ивановича, великого князя всея Руси». С 1487 г. в русско-шведских отношениях исчезло представление о равноправии сторон. 9 ноября 1487 г. заключен договор с Ливонским орденом сначала на год, возобновленный 23 сентября 1488 г. В 1488 г. заключен и другой союз, еще более точно отражавший политические устремления Швеции, — с рижским архиепископом Гильдебрандом, а вслед за тем — и с ганзейскими городами[359].

На востоке Балтики складывалась коалиция старого объединения северонемецких торговых городов с растущей новой политической силой в лице Шведского королевства, направленная на сохранение монополии торговли на северо-востоке Европы и политической независимости (от Польши и Дании). В конце 80-х — начале 90-х годов XV в. союз Швеции с ливонскими ганзейскими городами, а также с Ливонским орденом все больше упрочивался. 22 октября 1492 г. шведский риксрат предложил Ливонскому ордену союз против русских «для сопротивления власти и жестокости вышеупомянутого московского князя»[360].

Переговоры с Ливонским орденом не помешали другим — в 1491/92 г. шведского посла Горвида в Москве и Дмитрия Владимирова в Швеции. О продлении новгородско-шведского договора на два года ходатайствовал перед Иваном III Максимилиан осенью 1491 г. В это время русские настаивали на том, чтобы

---

[357] *Styffe*, d. IV, N 49.

[358] ПДС, т. I, стб. 76—77.

[359] FUM. Bd. V, N 4466, s. 384, 29 января 1493 г.; *Arwidsen A. J.* Handlingar till upplysning af Finlands häfder, Bd. I. Stockholm, 1856, N 64; *Styffe*, d. IV, N 83, 88, s. 123—124, 129—132; LXXXI, CIX. Послами Стена Стуре на Русь были «Миколай Рамшов и Костентин Лютой Зверь» (ОЦААПП. М., 1960, с. 118; ОАПП, ч. 1. М., 1977, с. 243).

[360] *Styffe*, d. IV, N 105, s. 155—158, 22 октября 1492 г.; *Grönblad*, N 42, s. 84—85.

в договор была включена статья политического характера о том, чтобы Швеция не заключала союзов ни с Польшей, ни с Латвией (Lettugen), ни с ливонским магистром. Поскольку текст договора весны 1493 г. не сохранился, нельзя сказать, добились ли русские включения этого требования[360а]. Действовали же они вразрез с пожеланиями русских.

В начале 90-х годов стал намечаться и новый участник ганзейско-ливонско-шведской коалиции. В конце 1492 г. шведы одновременно с переговорами с Русью[361] вели какие-то переговоры и с поляками. В одно и то же время происходило оформление двух противоположных блоков на Балтике — шведско-ливонско-ганзейско-польского и русско-датско-тевтонского.

В 90-х годах XV в. явно обозначились антипольские позиции Тевтонского ордена, поддерживаемые Максимилианом, под сюзеренитетом которого находились Гданьск, Торунь и другие города. «Налегаемые» королем польским и великим князем литовским Казимиром, с одной стороны, и его зятем, князем Шецина (Штеттина), — с другой, прусским (тевтонским) магистром — с третьей, представители этих городов обратились к Максимилиану с просьбой, чтобы он «принял под цесарство и дръжал, как и прочие городы неметские». Для этого требовалось убедить прусского магистра разорвать Торуньский мир 1466 г. и выступить против Казимира. В осуществлении этой идеи Максимилиан рассчитывал на помощь Ивана III, которого он устами посла Георга делла Торре осенью 1491 г. просил взять «на соблюденье в сень свою» эти города, а также тевтонского и ливонского магистров, т. е. защитить «поддержавников» Максимилиана против Казимира. Иван III обещал это сделать при условии, если магистры будут ему «бити челом», подобно вассалам.

Союз Максимилиана и Ивана III в балтийском вопросе, по мысли первого, должен был быть направлен против Польши и Дании, которые-де «не пускают никого по морю»[362]. Действительно, первые контакты русских с Данией не были удачными. Летом 1490 г. Юрий Траханиот и Василий Кулешин по наущению польского посла были задержаны людьми датского короля.

Заключение русско-тевтонско-имперского союза на Балтике сулило Руси, по словам имперского посла, решение одного из насущнейших вопросов — обеспечение свободного пути за море. Максимилиан обещал, что можно будет «очистити и устроити путь морский». Тем самым он снимал ответственность за морские

[360а] ОЦААПП, с. 118; ОАПП, ч. 1, с. 243; ПДС, т. I, стб. 76; *Rydberg*, d. III, N 535, s. 404—407.

[361] FMU, Bd. V, N 4466, s. 384, 29 января 1493 г.; Handlingar till upplysning af Finlands häfder, v. I. Stockholm, 1856, N 64.

[362] ПДС, т. I, с. 78, 80, 75; *Bagiński H.* Polska a Baltyk. Zagadnienie dostępu Polski do morza. Warszawa, 1959.

плавания русских с ливонского магистра, которого он освобождал от забот о русских церквах и «полатах» в Таллине и Тарту [363].

Замысел Максимилиана не осуществился или, вернее, осуществился лишь отчасти. Расстановка сил в Пруссии (союз городов с Польшей и Швецией) делала Тевтонский орден возможным союзником Руси. Недаром даже гроссмейстер Ордена Ганс фон Тифен, хотя и принес присягу Яну Ольбрахту и проводил пропольскую политику, отказался запретить русским покупать оружие в Гданьске и закрыть русским послам проезд через Пруссию [364]. С 1491 г. Иван III не без оснований «склонен был видеть в Тевтонском ордене своего потенциального союзника в борьбе против Литвы и Польши», — пишет В. Н. Балязин [365]. С этим, вероятно, и связан интерес Ивана III к ситуации на Балтике, к вопросу о принадлежности городов Гданьска, Хвойниц и Торуни [366]. Как явствует из инструкции послам к Конраду Мазовецкому, до 1493 г. русские послы в Пруссии не бывали и Русь не имела никаких сношений с великим магистром Тевтонского ордена [367].

Не состоялись надежды Максимилиана на урегулирование русско-шведских отношений и заключение антидатского союза этих стран. Напротив, Швецией были подтверждены предшествующие соглашения с Ливонским орденом и ганзейскими городами (19 июля 1493 г. — договор с Ливонским орденом, а 28 августа 1494 г. — с вендскими городами) [368]. Первый из них ненамного предшествует русско-датскому союзу, второй — закрытию Немецкого двора в Новгороде и следует за новгородско-ливонским договором 31 марта 1493 г. Позицию Ливонского ордена в некоторой степени предопределяли русско-ливонские отношения, в которых на протяжении 70—90-х годов XV в. прослеживается усиление тенденции к неравноправности сторон, что выразилось в появлении в 1474 г. типичной для великокняжеских документов вступительной формулы о заключении договора «милостью божьею», заступничеством св. Софии и Троицы, «здо-

---

[363] ПДС, т. I, стб. 76, 80, 81. Резко отказал Иван III имперскому послу в прямом общении с ливонскими представителями. Они по-прежнему должны были вести переговоры с Новгородом.

[364] *Forstreuter K.* Preussen und Russland. Berlin—Frankfurt, 1955, S. 65.

[365] *Балязин В. Н.* Политика Ивана III в юго-восточной Прибалтике, с. 90.

[366] Сб. РИО, т. 35, № 9, с. 40, декабрь 1489 г.

[367] Там же, № 21, с. 99, май 1493 г. Добрались ли русские послы до прусского магистра в 1493 г., неизвестно (там же, с. 100—101). В. Н. Балязин полагает, что антирусская позиция гроссмейстера Ганса фон Тифена была препятствием установлению тевтонско-русских контактов (*Балязин В. Н.* Россия и Тевтонский орден в 1466—1525 гг. Автореф. канд. дис., с. 8).

[368] *Styffe*, N 107, 120, s. 160—162, 179—180, 19 июля 1492 г., 28 августа 1494 г. В 1493/94 г. в Новгород приезжал шведский посол Николай Дивингонт «о обидах и о съезде судьям» (ОЦААПП, с. 118; ОАПП, ч. 1, с. 243).

ровьем великого князя ... царя всея Руси» [369], аналогичной в договоре с Орденом 1481 г. («по божьей воли и по великих государей веленью царей русских») и в русско-ганзейском договоре 1487 г.[370] Она сохранилась и в договоре 13 марта 1493 г.[371], ясно указывая на дальнейшие устремления великокняжеской власти в отношении Ливонии, вопрос о статусе которой занял одно из центральных мест в международных отношениях начала 90-х годов XV в.

В 1487—1494 гг., во время русско-литовской войны, антиганзейская деятельность временно прекращается, если не считать одного — продолжавшегося 7 лет строительства первого русского морского порта, воздвигнутого по распоряжению великого князя «на немецком рубежи против Ругодива» на месте маленькой деревушки, где «добрый человек не захотел бы привязать свою лошадь, а остановившийся на ночлег не купил бы хлеба» [372].

Строительство Ивангорода несколько напоминает происшедшее два столетия спустя строительство Петербурга. Надеясь при посредстве этих городов установить прочные экономические связи с Северной Европой, великий князь Иван III и царь Петр называли «в свое имя» города, сооружаемые на берегах Балтики. Строительство Ивангорода подрывало монопольное положение Ганзы на морских путях, ведших из Руси в другие страны Европы, и приравнивалось современниками к появлению нового штапеля в Копенгагене. Жалуясь на учреждение новых штапелей, которое было предпринято «для гибели многих городов и в особенности ливонских», гданьский совет в своем письме любекскому от 10 марта 1508 г. в один ряд ставил организацию штапеля в Копенгагене и Новой Нарве (т. е. в Ивангороде) [373]. Значение строительства нового порта было тем более велико, что оно было предпринято в условиях торговой блокады Русского государства, начавшейся не позднее 1494 г.

Если Тевтонский орден в 90-х годах XV в. оставался потенциальным союзником Руси, то Дания вопреки намерениям Максимилиана стала реальным. Русско-датские отношения, прямое следствие и прямая противоположность русско-шведских и датско-шведских, не ограничивались только этим треугольником.

---

[369] ГВНП, № 78, с. 133, 13 января 1474 г.

[370] АЗР, т. I, № 75, с. 95; *Казакова Н. А.* Русско-ганзейский договор 1487 г. — В кн.: Новгородский исторический сборник, № 10. Новгород, 1962, с. 225; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские отношения, с. 150, 193.

[371] АЗР, т. I, № 112, с. 130—132.

[372] ПСРЛ, т. XXIV. Пб., 1921, с. 209; т. 33, с. 130; HR, Abt. III, Bd. 6, N 604, S. 565; *Клейненберг И. Э.* Борьба Новгорода Великого за Нарову в XV в. — Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1960, № 2, с. 140—151; *Он же.* Мероприятия Русского государства по укреплению Наровской границы в конце XV в. — Военно-исторический журнал, 1960, № 6, с. 125—127.

[373] HR, Abt. III, Bd. 5, N 352, S. 463, 10 марта 1508 г. То же см.: *Weinreich C.* Op. cit., S. 84, 20 января 1493 г.

Дания и Русь в конце XV—начале XVI в. имели еще одного противника — ганзейский союз городов, монополиста североевропейской торговли [374]. Силы противников были не равны: на стороне Ганзы были экономические преимущества, традиционные связи, на стороне Дании — лишь преимущества, вытекающие из ее географического положения, — власть над проливами Каттегат и Скагеррак. В конце XV в. к ним прибавился еще один фактор — быстрый рост морского флота, серьезного конкурента ганзейского флота [375]. У Руси в конце XV в. не было и этого. Задачу установления прямых контактов со странами-производителями собственными силами она решить не могла.

Круг потенциальных союзников Дании был довольно велик. Это и Англия, и Империя, и Русь. Данию и Англию разделяла возможность конкуренции в морской торговле на севере Европы. Такой помехи на пути союза с Русью не было [376]. Русь, построившая только первую крепость на Балтике, в это время еще не была в состоянии выставить сколько-нибудь значительного флота [377].

Инициатором русско-датских связей выступила Русь. Вопреки мнению о неожиданном заключении русско-датского союза [378] предварительная договоренность с Данией была достигнута, по-видимому, во время пребывания русских послов в Любеке в 1492 г. В июне 1493 г. в Москве стало известно о прибытии датских послов. Яков Захарьич, наместник Великого Новгорода, писал: «Да приехал, господине, в Новгород от короля от Ивана Денмаркские земли посол Иван магистр, а едет к тобе ко государю з грамотами». Первым послом был королевский архиграмматик Иоанн Якобсон из фамилии Равенсбергов [379]. Иван III проявил живейший интерес к послу и спрашивал: «Его ли (датского короля. — *А. Х.*) человек едет или не его, и с какими грамотами

---

[374] Эту идею развивает Казакова (*Казакова Н. А.* Взаимоотношения России с Данией и Ливонией в конце XV—начале XVI в. — В кн.: VII Всесоюзная конференция по истории экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии, ч. I. М.—Л., 1976, с. 97—99).

[375] *Nielsen A.* Dänische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1933.

[376] О предпосылках датско-русского союза см.: *Jahn F. N.* Danmarks politisk-militaere historie under Unions kongerne. Kobenhavn, 1935; *Allen C. F.* De tre nordiske rigers Historie, d. I—II. Kobenhavn, 1864—1865; *Westergaard W.* Denmark, Russia and the Swedisch revolution, 1480—1505. — The Slavonic and East-European Rewiew, 1937, v. 16, p. 129—140; *Rasmussen K.* Historie og diplomati. — In: Dansk-russiske forbindelser gennem 500 ar. Kobenhavn, 1964 (две последние работы остались автору не доступными).

[377] В 1494 г. наблюдается оживление морского торгового судоходства русских. Летом 1494 г. в районе Выборга находилось небольшое русское судно, которое ганзейцы называли eyne schute (HR, Abt. III, Bd. 3, N 431, S. 337, 16 июня 1494 г.).

[378] *Selnes K.* König Christiern II und Russland. — Scandoslavica, 1961, v. 7, S. 306—313. В 1490 г. под влиянием польского посла Антония Ласкаря русские послы Ю. Траханиот и В. Кулешин оказались в заставе «датчан» (ПДС, т. I, стб. 63).

[379] Сб. РИО, т. 35, № 20, с. 87; *Гамель И. Х.* Указ. соч., с. 158, 163.

ко мне едет, с верющими ли или с затворенными? Какой человек доброй ли или молодой и колко их?»[380] Как выяснилось впоследствии, целью посольства были переговоры «о любви и о братстве»[381]. Договор предусматривал взаимную поддержку: Русь обязывалась помогать Дании против Стена Стуре, король — Руси против Литвы[382]. Дания и Русь обязались «быти заодин», помогать друг другу против Швеции, а Дания — Руси «против врага и неприятеля его князя литовского». Стороны гарантировали беспрепятственный проезд послов и свободу торговли при уплате соответствующих пошлин и справедливый суд купцам. В пограничных же вопросах договор настаивал на сохранении старины. По предположению Е. А. Савельевой, в дополнительное соглашение входило обещание возвратить Руси земли, потерянные ею в пользу Швеции в 1323 г. по Ореховецкому миру[383].

В 1493 г. проект договора был одобрен русской стороной. Для его ратификации в Данию «с любовию же и з братством» отправились Дмитрий Ралев Палеолог и Дмитрий Зайцев[384]. Здесь, в Копенгагене, как полагал Ю. Н. Щербачев[385], и был 8 ноября 1493 г. утвержден русско-датский договор[386]. Русская сторона ратифицировала договор в следующем году. Промежуток между двумя подтверждениями договора был наполнен различными слухами. В скандинавских странах распространилась молва о возможности брака наследника датского престола, 13-летнего Христиана II, с дочерью князя московского — великой княжной. Этот слух сопровождался другим — о передаче Данией Финляндии и Ливонии Руси[387]. И вот для ратификации Иваном III русско-датского договора на Русь летом 1494 г. вместе с послом Давидом Кохраном отправился второй датский представитель — личность весьма примечательная[388]. Это Якоб Хуннингхузен — датский

---

[380] Сб. РИО, т. 35, № 20, с. 89, июнь 1493 г.; *Styffe*, d. IV, s. CLXV.

[381] ПСРЛ, т. 28, с. 324; т. XVIII, с. 278.

[382] *Казакова Н. А.* Русско-датские торговые отношения, с. 89—92.

[383] *Савельева Е. А.* Книга Олауса Магнуса «История северных народов» и ее известия о России. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970, с. 334, прим. 20.

[384] ПСРЛ, т. 28, с. 324.

[385] *Щербачев Ю. Н.* Датский архив. М., 1893, № 2, с. 1—2; *Selnes K.* Norge-Russland grannefolk gjennom tusen år. Oslo—Bergen—Tromsø, 1972, s. 76. Упоминание имен двух великих князей — Ивана III и Василия III — Ю. Н. Щербачев убедительно объясняет тем, что текст договора 1493 г. был использован в качестве черновика при заключении договора 1506 г.

[386] СГГД, ч. V, № 110, с. 129—131; *Форстен Г. В.* Указ. соч., Прилож., № 4, с. 597—599; FMU, Bd. V, S. 411—424.

[387] HRSH, Bd. XXII. Stockholm, 1836, N 17; *Allen C. F.* Op. cit., d. II, s. 96.

[388] Его имя в разрядных книгах не названо: «послы... дацкого короля Ивана» (РК 1475—1605 гг., с. 39; ПСРЛ, т. VI, с. 39; т. 28, с. 160, 377). Сообщая о возвращении послов под 1497 г., Устюжский летописный свод пишет: «да с ними пришел датского короля посол Давыд, да с собою привели Якова Разбойника немъчина сам-третий» (УЛС, с. 100). Сообщение УЛС опровергает мнение о ливонском происхождении Я. Хуннинг-

капер, в предшествующие годы неоднократно совершавший нападения на любекские суда[389]. Выбор его не случаен, кому, как не ему, много лет боровшемуся за датское преобладание на море, было способствовать осуществлению этой идеи дипломатическим путем.

Ливонцы узнали о заключении русско-датского договора около 20 ноября 1494 г. Они полагали, что новый союз направлен против них[390]. Одновременно с ратификацией русско-датского договора Хуннингхузен от имени своего короля обязался снабжать Русь различным вооружением. В том же письме Таллина Тарту, излагавшем «достоверные сведения, недавно сообщенные лицами из Москвы», читаем, что Якоб Хуннингхузен находится в Москве и что он снабдил великого князя пушками и другим вооружением[391]. Поставки Руси оружия должны были усилить ее в битвах с Литовским княжеством за возвращение русских земель. Второй на протяжении 90-х годов XV в. договор Руси о мире и дружбе с европейским государством, включивший статьи о политическом союзе, заложил прочные основы русско-датского блока, просуществовавшего не один десяток лет, и развития экономических сношений этих держав друг с другом.

Заключением русско-датского и шведско-ганзейского договоров завершилась расстановка сил на Балтике на несколько ближайших десятилетий. Стороны были готовы к решительным действиям. И они не заставили себя долго ждать...

В течение 1493—1494 гг. русские упорно добивались проведения в жизнь постановлений, принятых раньше. В марте 1494 г. были ликвидированы последние привилегии ганзейцев[392]. А в ноябре 1494 г. Немецкий двор в Новгороде был закрыт, ганзейские купцы арестованы[393]. Это произошло в то время, когда ганзейское посольство, принятое великим князем, И. Ю. Патрикеевым, Ю. Траханиотом и казначеем Д. В. Ховриным, едва покинуло Москву, а датские представители еще находились в Москве. Вероятно, факт закрытия Немецкого двора можно рассматривать как первое действие союзников в ганзейском вопросе[394]. Нельзя

хузена (об этом см.: *Angermann N.* Livländisch-russische Kulturbeziehungen vor Peter dem Grossen. — In: Rußland, Deutschland, Amerika. Wiesbaden, 1978, S. 16).

389 HR, Abt. III. Bd. 3, N 9, 10, 18, 26—31, 32, § 11, 12, 33, § 31, 38, 45, 60, 64, 65, § 2, 80, 81, 112, 228, 408, 456.

390 Ibid., N 453, S. 365, около 20 ноября 1494 г.

391 Ibidem.

392 Ibid., N 330, S. 253, 26 марта 1494 г.

393 ПСРЛ, т. 28, с. 160; т. VI, с. 39, 240; т. 27, с. 366; т. VIII, с. 228; т. XII, с.239; т. XXI, пол. 1, с. 361.

394 Эту догадку высказал еще В. Моллеруп [*Mollerup W.* Daenemark's Beziehungen zu Livland vom Verkauf Estlands bis zur Auflösung des Ordensstaats (1346—1461). Berlin, 1884, S. 30]. Иначе рассматривал это событие немецкий хронист XVI в. Альберт Кранц. Он писал о посольстве русских в Данию с предложением союза, целью которого было установление прочного датского владычества в Швеции. «Мудрый» ко-

забывать и другого: позиции Великого княжества Литовского. Согласно литовскому проекту русско-литовского договора 1494 г. Александр должен был осуществлять верховную власть над русско-литовскими отношениями. В случае, если литовцы «згрубят» великому князю русскому, тот должен был обращаться к Александру, который «мает их встягнути, и они ся к нему мають справити, а коли ся не справят», только тогда Иван III получал право непосредственно «ведатися» с Ливонией. Литовская сторона требовала, чтобы «Лифлянты» были «поставлены в сторону» Литовского княжества, если будет признана власть Руси над Новгородом [395]. Это условие, резко противоречившее позиции Ивана III в отношении Ливонии, совсем недавно поддержанной Максимилианом, не было принято. Требуя от ливонских городов гарантии безопасности русских купцов и послов, великий князь демонстрировал свое право на верховную юрисдикцию. Закрытие двора в Новгороде двумя днями предшествовало появлению в Москве литовского посла Адама Якубовича, привезшего грамоту о «греческом законе», в которой «имя» великого князя было написано не полностью — отсутствовали слова «государь» и «всея Руси» [396]. Одновременно была объявлена «заповедь» экспорта на Русь серебра и въезда послов. Объясняя 18 февраля 1496 г. русскому послу Третьяку Далматову причины возвращения на родину осенью 1495 г. турецкого посла, направленного в Москву, но добравшегося только до Киева, Александр говорил, «иже в тот час до твоего государя дороги были замкнуты, а никого до его милости земель не пущено». Впрочем, в это же время через Литву возвращался датский посол Лаврентий [397].

Закрытие двора в Новгороде, как и ряда других ганзейских контор, и установление системы новых международных отношений на севере Европы (заключение датско-шотландских договоров 1493 и 1496 гг., датско-французского договора 1498 г.) покончили с ганзейской монополией на Балтике. Одновременно это

роль Ганс, не желая вступать в союз с «неверными», уклонился от окончательного ответа. Русские же по возвращении послов в качестве услуги датскому королю арестовали немецких купцов в Новгороде (*Krantz A.* Chronika und Beschreibung aller furnemsten Geschichte und warligen Thaten, so sich in Königreich Sweden zugetragen und begeben. Strassburg, 1558, S. 298). Это сообщение занесено Кранцем в хронику под 1499 г., и, вероятно, им соединены данные относительно русско-датских отношений 1493 и 1499—1500 гг.

395 АЗР, т. I, № 114, с. 135.

396 См. подробнее: *Хорошкевич А. Л.* Об одном из эпизодов династической борьбы в России в конце XV века. — ИСССР, 1974, № 5, с. 129—139.

397 Сб. РИО, т. 35, № 41, с. 214—215; ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 6, л. 69; см. также: *Муханов*, № 53, с. 81. Лаврентий имел поручение установить дружественные отношения с Литовским княжеством. Александр на это предложение дал уклончивый ответ: он-де «приязни мети с ним не отмовляет» (*Муханов*, № 61, с. 89—90, май 1495 г.). Приблизительно в 1494—1495 гг. на Русь приезжал Давид, возвращавшийся через Литовское княжество в Польшу (там же, № 54, с. 81—82).

показало, что предложение Максимилиана о взятии орденских земель «под сень» великого князя упало на благодатную почву. Хотя требования великого князя касались лишь положения русских купцов и послов, русских церквей в ливонских городах, и особенно в Таллине, орденские власти в течение всего 1494—1495 гг. опасались русского нападения. Изменил свою позицию и Максимилиан, отказавшийся от поддержки «великого князя Московии» Ивана III ради безопасности Ливонии, ей он просил помогать Гданьск и мекленбургского герцога Балтазара [397а].

Итак, на протяжении 70-х—начала 90-х годов XV в. Русь достигла крупных успехов в балтийском вопросе. Монополии ганзейской торговли был нанесен сокрушительный удар. Русь впервые воздвигла крепость с портом на Балтике, с помощью которого могла развивать торговое морское судоходство. В ходе борьбы с Ганзой она обрела союзника, которому, казалось бы, принадлежало будущее балтийского торгового судоходства, а вместе с ним могла войти в соприкосновение и с союзниками Дании — Шотландией и Францией.

На следующем этапе развития балтийского вопроса, в 1495—1516 гг., обнаружилось, что радужные перспективы, которые сулило заключение русско-датского союза, осуществляются с трудом. Общая ситуация на Балтике складывалась не в пользу Русского государства. Торговая блокада Руси, предпринятая по инициативе Великого княжества Литовского, продолжалась не менее 20 лет (не позднее 1494—1514 гг.). Запрещение ввоза на Русь благородных металлов из Великого княжества Литовского, а также цветных из Ливонии неблагоприятно отразилось на экономическом положении страны. Датская торговля лишь частично компенсировала недостаток этих металлов на Руси. Однако и она развивалась в неблагоприятных условиях.

Поход шведов из Выборга на земли новгородских карел открыл враждебные действия на русско-шведской границе. По-видимому, в согласии с Данией великий князь начал собирать войска вдоль финской границы, готовясь к походу на Выборг [398].

[397а] LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 247—250, S. 184—189, 17 августа 1495 г. См. подробнее: *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, с. 205—209. В Ливонии в это время ожидали и русского похода, и присоединения Пскова (LECUB. Abt. II, Bd. 1, N 104, S. 83, конец 1495 г.).

[398] ПСРЛ, т. VIII, с. 162; т. 28, с. 160; *Olaus Magnus.* Op. cit., XI, 4. Хроника Реймара Кока (источник, впрочем, не очень надежный) связывает поход 1495 г. непосредственно с требованиями Ганса. В отсутствие Стена Стуре, вызванного из Швеции в Финляндию, король Ганс начал переговоры со знатнейшими рыцарями и епископами, чтобы они покинули Стена Стуре и перешли на сторону Ганса. Великий князь московский отправил послами к Гансу двух монахов, строивших монастыри на Руси, по-видимому, иностранцев. Однако эти монахи, придя в Таллин, отдали великокняжеские послания городскому совету, а тот в свою очередь сообщил об этом Стену Стуре (FMU, Bd. V, N 4641, s. 517; Scriptores rerum suecarum, v. III, pars. 1, p. 244).

В феврале 1495 г. шведские послы отправились было в Новгород на переговоры, но по пути убили двух русских мелких торговцев и вынуждены были вернуться в Выборг. В марте переговоры состоялись, но вопрос о границах и судьбе трех земель — Эйреппя, Яскис и Саволакс — не был урегулирован. Стен Стуре отправил своих послов к ливонскому магистру и великому князю литовскому просить помощи против русских [399].

Наступление русских на Выборг и Неву началось осенью 1495 г.[400] До мая 1496 г., несмотря на регулярную осаду, 60-тысячному, по сообщению Олая Магнуса [401], войску не удалось взять Выборг [402]. Пограничная полоса в 80 миль перешла в руки русских [403].

Русско-шведская война углубила трещины в отношениях союзников. Любопытна первая реакция датского государственного совета на упреки шведского в том, что датчане не помогают против нападения русских. 15 января 1496 г. датский государственный совет писал, что в Дании было русское посольство, но ни датскому королю, ни государственному совету не было известно относительно русского вторжения в Финляндию. После получения известия об этом датский государственный совет-де написал великому князю, что Русь должна поступать, как полагается христианскому государству [404].

Наступление Руси в Карелии заставило папский престол несколько уточнить свои позиции по отношению к Швеции и Руси. Как только разразилась эта война, большинство финских церквей получило освобождение от уплаты налогов в пользу папы, поскольку все они исполняли высокую миссию борьбы с «неверными», т. е. русскими [405]. Русско-шведская война обнаружила симпатии и еще одной политической силы — ганзейских городов. Именно они (Гданьск [406] и другие [407]) занимались снабжением Швеции военными материалами и войском.

Ответом на нападение русских на Выборг было уничтожение шведами на следующий год новой русской крепости и порта на

---

399 LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 144, 165, 200, 287, S. 113, 128, 157, 213; *Halecki O.* La politique scandinave des Jagiellons.— In: La Pologne au VI Congrés International des Sciences historiques. Oslo, 1928. Varsovie, 1930, p. 97—117.

400 LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 290, S. 224. 15 декабря 1495 г.; см. также: ПСРЛ, т. 28, с. 160; РК 1495—1598 гг., с. 24.

401 *Olaus Magnus.* Op. cit., XI, 4, p. 362.

402 LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 348, S. 252. 16 мая 1496 г.

403 *Styffe*, d. IV, N 130, s. 194—195, 1 сентября 1495 г. О ходе военных действий см.: ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, с. 459, 468, 534, 610; т. VIII, с. 230; т. XII, с. 240; т. XXI, ч. 1. СПб., 1908, с. 362; т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, с. 512; т. XXIV, с. 213; т. 26. М.—Л., 1959, с. 289; т. 28, с. 160, 326 и др.; РК 1495—1598, с. 27; см. также: *Гамель И. Х.* Указ. соч., с. 163.

404 FMU, Bd. VI, N 4652, S. 9.

405 *Allen C. F.* Op. cit., d. I, s. 179—181.

406 HR, Abt. III, Bd. 3, N 752, S. 554, 12 апреля 1497 г.

407 Ibid., N 718, 719, 721, 722, 748, 749, S. 538, 539, 553, 554.

Балтике — Ивангорода[408], захваченного шведами. За 19—26 августа 1496 г.[409] город подвергся катастрофическому разграблению. Шведская рифмованная хроника подробно описывает этот поход и город с его «кораблями большими и малыми», с «огромным количеством товаров», мехов и воска. По сведениям Олая Магнуса, шведы предложили город ливонскому магистру, который отказался от него, ссылаясь на договор с Русью[410].

Осенью 1496 г. русские вновь начали отстраивать город[411]. Временная потеря Ивангорода и его разорение[412] нанесли серьезный удар по самостоятельной торговле русских на Балтике и задержали развитие их морского судоходства. И той и другой стороне, понесшей в ходе пограничных войн 1495—1496 гг. серьезные потери, пришлось ограничиться восстановлением статус-кво.

Шведские феодалы обратились за помощью к датскому королю Гансу и согласились признать последнего шведским королем при условии, что он походатайствует перед русскими о заключении перемирия или мира. Ганс выполнил эту просьбу. Перемирие сроком на 6 лет было подписано 3 марта 1497 г.[413] Оно отвечало интересам Руси, создавая некоторые возможности ликвидировать недостаток экономических контактов с западом, появившийся в результате закрытия Немецкого двора в Новгороде и литовской блокады, и использовать Выборг — ближайший к Новгороду пункт для восстановления новгородско-ливонской и отчасти ганзейской торговли. Согласно договору подтверждалась обязанность шведской стороны «блюсти» русских купцов и послов на пути в Выборг, Нарву и Таллин (и обратно), в преамбуле его закреплялось неравноправное положение шведской стороны по отношению к Руси.

---

[408] ПЛ, вып. 1, с. 82; вып. 2, с. 224, 252; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, с. 408, 459, 610; т. VI, с. 42, 241; т. VIII, с. 233; т. VII, с. 244; т. XX, ч. 1, с. 363; т. XXI, ч. 2. СПб., 1913, с. 571; т. XXII, ч. 1, с. 513; т. XXV, с. 290; т. 28, с. 329; т. 33, с. 131; ИЛ. М., 1957, с. 133. О походе «Иштвана Миколаевича» см.: РК 1475—1605, т. I, ч. 1, с. 37.

[409] Фактом пребывания Ивангорода в составе Швеции Б. А. Рыбаков датирует основу карты Дженкинсона — «старый чертеж 1497 г.» (*Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV—начала XVI в. М., 1974, с. 35—36).

[410] FMU, Bd. VI, N 4694; *Olaus Magnus.* Op. cit., XI, 1, 2; LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 400, 407, S. 286, 291.

[411] LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 410, S. 294, 22 сентября 1496 г.; ПЛ, вып. 1, с. 82; *Styffe*, d. IV, N 142, s. 214—217, 3 марта 1497 г.; *Grönblad*, s. 145—146; HRSH, d. XVIII, s. 91—92; *Schirren C.* Quellen zur Geschichte Russlands, vornehmich aus schwedischen Archiven. SPb., 1860, S. 61.

[412] В 1498 г. в нем насчитывалось 165 дворов и 198 жителей, в «граде каменом» было 4 или 5 «купетских дворов», а на посаде — больше 25 подворий торговых людей и воротников (Новгородские писцовые книги, т. 4. СПб., 1886, стб. 227—230).

[413] *Rydberg*, d. III, N 549, s. 448—451, 3 марта 1497 г.

Датские и шведские историки считают, что в это же время Ганс датский пообещал передать Руси пограничные территории[414]. Стен Стуре, заключив 6-летний мир с русскими, надеялся сохранить власть над Швецией. Он писал любекскому городскому совету, что его внутреннее положение упрочилось, так как ему вновь присягнули города и остальное население[415]. 26 ноября 1497 г. датский король Ганс, захватив Стокгольм, вновь стал шведским королем[416]. На этом, по его мнению, активность русских могла бы закончиться. В конце 1497 г. он направил письмо Ивану III с просьбой сохранять мир со Швецией и отпустить шведских военнопленных[417]. Ни в перемирии 1497 г., завершившем первый этап борьбы за пограничные районы, ни на переговорах весной 1498 г. в Стокгольме интересы Руси не были удовлетворены. Пользуясь спокойствием на западных границах, обеспеченным договором 1494 г. с Великим княжеством Литовским и заключением брака Александра и великой княжны Елены, русское правительство вскоре после заключения перемирия со Швецией и переговоров с Гансом в Стокгольме возобновило военные действия в этом районе, теперь принадлежавшем датской короне[418]. Создалось парадоксальное положение: Русь вела войну со страной, с которой ее связывал союзный договор.

Внешняя политика Руси пользовалась поддержкой местного населения. В 1496/97 г. вместе с воеводами в Москву прибыли представители жителей района р. Лимига и «биша челом за великого князя»[419]. В 1498/99 г. в Новгород приезжали «каинские немцы» Аннук Акинсун и Олевей Речихин с просьбой о принятии их в русское подданство. В Каяны для приведения населения к присяге были отправлены Федор Водников и Иван «кореленин»[420]. Опираясь на поддержку карел, русское правительство решило любыми средствами достигнуть цели — возвращения западных карельских погостов. В 1499 г. дополнительно к военным действиям оно прибегло к предложениям о заключении брака великого князя Василия Ивановича и датской принцессы Елизаветы[421]. Сватовство Василия было предпринято одновре-

---

[414] *Allen C. F.* Op. cit., d. II, s. 197; *Grönblad*, s. 103.

[415] HR, Abt. III, Bd. 3, N 753, S. 554, 19 апреля 1497 г.

[416] *Allen C. F.* Op. cit., d. II, s. 154; HR, Abt. III, Bd. 3, N 767, S. 558, 13 сентября 1497 г.

[417] Вероятно, это и было предметом переговоров в Москве датского посла Григория (Сб. РИО, т. 35, № 53, с. 257, 29 марта 1498 г.).

[418] *Форстен Г. В.* Указ. соч., с. 159.

[419] ПСРЛ, т. 33, с. 132.

[420] ОЦААПП, с. 118; ОАПП, ч. 1, с. 243.

[421] Слухи о предстоящей свадьбе Василия и датской принцессы широко распространились. О ней рассказывали новгородские купцы, а вслед за ними 14 апреля 1500 г. дерптский епископ Иоганн сообщил об этом орденмейстеру, обращая внимание на приготовления великого князя, собравшего всех скоморохов и велевшего закупить весь доступный мед (LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 977, S. 742).

менно с пожалованием ему Новгорода и Пскова [422]. Предложения русских послов 1499 г. относительно урегулирования пограничных конфликтов и сватовства великого князя не нашли отклика у датского короля [423].

После отъезда русских послов в июне 1499 г. в Стокгольм прибыло посольство ливонского магистра, предложившее Дании союз против Руси. Ливония накануне войны с Русью была заинтересована в разрыве дружественных связей Руси и Дании и прикрытии своих тылов. Союз не был заключен, так как Ганс в качестве предварительного условия выдвинул возвращение Дании эстонских земель Харьюмаа и Вирумаа [424].

Новое датское посольство во главе с известным дипломатом финским епископом Енсом Андерсеном Бальденапом прибыло в Москву в феврале 1500 г.[425] И эти переговоры не привели к желательному для русских результату. По-прежнему продолжались стычки на границах. В 1500 г. финские бонды напали на русские земли и спалили много деревень. Территориальный спор приобрел такую остроту, что этот вопрос был поставлен на съезде сословий в феврале-марте 1501 г.[426] В разгар этого обсуждения и явилось в Стокгольм русское посольство, состоявшее из тридцати человек во главе с Юрием Мануйловичем и Третьяком Далматовым и потребовало возвращения Руси земель Саволакс, Яскис и Эйреппя, принадлежавших Руси по Ореховецкому договору [427]. Никаких реальных результатов, кроме подрыва авторитета Ганса в Швеции, они не добились.

Несмотря на неудачи посольств 1499 и 1501 гг. относительно заключения брака и урегулирования вопроса о карельских границах, русско-датские отношения не охладели [428].

Ливонско-русская война 1501—1503 гг. закрыла для русских балтийские порты, кроме Ивангорода и Выборга, и затруднила русско-датские контакты [429]. Она косвенно отразилась и на рус-

---

[422] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история, с. 140—142.

[423] *Allen C. F.* Op. cit., d. I, s. 200.

[424] *Lenz W.* Die auswärtige Politik des livländischen Ordensmeisters Walter von Plettenberg bis 1510. Riga, 1928, S. 81; *Allen C. F.* Op. cit., d. I, s. 200.

[425] LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 823, S. 623; *Allen C. F.* Op. cit., d. II, s. 351, 360.

[426] *Grönblad*, s. 117—118; *Allen C. F.* Op. cit., d. I, s. 171.

[427] *Grönblad*, N 66, s. 118—122; *Каштанов С. М.* Социально-политическая история, с. 142.

[428] В Ивангород «стеретчи от немец» были посланы устюжане и двиняне (УЛС, с. 102). Шведские послы в Гданьске в августе 1501 г. жаловались, что король Ганс желает иметь великого князя Василия в качестве жениха своей дочери (LECUB, Abt. II, Bd. 2, N 151-a, S. 99). Подробнее см.: *Nitsche P.* Op. cit., S. 181.

[429] Давид Кохран в сентябре 1502 г. не мог выехать на родину и просил выслать за ним судно, чтобы избежать погони ревельского и разеборгского кораблей, уже стоящих наготове. Однако трудные условия русско-ливонской войны (о ходе ее см.: *Казакова Н. А.* Русско-ганзейские и русско-ливонские отношения, с. 221—234) не охладили русско-датского союза. Давид извещал своего короля, что великий князь хочет стоять с датским королем «заодин» «советом и делом, землей и людьми,

ско-тевтонских отношениях. Колеблясь между поддержкой Литовского княжества против Руси, что вызвало бы охлаждение Максимилиана, дружественно настроенного к ней, и Руси против Литовского княжества, что грозило бы ослаблением позиций «христианства» в связи с массовым переходом православных на Русь [430], Тевтонский орден на протяжении 1500 г. занимал выжидательную позицию. После наступления русских осенью 1501 г. гроссмейстер 5 декабря 1501 г. обещал Ливонскому ордену поддержку и обратился за денежной помощью для него к папе [431].

Во время этой войны в 1501 г. Ганс лишился власти над Швецией. Получив ее при некотором содействии Руси, он потерял ее при невольном участии своего союзника: контакты Ганса с Русью рассматривались шведскими феодалами как откровенно враждебные по отношению к ним и подогревали неприязнь к Гансу в Швеции. Потеря Швеции оживила русско-датские связи. С марта до конца ноября 1502 г. на Руси находился Давид Кохран, герольдмейстер (отсюда и его русское прозвище — Герлад), опытный дипломат, до 1503 г. служивший английскому королю Генриху VII, позднее ставший специалистом по Восточной Европе при датском короле [432]. Посол Маркус летом 1502 г. был задержан в Таллине. В Нарву в это же время прибыл Сильвестр с 18 слугами [433], возвращавшийся на родину из Дании.

По просьбе литовского князя [434] 14 сентября новгородский наместник заключил договор со Швецией на 20 лет. В него впервые был включен полный титул Ивана III и Василия III, перечислены все земли, входившие в состав Руси. Помимо прежних условий о торговле, было включено и политическое условие — одно из тех, на которых русская сторона настаивала еще в 1493 г.: в случае войны ливонского магистра, рижского архиепископа и всей Ливонии против Новгорода и Пскова Швеция в лице Свана Нильсона обязывалась не оказывать никакой помощи противникам Руси [435]. Это было большим политическим успехом Русского государства.

В феврале 1505 г. ганзейские города, с 1494 г. страдавшие от

жизнью и имуществом и всем, чем он располагает» (LECUB, Abt. II, Bd. 2, N 366, 411, S. 262, 294, 11 сентября—27 ноября 1502 г.

[430] LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 1082, S. 808, декабрь 1500 г.

[431] Ibid., N 140, 148, 205, S. 110, 116—117, 161—162; FMU, d. VI, N 5027, s. 301, 15 июня 1504 г. Под влиянием массового перехода на сторону русских эстонского населения ревельский епископ не торопился с поддержкой похода Бернгарда фон Борха на Русь (*Krantz A.* Wandalia, lib. XIII, cap. 18).

[432] Сб. РИО, т. 35, № 77, 80, с. 440—441, 450—451, 453, 469—470.

[433] LECUB, Abt. II, Bd. 2, N 328, S. 226, 13 июля 1502 г.; FMU, d. VI, N 5027, s. 301, 15 июня 1504 г.

[434] Сб. РИО, т. 35, № 75, с. 397.

[435] *Rydberg*, d. III, N 568, s. 502—506, 14 сентября 1504 г.; HR, Abt. III, Bd. 5, N 43, S. 127, 11 февраля 1505 г. Договор в Швеции ратифицировали Степан Замыцкий и Ших Мякинин (ОАПП, ч. 1, с. 244). Заключе-

нарушения торговых связей с Русью и боявшиеся конкуренции шведских городов, испугались перевода всей русской торговли в Швецию [436].

Русско-шведский договор не мог обрадовать и Данию. Видя, что союз с Русью находится под угрозой, и выполняя свои обязательства по отношению к Максимилиану, по просьбе ливонского магистра Вальтера фон Плеттенберга датский король присоединился к императору Максимилиану и королю Испании и Кастилии Филиппу в ходатайстве перед Иваном III об отпуске ливонских военнопленных, захваченных в 1501—1503 гг. и находившихся в Коломне [437]. Между тем позиция Максимилиана была двойственной. 13 октября 1501 г. он дал Тевтонскому ордену право сбора специальной пошлины с кораблей, прибывающих в прусские порты, для ведения войны против русских, в которую Орден вступил 3 марта 1501 г. в союзе с Великим княжеством Литовским [438].

Летом 1505 г. ситуация вновь переменилась. Отношения между Данией и Швецией [439], между Данией и ганзейскими городами [440] вновь ухудшились. В начале 1506 г. датский король запретил своим купцам посещать города, расположенные на Балтике, и наложил новые пошлины на торговлю ганзейцев в Дании. Условия торговли в Дании и пошлины в Ольдесло и Шедеберге безрезультатно обсуждались на съезде датских и ганзейских представителей при посредничестве папского легата Раймунда 21 мая 1506 г.[441] В этих условиях и было направлено новое датское посольство на Русь, возглавлявшееся магистром Давидом (Давидом Старым) [442], возвращавшимся, по-видимому, через Литовское княжество [443]. Оно прибыло вовремя, чтобы возобновить русско-датский договор после смерти Ивана III. Чисто формальный момент, а именно смена государя на Руси, был лишь поводом для заключения нового договора. Причины же

нию перемирия предшествовало шведское посольство об «обидном деле» Ивашки Репьева (ОАПП, ч. I, с. 243—244).

436 HR, Abt. III, Bd. 4. Leipzig, 1890, N 463, S. 634, 7 ноября 1503 г.

437 СГГД, ч. V, № 41—45, с. 28—31, 13 октября 1504 г., 6 марта 1505 г., 19 июня 1505 г.; HR, Abt. III, Bd. 5, N 59, S. 138, 27 июня 1505 г.; ПДС, т. I, стб. 133—139; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские отношения, с. 243; *Kentmann R.* Livland in russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik (1494—1514). Reval, 1930; *Cosack H.* Livland und Russland zur Zeit des Ordenmeisters Johann Freitag. — HGbll, 1923, S. 1—60; 1926, S. 72—115; 1927, S. 81—121.

438 *Балязин В. Н.* Россия и Тевтонский орден в 1466—1525 гг. Автореф. канд. дис., с. 9.

439 HR, Abt. III, Bd. 5, N 54, S. 135.

440 Ibid., N 57, S. 136—137, 5 июля 1505 г.; № 216, S. 290, январь 1508 г.

441 Ibid., N 73, 107, 108, S. 159, 216—225, 22 февраля, 15 июня 1506 г. В Литовской метрике сохранились сведения об участии в аналогичных переговорах 1503 г. папского писаря Лавринца Андреева Жака (ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 7, л. 19—20).

442 *Grönblad*, N 126, 128, s. 246—247, 249—250, 27 августа, 9 сентября 1505 г.

443 Сб. РИО, т. 35, № 84, с. 480.

лежат во всей сложности политической ситуации Дании и Руси. Подтверждение договора 1493 г. совпало с упрочением отношений их противников — Великого княжества Литовского и Швеции. В мае 1506 г., в последний год княжения Александра, через три года после окончания первой в XVI в. русско-литовской войны и за год до начала второй, Александр отправил Леонарда Хередиана в Стокгольм [444], предприняв, по словам Ф. Конечного, «гениальный шаг» [445]. 12 июня литовское посольство было принято шведским риксратом [446]. Проанализировав русско-шведские отношения за последние шесть лет, шведский регент предложил заключить трехсторонний антирусский союз — Швеция, Великое княжество Литовское (и королевство Польское) и Ганза. В ответ на это посольство шведский риксрат 2 октября решил отправить в Польшу ленчепингского каноника магистра Вернера. В апреле 1507 г. он вел переговоры с Жигимонтом [447].

Летом 1507 г. дело чуть не дошло до датско-шведской войны. Эрик Турссон, наместник Выборга, сообщал шведскому совету, что в Таллине находится свыше 30 датских кораблей, имеющих намерение двинуться на Швецию. В качестве контрмеры Турссон предлагал вступить в союз с Голландией и нанять там суда [448]. В декабре 1507 г. датскому королю пришлось пойти на уступки. Пошлины в датских городах были отменены, в ответ на это и Любек уничтожил пошлину на Хольстенбрюгге [449].

Параллельно с обострением датско-ганзейских отношений ухудшались и русско-ливонские. В 1505 г. Русь выдвинула требование об отказе Ливонии от союза с Литвой, а в 1507 г. повторила его [450]. На политический нажим ганзейские города ответили экономическими санкциями, чтобы склонить Василия III к уступчивости, расширив торговую блокаду Руси. В противовес этому было решено укрепить Ивангород — единственный порт на Балтике, где осуществлялись прямые контакты русского купечества с североевропейским. «Русские намереваются перед их крепостью построить высокую стену, здесь были строители Владимир Торкан и Марк Грек... Они хотят заложить вокруг города стены с башнями так далеко и широко, чтобы могло разместиться 8 тыс. человек», — писали ливонцы [451].

---

[444] Akta Alexandra, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego, i t. d. (1501—1506). Kraków, 1927, N 306, s. 516; 9 января 1506 г.; ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 7, л. 18—19. Одновременно Эрик Петров от имени Свана Стуре подкрепил договор 1505 г. (ОАПП, ч. 1, с. 244; ОЦААПП, с. 118).

[445] *Koneczny F.* Geneza uroszczeń, s. 19.

[446] *Styffe*, d. V, s. LXXIII.

[447] Ibid., s. LXXIV; ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 7, л. 20 об.—22; *Grönblad*, N 167, s. 307, 10 апреля 1507 г.

[448] *Grönblad*, N 176, s. 321—325, 21 июля 1507 г.

[449] HR, Abt. III, Bd. 5, N 145, S. 247, 7 декабря 1507 г.

[450] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские отношения, с. 243—244.

[451] LECUB, Abt. II, Bd. 3, N 169, S. 117, 19 марта 1507 г. Речь шла о Владимире Тараканове.

В условиях консолидации польско-шведско-ганзейского блока некоторые признаки того же обнаруживал и датско-русско-тевтонский [452]. Дания, как никогда ранее, энергично снабжала Русь вооружением и развивала необычайную активность в дипломатических сношениях с ней. В 1507 г. Давид Кохран прибыл с несколькими кораблями привезенного из Шотландии оружия [453]. В 1506—1507 гг. на Русь приезжал и датский посол Иоганн Плаг [454]. В 1508 г. Давид Кохран снова был на Руси, обсуждал широкий круг проблем русско-датско-шведских взаимоотношений [455], в 1509 г. — он снова в Москве, но на этот раз тема переговоров неизвестна [456], в 1511 г. он направлялся на Русь с тремя кораблями для русских [457], а затем приезжал ежегодно [458].

И во втором десятилетии XVI в. сношения Руси и Дании носили постоянный характер, так что у Стена Стуре Младшего (Нильссона) были все основания утверждать, что Русь и Дания сохраняют дружественные отношения, пока магистр Давид постоянно ездит на Русь [459]. Позиция тевтонского гроссмейстера оставалась в первое десятилетие XVI в. неизменно дружественной по отношению к Руси. 3 января 1508 г. гроссмейстер требовал, чтобы Плеттенберг не заключал договора с Литвой против Москвы без его ведома [460]. В таком же миролюбивом духе воздействовал на Плеттенберга Максимилиан. Он уверял, что война Ливонского ордена с Русью вредна для Империи, и без того занятой борьбой с французами и венецианцами [461].

---

[452] Тевтонский орден тем более был склонен к антилитовско-антипольскому союзу, что Жигимонт, по словам русских дипломатов, присвоил себе титул «княжати Пусково» (Сб. РИО, т. 35, № 84, с. 482, 1506/07 г.), который, впрочем, носил и Казимир.

[453] *Казакова Н. А.* Раннее известие о связях России и Шотландии. — ВИ, 1970, № 7, с. 197—198; LECUB, Abt. II, Bd. 3, N 230, S. 161, 29 июля 1507 г. Обратно Кохран уехал с русским представителем Истомой Малым (СГГД, ч. V, № 111, с. 131—132, 17 июля 1507 г.). Связи с Шотландией Русь установила в результате каких-то споров с Данией, когда Василий III для урегулирования их обратился к Якову шотландскому (*Sanuto M.* Op. cit., v. VII. Venezia, 1882, p. 190, ноябрь 1507 г.).

[454] СГГД, ч. V, № 111, с. 132, 17 июля 1507 г.

[455] После его пребывания на Руси Эрик Турссон не был уверен в нейтральности Руси и опасался, что русские вместе с Гансом выступят против Швеции по первой открытой воде (*Grönblad*, N 214, s. 388, 28 ноября 1508 г.).

[456] *Grönblad*, N 223, s. 410, 23 февраля 1509 г.

[457] Ibid., N 283, s. 527, 26 июля 1511 г.

[458] В ноябре 1515 г. он довольно долгое время находился у Ивангорода, русские же не хотели его впускать, так как почти все его люди умирали. Многие русские из числа тех, которые приехали с Давидом из Копенгагена, также умерли (FMU, Bd. VII, N 5849, s. 403, 20 ноября 1515 г.).

[459] FMU, Bd. VII, N 5957, s. 476, 22 февраля 1518 г.

[460] LECUB, Abt. II, Bd. 3, N 304, S. 224.

[461] Ibid., N 374, S. 274, 19 мая 1508 г.

Не изменилась еще одна линия взаимоотношений, которая ставила Русь и Данию в один ряд. Это их взаимоотношения с Ливонским орденом. Со времени кратковременного владычества Дании в Эстонии датские короли не оставляли надежды вернуть себе районы Харьюмаа и Вирумаа. В течение рассматриваемого периода датчане неоднократно поднимали вопрос о возвращении им этих земель. В 1508 г. датский посол Давид Кохран, по сведениям Гданьска, вел переговоры с ливонским магистром относительно этих земель и собирался заключить специальное соглашение [462].

К концу первого десятилетия XVI в. международная обстановка на севере Европы несколько изменилась. Король Ганс в 1509 г. вскоре по окончании русско-литовской войны заключил польско-датский договор о дружбе [463]. В начале XVI в. союз Швеции с вендскими городами окреп и принес новые практические результаты. Вслед за договором 14 октября 1509 г. 17 сентября 1510 г. был заключен военный (а не только политический) договор этих городов со Швецией. В соответствии с ним уже до 6 октября 1510 г. Любек поставлял Стену Нильссону военные суда.

В отношениях с Русью Швеции согласно 60-летнему договору с Новгородом марта 1510 г. пришлось пойти на новые уступки. В случае войны теперь уже не только Ливонии, но и Великого княжества Литовского с «отчиной» великого князя — Новгородом и Псковом — Швеция обязывалась не помогать им против Руси [464].

На северо-востоке Европы сложилась весьма причудливая расстановка сил. «Ось» Русь—Дания дополнилась союзом Дании с Польшей, а Руси — со Швецией. Таким образом, каждый из союзников вступил в договоры с противником своего партнера.

В этой сложной международной обстановке вопреки экономической блокаде Василию III, несмотря на мощную дипломатическую поддержку Ливонии со стороны Империи, Польши и Литвы, удалось добиться уступок от ливонских городов, приславших просьбу о перемирии. По 14-летнему перемирию [465], заключенному новгородскими наместниками и псковскими посадниками во главе с Данилой Васильевичем Щеней и Иваном Михайловичем с ливонскими представителями (послами ливонского магистра, рижского архиепископа, дерптского и эзельского епископов и «всей земли Лифленскиа» — Иоганном Гильдорпом, Иоганном Ольдензе, Иоганном Кавером и Кристианом Сюге)

---

462 HR, Abt. III, Bd. 5, N 352, § 101, S. 464, 10 марта 1508 г.

463 Ibid., Bd. 6, N 48—51, S. 27—28, 30, сентябрь-октябрь 1510 г.

464 LECUB, Abt. II, Bd. 2, N 583, S. 419; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские отношения, с. 246—247; ОАПП, ч. 1, с. 244; ОЦААПП, с. 119. Договор был подтвержден 9 мая 1513 г. (СГГД, ч. V, № 60, с. 52—53; *Rydberg*, d. III, s. 578—581).

465 СГГД, ч. V, № 57, с. 40—47.

29 марта 1509 г., Ливония вынуждена была отказаться от союза с Литовским княжеством [466].

Согласно перемирию возобновлялась русско-ливонская торговля [467]. Остался неурегулированным вопрос о торговле металлами, даже не упомянутый в договоре. Зато запрет ввоза соли, принятый до 1498 г., оказался зафиксированным. Запрещением ввоза на Русь соли правительство Василия III отвечало на блокаду Руси и ограничение ввоза такого «стратегического», с точки зрения ливонцев начала XVI в., товара, как металлы. И позднее, в 1511 г., вендские города во главе с Любеком, настаивая на возобновлении торговых отношений с Русью [468], упорно требовали сохранения запрета ввоза на Русь серебра, в особенности сухим путем — через Польшу и Жемайтию [469], что, конечно, шло вразрез с пожеланиями и нуждами Руси. Оставались неурегулированными вопросы русско-шведской границы. В 1509 г. русские претендовали на полосу земли шириной 14 миль и длиной 150 миль в Выборгском и Нишлосском лене [470]. В 1510 г. при заключении русско-шведского договора границы остались прежними при условии, что через три года соберется новый съезд, который решит этот вопрос окончательно [471].

Следующее за заключением русско-ливонского перемирия пятилетие было наполнено бурными событиями во всех районах Балтики, Восточной и Северной Европы. Дания в 1510 г. начала настоящую морскую войну против ганзейских городов, завершившуюся полным поражением Любека в 1512 г.[472] В июле 1513 г. была достигнута договоренность нового датского короля Христиана II с вендскими городами о возврате датских товаров, находившихся у любечан, о таможенных пошлинах, суде, взаимном погашении долгов и т. д.[473] Это не осталось без последствий и для русско-ганзейских отношений.

В октябре 1513 г. Василий III под влиянием экономических и политических средств давления на Русь (в том числе со стороны Максимилиана) [474] согласился на возобновление переговоров Руси с Ганзой [475]. Урегулирование русско-ганзейских отно-

---

[466] ОАПП, ч. 1, с. 162; ПСРЛ, т. XIII, пол. 1, с. 12. Никоновская летопись пишет о псковском князе.

[467] ПСРЛ, т. XIII, пол. 1, с. 12.

[468] «...по той опасной грамоте были немецкие семидесят трех городов послы на посолстве у великого князя Василья Ивановича в Великом Новегороде и посольство правили» (ОАПП, с. 58).

[469] HR, Abt. III, Bd. 6, N 192, § 23, S. 163, 16 июня—5 июля 1511 г.

[470] *Grönblad*, N 223, s. 409, 23 февраля 1509 г.

[471] О переговорах 1510 г. см.: ОАПП, ч. 1, с. 244. Текст договора 1513 г. см.: СГГД, ч. V, № 60, с. 52—53; *Rydberg*, d. III, N 577, S. 560—564.

[472] О ней Русь узнала из «речей и ответов» Ганса, привезенных Елизаром Суковым, побывавшим в Дании в 1510—1511 гг. (ОАПП, ч. 1, с. 182).

[473] HR, Abt. III, Bd. 6, N 402, 506, 508, S. 384—387, 456—462.

[474] Ibid., N 522, § 9, 16, 52, 53.

[475] Ibid., N 525, S. 486—487.

шений происходило при непосредственном участии имперского посла Юрия Шнитценпаумера [476]. Помимо заключения договора с Русью, имперский посол имел поручение урегулировать русско-ганзейские отношения и прозондировать почву об имперском русско-датском союзе [477]. Шнитценпаумер оставался в Москве с 5 февраля по апрель 1514 г. Почти одновременно там находились имперский посол, датский герольд Давид, прибывший 24 июня [478], и ганзейское посольство. 5 мая из Нарвы выехал в Таллин Давид [479]; 30 мая туда вернулось ганзейское посольство [480]. В Москве параллельно велись переговоры о мире с Максимилианом, в результате которых был заключен договор, называвший Василия III царем [481], возобновлен договор с Данией (после смерти короля Ганса 20 февраля 1513 г.), включивший статьи, уточнявшие содержание договора [482], наконец было достигнуто соглашение о восстановлении Немецкого двора в Новгороде (договор с ганзейскими городами вступил в силу 25 мая 1514 г.) [483] На этот раз все три силы — Империя, Дания и ганзейские города — составляли один лагерь [484]. Новый датский король Христиан, женившийся в 1514 г. на Елизавете, внучке императора Максимилиана, сестре будущего императора Карла V, прочно присоединялся к габсбургской коалиции, Максимилиан же поддерживал и ганзейские города. Одновременно с целью получения венгерской короны, принадлежавшей Владиславу Ягеллону, он вынашивал планы антиягеллонской коалиции, в которую должны были бы войти Ливония, Дания, Бранденбург, Валахия, Саксония и Русь. О своих планах Максимилиан поставил 17 августа 1514 г. в известность гроссмейстера Тевтонского ордена [485].

---

[476] Ibid., Bd. 7. Leipzig, 1905, N 157, § 23, S. 356, 24 января 1519 г.

[477] *Uebersberger H.* Op. cit., S. 77.

[478] HR, Abt. III, Bd. 6, N 546—549, S. 513—514; N 541, S. 502—503, 5 февраля 1514 г.; N 550, S. 514, 30 апреля 1514 г.; N 551, S. 515, 4 мая 1514 г. Новгородский наместник в апреле 1514 г. писал, что Давид в сопровождении боярского сына Ивана Васильева выехал из Ивангорода, просит отправить Васильева обратно в Ивангород (РИБ, т. 15. СПб., 1894, N 7, с. 14; *Hansen.* Regesten, S. 515, Anm. 1).

[479] ПСРЛ, т. 28, с. 347. Это Давид Герлад, бывший в Москве в 1496 г. (*Герберштейн С.* Указ. соч., с. 184).

[480] HR, Abt. III, Bd. 6, N 552, S. 515. Оно дольше всего пробыло в Москве. Еще 2 января 1514 г. великий князь дал охранную грамоту ганзейским купцам (ibid., N 541, S. 502).

[481] СГГД, ч. V, № 66, с. 62—65, 4 августа 1514 г.

[482] *Grönblad*, N 343—344, s. 619—620. По мнению Г. Юберсбергера, договор 1514 г. полностью повторял условия 1493 г. (*Uebersberger H.* Op. cit., S. 89).

[483] СГГД, ч. V, № 65, с. 55—61.

[484] 3 октября 1515 г. Таллин от имени ливонских городов просил датского посла Давида Кохрана ходатайствовать перед великим князем о соблюдении ивангородским наместником условий договора 1514 г. и свободном проезде в Новгород и Нарву (HNH, d. I, N 106, s. 116—117, 3 октября 1515 г.).

[485] *Балязин В. Н.* Россия и Тевтонский орден, с. 66.

Русь, крайне нуждавшаяся в восстановлении нормальной торговли на Балтике и развитии собственного морского судоходства и отнюдь не заинтересованная в укреплении позиций ганзейских городов, в этих условиях пошла за своими союзниками. Ливонским и ганзейским городам во время победоносной войны Руси против Великого княжества Литовского пришлось снять торговую блокаду. Стороны, согласно ст. 4, обязались «заповеди никоторому товару не чинити»[486]. Василию III удалось добиться включения в русско-ганзейский договор и политической статьи — об обязательстве ганзейцев не помогать польскому королю в случае войны Руси, а в случае конфликтов с Ливонией, Швецией не арестовывать русских купцов и не задерживать их имущества[487].

Гораздо более реальных выгод сулил русско-датский союз. В текст договора впервые была включена статья, точно указывавшая политическую направленность союза Руси и Дании. Кроме Швеции, в нем был упомянут глава Польши и Литовского княжества Жигимонт. Союз с Данией стал больше отвечать интересам Русского государства, чем раньше. Заключение союза с Русью Христиан рассматривал как весьма срочное дело. Незадолго до 1 июня 1514 г., т. е. еще до коронации Христиана II, Давид находился в Таллине, он должен был вернуться в Данию на первом же корабле. С ним вместе ехало русское посольство, состоявшее из 30 человек[488]. А 3 июля 1514 г. после очень кратковременных переговоров Христиан вновь послал Давида в Москву, снабженного проектом, который предусматривал заключение договора «с государем Василием, всея Руси императором, великим князем»[489]. В проекте очередного русско-датского договора от 3 июля 1514 г., который Давид вез в Москву, содержался пункт о свободной торговле русских и датчан и об оказании помощи потерпевшим кораблекрушение вблизи берегов союзных стран. Датчане надеялись получить право устройства двора в Новгороде[490]. По-видимому, пункты проекта нового договора вполне соответствовали действительному развитию русско-датской торговли. Ганзейское купечество жаловалось на то, что датчане в последние годы регулярно привозят сельдь в Нарву[491]. Осенью 1515 г. Давид прибыл в Таллин с двумя кораблями и собирался плыть далее в Нарву[492]. Несмотря на

---

[486] СГГД, ч. V, № 65, с. 57; HR, Abt. III, Bd. 6, N 554, S. 520, 22 мая 1514 г.

[487] По распоряжению Василия III так поступили русские в 1515 г. Взяв Рославль, псковский наместник Андрей Васильевич Сабуров отпустил 18 немецких гостей (УЛС, с. 107).

[488] *Grönblad*, N 342, s. 617, 1 июня 1514 г. 14 августа Давид Старой и русские послы Иван Микулинский с дьяком Василием Белым прибыли в Москву (ПСРЛ, т. 28, с. 348, 351).

[489] *Grönblad*, N 343, 344, s. 518, 1, 5 июля 1514 г.

[490] *Grönblad*, s. 619, 620, 624.

[491] HR, Abt. III, Bd. 6, N 568, § 29, S. 529, 23 апреля 1514 г.

[492] FMU, d. VII, N 5835, S. 391, 29 сентября 1515 г.

в целом благоприятный для Руси характер договора, он не удовлетворил Василия III. Не ограничась признанием царского титула, он потребовал, чтобы имена в договоре были переставлены [493]. Поэтому утверждение договора несколько затянулось. Весной 1516 г. в Москве побывали «посланник» Христиана Сидор и Давид Кохран [494], 1 июня покинувшие столицу. 2 августа 1517 г. был подтвержден русско-датский договор, в июле датские купцы получили жалованную грамоту, гарантировавшую им более благоприятные условия торговли, нежели ганзейцам [495]. Подобная грамота купечеству целой страны давалась еще один раз — в 1618 г. — шведскому [496].

Одновременно с этим велись переговоры о заключении военно-политического союза с Тевтонским орденом, который, испытывая постоянное давление со стороны Польши, охотно откликнулся на русское предложение. Послание от 22 мая 1515 г. было направлено через Плеттенберга [497]. В ответе Ордена от 14 декабря 1515 г. предусматривалось всемерное противодействие заключению русско-польского союза и упрочению русско-тевтонских отношений [498]. 10 марта 1517 г. Дитрих Шонберг от имени Ордена заключил союзный договор с Русью, согласно которому стороны обязались участвовать в совместных действиях против Польши. Русь должна была предоставить средства на наем 10 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы в случае освобождения Орденом всей Пруссии и похода на Краков. Предусматривалось производство «пенязей» в Пруссии с русским «чеканом» на них [499]. 25 марта в Пруссию выехал Дмитрий Загряжский, и 6 июня 1517 г. русско-тевтонский договор был ратифицирован [500].

Вслед за русско-тевтонским в июле 1517 г. был окончательно подписан и русско-датский договор. Отношения на Балтике несколько стабилизировались. Быстро продвигалось восстановление Немецкого двора в Новгороде, который к апрелю 1518 г. уже мог вместить 40 гостей с их товарами [501].

---

[493] В июне 1516 г. с «грамотой докончялной» с Давидом поехал дьяк Некрас Харламов (ПСРЛ, т. 28, с. 351).

[494] HNH, d. I, s. 788; РИБ, т. 16. СПб., 1897, № 5, с. 11—14.

[495] *Grönblad*, s. 650, 682; СГГД, ч. V, № 79; *Allen C. F.* Op. cit., d. I, S. 155.

[496] РИБ, т. 16, № 8—9, с. 18—23; *Шаскольский И. П.* Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970, с. 18.

[497] РЛА. СПб., 1868, № 349.

[498] *Ioachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preussen Albrecht von Brandenburg, Bd. I. Leipzig, 1892, S. 252.

[499] СГГД, ч. V, № 75, с. 73—74; *Ioachim E.* Op. cit., Bd. I, N 130, S. 299—301; Сб. РИО, т. 53. СПб., 1887, № 2, с. 18, 7 марта 1517 г. Рассказ о приезде прусского посольства в Уваровской летописи четко передает неравноправность сторон (ПСРЛ, т. 28, с. 35; см. также: Сб. РИО, т. 53, № 8, с. 77, август 1518 г.).

[500] Сб. РИО, т. 53, № 3, 8, с. 33, 75—76, август 1518 г.; *Балязин В. Н.* Россия и Тевтонский орден, с. 68—69.

[501] HR, Abt. III, Bd. 7, N 68, S. 116, 9 апреля 1518 г.

Датско-ливонские отношения в целом протекали вполне дружелюбно. Таллин даже обращался к Давиду Кохрану с просьбой ходатайствовать перед великим князем об уничтожении пошлин, требуемых ивангородским наместником[502]. Летом 1515 г. обнаружились трения, так что датско-ганзейские отношения потребовали особого разбирательства[503]. Датчане не теряли времени даром для развития собственной торговли. В 1514 г. вендские города жаловались ливонскому магистру, что «из Дании прибывает много кораблей в Нарву, Неву, в Россию к большому ущербу купечеству»[504], конечно, ганзейскому.

Развитие русско-датской торговли шло рука об руку с торговлей Фуггеров. Ливонский съезд в Валмиере 30 июня 1516 г. принял очередное (которое уже по счету в XV—XVI вв.?) запрещение гостевой торговли, особо при этом были выделены Фуггеры[505]. Интересы торговли диктовали в это время и направление дипломатических отношений двух стран. Таллин в послании Любеку от 2 мая 1516 г. обращал внимание на то обстоятельство, что Давид требовал не только предоставления права пользования Готским двором в Новгороде, но и создания нового двора в Ивангороде, откуда товары пойдут непосредственно в Копенгаген[506]. Ганзейцы справедливо опасались, что строительство такого двора в Ивангороде, которым стали бы пользоваться и Фуггеры, нанесет сокрушительный удар их собственной торговле.

Перенесение центра русско-североевропейской торговли в Ивангород отвечало интересам и самих русских. Они предполагали, что в Ивангороде должны взиматься весчие пошлины, установленные во времена Ивана III[507], как писали в Таллин новгородские наместники Александр Владимирович и Михаил Васильевич 6 июля 1517 г.[508].

Если 1478—1494 гг. можно назвать периодом расстановки сил в оформлении блоков на Балтике, то 1495—1516 гг. были годами первой пробы сил. Эта проба показала их равновесие, может быть, с некоторым преобладанием ганзейско-шведско-польского блока. Кратковременные победы Дании на море быстро сменились примиренческой позицией по отношению к ганзейским городам. Немалую роль в стабилизации положения на Балтике сыграл Максимилиан[509], вплоть до 1516 г. явно скло-

---

[502] *Hansen.* Regesten, N 50, S. 11.
[503] HR, Abt. III, Bd. 6, N 652, S. 633—636, 1 июня 1515 г.
[504] Ibid., N 585, § 46, S. 549, 4 июля 1514 г.
[505] Ibid., N 706, § 7, S. 775.
[506] Ibid., N 705, S. 773—774, 2 мая 1516 г.
[507] Ibid., N 604, S. 565.
[508] ГБЛ, Рум. 44, № 9, л. 1.
[509] На 1516 г. приходится большая активность Максимилиана. Вслед за визитом «отрока» Георгия в Москву было направлено его послание, привезенное по просьбе Плеттенберга алыстским переводчиком Иванко (ГБЛ, Рум. 45, л. 35, 3 сентября 1516 г.).

нявшийся к датско-тевтонско-русскому блоку[510], но поддерживавший и ганзейские города, сюзереном которых он являлся.

Восстановление Ивангорода и быстрый рост его создавали предпосылки для развития русского торгового мореходства. Торговля с Данией и ее дипломатическая поддержка давали Руси основание надеяться на дальнейшие успехи совместной торговли на Балтике. Отношения со Швецией казались урегулированными, хотя по-прежнему оставался нерешенным вопрос о границах.

В конце второго десятилетия XVI в. балтийский вопрос вступил в новую фазу. Содержанием русско-датских отношений стала не антиганзейская борьба, а попытки создания нового торгового блока Русь—Дания. Это было одним из результатов проекта, выработанного в 1517 г. группой крупнейшего датского купечества во главе с Гансом Миккельсеном, проекта, одобренного королем и предусматривавшего создание торговой компании купечества Стокгольма, Финляндии и Голландии во главе с датчанами[511].

Поддержку этому начинанию оказывали Фуггеры, рекомендовавшие королю Христиану II учредить штапель в Копенгагене, который в это время посещали шотландцы, англичане, французы, голландцы и русские[512]. Целью компании было установление монополии в обмене товарами между Западной Европой и бассейном Балтийского моря. Этому благоприятствовало очередное ухудшение отношений Дании и Швеции в 1517 г. Ганзейские города Любек и Гданьск собирались оказать последней поддержку[513].

В 1518 г. русско-тевтонский союз был дополнен датско-тевтонским договором, согласно которому Орден обязывался снабжать Данию порохом и орудиями, а Дания — Орден войском (200 конницы и 2 тыс. пехотинцев). К орденско-датскому договору присоединились епископ кёльнский, маркграф бранденбургский Казимир, герцог саксонский Фридрих, палатин рейн-

---

[510] Впрочем, после заключения имперско-польского договора 22 июля 1514 г. (Acta Tomiciana, v. III, N 552) и выработки 20 мая 1515 г. соглашения о двойном династическом браке — сын Владислава Людовик должен был жениться на внучке Максимилиана Марии, а дочь Владислава Анна выйти замуж за внука Максимилиана Фердинанда (*Dogiel M.* Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, t. IV. Wilno, 1760, p. 366—368) — Максимилиан несколько изменил отношение к Тевтонскому ордену. 22 июля 1515 г. он пообещал Жигимонту заставить прусского магистра соблюдать мир, заключенный с Казимиром (ibid., p. 200—201). Тем не менее проект орденско-русского договора был санкционирован Максимилианом, которого Дитрих Шонберг посвятил в замысел этого союза осенью 1516 г. (HNH, d. I, N 289, S. 363, 30 августа 1516 г.).

[511] *Christensen A. E.* Op. cit., s. 125.

[512] *Allen C. F.* Op. cit., d. I, s. 270—271.

[513] HR, Abt. III, Bd. 7, N 39, § 230, 240, S. 53—54; Сб РИО, т. 53, № 3, с. 32.

ский Августин[514]. В 1517—1518 гг. блок Русь—Дания значительно расширился. Он был направлен откровенно против Польши и Великого княжества Литовского и на развитие активной торговли Руси и Дании. Позиция императора несколько изменилась. Он настаивал на сохранении мира Польши и Ордена. По словам Дитриха Шонберга, в середине марта 1518 г. приехавшего в Москву[515], Максимилиан объявил гроссмейстеру: «Не добро, что король прогонится, а царь всея Руси велик учинится»[516].

В течение 1517—1518 гг. Русь усиленно поддерживала Тевтонский орден в его намерениях начать войну с Польшей. Русские послы, ездившие к великому магистру, обещали денежную поддержку Тевтонскому ордену в случае его нападения на Польшу и разрабатывали планы раздела королевства. В Пруссию с деньгами должен был быть отправлен дьяк Иван Харламов. Тевтонский орден, пользуясь авторитетом великого князя русского, пытался привлечь на свою сторону и французского короля Франциска I, которому Василий III направил послание о русско-тевтонском союзе[517]. Эта дипломатическая акция должна была повысить международный престиж Ордена, пользовавшегося поддержкой столь могучего союзника. До действительной помощи дело так и не дошло, а русско-тевтонский союз не имел практической ценности[518]. 6 ноября 1519 г. дьяк Иван Харламов привез деньги, но они были расхищены членами капитула ордена[519]. Русская помощь послужила поводом для выступления польских войск из Торуня на Пруссию[520]. Тевтонско-польская война осени 1519—лета 1520 г., несмотря на поддержку Дании, откуда летом 1520 г. прибыло 2 тыс. ландскнехтов[521], окончилась сокрушительным поражением союзника Руси, против которого

---

[514] Сб. РИО, т. 53, № 8, с. 75—76, август 1518 г.; *Ioachim E.* Op. cit., Bd. I, N 136, S. 307—308. Возможно, известие об этом союзе привез гонец Фрол (СРВ, ч. I. СПб., 1858, с. 38).

[515] Недаром Жигимонт обвинял Альбрехта в союзе «со схизматиками и неверными, врагами не только нашими, но и всех христиан» (Die Königsberger Chroniken. Königsberg, 1865, S. 68—69, Anm., 7 мая 1520 г.).

[516] В Новгороде в это же время находился писарь датского короля Кнут Нильссон (HNH, d. I, N 513, s. 635, 20 марта 1518 г.).

[517] Сб. РИО, т. 53, № 5, с. 56; HNH, d. I, N 492, s. 607—612, февраль 1518 г.

[518] *Балязин В. Н.* Россия и Тевтонский орден, с. 69, 71; *Зимин А. А.* Россия, с. 201—203; *Pociecha W.* Op. cit., s. 72.

[519] Сб. РИО, т. 53, № 23, с. 233. По сведениям Кенигсбергской хроники, деньги из Руси в сумме 4600 марок были привезены только около октября 1520 г. По-видимому, на Руси не очень доверяли своему партнеру. В качестве заложника за русских послов в Москве оставался Эберт Фрейбергер (Die Königsberger Chroniken, S. 124).

[520] О нем рассказал орденский посол Клингенбек (Сб. РИО, т. 53, № 22, с. 228, июнь 1520 г.).

[521] Die Königsberger Chroniken, S. 86. В апреле 1519 г. вместе с датским посольством приехало 45 ландскнехтов (ibid., S. 42). По русским данным, датских наемников было 7,5 тыс. человек (РИБ, т. 16, № 10, с. 26, 1521 г.).

ополчилась не только Польша, но и все ганзейские города. Новая попытка орденских властей привлечь на свою сторону Францию, которой они пообещали помощь против Османской империи и разрыв договора с «кайзером» всех русских, если он «не нравится французскому королю», не помогла, как и обращение к Англии, которую Орден стращал торговой монополией Гданьска на Балтике, подобной венецианской на Адриатике[522]. Тевтонский орден доживал последние дни. Неудача Ордена осложнила и положение Руси на Балтике.

Не сбылись планы превращения Дании и Руси в великие морские державы. Причин неудачи было много: слабость партнеров[523], некоторое сходство их экономики[524], неблагоприятная для осуществления этих планов внешнеполитическая обстановка. В 1520 г. Дания, поддерживаемая папской курией, наложившей интердикт на Швецию, предприняла решительный натиск на последнюю. В Швецию отправились датские войска, готовившиеся к оккупации всей страны. В конфликте Дании и Швеции, как всегда, соучаствовали ганзейские города. В 1519—1521 гг. морская война Дании и Ганзы приняла серьезные размеры и закончилась поражением первой[525]. Ганзейские города не ограничились этим, в июле-августе 1520 г. они начали переговоры с заклятым врагом Дании и Шотландии — Англией[526]. Русские послы в июне-июле 1520 г. сообщали в Москву, что вся Свейская земля принадлежит датскому королю, за исключением «Стеколма»[527], где по-прежнему губернатором оставался Стен Стуре Младший. Наконец, был взят и Стокгольм, а 4 ноября состоялась коронация Христиана II в качестве шведского короля.

В период временных успехов Христиана II в Швеции была создана Северная торговая компания, ее фактории должны были находиться в Копенгагене, Стокгольме, Антверпене, Выборге. Организаторы Северной торговой компании строили грандиозные планы перестройки рудников в Даларне и экспорта меди в Европу. По-видимому, в эту компанию должна была включиться

---

[522] *Ioachim E.* Op. cit., Bd. III. Leipzig, 1895, N 36—37, S. 171—175, сентябрь 1521 г.

[523] *Kirchner W.* Commercial Relations between Russia and Europe 1400 to 1800. Bloomington, 1966, p. 34. Северин Норбю, которому было поручено Христианом занять Финляндию, собирался просить у русских войско и деньги (*Grönblad*, N 391, s. 699—701, 25 сентября 1519 г.).

[524] Обычно при этом приводится свидетельство Реймара Кока, который в своей хронике под 1517 г. рассказывает о прибытии в Копенгаген русского судна. Русские увидели суда с зерном, смолой, кожами и салом и объявили, что не следует ездить туда, где торгуют тем же самым, что и на Руси (*Allen C. F.* Op. cit., d. II, s. 271—272).

[525] HR, Abt. III, Bd. 7, N 255, 272, 277, 292, 299, 317, S. 458, 462—463, 472, 476—477, 563, 593.

[526] Ibid., N 335—337. В переговорах с английской стороны участвовал Томас Мор.

[527] Сб. РИО, т. 53, № 23, с. 235.

и часть русского купечества. Именно на 1520 г. приходится период особой торговой активности русских на море, быстро, впрочем, подавленной решительными мерами Польского государства и Литвой в союзе с Гданьском. Морская война 1520 г. весьма неблагоприятно отразилась на развитии морского судоходства Руси и ее внешней торговли в пределах Балтики и Северного моря.

Несмотря на формальное прекращение военных действий и начало переговоров о мире между Русью и Литвой, посредниками между которыми выступили представители Империи, война не прекратилась полностью. Напротив, она продолжалась, только была перенесена с суши на море[528]. Нанятые Жигимонтом корабли блокировали Восточную Балтику, задерживая русские корабли, направлявшиеся на запад. Активную роль в этой «охоте» играли гданьчане, которых перспектива установления непосредственных русско-датских контактов пугала много больше, чем ливонские города. Капитан морской стражи Адриан Флюнт в 1517 г. захватил русские суда с товаром, но потом в датском порту был ограблен старостой Выборга[529]. Глава гданьских каперов Стефан Зассе, который раньше служил Стену Стуре, Христиан Гильденштерн и многие другие получили от Жигимонта «печать и грамоту», позволявшую им заниматься каперством против русских. В 1519 г. они организовали большое число гданьских бюргеров, среди которых был и ратман Каспар Шиллинг, и начали грабить корабли врагов Жигимонта — русских. Секретарь гданьского городского совета Амвросий Шторм на переговорах в Копенгагене в апреле—июле 1521 г. указывал, что Стефану Зассе вменялось в обязанность и разрешалось нападать только на русских[530]. Заодно они грабили ливонские и датские суда, направлявшиеся на восток (так, убыток датчан на корабле Северина Норбю составил 6000 марок)[531]. В ответ на это осенью 1521 г. в Копенгагене и Зунде было задержано большое количество гданьских кораблей, товары гданьчан были конфискованы,

---

[528] *Bodniak S.* Żołnierze morscy Zygmunta Starego (1517—1522). — Rocznik gdański, t. IX—X. Gdańsk, 1937, s. 209—222; *Lepszy K.* Dzieje floty polskiej. Warszawa, 1947; *Koczorowski E.* Tradicja polskiej floty wojennej. — In: Morze w służbie narodu. Warszawa, 1972, s. 63; *Czapliński W.* Polityka morska Polski w XVI i XVII wieku. — In: Uniwersytet Gdański. Zeszyty naukowe wydzialu humanistycznego. Historia. 2 (Symposjum historiograficzne. Dzieje Polski na morzu, 26. V 1972). Gdańsk, 1973, s. 25—43.

[529] Acta Tomiciana, t. IV. Posnaniae, 1855, s. 70.

[530] Состав каперов и характер их занятия, на которые они получили официальное разрешение Жигимонта, подчеркивал Амвросий Шторм на переговорах в Копенгагене (HR, Abt. III, Bd. 7, N 429, § 26, S. 769; см. также: Bd. 8, N 162, § 71, S. 196—197, 25 мая—5 июня 1522 г.).

[531] *Allen C. F.* Op. cit., d. II, s. 264; *Boeszoermeny P.* Danzigs Theilnahme an dem Kriege der Hanse gegen Christian II. von Dänemark nach Urkunden des Danzigen Rathsarchives, Erst. Abschnitt. [Danzig], 1860; HR, Abt. III, Bd. 8, N 841, § 7, S. 874, 20 июня—17 сентября 1524 г.

а суда использованы для перевозки датских войск в Швецию. В 1521 г. ивангородский наместник требовал возврата товаров, отнятых поляками на двух бусах на «ореховском рубеже» и позднее захваченных выборгскими властями. Среди пострадавших в 1520 г. были купцы из Великого Новгорода Андрей Яска (Jäske), Гридя Шубов (Subaff), Иван Секирин, Гридя Боков (Bocke). По их словам, слуги польского короля пришли на Неву к Фомину острову и ограбили новгородцев. Часть кораблей была прибита бурей к Выборгу и оттуда отправлена в Стокгольм. Вторую половину этой истории датский наместник Выборга Ролоф Матссон в 1521 г. рассказывал несколько иначе, чем новгородцы. На Неву прибыли один корабль (i skep) и несколько мелких суден, которые подверглись ограблению русских. Корабль принадлежал выборгским жителям. Оказалось, что русские решились на этот шаг потому, что у них были отняты два небольших судна (smaa skwtter). После этого инцидента в Выборг прибыло посольство великого князя и потребовало выдать товары русских [532].

Организованное Жигимонтом каперство на Балтике настолько дезорганизовало всю балтийскую торговлю, что ливонские города подняли голос в защиту русского купечества. На съезде в Любеке 29 мая—11 июня 1521 г. представители Тарту говорили, что гданьчане нанесли ущерб некоторым русским, принадлежащим к купечеству, а великий князь в прошлое рождество прислал в город грамоту, требующую возвращения товаров, захваченных гданьчанами [533]. Представители Таллина обвиняли гданьчан в неожиданном захвате кораблей в Нарве и аресте тех из них, которые были нагружены русскими товарами [534]. Они тоже подчеркивали, что русские потерпели большие убытки от гданьских каперов в Нарве и Таллине. Всем было известно, что гданьчане действовали по приказу польского короля [535]. Ливонские города в 1521 г. потребовали возмещения русским убытков, так как отдавали себе отчет в том, что до того на Руси не будут терпеть никаких немецких купцов [536].

Итогом русско-польско-шведской морской войны 1519 г. было возвращение к исходным рубежам. Русский флот еще не мог противостоять во много раз превосходящим силам гданьчан [537].

---

[532] *Granlund*, d. III, s. 150, 1526 г.; *Grönblad*, N 397, s. 711, 21 августа 1521 г.; РИБ, т. 16, № 10, с. 31, 1521 г. Третья версия ограбления, но не в устье Невы, а в устье Нарвы летом 1520 г. принадлежит таллинскому магистрату (*Hansen*. Regesten, N 171, S. 39, [20 ноября?] 1520 г.).

[533] HR, Abt. III, Bd. 7, N 413, § 217, S. 729—730.

[534] Ibid., N 413, § 218. По-видимому, польские каперы действовали в устье обеих русских рек — Невы и Наровы.

[535] РЛА, с. 329, 345; HR, Abt. III, Bd. 8, N 21, § 2, S. 32—33, январь 1522 г.; Bd. 7, N 370, § 31, N 413, § 218, S. 666, 729—730, 24 февраля—1 марта 1521 г.

[536] HR, Abt. III, Bd. 7, N 413, § 228, S. 731.

[537] Тем не менее появление русских судов на Балтике заставило шведского короля Густава приступить к строительству флота по венецианскому образцу (*Olaus Magnus*. Op. cit., X, 3).

Русским в 1520 г. не удалось прорвать блокаду на Балтике, а их морская торговля снова должна была осуществляться при посредничестве иностранного купечества. 1 сентября 1521 г. магистром и рижским архиепископом был возобновлен договор со Псковом, предусматривавший право свободной торговли с Ригой через Алуксне (Мариенбург), что позволило Руси более уверенно проводить в жизнь программу развития внешней торговли и возбудило большое неудовольствие со стороны остальных ливонских городов, которые решили просить о возобновлении договора с ними на 5 лет [538].

В 1521 г. решался вопрос, в чьи руки перейдет посредничество в русско-европейской балтийской торговле. Вплоть до лета 1521 г. датчане не построили своего двора ни в Новгороде, ни в каком-либо другом русском городе. В 1521 г. из-за серьезных противоречий ганзейцев с Русью, усугублявшихся поддержкой ганзейскими городами сепаратистских устремлений Швеции, над Немецким двором в Новгороде нависла угроза. Ганзейцы опасались, как бы права владения двором не перешли в руки Фуггеров и датчан, чего усиленно добивался Давид Кохран. Рижане предлагали, чтобы даже в случае закрытия двора там постоянно жил один слуга, который бы и защищал его от Фуггеров и датчан [539].

Как и раньше, торговля датчан сопровождалась деятельностью Фуггеров. В мае-июне 1521 г. Рига и Таллин жаловались, что Фуггеры и другие заморские гости привозят серебро, зеркала, галантерею и торгуют с русскими, от которых получают большое число соболей. Их торговля обсуждалась весной 1521 г. на ливонском съезде в Валмиере 25 февраля—1 марта 1521 г. и ганзейском съезде летом того же года в Любеке. Здесь против Фуггеров выступили и представители Тарту [540].

В начале 20-х годов XVI в. ситуация на Балтике переменилась явно не в пользу Дании. После кратковременного овладения Стокгольмом и кровавой бойни, устроенной Густавом Тролле на четвертый день после коронации Христиана II в качестве шведского короля, в антидатское национальное движение включились широкие массы не только феодалов, но и городских ремесленников и крестьянства. Густав Ваза, в 1519 г. бежавший в Любек, в мае 1520 г. вернулся в Даларне и в течение после-

[538] СГГД, ч. V, № 95, с. 87—95; РЛА, № 369, с. 329—340; HR, Abt. III, Bd. 8, N 202, § 7, S. 230, 12, 14 июня 1522 г.; *Hansen.* Regesten, N 195, S. 45, 1 февраля 1522 г.

[539] HR, Abt. III, Bd. 7, N 413, § 210—211, 228, S. 729, 731, 29 мая—11 июня 1521 г.; Bd. 8, N 126, S. 149, до 21 июня 1522 г.

[540] Ibid., N 370, 413, § 211, 288, S. 664, 729, 738, 29 мая—11 июня 1521 г. Последний раз датско-русский экономический союз дал о себе знать в 1522 г. в миссии Паоло Чентурионе, целью которой, по мнению ревельского городского совета, было установление русско-голландских (с Антверпеном) связей при посредничестве Копенгагена (HR, Abt. III, Bd. 8, N 94, S. 98, 26 апреля 1521 г.)

дующих трех лет овладел всей страной[541]. Политика Христиана II вызвала недовольство против него и в самой Дании. Противником Христиана выступил Фредерик I голштинский, избранный датским королем в марте 1523 г. Фредерик I в отличие от своего предшественника тотчас же установил контакт с любечанами и в 1524 г. — с Густавом Вазой, которые обещали ему помощь и поддержку. Христиан II, покинув Данию, сначала бежал в Нидерланды, а затем переселился в Саксонию.

Русь оставалась верна своему союзнику до 1524 г. Последние посольства Давида в Москву относятся к 1521 и 1522 гг. В 1524 г. остатки разгромленного датского войска во главе с Маурицем Ольденбергом и Ролофом Матссоном были пропущены русскими властями из Финляндии в Ливонию и затем дошли до Крулевца[542]. Несмотря на поддержку великого магистра, брауншвейгского и мекленбургского герцога, положение Христиана II не улучшилось. Денег на уплату жалованья войскам не было[543]. Император Карл ограничивался елейным сочувствием Христиану II, но, прежде чем оказывать ему помощь, считал нужным проконсультироваться с папой и английским королем[544]. Тем временем Фредерик голштинский упрочил свою власть в Дании, где и был коронован 7 июля 1524 г., вслед затем Дания вошла в союз с Шотландией, Польшей и ганзейскими городами[545].

Во второй половине 20-х годов XVI в. единственным оплотом Христиана II оставался Северин Норбю. Он занял Готланд, но в сентябре 1524 г. бежал в Висборг, затем в Блекинге. В октябре 1525 г. ему пришлось заключить договор с Фредериком, согласно которому он сохранил Блекинге, откуда в августе 1526 г. его изгнало соединенное шведско-датское войско. На этот раз Норбю бежал на Русь, уводя с собой небольшой флот: корабль, шхуну и две яхты, груженные пушками, пищалями и награбленными у ливонцев, датчан и шведов товарами[546]. Он получил приглашение поступить на службу в качестве военачальника русских войск в Финляндии, где ему было дано поручение ограждать Русь от татарских набегов на южных реках[547]. За отказ от этого

---

[541] *Grönblad*, N 397, s. 710. 21 августа 1521 г.; HR. Abt. III, Bd. 7, N 413, § 210, S. 729, 29 мая—11 июня 1521 г.; Bd. 8, N 94, S. 98, 26 апреля 1522 г.

[542] *Grönblad*, N 420, s. 748, 2 января 1524 г.

[543] Die Korrespondenz Ferdinands I, Bd. I. Wien, 1912, N 50, S. 85, 18 декабря 1523 г.

[544] Ibid., N 62, S. 106, 15 апреля 1524 г.; *Ioachim E.* Op. cit., Bd. III, N 199, S. 342—343, 30 ноября 1524 г.

[545] Die Korrespondenz, N 65, S. 119, 122, 27 апреля 1524 г.; *Ioachim E.* Op. cit., Bd. III, N 186, S. 324—327.

[546] *Granlund*, d. III, anl. N 44, s. 315, 31 августа 1526 г.; *Гансен.* Грамоты, № 21, 23, с. 20, 1527 г.; *Hansen.* Regesten, N 321—323, S. 75—79, 11 ноября 1526 г., 1 января и 1 мая 1527 г.; HR, Abt. III, Bd. 9. München—Leipzig, 1913, N 335, 341, § 5, S. 467—468, 482, 26 октября и 18 ноября—1 декабря 1526 г.

[547] *Granlund*, d. III, s. 315, 9 ноября 1526 г.; HR, Abt. III, Bd. 9, N 354, 358, S. 500, 501, 9 января, 18 февраля 1527 г.

предложения-приказа Норбю угодил в тюрьму и был отправлен в Москву под надзором. Спустя полтора года ему удалось покинуть Русь (в апреле 1528 г.). Так завершились русско-датские отношения, потеря Христианом II власти в Дании временно разрушила создававшийся в течение двадцатилетия союз Руси и Дании.

Наряду с теми политическими тенденциями, которые неблагоприятно сказывались на развитии русской активной торговли, существовали и другие — противоположного свойства. Речь идет о попытках папского престола укрепить русско-датскую торговлю. В конце второго десятилетия Русь привлекла серьезное внимание папского престола как возможный участник в антиосманской борьбе. Поэтому начинание генуэзца Паоло Чентурионе активно вмешаться в ход русской внешней торговли встретило полную поддержку папы. Паоло Чентурионе, получивший в Дании права датского гражданина[548], был снабжен папской грамотой и весной 1522 г. отправился на Русь вместе с последним датским посольством. План Чентурионе в изложении таллинского городского совета выглядел так: открыть датский двор в Новгороде и русский в Копенгагене, чтобы все русские товары переправлялись только в Копенгаген и больше никуда, а оттуда в Антверпен. Таллинский совет утверждал, что город Антверпен пришел к соглашению относительно этого с Фуггерами и датским королем. Соображения таллинцев завершались привычным рефреном — это-де задумано для конечной погибели балтийских городов[549]. Двукратное путешествие Чентурионе в Москву не привело к исполнению плана, предложенного им. Он появился тогда, когда русско-датский союз доживал последние дни.

С середины 20-х годов XVI в. русско-датские отношения временно прекращаются. Поскольку прямые торговые связи Руси и Дании, которым противодействовали Польское королевство, Литовское княжество и ганзейские города, носили в основном государственный характер, то потеря Христианом II государственной власти в Дании, несомненно, должна была привести к сокращению этой торговли. Выделение Швеции в качестве самостоятельного королевства уничтожало одну из предпосылок датско-русского союза. Борьба Дании против самостоятельного Шведского государства была полностью обречена на неудачу. Внутренние распри в Дании лишали ее возможности вмешиваться в международные отношения на Балтике в качестве активной силы.

Явное преобладание Руси в Прибалтике заставило ливонского магистра Плеттенберга и ливонских епископов признать свою «вину», «как было они отложились к польскому королю»,

[548] *Allen C. F.* Op. cit., d. II, s. 272.

[549] HR, Abt. III, Bd. 8, N 21, § 2, 94, S. 32—33, 98, январь и 26 апреля 1522 г.; см. также: *Шаскольский И. П.* Экономические связи с Данией и Норвегией, с. 19.

и снова «добить челом» Василию III. Новое десятилетнее перемирие с Ливонией было заключено новгородскими наместниками Александром Ростовским и Михаилом Морозовым в 1521 г.[550] Новгородские наместники и купеческие старосты подписывали и договор 1 октября 1531 г.[551]

Русь в середине 20-х годов XVI в. взяла курс на урегулирование отношений с Великим княжеством Литовским. В 1525 г. с новым проектом посредничества между Русью и Литвой выступила Империя. Нужда Руси в таком союзнике, как Дания, в середине 20-х годов XVI в. значительно уменьшалась. Переориентировавшись на союз со Швецией, Василий III, вслед за возобновлением шведско-новгородского договора, в 1524 г. разрешил шведам восстановить их (бывший Готский) двор в Новгороде[552]. Установлением прочных контактов со Швецией объясняется создание в 1524 г. дополненного родословия «кролей свизских»[553]. Во второй половине 20-х годов XVI в. русское правительство надеялось на развитие русско-шведской торговли в противовес ганзейско-русской. Действительно, в это время возобновились морские поездки русских, на что в 1530 г. сетовал Таллин[554].

Даже после провозглашения независимости Швеции и коронации Густава Вазы престиж Швеции в глазах великого князя русского не поднялся. Подтверждение 60-летнего договора в 1524 г. было сделано по-прежнему от имени одного Новгорода. Та же традиция была продолжена и позднее. Договаривающейся стороной со Швецией и в 1535, и в 1537 гг.[555] оставался новгородский наместник. Иногда эти факты интерпретируются как доказательство сохранения некоторой самостоятельности Новгорода во внешнеполитических сношениях[556]. Еще большую роль

---

[550] ОАПП, ч. 1, с. 162.

[551] СГГД, ч. V, № 105, с. 109—116. Второй договор был заключен от имени псковских послов (там же, № 106, с. 116—123; РЛА, № 377, с. 358—367).

[552] Договор со Швецией, представленной Эриком Флемингом, в 1524 г. заключали новгородский наместник Иван Иванович Оболенский и дворецкий Иван Константинович Сабуров (ОАПП, ч. 1, с. 165, 244). Текст договора см.: *Rydberg*, d. IV, Stockholm, 1888, N 16, s. 74—76. О дворе см. переговоры 1526 г.: ibid., s. 79, 81.

[553] ГБЛ, Рум., № 349, л. 287—288 об.; ОАПП, ч. 1, с. 244—245.

[554] Об одном из конфликтов известно из статейного списка переговоров Эрика Флеминга на Руси в 1526 г. Это шведское посольство было задержано из-за ареста 10 русских купцов в Лапландии и захвата у них товаров на 100 новгородских рублей и 76 рейнских гульденов (renis) (*Rydberg*, d. IV, N 16, s. 84). О возобновлении русских поездок см.: HR, Abt. III, Bd. 9, N 575, S. 686, февраль 1530 г. Впрочем, помощи в восстановлении Немецкого двора Таллин ждал от шведского короля (ibid., N 588, § 23, S. 701, 26 мая—20 июня 1530 г.).

[555] *Каштанов С. М.* Борьба за Углич и древнейшие писцовые описания Угличского уезда. — В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978, с. 215—218.

[556] *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957, с. 13, 206—208.

играло при этом желание русских великих князей подчеркнуть некоторую неравноправность партнеров. В истории русских внешних сношений Руси подобные факты — не исключение: и Швеция, и Ливония оказались приравненными к одной из земель, вошедших в состав Русского государства. О той же неравноправности говорит и сама процедура заключения новгородско-шведских договоров. Крест от имени Новгорода целовали лишь купеческие старосты, и во времена самостоятельности принимавшие участие в заключении новгородско-шведских договоров (это были в 1482 г. Назарий Федосеевич («Подовиске») и Ефрем Фомич, в 1487 г. — Иван «Плосарвич», Микита Леонтьевич, в 1497 г. — купеческие старосты Фома Данилович Саларев и Иван Елизаров, в 1504 г. — Ф. Д. Саларев, Владимир Никитич Тараканов, Алексей Григорьевич Корюков, в 1510 г. — Ф. Д. Саларев и Василий Никитич Тараканов, в 1513 г. — Василий Тараканов «бургомистр»). Наместники лишь скрепляли договор своей печатью. Шведские послы в Новгороде и целовали крест, и прикладывали свои печати. При ратификации договоров в Швеции наместники, а затем и шведский король (в 1527 г.) в присутствии русских послов целовали крест и скрепляли договор своей печатью. Шведский король оказался приравненным к новгородским наместникам русского князя.

Одновременно с ратификацией новгородско-шведского договора 1524 г. в Москве, куда осенью 1526 г. прибыл Эрик Флеминг, и в Стокгольме, где в 1527 г. находилось русское посольство, снова встал вопрос о границах. Русские так же последовательно, как во времена Ганса и Христиана II, настаивали на восстановлении «старины», т. е. границ по Ореховецкому договору. К прежним осложнениям добавились и новые. В районе Карелы и Орешка появились поселения Новая вода, Пуровеси, Савкосари, Пелтосари, Пеинсари и др. Кроме того, в 1525—1526 гг., т. е. после заключения новгородско-шведского договора в Лапландии (Лопском погосте Вотской пятины), были убиты два русских сборщика дани — некие Габриель Зигфрид и Максим Окулов (Максимус Окулави), дань в размере 150 новгородских рублей была отнята. Шведы же со своей стороны жаловались на ущерб, нанесенный неким Иваном Яковлевичем (Jffuan Jakobsson), жертвой которого стали 30 бондов и их имущество [557].

Дания под руководством нового голштинского короля пыталась возобновить связи с Русью и устанавливала контакты со Швецией. Датский посол Мартын побывал в Москве в 1528/29 г.[558] В 1527 г. был заключен датско-шведский договор, согласно которому датчане получили право свободной торговли в Стокгольме,

[557] *Granlund*, d. IV, s. 411—412, 12 апреля 1527 г.; *Rydberg*, d. IV, N 16, s. 78, 79, 82—83, 87. О положении Карелии в изучаемое время см.: *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1937, с. 33—43.

[558] ОАПП, ч. 1, с. 182.

Кальмаре, Або и т. д., беспошлинного провоза байской соли на территорию Швеции.

В конце изучаемого периода Русь достигла большого успеха в отношениях с Ливонией. В 1531 г. ливонский магистр, рижский архиепископ, юрьевский епископ и вся Ливония возобновили перемирие (на этот раз на 20 лет) с новгородским и псковским наместниками на новых условиях: «чтоб им быть под государевою рукою и во всем бы их ноугородцким и псковским наместником от их недругов оберегать» [559].

Стабилизация отношений балтийских держав во второй половине 20-х годов XVI в., основой которой были иные, чем в предшествующее десятилетие, контакты, способствовала развитию русской торговли в Ливонии и Швеции [560].

В изучаемое время ясно определилась ведущая роль Русского государства в решении балтийского вопроса, в 90-х годах завязался тот клубок противоречий на Балтике, который послужил причиной войн XVI—XVIII вв. Стала очевидной объективная необходимость поддержания постоянных торговых контактов с Русью для городов Прибалтики, таких, как Таллин, Тарту, Нарва.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕ XV в.

С 1453 г. место недавно могущественной Византийской империи на Балканском полуострове заняла Османская империя, военно-феодальная держава с автократической властью, источником обогащения господствующего класса в которой была дань с покоренных народов [561].

В конце XV—начале XVI в. Юго-Восточная Европа переживала тяжелые испытания. Ожесточенное сопротивление славянских, венгерского, молдавского народов не могло сломить силы турок. Почти вся территория южных славян, православных по своему вероисповеданию, оказалась под гнетом Османской империи (Болгария — с 1369 г., Сербия — с 1459 г.) [562]. Развитие экономики Болгарии было задержано. Столица государства Тыр-

---

[559] Там же, с. 163; СГГД, ч. V, № 106, с. 116—123; РЛА, № 377, с. 358—367.

[560] Подробнее см. с. 64.

[561] *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II. М., 1946, с. 171; *Hammer J. v.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. 2—3. Pest, 1827—1828; *Zinkeisen J. W.* Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, Th. 2. Gotha, 1854; *Jorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. II. Gotha, 1909.

[562] *Zinkeisen J. W.* Op. cit., Th. 2, S. 375—378; *Babinger F.* Mehmed der Eroberer und seine Zeit. Wetenstürmer einer Zeitenwende. München, 1953; *Idem.* Beiträge zur Frühgeschichte der Türkenherrschaft in Rumelien (14—15. Jahrhundert). Brünn — München—Wien, 1944.

ново и другие крупные города были разорены и сожжены[563]. Население массами уводилось в плен. Султанская казна, получая доходы (мыт) с торговли рабами, нашла себе в ней постоянный источник обогащения. Османы использовали резкое сокращение населения для колонизации опустевших земель Фракии, Македонии, района Пловдива, Стары Загоры и Софии. Резко падало число жителей в городах, откуда изгонялось коренное торгово-ремесленное население, за исключением богатейшего слоя «вельмож» и «первенцев». В огне исчезали сокровища болгарской культуры. По словам Каллимаха Буонаккорзи, посетившего Болгарию в 1487 г., положение ее населения было трагичным[564]. Болгары находились в нищете и бесправии. Они не имели права носить оружие, выступать свидетелями в суде. Они подвергались религиозному гнету, особенно при Селиме I. К концу XV в. терпение болгар начало истощаться. Каллимах писал в 1487 г., что «болгары чрезвычайно нетерпеливо ожидают своего освобождения и не желают более терпеть тяжелое рабство»[565].

Сербия находилась в несколько лучшем положении. До 1459 г. она управлялась собственными деспотами. В конце XV—начале XVI в. положение сербского населения не было столь бесправным, как болгарского. Часть омусульманившихся сербов поступала на службу к султану, в том числе дипломатическую[566]. Окончательное господство османов началось в Сербии после захвата ими Белграда в 1521 г. Но и здесь зрели условия для открытых выступлений. Во всех славянских странах тема антиосманской борьбы была главной темой современной литературы[567].

Наряду со славянскими странами жертвой нападений стали Венгрия, Молдавия, итальянские города. Все они вели активную, но неравную борьбу против Османской империи. Морская война Венеции в союзе с Молдавией и Персией против Османской империи (1463—1479 гг.)[568] привела к потере бывшей владычицей Средиземного моря островов Лемнос и Скутари[569].

Туркам в 1475 г. удалось захватить Каффу, крупный торговый пункт на Черноморье, где осуществлялись непосредственные контакты русских и итальянских, по преимуществу генуэзских

---

[563] *Митев И.* Кратка история на българския народ. София, 1951, с. 80—96.
[564] *Кесяков Х.* Положението на България към края на 15 в. — В кн.: Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. VI. София, 1891, с. 181.
[565] Там же, с. 179.
[566] *Лавров П. А.* На каком языке были написаны грамоты турецкого султана Селима к великому князю Василию Ивановичу? — ИОРЯС, 1896, т. I. кн. 3, с. 543—548.
[567] *Голенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское возрождение и славянские литературы XV—XVI вв. М., 1963, с. 57—58, 109, 124, 154, 178, 190, 308, 318—320.
[568] *Jorga N.* Op. cit., Bd. II, S. 3—38.
[569] *Heyd W.* Histoire du commerce dans le Levant au Moye-nâge. Leipzig, 1939, p. 329.

кущов. Место «кунсолоса»[570] занял турецкий паша[571]. Для Руси наиболее важным результатом перехода Каффы в руки османов, с болью отмеченного в разных концах страны[572], было расширение сферы торговли русскими рабами, продаваемыми крымскими татарами за море[573]. Их набеги обескровливали южную окраину Руси, как Польши и Великого княжества Литовского. В конце XV в. вырисовывалась угроза непосредственного нападения Османской империи на восточноевропейские государства[574].

Вплоть до 90-х годов XV в. Русь не имела прямых связей с Османской империей. Для нее восточный вопрос в то время сводился к отношению к Крымскому ханству, вассалу Османской империи (правда, проводившему по отношению к Руси самостоятельную политику)[575], отношению к константинопольской патриархии — единственному институту поствизантийского мира[576], по-прежнему претендовавшей на господство в православном мире, но подчинившейся султанской власти, охране границ от татарских набегов.

Отношения с Крымским ханством складывались благоприятно. В 1474 г. Никита Беклемишев от имени Ивана III заключил с Менгли-Гиреем союз, действие которого должно было распространяться на детей и внуков великого князя. Условия его были очень выгодны для Руси. «А пошлинам даражским и иным всем пошлинам никоторым не быти», — провозглашала шертная грамота[577]. Основой русско-крымского союза была борьба против Большой Орды и ее наследников. В 1480 г. Русь полностью покончила с зависимостью от ханов Большой орды.

---

[570] Сб. РИО, т. 41, № 1, 2, с. 8—12, март 1474 г., 12 марта 1475 г.

[571] *Unrest J.* Oesterreichische Chronik. Weimar, 1957, S. 49.

[572] ПСРЛ, т. XVIII, с. 250; т. 28, с. 138, 303, 304; т. XXIV, с. 194—196, т. XII, с. 157; т. 27, с. 279; ПЛ, вып. 2, с. 199; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, с. 131; см. также: ПСРЛ, т. 32, с. 91.

[573] *Ламанский В. И.* Могущество турок-османов в Европе (1396—1739). СПб., 1880, с. 22—23.

[574] *Hösch E.* Die Stellung Moskoviens in den Kreuzzugsplänen des Abendlandes. Bemerkungen zur griechischen Emigration in Moskau des ausgehenden 15. und beginnenden 16. Jahrhunderts. — JGO, 1967, Jg. 15, H. 3, S. 323.

[575] ПСРЛ, т. XXIV, с. 235; *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 148—153; *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887; *Малиновский А.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 г. по 1533 г. — Записки Одесского общества истории и древностей, 1863, т. 5, с. 7.

[576] О византийских традициях в Османской империи см.: *Iorga N.* Byzance apres Byzance. Bucarest, 1971.

[577] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 103—105; ПСРЛ, т. XVIII, с. 249; СГГД, ч. V, № 1, с. 1; Сб. РИО, т. 41, № 1, с. 1. Заключение русско-крымского союза привело к ухудшению крымско-литовских и крымско-польских отношений (*Kolankowski L.* Obrona Rusi za Jagiellonów na przełomie XV i XVI wieku. — In: Księga pamiątkowa ku czci Boleslawa Orzechowicza, t. I, Lwów, 1916, s. 466—468; *Koneczny F.* Sprawy z Mengli-Girejem 1473—1504. — AW, Wilno, 1927, t. IV, s. 138—189, 287—341).

Несколько сложнее были отношения с патриархией. Существовавшее со времен Флорентийской унии противоборство русской и константинопольской церкви обострилось в связи с попыткой Григория Цамблака получить власть над русской церковью. Поставление константинопольским патриархом Дионисием Григория Цамблака в митрополиты всея Руси в 1470 г. натолкнулось на упорное сопротивление Ивана III и митрополита Филиппа. Церковный собор в Москве объявил патриарха «от себя... чюжа и отречена»[578]. Смерть новгородского архиепископа Ионы 5 ноября 1470 г., в то самое время, когда в Новгород двигались посол Григория Мануил и посол патриарха, склонявшие новгородцев к признанию Григория Цамблака, обострил отношения с патриархом. Избрание в новгородские владыки Феофила[579] временно сняло этот вопрос.

Следующий конфликт русской и константинопольской церквей произошел в 1474—1475 гг. Вскоре после смерти митрополита Филиппа, последовавшей 5 апреля 1473 г., на его место был возведен Геронтий (4 июня), поставленный 29 июня[580]. Патриарх Рафаил в это же время вместе с султаном Мухаммедом II поставил в русские митрополиты Спиридона-Савву, тверича по происхождению, прибывшего в 1476 г. в Литву и в 1482 г. заточенного там, вероятно, в связи с заговором русских князей. Поставление Спиридона-Саввы на Руси считалось незаконным, почему и в присяге митрополитов появилась знаменитая формула о непризнании митрополитов, поставленных в «Константинополе». Этим неприятием до 90-х годов XV в. исчерпывались все «прямые» связи Руси с Османской империей.

Восточный вопрос для других стран Европы в это время был вопросом сохранения их территориальной целостности, решавшимся как военным, так и дипломатическим путем. После неудачной войны 60—70-х годов XV в. европейские страны сделали решительный поворот к примирению с Османской империей[581].

Первой европейской страной, осознавшей необходимость установления дружественных или хотя бы добрососедских отношений с Османской империей для своего нормального развития, была Венеция. В 1483 г. она заключила перемирие с султаном. Одновременно это же сделала и Венгрия, а на следующий год их примеру вынуждена была последовать и Молдавия. В 1496 г. активные сношения с Османской империей завязал миланский герцог

---

[578] ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 80, с. 38—39; РИБ, т. VI, № 100, стб. 711; *Макарий* [*Булгаков*]. История русской церкви, т. IX. СПб., 1879, с. 37; *Голубинский Е. Е.* История русской церкви, т. II, пол. 2. М., 1911, с. 533—536.

[579] АИ, т. I. СПб., 1841, № 280—281, с. 512—519; РИБ, т. VI, № 102.

[580] *Голубинский Е. Е.* Указ. соч., т. 2, пол. 2, с. 608.

[581] *Garbaczik J.* Problem turecki w polityce państw europejskich na przełomie XV i XVI w. — In: Powszechny ziązd historików polskich. Historia Polski od połowy XV do połowy XVIII w. Warszawa, 1960.

Лодовико Моро, чтобы разрушить союз венецианской синьории с французским королем [582]. Женитьба Максимилиана на Бьянке-Марии Сфорца возлагала тем самым на Империю ответственность за дальнейшее существование герцогства. И вслед за Миланом в 1498 г. Максимилиан отправил свое первое посольство с целью заключения перемирия или мира с султаном [583].

Ради стабилизации своих внешнеполитических дел на Средиземноморье и континенте Венеция 20 мая 1503 г. заключила десятилетнее перемирие с Османской империей. Такое же перемирие заключила и Венгрия в 1503 г. От этих стран не отставала и Польша, с 1486 г. при венецианском посредничестве установившая контакты с Османской империей, а в 1489 г. заключившая договор [584]. Примеру Польши последовало и Литовское княжество.

В течение 80—90-х годов XV в. Менгли-Гирей прилагал немалые усилия, чтобы установить дружественные отношения Османской империи с Русью. В сентябре 1486 г. он уверял, будто «турской потому хочет дружбы и братства, как яз с великим князем живу». Каффинский паша вел переговоры с Федором Курицыным, настаивая на необходимости контактов [585]. В октябре 1487 г. Менгли-Гирей предлагал Ивану III отправить послов в Стамбул, обещая, что в результате будут урегулированы торговые отношения и уничтожена «зауморщина» [586]. В 1491 г. султан Баязид потребовал, чтобы последние ордынские ханы «с... Поля (Дикого поля. — *А. Х.*) пошли прочь» [587]. И интересы торговли, и союз султана с Менгли-Гиреем, союзником Ивана III, и поддержка Османской империей борьбы Руси и Крыма против последних золотоордынских ханов — все это способствовало осуществлению замысла Менгли-Гирея. Верный своему союзу со Стефаном Иван III и фактический руководитель внешней политики Руси И. Ю. Патрикеев долго откладывали отправку посольства в Стамбул [588]. В августе 1492 г. по просьбе Менгли-Гирея было направлено послание Баязиду с объяснением причин, по которым русские купцы не приехали в 1492 г. в Каффу, отчего султан якобы потерпел убыток на 160 тыс. алтын [589]. В 1496 г. на Русь отправились посол султана и его зятя Бери-Ахмата-паши и «волошского воеводы человек Иван». Послы были задержаны в Литовском княжестве [590].

---

[582] *Babinger F.* Aufsätze und Abhandlungen zur Geschichte Südosteuropas und der Levante. München, 1962, S. 256.
[583] Ibid., S. 274, Anm. 1.
[584] Materialy, N 1—2, s. 1—9; Сб. РИО, т. 35, № 31, с. 171.
[585] Сб. РИО, т. 41, № 13, с. 51, сентябрь 1486 г.
[586] Там же, № 20, с. 74.
[587] Там же, № 31, с. 118, октябрь 1491 г.
[588] Там же, № 36, с. 162—163, 31 августа 1492 г.
[589] Там же, № 35, с. 155—156, июнь 1492 г.
[590] Там же, т. 35, № 31, с. 171—172. В состав турецкого посольства входил и Иван Сербин.

В 1498 г. первый русский посол Михаил Андреевич Плещеев добрался до Стамбула [591], где, по словам Берсеня Беклемишева, получил приглашение «ссылаться» с каффинским пашой сыном Баязида Мухаммедом (1495—1503) [592]. Посол Мухаммеда Салыхда Аларко побывал в Москве в октябре 1499 г. 16 марта 1500 г. он уехал с русским послом Андреем Семеновичем Кутузовым-Лапиным.[593]. Таким образом, 1498—1499 гг. можно датировать смену позиции Руси в вопросе сношений с Османской империей. Разрыв со старым союзником — волошским воеводой Стефаном, опала сторонников русско-волошского союза Патрикеевых привели к изменению курса в восточном вопросе. В 1500 г. епископ кальенский распространял по всей Европе слух, будто «московиты в союзе с турком» [594]. Это никого не могло удивить.

В 1500 г. соглашения с Османской империей заключили Польша (повторившая его в 1503 г.) и некоторые итальянские государства [595]. В самой же Османской империи к Руси относились настороженно. По словам французского посла, находившегося в 1500 г. в Стамбуле, султан полагал, что «папа, король и королева Испании, король Португалии, Англии, Шотландии, Маркии, Венгрии, России — все это союзники короля (французского. — *А. Х.*)» [596]. Действительно, связи Руси с государствами, ведшими борьбу против Османской империи, давали основание предполагать, что и Русь принадлежала к антиосманскому лагерю. Приход посла каффинского паши Алакозя «о любви», по-видимому, не привел к заключению письменного соглашения [597]. Смерть Мухаммеда в 1503 г. и смена власти в Каффе сопровождались временным прекращением русско-каффинско-турецких отношений [598]. В 1503 г. вместе с русским послом из Каффы не поехал представитель султана [599]. Тем не менее Османская империя не была настроена враждебно к Русскому государству [600].

---

[591] Об этом посольстве см.: Сб. РИО, т. 41, № 50, 54, с. 231—235, 241—249. О его отправке см.: там же, т. 35, № 43, с. 222, май 1496 г. Дж. Феннел датирует его 1498 г. (*Fennell J. L. I.* Op. cit., p. 186). Султановы паши в 1498 г. заявляли, что до сих пор послы «от великого князя не прихаживали» (Сб. РИО, т. 41, № 58, с. 264—265, август 1498 г.).

[592] ААЭ, т. I, № 172, с. 143, февраль 1525 г.

[593] ПСРЛ, т. 28, с. 332.

[594] *Sanuto M.* Op. cit., v. III, p. 1549, 13 марта 1501 г.

[595] Ibid., p. 559, 804, 29 июля 1500 г., январь 1503 г. О соглашениях 1500 г. см.: Сб. РИО, т. 41, № 90, с. 480.

[596] *Sanuto M.* Op. cit., v. III, p. 559, 29 июля 1500 г.

[597] ПСРЛ, т. 28, с. 335.

[598] Все паши и шубаши по распоряжению Баязида были арестованы (Сб. РИО, т. 41, № 90, с. 480).

[599] Ухудшились и отношения с Крымом. В ноябре 1504 г. Менгли-Гирей решительно заявил претензии на Киев, признавая притязания Ивана III на Путивль и Чернигов (там же, № 100, с. 539).

[600] Иван III в 1501 или 1502 гг. обращался с просьбой к каффинскому «султану» уплатить Стефану волошскому долг за послов Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова (там же, т. 95, № 2, с. 22—23, октябрь 1508—январь 1509 г.). Летом 1503 г. русские доводили до сведения ли-

Каким образом складывались отношения русской и константинопольской церквей в 90-х годах XV в., сказать трудно. Смерть митрополита Геронтия, последовавшая 28 мая 1489 г., сделала злободневным вопрос о замещении русской митрополии. Поставление Зосимы произошло с большой задержкой — только 26 ноября 1490 г. Предпринимала ли патриархия какие-либо акции, неизвестно [601].

Возведение следующего митрополита Симона продолжалось так же долго — от 19 мая 1494 г. до 6 сентября 1495 г. Поставление Симона (в особенности вновь введенное шествие на осляти) [602] было обставлено подобно поставлению патриарха. В 1495 г. русские церковные и светские власти сделали заявку на упаследование обычаев и прав патриархии.

У кормила власти на Руси в это время находились князья Иван Юрьевич и Василий Иванович Патрикеевы и группировка так называемых московских еретиков во главе с Федором Курицыным. Борьба за автокефалию русской церкви, как и попытки установить династические связи с сербскими деспотами, — дело рук этой группировки, центром которой была Елена Стефановна Волошанка.

Потеря государственной самостоятельности славянскими странами немало затруднила сношения Руси с ними [603]. К установлению связей с Сербией Русское государство побуждали не только традиция многовековых русско-славянских связей и твердо державшиеся на протяжении всего средневековья представления о единстве русского и сербского народов — в начале 70-х годов XV в. их объединяли и некоторые династические связи. Женой сербского деспота Лазаря была Елена, сестра Зои Палеолог, которая, правда, с 1459 по 1497 г. находилась в Италии под покровительством папы [604].

Попытку восстановить отношения с сербским правящим домом Иван III предпринял в 1503 г., когда просил Елену Ивановну, королеву польскую, узнать, нет ли в Сербии в роде деспотов подходящей невесты для Василия [605]. У Георгия Стефановича, в постриге Максима, детей не было. Иоанн Стефанович (деспот

товского князя, что султан и каффинский «шихзода» — друзья Ивана III (там же, т. 35, № 76, с. 429, май—сентябрь 1503 г.).

601 1 сентября 6997 г. датирован странный документ: «Список с патриарши грамоты царегородского патриарха Филофея — поставление на митрополью Фатея митрополита», хранившийся в архиве Посольского приказа (ОАПП, ч. 1, с. 70). Если речь шла о Фотии (1404—1432), то не могло быть Филофея (1354—1355, 1364—1376).

602 *Голубинский Е. Е.* Указ. соч., т. II, пол. 2, с. 608.

603 *Ангелов Б.* О русско-болгарских связях в XV—XVIII вв. — СС, 1968, № 2, с. 57—64.

604 *Jorga N.* Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. II, S. 105, 109; *Babinger F.* Ein weiteres Sultansbild von Gentile Bellini aus russischem Besitz. Wien, 1962, S. 11—12.

605 Сб. РИО, т. 35, № 76, с. 426, № 77, с. 443, май, ноябрь 1503 г.

1485 — 10 декабря 1502 г.), женатый на Елене, дочери Стефана Якшича, имел трех дочерей. Мария вышла замуж за волошского воеводу Петра, две другие стали женами князей Ивана Вишневецкого и Федора Владимирского [606]. Елена так и не смогла «допытати» «про Стефановы дети деспота сербьского» [607]. Попытка Ивана III женить Василия Ивановича на наследнице сербского деспота показывает заинтересованность Руси в упрочении и развитии русско-сербских связей.

Итак, на протяжении конца XV в. определился круг вопросов, которые противопоставляли Русь Османской империи или способствовали их контактам. К первым принадлежал вопрос об автокефалии русской церкви, связи со славянскими народами, ко вторым — союз с Крымским ханством и интересы русской внешней торговли. Противостояние русской церкви константинопольской патриархии пыталось использовать и папство, остро ощущавшее последствия расширения мусульманской Османской империи.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ИТАЛИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XV в.

Со времен Флорентийской унии Италия проявляла живейший интерес к новому, быстро растущему восточноевропейскому государству. Две крупные политические силы Италии — папская курия и североитальянские города (в первую очередь Милан, позднее Венеция) — стремились использовать Русь для борьбы с Османской империей.

Шестидесятые годы XV в. характеризуются связями Руси с Миланом, входившим в состав Священной Римской империи и управлявшимся в это время герцогами Сфорца. Папский престол поощрял упрочение их отношений с Русью. Установлением связей Москвы с Миланом эти города обязаны посредничеству Ралевых. В 50—60-х годах XV в. Ралевы часто путешествовали по Восточной Европе, заходя и в Ливонию, где они были приняты как нищие [608]. Тогда же Ралевы исполняли поручения великого князя Василия II. Весной 1461 г. в Милан в качестве посланца «деспота России» прибыл Николай Ралев, представившийся Франческо Сфорца, который снабдил его рекомендательными письмами

---

[606] *Стојановић Љ.* Стари српски родослови и летописи. Београд—Ср. Карловци, 1927, с. 43, 55—56.

[607] Сб. РИО, т. 35, № 77, с. 452—453, ноябрь 1503 г.

[608] В 1457 г., незадолго до 17 апреля, рижский городской совет выделил 5½ марок «греческому нищему» Петру Ралеву (*Bulmerincq A. v.* Kämmerei-Register der Stadt Riga 1348—61 und 1405—74, Bd. I. München—Leipzig, 1909, S. 268). В 1463 г. в Литве и Ливонии снова появились Петр Гречин и Андрей Грек (LECUB, Abt. I, Bd. III. Riga—Moskau, 1910, N 204, S. 120—121).

к своему представителю в Риме и ряду церковных деятелей [609]. По мнению некоторых историков (в том числе и издателя этих документов Дж. Барбьери), целью поездки Ралева была организация совместных мероприятий против османов. В конце 50-х годов в Москве появился денежный мастер Яков Фрязин, с которым в 1463 г. переписывался Джованни да Чернуско, получивший у него в долг 300 дукатов [610]. О дальнейших отношениях Руси с Италией до 1468 г. нельзя сказать ничего определенного. 1468—1472 гг. были заняты оживленными переговорами по поводу предстоящего брака Ивана III и Зои Палеолог.

Династические связи были наиболее свойственной средневековью и наиболее легкой формой установления отношений между отдельными государствами (их широко использовали Габсбурги в своей внешней политике). Иван III ясно осознал значение династических союзов для поднятия международного престижа государства и весьма настойчиво проводил политику их заключения. Первым из серии брачных союзов, заключенных представителями великокняжеской семьи, был его собственный. Это был вполне традиционный брак. Великие князья и до него стремились завязать отношения с византийским домом. Наследник византийского престола, впоследствии император Иоанн VIII, был женат первым браком на великой русской княжне Анне Васильевне (1411 г.). Племянница последнего и предпоследнего императоров Константина XI и Иоанна VIII, дочь морейского деспота Фомы Палеолога и племянница другого — Дмитрия Палеолога-деспина Зоя никогда в Константинополе не жила. Фома Палеолог бежал из Мореи на остров Корфу, куда он привез и высоко почитавшуюся в Морее святыню — голову Андрея Первозванного. Зоя (родилась или в 1449 г., или около 1443 г.) [611] провела детство в Морее, ее настоящей родине (ибо и мать ее Екатерина была дочерью морейского князя Захария III), и на острове Корфу [612]. В Рим 16- или 8-летняя Зоя Палеолог с братьями Андреем и Мануилом приехала после смерти отца в конце мая 1465 г. Зоя считалась в Риме католичкой [613]. Палеологи поступили под покровительство кардинала Виссариона, который до Флорентийского собора был никейским митрополитом, но, приняв унию, остался

---

[609] *Barbieri G.* Op. cit., p. 19—21, 80; *Рутенбург В. И.* Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 458. Подробнее о миссии Николая Ралева см.: *Скржинская Е. Ч.* Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию? (К истории итало-русских связей в XV в.). — В кн.: Проблемы истории международных отношений. М., 1972, с. 277—278.

[610] *Barbieri G.* Op. cit., p. 19—21; *Рутенбург В. И.* Указ. соч., с. 458.

[611] Вторую дату принимает Бабингер (*Babinger F.* Ein weiteres Sultansbild, S. 10).

[612] *Хрептович-Бутенев К. А.* Флоренция и Рим в связи с двумя событиями из русской истории XV в. М., 1909, с. 30.

[613] Там же, с. 30, 32.

в Риме, а после смерти последнего константинопольского патриарха Исидора в 1462 г. получил это звание. Виссарион до своей смерти в ноябре 1472 г. в Равенне сохранил симпатии к грекам. Константинопольский патриарх и кардинал Виссарион пытался возобновить унию с Русью с помощью бракосочетания[614]. Не исключено, что Виссарион надеялся на участие Руси в крестовом походе против османов, который он стремился организовать в 1468—1471 гг.[615]

Историки давно спорят о том, кто был инициатором заключения этого брака. П. Пирлинг считал — что Москва[616], Е. Е. Голубинский[617] и И. Б. Греков[618] приписывают инициативу Риму.

25 апреля 1467 г. Иван III овдовел. Его первая жена, Мария Тверская, умерла, как утверждает митрополичий свод, «от отравы»[619]. Великокняжеские летописи (начиная со свода 1472 г.[620] и более поздние великокняжеские своды)[621] открывают историю заключения брака 11 февраля 1469 г., когда в Москву от кардинала Виссариона прибыл посол Юрий Грек. Он привез «лист» неизвестного автора, в котором сообщалось о пребывании в Риме Софьи Палеолог. «Деспота яморейского Фомы Ветхословца от царства Костянтина града дщерь его Софиа именем православная христьянка» так предана православию, что отказала двум женихам, которых летописец называет королем французским и великим князем миланским («меделянским») (вместо кипрского короля Якова II Лузиньяна и князя Караччиоло). Автор «листа» предлагал: «Аще восхощеши поняти ея, то аз учиню ея в твоем государьстве»[622].

В этом первом сообщении о переговорах по поводу брака обращает на себя внимание подчеркивание православия невесты, с греческого переведена на русский даже фамилия Палеолог (Ветхословец), невеста названа именем Софья, а не Зоя, под которым она была известна в Риме, наконец, инициатива приписывается кардиналу Виссариону. Не случайно именно его посол сделал предложение о браке. Два же итальянца (Карло делла Вольпе и Антонио Джислярди), приехавшие вместе с Юрием Греком, оказываются, по изложению летописи, непричастными к этим переговорам. Ту же тенденцию обнаруживает попытка летописи скрыть имя автора послания, принадлежавшего, по-видимому, папе, который имел власть «учинять» кого-то в «государьстве».

---

[614] *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 166—167; см. также: *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959, с. 228—233.
[615] *Vast H.* Le cardinal Bessarion (1403—1472). Paris, 1878, p. 379—403.
[616] *Пирлинг П.* Россия и папский престол, т. I. М., 1912, с. 71.
[617] *Голубинский Е. Е.* Указ. соч., т. II, пол. 2, с. 542—543.
[618] *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 165.
[619] ПСРЛ, т. VI, с. 186.
[620] Свод 1472 г. — там же, т. 26, 27; ГБЛ, ф. 178, № 3271. Свод 1479 г. — ПСРЛ, т. XXV; ЦГАДА, ф. 181, № 20/25.
[621] Свод 1477 г. — ПСРЛ, т. 28.
[622] ПСРЛ, т. 26, с. 225; т. 27, с. 126.

Вероятно, при составлении свода в 1472 г., основавшего традицию в изложении этого события, были веские причины умалчивать истину о заключении брака.

По итальянским источникам известно о выдаче папой 48 дукатов Юрию Греку и Николо Джислярди 10 июня 1468 г., названных в папской канцелярии послами Вольпе, «обитающего в Москве» [623]. Предполагать, что они постоянно живут в Русском государстве, трудно. 10 июня 1468 г. речь могла идти либо о возвращении их в Рим, либо об отправке их в Москву.

После «думы» о предложении посла Виссариона с митрополитом Филиппом, матерью и боярами, обнаружившей единство взглядов глав светской и духовной власти, Иван III отправил «к папе Павлу и к тому гардиналу Висариону» своего «фрязина», Джан Баттисту делла Вольпе, 3 марта (согласно своду 1472 г.) [624] или 20 марта 1469 г. (согласно своду 1479 г.) [625] с целью «царевну видети». Посольство было успешным. Своды 1472 и 1479 гг. подчеркивают, что папа «много чтил» фрязина и предложил, чтобы за невестой приехали бояре самого великого князя, а посему «листы свои дал... таковы, что послом великого князя ходити добровольно два году по всем землям, которые под его папежство присягают» [626].

Судя по тому, что о посольстве Вольпе в Рим летописи сообщают под 1469 (6977) г., фрязин вернулся скоро, но в Москве он мог появиться не ранее ноября 6978 г. (из расчета — четыре месяца для проезда туда и четыре обратно).

Поскольку ни в 1470, ни в 1471 г. послы Ивана III не поспешили за невестой, из Италии прибыло новое посольство. Вместе с Антонио Джислярди, уже побывавшим на Руси, венецианский сенат направил Джан Баттисту Тревизана к хану Большой орды Ахмату для заключения союза с ним против Османской империи. По дороге венецианские представители должны были посетить Москву, а Антонио — передать папскую грамоту с новым приглашением приехать за невестой и новую охранную русским послам: «ходити до Рима по всей земли латинской немецькой и фрязской и по всем тем землям, котории земли под его папежство присягают» — теперь уже «до скончания века» (или «мира»). Венецианские послы, покинувшие родину 2 апреля, прибыли в Москву 10 сентября 1471 г.[627]

На сей раз великий князь после очередного совещания с митрополитом, матерью, боярами и братьями в январе 1472 г. отправил фрязина к папе и кардиналу Виссариону. К этой поездке

---

[623] *Пирлинг П.* Указ. соч., т. I, с. 170; *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège, t. I. Paris, 1896, p. 132—133; *Пирлинг П.* Россия и Восток. СПб., 1892, с. 24. Вольпе уехал из Виченцы в 1455 г. (там же, с. 31).

[624] ПСРЛ, т. 26, с. 225; т. 27, с. 126.

[625] Там же, т. XXV, с. 281; т. XII, с. 120.

[626] Там же.

[627] Там же, т. 26, с. 243; т. 27, с. 136; т. 28, с. 129; т. XXV, с. 292.

относится знаменитый казус с подделкой великокняжеской грамоты, адресованной преемнику Павла II, умершему 28 июля 1471 г. В Москве стало известно, что нового папу зовут Калистом, а на самом деле он оказался Сикстом [628].

23 мая 1472 г. посольство прибыло в Рим, где было торжественно встречено. 25 мая послы вручили папе два сорока соболей [629]. 24 (28) [630] июля Софья покинула Рим в сопровождении папского легата Антонио Бонумбре, посла «царевичей» Андрея и Мануила Палеологов Дмитрия Ралева [631]. Кортеж двинулся «все областию папежскою» к морю: новым путем к Любеку, а не сушей, через Литву и Польшу, как ездили до того. 30 октября невеста покинула Новгород Великий, а 12 ноября произошло бракосочетание.

Несколько иную версию переговоров излагает под 6980 г. митрополичий свод, приписывающий инициативу переговоров фрязину. Этот свод знает только одного фрязина в отличие от великокняжеского свода, который упоминает Ивана Фрязина — Джан Баттисту делла Вольпе, Карло, его старшего брата, Антонио Джислярди, его племянника (папские же расходные книги под 1468 г. называют и Николо Джислярди, посла Вольпе). Фрязин митрополичьего свода сообщил Ивану III о существовании невесты, «царевны греческого царя аморейского», «папе во племени», т. е. родственницы, которую он после смерти родителей взял к себе. Так описываются посольство 1469 г. и приезд Антонио Джислярди. Иван III «посла... фрязина в Рим свататися». Из сопоставления с великокняжескими летописями ясно, что на этот раз речь шла о Джан Баттисте делла Вольпе. В своде Родиона Кожуха добавлено любопытное известие: «И посла пана Юргу с ним в проводатех, что знает тот путь итти на Новъгород, и оттуду на немци, и на Венецию город и оттуду к Риму, занеже близок путь к Риму туда» [632]. Почему Юрий Грек назван паном Юргой (т. е. судя по титулу, выходцем из Польши или Литовского княжества) [633], находящимся на службе у великого князя, сказать невозможно. Вольпе в Венеции «сказался болшой боярин у великого князя» и договорился с папой относительно замужества. Он же узнал о желании Зои, названной в митрополичьем своде Зинаидой, выйти замуж за православного государя.

Митрополичий свод приписывает посольству того же фрязина

---

[628] ПСРЛ, т. 28, с. 130; т. XXV, с. 293; т. 26, с. 244.

[629] См. описание приема в Хронике Дж. Маффеи де Вольтерра, секретаря кардинала Амманати де Вольтерра (*Pierling P.* Op. cit., t. I, p. 144—146; *Пирлинг П.* Россия и Восток, с. 51).

[630] ПСРЛ, т. XXV, с. 298.

[631] *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч., с. 269—270.

[632] ПСРЛ, т. VI, с. 196.

[633] В Великом княжестве Литовском приблизительно в это же время известны пан Юрша, советник Казимира, и владимирский наместник Иван Юрша (РИБ, т. 27, стб. 19, 21, 32, 44, 85, 91, 97, 103, 110, 224, 423, 424).

сотрудничество с Тревизаном. «Князь венецейский» хотел начать поход на Османскую империю в союзе с Ордой. Узнав от великокняжеского посла, что дорога в Орду лежит через Русь, он попросил взять с собой его посла. По возвращении на Русь фрязин «речи вси папины сказа, а посла того гостем назва, а царевну на иконе написану принесе». Судя по последней фразе, речь идет о посольстве 1469 г. В этой версии «дума» великого князя с матерью (подчеркиваем: с матерью, а не с матерью и митрополитом) отнесена ко времени после возвращения фрязина из Рима и Венеции, а по великокняжеской версии одна «дума» имела место по приезде Юрия 11 февраля 1469 г. и до отъезда Джан Баттисты делла Вольпе в марте того же года и вторая — перед отправкой посольства в январе 1472 г. Когда бы ни состоялось обсуждение этого матримониального проекта, очевидно, что он не встретил благосклонного приема у митрополита, который фактически был отстранен от решения такого важного вопроса.

Появление папского легата Антонио Бонумбре послужило причиной диспута, в котором участвовал как митрополит, так и «книжник» Никита, названный поповичем. Филипп тщательно готовился к защите своей веры. «Много было митрополит изучил от книг, словеса емлючи, — повествует свод 80-х годов XV в., — и книжника Никиту поповича призва, ово сам, емля у него речи, глаголаша легатосу, иное же повеле самому с ним глаголати»[634]. Исходя из позиции митрополита, тяжело переживавшего появление папского легата (после диспута Филипп заболел и больше уже не поправился), маловероятно, чтобы инициатива заключения союза могла исходить от русской стороны, будь то сам князь или его окружение.

Остается неясным, когда вернулся Иван Фрязин из своей первой поездки в Рим и Венецию? Неясно также, чем объясняется длительная задержка с отправкой послов за невестой в 1470—1471 гг. 17 октября 1470 г. Казимиру IV была адресована охранная грамота папы Павла II на пропуск московских послов, направляющихся в Рим[635]. Если даже предположить, что Вольпе возвращался семь месяцев, то уже в мае 1471 г. могли быть высланы послы за невестой. Но посольство за Зоей было снаряжено только спустя четыре месяца после приезда Антонио Джислярди и Тревизана с новой папской грамотой (выехали 2 апреля, прибыли 10 сентября 1471 г.) от 16 января 1471 г.[636] Конечно, напряженные отношения Руси и Литвы из-за Новгорода сыграли свою роль в задержке отправки посольства за «царевной». Но думается, что это не единственная причина медленных сборов. Не исключена возможность и трений митрополита с великим князем по данному вопросу.

---

[634] ПСРЛ, т. VI, с. 197.
[635] *Пирлинг П.* Россия и папский престол, т. I, с. 174—175.
[636] ПСРЛ, т. XII, с. 143.

Наименование участника первого посольства Вольпе в 1469 г. Юрия Траханиота «паном Юргом», как и элементы польской терминологии папской грамоты 1472 г.[637], направляют поиски инициаторов заключения второго брака Ивана III в новое русло — в Польшу и Великое княжество Литовское[638]. Весной 1468 г. Русь посетили послы Казимира Якуб и Ивашенец[639]. К. В. Базилевич предполагал, что целью этого посольства было принесение поздравлений Ивану III с занятием великокняжеского престола[640]. Пожалуй, в это время было поздно реагировать на событие шестилетней давности. Посольство могло быть связано с проектом женитьбы Ивана III, который согласно договору Василия II с Казимиром и завещанию Василия II находился под «отеческим» присмотром своего державного соседа[641].

Тем не менее основная роль в проведении и доведении этих переговоров до благополучного конца принадлежала итальянцам из северной части страны, хорошо знакомым с греками и греческим миром, поддерживавшим униатские настроения греков и пользовавшимся расположением папской курии.

По-разному рассказывают великокняжеские и митрополичья летописи и о свадьбе, и о последовавших за этим событиях. Последние дни путешествия Зои по Руси прошли негладко. Скандал, вызванный кортежем царевны, следовавшим за латинским «крыжем» (крестом, кстати, тоже польский термин), был настолько велик, что его не скрыло и великокняжеское летописание. Филипп решительно заявил, что, как только «крыж» будет внесен в одни ворота столицы, он, «богомолец» Ивана III, выйдет из нее в другие[642]. Свод Родиона Кожуха добавляет, что по распоряжению Ивана III за 15 верст до Москвы поезд «царевны» встретил великокняжеский боярин Федор Давыдович (позднее названный Стародубским), активный участник присоединения Новгорода, который отнял у легата «крыж», а фрязина «поимал да пограбил»[643]. Вольпе «стоял за то», чтобы легат сохранил все свои

---

[637] Текст грамоты, адресованной всем католикам, пересказан в Никоновской летописи: «...чтоб вси князи земель тех и *панове* честнии и *бискупи* и вся земля, где ни придет царевна, стречяли бы есте ее и чтили и корм давали и подводы и проводники... до великого князя отчины» (ПСРЛ, т. XII, с. 147). Типично польско-литовским был и термин «лист» для обозначения грамоты Юрия Траханиота 1469 г. Конечно, полонизмы грамот можно объяснить и участием в переводе польских толмачей. Изменение маршрута кортежа Софьи — не через Польшу и Великое княжество Литовское, а по Балтике — заставляет думать о большой роли поляков в подготовке брака.

[638] Поляки активно участвовали и в проводах Зои Палеолог на Русь. Во Пскове о ее приближении стало известно от некоего Николая Ляха (ПЛ, вып. 1, с. 189; вып. 2, с. 188).

[639] ПСРЛ, т. VIII, с. 153.

[640] *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 63.

[641] ДДГ, № 53, с. 161, 31 августа 1449 г.; № 61, с. 197, 3 мая 1461—27 марта 1462 г.

[642] ПСРЛ, т. 28, с. 135; т. XXV, с. 299.

[643] Там же, т. VI, с. 197.

права на Руси[644]. По великокняжеским летописям, Вольпе был арестован только в Москве после обнаружения его «измены» в деле Тревизана.

Неясно, когда состоялся отъезд Тревизана из Москвы. В великокняжеских летописях происшествие излагается так, будто прибывшие с царевной греки и итальянцы застали Тревизана в Москве, т. е. с 10 сентября 1471 г. по ноябрь 1472 г. Тревизан безотлучно находился в столице. Расспросы греков относительно причин задержки венецианского посла в Москве вызвали его арест, а равно арест Вольпе, разграбление его дома, арест жены и детей.

Митрополичий свод излагает дело иначе. Вольпе до отъезда из Москвы в январе 1472 г. раздобыл толмача и отправил Тревизана «на Рязань, да и к Орде втай великого князя». Время было выбрано не особенно удачно. Иван III в 1471 г. с опаской ожидал выступления союзников — Казимира и хана Большой орды Ахмата. В 1472 г. последний действительно выступил, будучи «подговорен королем»[645]. После отъезда Вольпе Ивану III стало известно об обмане. Тревизан был задержан вместе с толмачом и препровожден в Москву, где, по великокняжеской версии, сидел на дворе у Никиты Беклемишева.

В это же время, судя по данным Родиона Кожуха, с известием об аресте Тревизана в Италию был послан Антонио Джисларди. Он должен был передать упреки Ивана III дожу: «Что тако сотвори? С меня честь сняв, а втай через мою землю шлешь посла, а меня не доложа?»[646].

Что же касается Вольпе, то он провинился и в другом. Будучи в Риме, он отказался от православия, признал полную покорность от папы не только от собственного имени, но и от имени русского государя, как это и было отмечено итальянскими хронистами, описывавшими его пребывание в Италии[647]. С этого времени и пошло твердо державшееся в Италии заблуждение о желании великого князя русского перейти в католичество.

Итак, организатор брака попал в опалу даже до его заключения. Инцидент с Вольпе, произошедший в самые первые дни пребывания «царевны» на Руси, ясно показал намерения Ивана III твердо вести собственную политическую линию, не допуская ни малейшего вмешательства посторонних лиц.

Великокняжеские летописи рисуют елейную картину бракосочетания Ивана III, снова подчеркивая православие невесты и ее родство с правившим византийским домом: «со православною царевною Софьею со дщерью Фоминою деспота аморейского; а сын тои Фома царя Мануила Цареградского, брат же царя

---

644 Там же, т. XVIII, с. 244.

645 Там же, т. 26, с. 249.

646 Там же, т. VI, с. 197.

647 *Пирлинг П.* Россия и папский престол, т. I, с. 182—183.

Ивана Калоана и Дмитреа и Констянтина»[648]. Сначала митрополит якобы «знамена» царевну крестом, она пошла на поклон к великой княгине Марье, и сам митрополит совершил обряд бракосочетания[649]. По своду Родиона Кожуха, «венча же протопоп коломенский Осей, занеже здешним протопопом и духовнику своему не повеле, занеже вдовцы»[650]. Если прав Родион Кожух, то и на этом заключительном этапе митрополит был либо отстранен, либо отстранился сам, показывая свое несогласие с браком Ивана III на латынинке и его склонностью к контактам с папским престолом и почтением к «Великому Риму»[651]. Одарив греков, Иван III после 11 недель пребывания в Москве 26 января 1473 г. отпустил их вместе с папским легатом Антонио Бонумбре[652], возвращавшимся по «Литовской» и «Лятцкой» земле. Бонумбре получил богатые дары для папы.

Идея брачного союза Зои Палеолог и Ивана III пришлась по душе папе, не оставлявшему мысли об окатоличении Руси. О внимании папы к замужеству Зои свидетельствует факт приема русских послов папой 25 мая 1472 г., описанный миланским послом герцогу Галеаццо Сфорца[653]. Денежная поддержка в 6 тыс. дукатов[654] (ей, по-видимому, в Ватикане придавалось настолько серьезное значение, кто на одной из фресок церкви Сан-Спирито изображено получение коленопреклоненной Зоей кошелька из рук папы, которого сопровождал Андрей Палеолог[655]), а также отправка на Русь вместе с невестой легата Бонумбре, снабженного опасными грамотами (согласно немецким хроникам процессию на 100 лошадях торжественно встречали повсюду по пути

---

[648] ПСРЛ, т. XXV, с. 299. То же в своде 1477 г. (там же, т. 28, с. 135). Свод 1493 г. писал о «царевне Софье из Рима», оставляя открытым вопрос о ее вероисповедании (там же, т. 27, с. 279). Псковская II летопись называла ее «цесаревной» из Рима (ПЛ, вып. 2, с. 55). Позднее при сообщениях о рождении детей речь шла также о «царевне». Иногда и эти титулы заменялись просто «великой княгиней» или «грекиней» (ПСРЛ, т. 28, с. 147, 151, 152, 316; т. XXV, с. 329, 330, 331 и др.).

[649] ПСРЛ, т. XXV, с. 229; т. XXIV, с. 193; т. XII, с. 151.

[650] Там же, т. VI, с. 197.

[651] Там же, т. XXV, с. 300; т. 28, с. 45; ПЛ, вып. 1, с. 74.

[652] Амвросий Контарини, находившийся в Москве осенью 1476—зимой 1477 г., писал о живших в Москве «многих греках из Константинополя, которые пришли оттуда вместе с деспиной» (Барбаро и Контарини о России. Л., 1971, с. 227; см. также: *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч., с. 280—281). Разумеется, речь шла не о константинопольских греках, а о морейских. Характерно, однако, смешение венецианским послом этих понятий.

[653] *Хрептович-Бутенев К. А.* Указ. соч., с. 40.

[654] Согласно нюрнбергской хронике (продолжения Фугера) это было 25 тыс. дукатов (ChrdSt., Bd. XI, S. 468).

[655] *Pierling P.* Op. cit., t. I, p. 159—161. Об этом в Риме не забывали вплоть до 1498 г. (LECUB, Abt. II, Bd. I, N 747, S. 558, 18 декабря 1498 г.). Надежды, возлагаемые папской курией на семью Палеологов, вдохновляли папу на поддержку Андрея, который в 1477 г. получил дом на Кампо Марцо в Риме дополнительно к ежегодной пенсии в 1800 дукатов (*Pierling P.* Op. cit., t. I, p. 230—231).

следования) [656], свидетельствуют о том, что папа всерьез надеялся на успех обращения великого князя [657]. О желании, якобы выраженном Иваном III, признать первенство римской церкви он писал в Нюрнберг 1 ноября 1473 г. в связи с возвращением Джислярди на родину. В Нюрнберге считали, что Бонумбре ехал на Русь специально, чтобы венчать Ивана III королем и подчинить его «святой христианской вере» [658].

Значение этого брака, вернее даже договоренности о нем, для изменения позиции папы по отношению к Казимиру преувеличивает И. Б. Греков [659]. Он ошибочно видит в договоренности о нем причину охлаждения римского престола к Казимиру, что, в свою очередь, делало пассивной его политику на востоке в период присоединения Новгорода [660]. По мнению И. Б. Грекова, из-за «нежелания Ватикана содействовать созданию такой армии» (против Руси) Казимиру не удалось собрать «сильных воинских контингентов» [661].

В Италии к началу XVI в. о знатном происхождении Софьи Палеолог забыли, в известии о смерти Ивана III, пришедшем в Венецию из Буды, было просто отмечено, что его жена была грекиней [662]. О ее родстве с византийскими императорами в конце XVI в. напомнил А. Кранц, пользовавшийся материалами Р. Кока. Он подчеркивал, что на Софью, дочь византийского императора, папа Сикст возлагал большие надежды: он мечтал об обращении Ивана III в католичество и о поддержке ею немецкого купечества на Руси [663]. В Ватикане Софью величали «дочерью законного наследника константинопольской империи» Фомы Палеолога [664]. По пути следования на Русь ее принимали как «дочь императора из Константинополя» [665].

Сама же Софья Палеолог вплоть до 1499 г. помнила о своем родстве с византийским императорским домом. На пелене 1499 г.,

---

656 Так, в Нюрнберге в честь Софьи были устроены турнир и танцы, она получила ценные подарки, в том числе от горожанок 20 коробок конфет (ChrdSt, Bd. XI, S. 468). Подробнее см.: *Pierling P.* L'Italie et la Russie au XVIe siècle. Paris, 1892, p. 81, 83; *Пирлинг П.* Россия и Восток, с. 79—81.

657 В попытке «вторичного привлечения здешних русских к Флорентийской унии» отказывал миссии Бонумбре Е. Е. Голубинский (*Голубинский Е. Е.* Указ. соч., т. 2, пол. 1, с. 544).

658 ChrdSt, Bd. X, S. 330, 331; Bd. XI, S. 468—469.

659 *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 169—171.

660 Более точная характеристика положения Казимира дана Л. Колянковским (*Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego, t. I, s. 313).

661 *Греков И. Б.* Указ. соч., с. 172.

662 *Sanuto M.* Op. cit., t. VI. Venezia, 1881, p. 296, 17 февраля 1506 г.

663 *Krantz A.* Wandalia, lib. XIII, cap. 8, p. 297.

664 *Пирлинг П.* Россия и Восток, с. 71.

665 *Pierling P.* La Russie, t. I, p. 162; ChrdSt, Bd. X, S. 330; Bd. XI, S. 468. Несколько осторожнее была формулировка в 1498 г., когда Александр напоминал Ивану III о заслугах папства в организации его брака «с сиятельной матроной, происходящей из рода константинопольских императоров» (LECUB, Abt. II, Bd. I, N 747, S. 558).

вышитой после победы партии Василия над Дмитрием-внуком, она называла себя так: «царевна царьгородская великая княгиня московская Софья великого князя московъского» [666]. Титул «царьгородской царевны» [667], как и титул «московской княгини» [668], в это время в летописях не встречается. Титулатура княгини Софьи на пелене 1499 г. несколько отличалась от обычной, принятой в это время великим князем. Он сам, как и на пелене Софьи, называл себя только великим князем всея Руси.

Софья плохо понимала положение той страны, великой княгиней которой она оказалась. Эпизод 1480 г., ее бегство с двором в Кирилло-Белозерский монастырь [669], вряд ли мог вдохновить не только нерешительного великого князя, но и всех жителей Москвы на борьбу с Ордой. Ее бегство из столицы в момент общенационального подъема [670] шло вразрез с требованиями времени. Таким же неразумным с точки зрения государственной было ее обращение с великокняжеской казной. Предмет особых забот всех великих князей — государева казна пополнялась медленно. Значительные приобретения были сделаны в момент присоединения Новгорода, однако великий князь чрезвычайно дорожил и тем, что он получил по наследству от предков [671]. Выдавая замуж свою племянницу Марию за князя Василия Михайловича Верейского, Софья щедро одарила ее «саженьем», полученным в наследство от первой жены Ивана III, Марии Тверской, что впоследствии послужило причиной гнева Ивана III на жену и князя Василия, бежавшего до 12 декабря 1483 г. в Литовское княжество [672]. В 1495 г. Иван III ставил предварительным условием принятия Василия Михайловича Верейского на Русь возвращение этой казны [673]. Столь же недальновидной оказалась Софья во время приезда в Москву Андрея Палеолога в 1480 г., когда великая княгиня «порастеряла казны много» [674].

В Италии брак Софьи Палеолог и Ивана III возбудил надежды на вовлечение Русского государства в антиосманскую лигу.

---

[666] *Маясова Н. А.* Древнерусское шитье. М., 1971, илл. 29; см. также с. 21. «Царевной... римлянкой» называл Софью Постниковский летописец середины XVI в. (ПСРЛ, т. 34, с. 9).

[667] Этот титул звучит в унисон с папской грамотой.

[668] Речь могла идти и о влиянии иноземцев, в окружении которых она находилась. Не исключено, что этим титулом она подчеркивала потерю его Дмитрием-внуком, бывшим великим князем московским.

[669] ПСРЛ, т. VI, с. 224; т. XXV, с. 328; т. XXIV, с. 201; *Зимин А. А.* Краткие летописцы, с. 29.

[670] *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва, с. 231—236.

[671] *Базилевич К. В.* Имущество московских князей в XIV—XVI вв. — Труды ГИМ. Разряд общий исторический. М., 1926, вып. 3. с. 3—51.

[672] ПСРЛ, т. XXIV, с. 202—203; ДДГ, № 78, с. 293. В 1493 г. Василий Михайлович обращался к князю Василию Ивановичу, прося о посредничестве и заступничестве пред великой княгиней (Сб. РИО, т. 35, № 19, с. 82, 4 января 1493 г.).

[673] Сб. РИО, т. 35, № 40, с. 211—232, август 1495 г.

[674] ПСРЛ, т. XVIII, с. 273.

Д. Малипьеро писал о слухах, будто в 1474 г. Иван III собирался пойти на татар, если Узун-Гассан двинется на Трапезунд [675]. Это связано было, по-видимому, с возвращением греков и римлян из Москвы, распространявших подобные новости. На самом деле таких намерений у Ивана III не было. Он не торопился и с отпуском венецианского посла. Венеция предприняла немало усилий для его освобождения. 25 июля 1473 г., тотчас по возвращении греков, в ноябре и зимой 1473/74 г. венецианский сенат направлял послания Ивану III — «illustrissimi et potentissimi duci Russiae» по делу своего посла [676]. Последнее из них было доставлено на Русь Антонио Джислярди, послом венецианского дожа Николы Трона, от имени которого Джислярди привез 25 апреля 1474 г. [677] богатые дары великому князю (парчовые материи) в знак благодарности за доброе отношение к Тревизану.

4 декабря 1473 г. венецианский сенат, сообщая о цели поездки Тревизана — направить силы хана (Большой орды) на османов, а именно к побережью Черного моря и Дуная, недвусмысленно объявлял, что борьба с Османской империей в интересах Руси, поскольку великий князь русский в силу своего брака имеет право на «восточную империю», где прекратилось мужское потомство [678].

19 июля 1474 г. Тревизан после почти трехлетнего пребывания в Москве был отпущен в Орду вместе с ордынским послом Кучюком и великокняжским послом Дмитрием Лазаревым [679]. А 24 июля на родину отправился Антонио Джислярди в сопровождении Семена Толбузина [680], который должен был сообщить дожу Николе Трону, что поручение его выполнено [681]. Родион Кожух не без ехидства замечает, что в размерах «подкрути», «приправы» венецианскому послу Иван III ошибся в собственную пользу. Отпустив с Тревизаном дьяка и толмача, он дал 70 рублей, но сказал ему (по-видимому, дожу), что дал 700 [682]. Под 1475 г. Кожух точнее рассказал эту историю: «Послал князя велики посла... во град Венецию, к тамошнему их князю, извет кладучи таков, что посла его Тривизана отпустил со многою приправою, а сребра

[675] *Malipiero D.* Annali veneti dall'anno 1457 al 1500. — In: Archivio storico italiano, t. VII, parte I. Firenze, 1843—1844, p. 297.

[676] *Cornet E.* Le guerre dei veneti nell' Asia. 1470—1474. Vienna, 1856, N 77, 85, 87, 90, p. 98, 106—107, 112—114.

[677] ПСРЛ, т. XXV, с. 301—302. К этому приезду Родион Кожух относит и просьбу дожа снарядить посла в Орду и дать ему «подкруту», пообещав: «а яз сам платежник» (там же, т. VI, с. 197).

[678] *Cornet E.* Op. cit., N 90, p. 112. Подробнее см.: *Успенский Ф. И.* Брак царя Ивана Васильевича с Софьей Палеолог. — Исторический вестник, 1887, № 12, с. 689.

[679] ПСРЛ, т. XXV, с. 303; см. также: т. 28, с. 138, 21 декабря 1505 г. Сануто писал, что 29 годами раньше, т. е. в 1476 г., Антонио Джислярди из Виченцы был послан в Московию (*Sanuto M.* Op. cit., v. VI, p. 264).

[680] ПСРЛ, т. XXV, с. 303; т. VI, с. 199.

[681] Там же, т. XXV, с. 303; т. XII. с. 156.

[682] Там же, т. VI, с. 197.

пошло, рече, семь сот рублев»[683]. Неизвестно, стала ли эта мистификация известна венецианскому «дюце». Посольство Толбузина не имело никаких политических целей. На намеки Венеции о константинопольском наследстве предполагаемый наследник отвечал полным молчанием. После этого Венеция временно утратила интерес к Руси как своей возможной союзнице в антиосманской войне, а регулярные сношения Руси с Италией, казалось бы, установившиеся в предшествующее время, прервались.

Брак Ивана III и Софьи Палеолог, который благословил сам папа, не только не укрепил русско-итальянских отношений, но свел на нет достижения предшествующих лет. Нелюбезный прием папского легата Бонумбре на время отбил у папской курии желание иметь дело с государем всея Руси. 26 сентября 1476 г. на обратном пути от Узун-Гассана[684] Москву посетил Амвросий Контарини. В 1479/80 г. сюда приезжал Андрей Палеолог[685]. Ни о каких дипломатических отношениях Руси с итальянскими государствами в это время не известно.

Ответ о причинах перерыва сношений Руси с Италией нужно искать не только в недовольстве Ивана III своим вторым браком, но и во внутреннем положении и взаимоотношениях самих итальянских городов. В 60-х годах XV в. в сношениях с Русью участвовали папская курия и Милан, а в конце 60-х—начале 70-х годов XV в. — Рим, но прежде всего папская курия и Венеция.

Венеция, терявшая одну за другой свои колонии уже не на Черном, а на Средиземном море, активно противостоявшая османскому продвижению, постоянно искала новых союзников и была рада завязать отношения с Русью, видя в ней потенциального союзника, который, впрочем, в это время не торопился стать под ее знамена. Потеря Каффы в 1475 г. дезорганизовала всю систему связей с Европой по Черному и Средиземному морям. Отныне Руси предстояли поиски новых путей в Италию — или сухопутных, или через северные моря.

Возобновление сношений Руси с Италией произошло лишь в начале 80-х годов XV в. Мануил Грек, по-видимому, Ралев, был в Италии в 1483 или в 1484 г. Во всяком случае, в июне 1484 г. Иван III в инструкции послам в Крым писал: «Да сказывал им Мануйло грек, что взял на мое имя из Фряз два мастера...»[686] Стало быть, к этому времени сам Мануйло уже вернулся на Русь. С мастерами в Валахии он оставил своего чело-

---

[683] ПСРЛ, т. VI, с. 199.

[684] Узун-Гассан, в свою очередь, пытался завязать отношения с Польшей (*Stachon B.* Polska wobec weneckich proiektów użycia Persów i Tatarów przeciw Turcji w drugiej połowie XV w. — Prace historyczne, wydane ku uczczeniu 30-lecia akademickiego kola historyków Uniwersytetu Jana Kaziemierza we Lwowie. Lwów, 1929, s. 154).

[685] Arch. Vat., XXXIX, 16. D, 21 октября 1479 г.; *Pierling P.* La Russie, t. I, p. 233.

[686] Сб. РИО, т. 41, № 11, с. 42, июнь 1484 г.

века Степанка Стамата. О пребывании Мануила в Италии никаких данных пока не известно.

Следующее посольство в Италию возглавил Юрий Траханиот. Он выехал из Москвы в октябре 1485 г. и прибыл в Милан в июне 1486 г. Ко времени его пребывания в Милане, к 28 июня 1486 г., относится запись «Заметки о делах и правителе России» в канцелярии миланского герцога Джана Галеаццо Мария, который в письме от 24 июня благодарил Ивана III за дары и информацию о Руси [687]. Юрий Траханиот оставался в Милане до 30 июня, когда получил рекомендательное письмо в Рим к дяде герцога Асканию Сфорца. 11 июля Юрий Траханиот в Венеции, где ведет переговоры с венецианской синьорией при содействии миланского посланника Шипионе Барбара. Темой переговоров Юрия Траханиота с итальянскими городами, по Барбьери, была османская опасность и совместная борьба с ней. Вероятно, в июне-июле 1487 г., если обратный путь занял столько же времени, как и путь туда, Юрий Траханиот вернулся в Москву.

После этого визита оживились отношения Андрея Палеолога с папой. 2 февраля, 29 июня, 24 декабря 1487 г., 4 апреля 1488 г. Андрей в качестве «деспота Мореи», «деспота Мореи, императора константинопольского», «деспота Мореи, некогда императора константинопольского» играет заметную роль на папских торжественных службах, то держа свечу во время богослужения, то наряду с представителями Англии, Испании и других стран подавая папе воду для омовения рук [688]. Это заставляет предполагать, что Юрий Траханиот занял благожелательную позицию по отношению к больному для папской курии вопросу унии с русской православной церковью.

Тотчас после возвращения Траханиота в августе 1487 г. Иван III отправляет в Италию Дмитрия и Мануила Ивановичей Ралевых [689]. 19 августа 1487 г. Мануил Иванович получил верительную грамоту на имя миланского герцога Джана Галеаццо Мария. В ней Иван III писал о содействии в приобретении того, что ему «потребно», и обещал оказать помощь в этом и герцогу. Обо всех остальных темах переговоров верительная грамота писала в самой общей форме («а что от нас учнет тобе говорити нашь слуга Мануило, а ты бы ему верил, то есть наши речи») [690], ни на йоту не отступая от формуляра этого вида грамот. Главной

---

[687] *Barbieri G.* Op. cit., p. 90—95.

[688] *Burchard*, t. I, p. 238, 272, 281, 297. Андрей титуловал себя «византийским императором» (*Регель В.* Хрисовул императора Андрея Палеолога от 13 апреля 1483 г. — Византийский временник, т. I. СПб., 1894, с. 157), а летописи — «сыном... деспота аморейскаго» (ПСРЛ, т. 28, с. 154, 320; т. XXIV, с. 199).

[689] В 6996 г. «послал князь великий Ралевых детей Дмитрия да Мануила в Рим и в Венецию и в Медиолам» (ПСРЛ, т. XII, с. 219; см. также: *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч., с. 267—269).

[690] *Шмурло Е. Ф.* Научный отчет 1907—1908 гг. — В кн.: Россия и Италия, т. III. СПб., 1911, с. 23—24.

целью отправки посольства 1487 г. были не переговоры об антиосманском союзе, а попытка обеспечить Русское государство мастерами различных специальностей. О пребывании этого посольства в Италии известно гораздо меньше, чем о посольстве Юрия Траханиота. Лишь в хронике Д. Малипьеро сохранилась запись о приеме русских послов венецианской синьорией. Русские послы прибыли на 20 лошадях и объявили, что князь (король, по терминологии Малипьеро) одержал победу над татарами, у которых было 120 тыс. конницы[691]. Посол сообщил, что русские отправляются в Рим на переговоры с папой. Посол преподнес дожу три сорока (mazzi) соболей и каждому советнику — по одному сороку. В ответ синьория одарила послов одеждами из золотой парчи и дала по 100 дукатов на каждого.[692].

По-видимому, в Венеции были оба посла. В Милан же прибыл только один Мануил, который и подал верительную грамоту Ивана III от 19 августа 1487 г.[693] При папском дворе посол (Мануил Ралев) был принят как представитель русского короля (regis Russiae). Бурхард, по распоряжению папы предоставивший место послу на ступенях солии позади сенатора, но выше городского казначея во время службы в праздник Петра и Павла 18 ноября 1488 г., считал, что целью срочной миссии русского посла было «подчинение» папе. Предполагают, что во время переговоров с папой русские дипломаты в общей форме согласились на установление унии[694]. По следам этого посольства побежала молва о каком-то сговоре папы с Иваном III и предстоящей коронации великого князя русского, молва, которая так напугала короля польского и великого князя литовского Казимира Ягеллона[695].

В это же время, в 1488 г., будущий союзник Русского государства и противник Польши датский король Ганс получил от папы буллу против Стуре[696]; правда, вскоре папский престол перешел к безоговорочной поддержке Швеции против Руси. Посольство 1487 г. возвращалось на свою новую родину через Любек. Мамырев и Ралев оказались в этом городе в сентябре 1489 г.[697] и лишь в начале 1490 г. приехали на Русь. Путешествие их продолжалось два с половиной года.

Посольство 1487—1490 гг. способствовало росту международного престижа Руси, информируя итальянскую общественность

---

[691] Речь шла о Казани, которую Ивану III как раз в 1487 г. удалось поставить в вассальную зависимость от Русского государства. Подробнее см.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика, с. 203.

[692] *Malipiero D.* Op. cit., parte 1, p. 310; *Скржинская Е. Ч.* Указ. соч., с. 268.

[693] *Шмурло Е. Ф.* Научный отчет 1907—1908 гг., с. 23—24.

[694] *Burchard*, t. I, p. 323. Это мнение мог распространить и Андрей Палеолог.

[695] *Шмурло Е. Ф.* Рим и Москва. — Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1934, вып. 3, с. 93. С этим, вероятно, связан и приезд на Русь каплана белых чернцов «августинова закона».

[696] HRSH, t. XVIII. Stockholm, 1828, s. 28.

[697] HR, Abt. III, Bd. 2, N 267, S. 306—307, 15 сентября 1489 г.

о победах над татарами. Одновременно оно дезориентировало папскую курию относительно позиций русского государя по вопросу об объединении церквей. Папа убедился в этом, когда на Русь в 1488—1493 гг. был отправлен нунций, не допущенный в страну. Иван III, узнав о приближении неизвестного по имени нунция, «его велел воротити» [698]. В условиях русско-литовской войны целью поездки дополнительно к основному для курии вопросу могло быть и желание установить мир на востоке Европы в пользу возглавляемого католиком Литовского княжества.

Неудача папского посольства, равно как и безрезультатность посещения Руси Андреем Палеологом в 1490 г., пошатнули позиции последнего при дворе пап. Продажа Андреем Палеологом «константинопольского наследства», которым ему, по-видимому, не удалось заинтересовать Ивана III во время своей второй и последней поездки на Русь, французскому королю Карлу VIII в 1494 г. [699] лишило папскую курию возможности использовать его в своих интригах с Русью. После 1493 г. он редко упоминается в «Дневниках» Бурхарда, да и то уже не в качестве «константинопольского императора», а «деспота Мореи», или просто «деспота» [700].

Следующее посольство, по-видимому, даже не побывало в Риме. Данило Мамырев и Мануил Ангелов (Докс) прибыли в Милан 17 ноября 1493 г. На приеме у герцога Галеаццо Мария 18 ноября послы вручили верительную грамоту и подарки (1 шкурку горностая, 5 сороков соболей, саблю, богато украшенный лук и моржовую кость длиной в локоть), однако не участвовали в придворных празднествах, требуя предпочтения перед польским послом, поскольку «их государь благороднее и сильнее всех королей Венгрии, Чехии и Польши, вместе взятых». 9 декабря послы присутствовали на большой охоте. Судя по переписке первого секретаря миланской канцелярии Бартоломео Калько с сыном, ясно, что правитель Милана с помощью русских послов пытался поднять свой международный авторитет [701]. Милан и в 1493 г. оказывал русским послам максимальное содействие. Сенешал миланского двора сопровождал русских послов в Венецию, где они пользовались помощью и покровительством миланского посла Таддео Вимеркати.

Как и в прошлый раз, послы были приняты венецианской синьорией. В отличие от предшествующих визитов православные послы православного государя, боровшегося против латинян и еретиков, демонстрируя уступчивость великого князя русского

---

[698] Сб. РИО, т. 35, № 20, с. 89, июнь 1493 г.

[699] *Pierling P.* La Russie, t. I, p. 234—235.

[700] *Burchard*, t. II, p. 65, 104, 558, 667, 30 марта, 7 апреля 1494 г., 30 августа 1499 г., 21 января 1494 г.

[701] *Pierling P.* La Russie, t. I, p. 202; *Рутенбург В. И.* Указ. соч., с. 462; *Макушев В.* Флорентинский государственный архив и хранящиеся в нем материалы для славянской истории. СПб., 1870, с. 4—5.

в вопросах веры, осмелились присутствовать на торжественной мессе в храме св. Марка, но воспользовались первым же удобным случаем, чтобы покинуть собор. Посол неаполитанского короля пытался встать перед русскими послами, которые, сочтя это за оскорбление, покинули храм. Обычно этот инцидент рассматривают как свидетельство о дипломатической борьбе за высокое положение русского государя среди других государей Европы. Наряду с этим он показывает и отсутствие склонности у послов и нежелание скрывать это — к заключению унии. Последний аспект этого происшествия становится особенно отчетливым, если вспомнить, что именно тогда же папская курия торжественно участвовала в коронации нового неаполитанского короля Альфонса арагонского, на которого возлагались большие надежды по упрочению положения Папского государства как в самой Европе, так и в мире.

Обратный путь русского посольства сопровождался некоторыми неприятностями. «Греки, которые были великокняжескими послами в Ревеле», а в Любеке вели переговоры о порядке торговли», в 1494 г. жаловались на то, что их «в Немецкой стране» ограбили на 360, а Ю. Траханиота и Ф. Курицына, следовавших за ними, — на 69 венгерских гульденов [702].

Последняя в XV в. поездка русских дипломатов в Италию состоялась в 1499—1504 гг. На этот раз послами отправились Дмитрий Ралев и Митрофан Карачаров. Целью их путешествия, как считали ганзейские купцы, задержанные в Новгороде в 1494 г. и в 1497 г. переведенные в Москву, было посещение римского короля Максимилиана и папы [703]. Об их пребывании в Германии в мае-июне данных не сохранилось. 25 ноября 1499 г. послы прибыли в Венецию из Падуи [704]. Прием синьорией происходил 1 декабря 1499 г. Русские, по Сануто, говорили, что великий князь послал их приветствовать синьорию от его имени, что ему было бы приятно, если бы все обстояло в Венеции хорошо, что и у него все обстоит хорошо и что если синьории что-либо понадобится в его стране, пусть прикажет. Это совпадает с заключительной частью верительной грамоты послам, адресованной венецианскому дожу Августину Барбариго: «Послали к папе, а также к вам наших послов о наших потребах...» [705]. В верительных грамотах русских послов в Венецию нет ни слова относительно антиосманского союза. Сануто, который от имени венецианской синьории по просьбе послов распорядился ответить на эти письма, писал о «доброй дружбе» [706]. В оглавлении к пер-

[702] HR, Abt. III, Bd. 2, N 264, 265, 267, S. 304—307; Bd. 3, № 433, 435, S. 340, 346.
[703] LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 817—818, S. 617—618, 3 июня 1499 г.
[704] *Sanuto M.* Op. cit., v. III, p. 61, ноябрь 1499 г.
[705] Полный перевод верительной грамоты в Венецию см.: ibid., p. 136, 29 февраля 1500 г.
[706] Ibid., p. 300, 8 мая 1500 г.

вой части хроники, написанной около двадцати лет спустя, Малипьеро писал: «1499 г. Русский посол пытается заключить союз с синьорией против турок». В самой хронике об этом нет ни слова, но, по данным Сануто, инициатива заключения унии принадлежала Венеции[707]. Мысль о выдающейся роли «Московии» в борьбе с Османской империей была широко распространенной[708], поэтому в воспоминаниях Малипьеро и могло сместиться представление о цели русского посольства.

На приеме послы преподнесли дожу подарки. — 4 сорока соболей: один — от имени великого князя, два — от имени послов, один — от имени купца, который был с ними, а также моржовую кость. 15 декабря 1499 г. послы присутствовали на большом совете. За время пребывания в Венеции русские продали большое количество пушнины, в первую очередь белки. 6 февраля 1500 г. послы отправились в Рим и прибыли туда вместе с сыном папы, герцогом Валентином, 25 февраля 1500 г.[709]

Обращение Ивана III к папе Александру VI в верительной грамоте послам от февраля 1498 г. в сокращенном виде повторяло титулатуру архиепископа «всея Руския земля» Кирилла, который находился в Киеве, по-видимому, в 1245—1281 гг., данную ему болгарским деспотом Яковом Святославом. В грамоте Ивана III сказано: «Александру папе, пастырю и учителю римъскиа церкви»[710], а в грамоте Якова Святослава: «богом избранному пастырю и учителю словесного стада правоверныя веры нашея»[711]. Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, Русь еще не имела достаточного опыта непосредственных контактов с папой и пользовалась формами обращения к православным церковным иерархам, выработанными в славянской практике, а с другой, — эта титулатура ограничивала значение власти пап. В верительной грамоте Иван III ничего не писал о своих «потребах». По-видимому, великий князь в это время не прибегал к помощи папы для найма мастеров.

В Риме русские послы попали на юбилейные торжества, во время которых папа Александр VI в присутствии немецких и

---

[707] *Malipiero D.* Op. cit., parte II, p. XXXVII, 1499 г.; *Sanuto M.* Op. cit., v. III, p. 61, 1 декабря 1499 г.

[708] Для настроений того времени характерно выступление майнцского архиепископа Бертольда на рейхстаге в Вормсе 6 мая 1497 г., в котором он подчеркивал значение «герцога Москвы» в антиосманском движении (LECUB, Abt. II, Bd. 1, N 525, S. 385).

[709] *Sanuto M.* Op. cit., v. III, p. 61, 135—136, 1 декабря 1499 г., 29 февраля 1500 г.

[710] *Казакова Н. А.* Грамота Ивана III к папе Александру VI. — АЕ за 1973 г. М., 1974, с. 27. Фотокопия опубликована Бабингером (*Babinger F.* Ein weiteres Sultansbild, Taf. IV). См. также обращение в грамоте 1525 г. (*Глушакова Ю. П.* Неопубликованные русские грамоты из Ватиканского архива. — ВИ, 1974, № 6, с. 128).

[711] *Ангелов Б. Ст.* Из старата българска, руска и сръбска литература, кн. II. София, 1967, с. 143—146.

венгерских представителей объявил о крестовом походе на восток[712]. О том, как обстоит дело с защитой «христианского дела», послы могли составить себе довольно точное представление во время обсуждения речи папы в консистории в марте 1500 г. Здесь перед весьма представительной аудиторией послов Франции, Испании, Венгрии, Англии, Португалии, Неаполя, Венеции и Флоренции папа держал речь «о христианском деле» (in re christiana). В ответ раздались голоса, призывавшие объединить Италию. Они получили насмешливую отповедь (rebuffo) папы. Венецианский представитель в конце отчета об этом событии счел нужным подчеркнуть присутствие русских послов[713]. Длительное, в течение нескольких месяцев, пребывание русских в Ватикане показывает, что позиция Русского государства по отношению к папской курии подверглась существенным изменениям. Если в начале 70-х годов XV в. представители Русского государства внушали папе иллюзии о склонности Руси к унии, иллюзии, которые в 80-х годах поддерживал, по-видимому, и Юрий Траханиот с русской, а Андрей Палеолог — с морейско-итальянской стороны, то в начале 90-х годов (вплоть до 1498 г.) Иван III практически отказался от поддержания контактов с Папским государством Возобновление их в 1498 г. было знамением крутого поворота всей внешнеполитической и внутриполитической ориентации Руси в последние годы XV столетия.

Установлением, вернее восстановлением, русско-папских отношений Русь практически признавала те притязания папской курии по отношению к православной церкви, прежде всего церкви константинопольской, которые были отчетливо заметны после Флорентийского собора. Введя на богослужениях небольшую греческую часть (чтение евангельских текстов и посланий), Ватикан присвоил себе роль вселенского церковного главы. Среди епископов были и выходцы из Мореи[714], в том числе и Алексей Челидонио, епископ одного из восточных владений Италии — Галлиполи, в 1500 г. читавший в Ватикане греческую часть службы[715]. Отзвуком пребывания русских послов в Италии может служить его проект. После завоевания Модона Челидонио подал неаполитанскому королю проект от 1 ноября 1500 г. «De ratione belli in Turcu ineundi». Проект предусматривал вовлечение в антиосманскую войну Ивана III, названного по имени, и в случае победы — передачу ему понтийских городов,

---

[712] *Шмурло Е. Ф.* Рим и Москва, с. 93—94; *Sanuto M.* Op. cit., v. III, p. 66.

[713] *Sanuto M.* Op. cit., v. III, p. 149.

[714] *Babinger F.* Alessio Celidonio (1517) und seine Türkenschrift. — In: Beiträge zur Südosteuropa-Forschung anlässlich des I. Internationalen Balkanologenkongresses in Sofia 26. August bis 1. September 1966. München, 1966, S. 326—330.

[715] *Burchard*, t. III, p. 2, 37 и др.

т. е. Каффы и Таны (Азова), на которые русские как потомки скифов имеют полное право[716].

В русско-итальянских дипломатических отношениях конца XV в. Русь выступала активной стороной. Она высылала своих послов, которые совершали длительные (от 4 до 8 месяцев в одну сторону) путешествия в Италию и возвращались с многочисленной свитой итальянских мастеров.

До 1494 г. маршрут русских послов в Италию проходил по северу Европы, через ливонские города, Любек. Прекращение отношений Руси с Ганзой закрыло этот путь для русских послов. Обратный путь в 1499—1504 гг. через Венгрию, Молдавию, Крым и Дикое поле кончился довольно печально: Алевиз Новый, а вместе с ним и другие мастера были задержаны на два года Менгли-Гиреем. Закрытие сухопутного через Великое княжество Литовское и Польшу, а затем морского — по Балтике пути в Италию серьезно затрудняло дальнейшие сношения. Поездкой Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова завершились связи Руси с итальянскими городами в XV в.

Политика папской курии по отношению к Руси имела две стороны: папы, надеясь обратить русских в католичество, обещали русскому князю венчать его в императоры; они же поощряли те державы, которые находились во враждебных отношениях с Русью, к борьбе со схизматиками-русскими[717]. В 1496 г. Александр VI разрешил призыв к крестовому походу против русских[718]. Антирусская агитация шведского епископа Хемминга Гада в 1498 г. нашла благосклонный прием у папы Иннокентия VIII, который направил в Литву, Ливонию, Пруссию, Швецию и Данию буллу с обещанием отпущения грехов всем участникам войны против «схизматиков-русских»[719]. Их же самих он призывал воздерживаться от нападений на Ливонию, находящуюся под защитой папского престола[720]. Одновременно он просил датского короля и великого князя литовского не вступать в мирные отношения с Русью.

В 1501 г. Александр VI вмешался в отношения великого князя литовского Александра и княгини Елены, предписав ему «отлучение» от супружеского ложа и распорядившись конфиско-

---

[716] Опубликовано: *Jorga N.* Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siécle. Bukarest, 1915, N CCCLXIII, p. 313—330.

[717] Заключение союза католическим королем с Русью рассматривалось как не совсем канонический поступок. Так, датский король Ганс вынужден был как-то оправдываться, ссылаясь на свое желание обратить русских в католичество (*Styffe*, d. IV, s. CLXV).

[718] Ibid., N 159, s. 237, 4 июня 1498 г.

[719] LECUB, Abt. II, Bd. I, N 364, S. 262—263.

[720] Напоминая о расходах, понесенных папским престолом ради устройства брака Ивана III, Александр VI требовал от Ивана III покорности и благодарности (ibid., N 747, S. 558; *Казакова Н. А.* Русско-ливонские отношения, с. 215).

вать имения великой княгини[821]. Эта сторона папской деятельности по отношению к Руси находила живейший отклик в Польше и Великом княжестве Литовском, особенно в XVI в. Жигимонт, король польский и великий князь литовский, упорно хотел придать своим войнам с Русским государством религиозный характер, сравнивал русских с сарацынами, крестовые походы против которых некогда объединяли Европу[722]. Он не жалел определений для Василия III, которого называл «неверным и нечестивым схизматиком»[723]. Русская сторона платила ему тем же.

Русско-итальянские отношения последней трети XV в. носят особый характер. Ни с одним из многочисленных итальянских городов дело в это время не дошло до союза. Папская курия и Венеция, несомненно, пытались использовать Русь в войнах на востоке, для Руси же сношения с Италией открывали возможности привлечения квалифицированных кадров в различных областях культуры.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС И РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.

Начало XVI в. было более спокойным временем в истории европейско-турецких отношений. Тактикой обескровливания мелкими набегами соседних славянских и балканских областей османы, все силы которых были отвлечены на восток, добивались расширения территорий[724]. Восточный вопрос на время утратил остроту даже для тех государств, которые раньше находились под угрозой непосредственного нападения. Наиболее зоркие представители славян продолжали подчеркивать опасность османского нашествия. Так, хорват Феликс Петанчич в 1502 г. призывал Владислава, короля чешского и венгерского, заключить союз с христианскими государями против Османской империи и подробно описывал дороги в Турцию[725]. В начале XVI в. (в 1501 и 1508 гг.) во время русско-литовских войн Владислав, спекулируя на идее антиосманской борьбы и пытаясь укрепить положение Ягеллонов, указывал, что русско-литовские войны наносят «убыток» всему «христианству», и предлагал Чехии, Венгрии, Польше,

---

[721] *Theiner H.* Op. cit., t. II, N 299, 310, 311, 312, p. 277, 288, 289, 290. 23 августа 1501 г. в булле виленскому епископу он разрешил православным Литовского княжества принимать унию, не подвергаясь вторичному крещению (*Герберштейн С.* Указ. соч., с. 57—59).

[722] Acta Tomiciana, t. III, N 288, p. 231, 18 октября 1514 г.

[723] Ibid., N 303, p. 238—239, 23 октября 1514 г.

[724] *Fisher S. N.* The Foreign Relations of Turkey. 1481—1512, v. III. Urhana, 1948, p. 53.

[725] *Первольф И.* Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, с. 208.

Литве и Руси объединиться против общей опасности[726]. В том же духе выступал и папа Александр VI, призывая Ивана III прекратить русско-литовскую войну ради борьбы на востоке[727]. Необходимость объединения королей Польши и Венгрии и способы ведения антиосманской войны обосновывал серб Константин Михайлович из Островицы в своих «Записках янычара» 1497—1501 гг.[728] Бóльшая часть проектов унии была утопичной[729]. Ни одно государство в Европе, кроме Молдавии и Венгрии, не торопилось протянуть руку помощи соседям.

Идеей создания антиосманского союза маскировались своекорыстные интересы отдельных государств. Даже в моменты, когда османская опасность приобретала особенно угрожающие размеры и коллективная защита становилась вопросом жизни или смерти европейских государств, они не оказывались способными на активную борьбу. Мысль о привлечении к антиосманской борьбе Русского государства была столь же утопичной[730], какой она была по отношению к Польше и Империи — одному из главных «организаторов» этого союза. Во главе антиосманского движения на рубеже XV—XVI вв. встало папство: близость Османской империи угрожала независимости Папской области, а распространение мусульманства сокращало сферы влияния католичества и уменьшало источники поступления доходов в папскую казну.

Антиосманской деятельностью пап маскировалось укрепление их собственных позиций в Европе. В 1494 г. перед лицом угрозы со стороны французского короля Карла VIII папа обратился за помощью к султану Баязиду II. В инструкции послу в Османскую империю предусматривалась и просьба о воздействии султана на Венецию, которая должна была отказаться от союза с французским королем[731]. Папство эпохи Ренессанса было «широко мыслящим» — интересы укрепления своей власти и сохранения государственности оно ставило выше религиозных вопросов. Жалкой мистификацией выглядели его потуги вовлечь Русь в антиосманскую лигу. Разговорами о ней прикрывалось желание папства обратить Русь в католичество и приобрести

[726] Сб. РИО, т. 35, № 65, с. 303, январь 1501 г. Подробнее см.: *Первольф И.* Указ соч., т. II, с. 209. Попыткой урегулировать русско-литовские отношения объясняется доброжелательная позиция Владислава по отношению к русским послам Ралеву и Карачарову (Сб. РИО, т. 35, № 65, с. 306; № 67, с. 321, январь-февраль 1501 г.).

[727] Его грамоту от 15 ноября 1501 г. см.: Сб. РИО, т. 35, № 73, с. 341—342; *Шмурло Е. Ф.* Рим и Москва, с. 94—95.

[728] Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы. М., 1978, с. 104—106, 115.

[729] *Kissling H. J.* Türkenfürcht und Türkenhoffnung im 15/16. Jahrhundert. — In: Süd-ostdeutsche Forschungen, Bd. 23. München, 1964, S. 1—18.

[730] *Hösch E.* Op. cit., S. 321; *Michow M.* Die ältesten Karten von Russland. Amsterdam, 1962.

[731] Materialy, N 8, S. 17—20; *Winter E.* Russland und das Papsttum, Bd. I. Berlin, 1960, S. 194.

огромное количество новых подданных. Иван III, а вслед за ним и Василий III давали понять папам с помощью своих дипломатов, что великие князья не против вступления в унию, хотя для русских это также было средством для достижения собственных целей.

В 1503 г. инициатором русско-папских отношений выступил Александр, просивший через своих послов Ивана III «к папе... посла послати, чтобы тебе (Елене. — *А. Х.*) свой греческой закон держати во всем». Иван III отказывался, заявляя, что «мне о том с папою и слова никаково не бывало, и мне о том к папе о чем посылати своего посла. И мне о том к папе не посылати»[732]. Было ли целью поездки Андрея Траханиота, в 1506 г. возвращавшегося из «Италийских стран» через Польшу и Литву, урегулирование этого вопроса, или только оповещение папы о смене русского государя, неизвестно[733].

В 1507 г. распространился слух, достигший, вероятно, и Рима, о желании Василия III принять католичество. В Венецию пришло письмо из Франции, в котором сообщалось, будто племянник французского короля, король Шотландии, объявил, что не хочет иметь дела с такими схизматиками и еретиками, как русские. «Король» русских, по сообщению французского корреспондента, написал королю Шотландии, что хочет перейти в подданство римской церкви, что его отец перед смертью приказал ему так сделать и что если бы он остался жив, то сам по правилам, «rite et recte», перешел в подданство римской церкви[734].

Папский престол, вовлеченный во внутренние итальянские и международные конфликты, не имел возможности прореагировать на столь заманчивые перспективы. 10 декабря 1508 г. Максимилианом и французским королем Людовиком XII была заключена уния в Камбрэ, направленная против Венеции. 15 февраля 1509 г. Венеция заключила союз с папой Юлием II[735], выйдя таким образом из дипломатической изоляции, что не помешало ей 14 мая 1509 г. потерпеть сокрушительное поражение от союзников[736].

Папский престол на время ослабил свою антиосманскую деятельность. Его же союзники по борьбе, и в первую очередь император Максимилиан — признанный глава этого движения, в 1510 г. решил использовать Османскую империю в своих распрях с Венецией и натравить султана на непокорную республику[737]. При таких условиях разговоры об организации антиосманской унии, которые вел Максимилиан на протяжении второй половины

---

[732] Сб. РИО, т. 35, № 76, с. 417.
[733] Там же, № 84, с. 480; *Шмурло Е. Ф.* Рим и Москва, с. 93.
[734] *Sanuto M.* Op. cit., v. VII, p. 190.
[735] *Babinger F.* Aufsätze, S. 274.
[736] О положении Венеции в это время см.: *Kretschmayr H.* Geschichte von Venedig, Bd. II. Gotha, 1920, S. 428.
[737] *Babinger F.* Aufsätze, S. 270—296.

своего правления, превращались в пустой звук, а папство временно лишалось союзника в антиосманской словесной войне. Только в начале 1510 г., когда существовала идея объединения против османов императора Максимилиана, папа удосужился отправить своего посланника — оратора Ахилла де Грассис, который в июле 1510 г. добрался до Буды, где должен был привлечь к союзу Венгрию и Чехию.

Правление безвольного чешского и венгерского короля Владислава, оставившего трон в 1516 г. своему еще более не способному к правлению сыну Людовику II, имело отрицательные последствия для обороноспособности этих стран: армия была распущена, границы обнажены, власть перешла в руки отдельных магнатов, тирания которых ускорила крестьянское восстание 1514 г., подавленное с необычайной жестокостью. Все это делало Венгрию и Чехию лишь номинальным участником в антиосманской борьбе. Ахилл де Грассис должен был обсудить этот вопрос и в Москве [738].

Польша на словах поддерживала идею антиосманской лиги, используя папство в собственных целях. Когда в 1512 г. в Польшу был отправлен венгр Якуб Пизон с инструкциями призвать Василия III к защите «христианского дела» и завоеванию «Константинополя» [739], Жигимонт собирался с его помощью начать переговоры с перемирии с Русским государством. Едва осенью 1514 г. военное счастье улыбнулось литовцам, Жигимонт не пропустил Пизона в Русское государство [740].

И в это время было широко распространено представление о склонности русских великих князей к католичеству. Недаром датский король Христиан II приглашал Русь на Латеранский собор [741], а папа Лев X призывал ее присоединиться к крестовому походу против османов, провозглашенному в июле 1513 г.[742]

В середине второго десятилетия османская опасность снова стала осознаваться вполне реальной угрозой для стран Южной, Западной и Юго-Восточной Европы. Русь же по-прежнему поддерживала отношения с Османской империей. 28 мая 1514 г. в ответ на посольство Михаила Ивашева рубежа 1513/14 г. в Москву прибыл посол Селима Кемал-бек, бывший мангупский князь Феодорит [743]. Факт появления турецкого посла — свидетельство роста международного престижа Руси. Султан вслед за императором признал все титулы Василия III, включая титул князя

---

[738] *Sanuto M.* Op. cit., v. X, p. 702.

[739] *Шмурло Е. Ф.* Рим и Москва, с. 100—101.

[740] В 1514 г. на Руси стало известно, что послы папы римского собираются в Москву (Сб. РИО, т. 35, № 84, с. 499; ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 7, л. 252 об.—253).

[741] *Winter E.* Op. cit., Bd. I, S. 186.

[742] Acta Tomiciana, t. II, N 380, p. 280—283; *Шмурло Е. Ф.* Рим и Москва, с. 100.

[743] *Дунаев*, с. 4, 14; ПСРЛ, т. XIII, пол. 1, с. 17.

«всея Руси». С Кемалом был отправлен Василий Коробов, целью миссии которого было удержать с помощью султана крымского хана Менгли-Гирея от набегов на Русь, подобных набегу 1515 г.[744] Эта задача была тем более выполнима, что Селим со времен своей борьбы за власть в султанате недолюбливал крымского хана, не оказавшего ему поддержки против отца[745]. Русские настаивали и на том, чтобы белгородские и азовские казаки не ходили «на пособь и на наем» к польскому королю Жигимонту[746]. Посольству удалось добиться многого. По словам азовского бургана, «царь его чествовал да и жаловал его необычным образом», султан взял под защиту русских послов и «их не велел кренути черным с волосом», и угрожал бургану: «а естли имешь замать, то сам с тобою уведаюся». Кроме того, была достигнута договоренность относительно пленных: каффинский санчак отныне должен был требовать от азовского бургана в случае продажи русских людей в Азове их освобождения и возвращения на Русь. За «муку» же со стороны казаков последние должны были быть повешены. Были урегулированы и торговые вопросы. Санчак высказывал надежду, что отныне «во многих торзех прибыток будет»[747]. Позднее на Руси считалось, будто Коробов привез грамоту о том, что султан «с нами (т. е. с Василием III. — *А. Х.*) в дружбе и братстве учинился»[748].

1515 годом датируется возобновление прерванных в 70-х годах XV в. отношений русского государя с константинопольской патриархией. С русским посольством были отправлены два списка «прародителей» Василия III для поминания их: один — патриарху, другой — Василию Копылу в Святую гору. Одновременно тверской епископ Нил Траханиот направил три «ссылошные» грамоты патриарху Пахомию и подарки, список которых — «образов и кости рыбья зубу и иные рухледи» — был дан Василию Копылу[749]. Иную причину возобновления сношений, кроме подготовки к расторжению брака Василием III[750], представить трудно.

Вместе с Копылом 4 марта 1518 г. на Русь прибыло единственное на протяжении полустолетия весьма представительное патриаршее посольство — митрополит Зихны Григорий, патриарший дьякон Дионисий, а с ними — проигумен Пантелеймонова монастыря Савва, Неофит Грек, Максим Грек и Лаврентий Бол-

---

[744] *Зимин А. А.* Россия, с. 170 и сл.

[745] *Смирнов В. Д.* Указ. соч., с. 385.

[746] Сб. РИО, т. 95, № 7, с. 121.

[747] Там же, № 13, с. 232. В соответствии с этим бурсянину Искендеру в 1516 г. была дана опасная грамота на свободный проезд из Белгорода к Путивлю (там же, № 18, с. 337, июнь 1516 г.).

[748] Там же, № 33, с. 620, март 1519 г.

[749] Сб. РИО, т. 95, № 7, с. 128—129, март 1515 г.; ОАПП, ч. 1, с. 70—71.

[750] *Голубинский Е. Е.* Указ. соч., т. II, пол. 2, с. 677.

гарин из Ватопедского монастыря[751], покинувшее Стамбул в июле 1516 г.[752]

Длительное пребывание патриаршего посольства в Москве (с 4 марта 1518 г. по сентябрь 1519 г.) имело целью подчинение русской церкви патриаршеству. Патриарх Феолипт в своем послании от июля 1516 г. называл соборную церковь (в «Константинополе») «сущей матерью всех православных христиан», а митрополита Варлаама, которому послание было адресовано, — одним из «ближних детей» и архиереев этой церкви. Он призывал «поспешить на помощь матери своей великой церкви» и «возбудить к тому наивысшего царя и великаго краля всея православныя земли и великия Руси»[753].

Ни великий князь, удостоенный в послании патриарха царского титула, ни митрополит «не приняли» благословения патриаха, а послам оказали «честь». Митрополит, по словам Максима Грека, «его с иконами не встретил» и благословил лишь «через порог»[754]. Это особенно бросалось в глаза по контрасту с весьма торжественной всенародной встречей национальной святыни — Владимирской иконы божьей матери — в июне 1518 г.[755]

Появление патриаршей делегации, пользовавшейся поддержкой каффинского паши (до марта 1519 г. он писал Григорию, обещая и помощь русскому послу в Стамбуле)[756], усилило стремление не только к автокефалии, но и к созданию пантеона собственных святых. Греки в 1518—1519 гг. стали свидетелями многочисленных «чудес» у гроба первого русского по национальности митрополита Алексея, ставшего наряду с митрополитом Петром вторым московским святым. Василий III, следуя, по-видимому, за Старшей редакцией жития митрополита Алексея, приписываемой сербу Пахомию Логофету и созданной якобы около 1459 г., называл его «вторым источником благодатным в граде нашем Москве»[757]. Художественными памятниками борьбы русской церкви за автокефалию остались парные иконы митрополитов Петра и Алексея, созданные в 1519 г.[758] В духе времени была и Кормчая Вассиана Патрикеева, составленная им в 1516—1517 гг.,

---

[751] ПСРЛ, т. VI, с. 260—261; т. VIII, с. 263; т. 28, с. 354—355; АИ, т. I. СПб., 1841, № 121—123, с. 175—177.

[752] АИ, т. I, № 121, с. 175. Митрополит оставался в Каффе по настоянию русских послов в Крыму, вероятно в связи с небезопасностью пути.

[753] СРВ, ч. I. СПб., 1858, с. 25.

[754] Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971, с. 119.

[755] ПСРЛ, т. 28, с. 354—355; т. VIII, с. 264—265.

[756] Сб. РИО, т. 95, № 35, с. 629, март 1519 г.

[757] *Кучкин В. А.* Из литературного наследия Пахомия Серба (Старшая редакция Жития митрополита Алексея). — В кн.: Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, с. 242—243, 251; ПСРЛ, т. 30, с. 144; т. VIII, с. 264—267; т. 27, с. 286; т. XII, с. 215; т. XXI, пол. 2, с. 367.

[758] *Попов Г. В.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV—начала XVI в. М., 1975, с. 133—134, прим. 150—151; публикацию икон см.: там же, табл. 184—191.

где были опущены законы греческих императоров относительно церкви как непризнанные[758а].

Борьба за автокефалию русской церкви была одновременно борьбой за укрепление власти русского самодержца, имевшего право «поставлять» митрополита, ибо и на Руси, как и в Византии, господствовало представление о теснейшей связи светской и церковной власти[759].

Борьба русской церкви за автокефалию дополнялась встречным стремлением афонской, сербской, египетской церквей встать под патронат русского князя. Установлению контактов с афонскими монастырями способствовали дружественные русско-молдавские связи. В августе 1497 или 1498 г. вместе с послом воеводы Стефана прибыли игумен и три старца Пантелеймонова монастыря[760], а между 1499 и 1505 гг. — старец Герасим от прота Кузьмы и игумена Ксиропотамского монастыря Никифора, рассказавший о положении монастырей и размерах дани турецкому султану. На обратном пути к Каффу Герасим был захвачен татарами, продан сначала в Астрахань, потом в Казань, откуда был выкуплен в Москву[761]. При Василии III отчетливо обозначилось движение к утверждению ктиторства русского государя над православными монастырями. В 1507 г. из Пантелеймонова монастыря приехали архидьякон Пахомий и старец Яков[762]. Прот Святой горы Паисий в январе 1509 г. называл Василия III ктитором всех афонских монастырей[763]. «Пастырем» «над... неведомыми тихими овцами» — монахами Пантелеймонова монастыря, «отчины» и «дедины» Василия III, — призывал стать русского государя игумен этого монастыря Савва[764]. Скорбя об исчезновении «милостивателей» — сербских господарей, о переходе Сербии в руки иноплеменных, белградский митрополит Феофан просил

[758а] *Голубинский Е. Е.* Указ. соч., т. II, пол. 2, с. 659; *Бегунов Ю. К.* Кормчая Ивана Волка Курицына. — ТОДРЛ, М.—Л., 1956, т. XII, с. 143—147.

[759] *Obolenski D.* The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1457. London, 1971, p. 264.

[760] ПСРЛ, т. 28, с. 328—329.

[761] АИ, т. I, № 103, с. 145—146, датировано 1495—1505 гг. По рассказам Герасима был составлен очерк об афонских монастырях (*Шмидт С. О.* Сказания об афонских монастырях в новгородской рукописи XVI в. — В кн.: Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967, с. 362—363).

[762] ПСРЛ, т. 28, с. 340.

[763] СРВ, ч. I, с. 12.

[764] Там же, с. 14, 1509 г. Просьбу Руссика поддержала и сербская деспотица, в иночестве Ангелина. «...Иные монастыри, — писала она, — имеют своих ктиторов, некоторые иверского царя, а другие волошского воеводу, монастырь же св. Пантелеймона другого ктитора не имеет, который бы его жаловал, кроме твоего царствия» (там же, с. 19). Впрочем, в этом она была не совсем точна: в 1487 г. угровлахийский воевода Влад передал монастырю 6000 аспр, почти такие же пожертвования делал и Иоанн Радуль в 1496 и 1502 г. (Акты русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873, с. 437—445).

его о помощи Успенской церкви в Белграде[765], а старцы этой церкви переходили под ктиторство Василия III[766]. Сербский деспот Иоанн (Иваниска) поручал Василию III монастырскую церковь белградского митрополита, чтобы русский князь стал ее ктитором[767]. Сербская деспина инокиня Ангелина в память о сыне Иоанне и муже Стефане собиралась соорудить церковь во имя св. Иоанна Златоуста и просила Василия III стать ктитором этой церкви[768]. После 1516 г. монахи Ватопедского монастыря называли Василия III «возлюбленным государем и ктитором»[769].

Обязанности ктитора Василий III исполнял уже в 1509 г.: 24 июня значительная милостыня была отправлена во все афонские монастыри (в Пантелеймонов — 5 сороков соболей и 5 тысяч белок, проту Паисию — на все остальные монастыри столько же, инокине Ангелине — 4 сорока соболей и 4 тысячи белок, белградскому митрополиту Феофану — 3 сорока соболей, 3 тысячи белок и серебряный ковш, наконец, в Спасо-Преображеньев монастырь на Кучайне — 1 сорок соболей и 300 белок)[770].

На поминовение своих родителей и предков в 1515 г. Василий III отправил проту Святой горы Симеону милостыню в 1000 руб., а в лавру св. Афанасия и Ватопедский монастырь — по серебряной чаре, камчатным ризам и пеленам к иконам св. Афанасия и Благовещения. «Милостыню» везли старцы Афанасьева монастыря Мелентий и Ватопедова — Нифонт с Василием Копылом[771].

Материальная поддержка афонских монастырей «милостыней довольной» при Василии III должна была определяться «старинной», т. е. грамотой Василия II (?) Пантелеймонову монастырю. Исайя в 1516 г. сообщил, что эта грамота сгорела, однако Максим Грек привез ее. Список с его экземпляра, указывавший, «что дали во Святую Гору прежние государи з земли», хранился в Царском архиве[772].

В 1516—1518 гг. Василий III направил большие средства афонским и сербским монастырям, Паисий, игумен Пантелеймонова монастыря, просил Василия III помочь восстановить стену, обезопасив тем самым монастырь от морских разбойников, отремонтировать крышу и алтарь и, наконец, помочь монастырю освободиться от десятины в пользу султана[773]. В 1516 г. о поло-

---

[765] СРВ, ч. I, с. 15—16.
[766] Там же, с. 17.
[767] Там же, с. 18.
[768] Там же, с. 19, 25 марта [около 1509 г.?]. Подробнее см.: *Тихомиров М. Н.* Иван Грозный и Сербия; *Он же.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — В кн.: Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 83—86, 146—149.
[769] СРВ, ч. I, с. 32.
[770] Там же, с. 20.
[771] Подробнее см.: *Зимин А. А.* Россия, с. 269.
[772] ОЦААПП, с. 20.
[773] СРВ, ч. I, с. 31.

жении святогорских монастырей рассказал старец Ксиропотамского монастыря Исайя Сербин[774].

В это время поддержкой афонских монастырей дело не ограничилось. 16 ноября 1517 г. с просьбой о ктиторстве к Василию III обратился игумен одного из наиболее прославленных и почитаемых в христианстве Синайского монастыря Даниил. Просьбу игумена о «втором ктиторстве» и помощи монастырю, обремененному долгом в 2000 золотых, пошедших на уплату дани султану, поддержал и деспот артский, и сербский Карл во время своего пребывания на Синае[775]. Племянник, «сестричичь» Василия III по Софье Палеолог, был, по-видимому, первым ктитором монастыря. Еще один дальний родственник Василия III, святогорский старец Климент из того же рода Палеологов, в июне (?) 1518 или 1519 г.[776] уехал из Москвы вместе с Фролом, гонцом датского короля Христиана, увозя милостыню своему монастырю.

Поддержка Василием III афонских и сербских монастырей помогала им сохранять свои культурные ценности в тяжелую годину османского ига. Милостыня русского государя создавала иллюзию антиосманской направленности русской внешней политики, во всяком случае в церковном вопросе. Не случайны просьбы Паисия, игумена Пантелеймонова монастыря, о ходатайстве перед султаном об освобождении монастырей от дани и синайского игумена Даниила накануне захвата Египта.

Последним просителем на Русь со Святой горы был игумен Дмитреевского монастыря Антоний в 1523/24 г.[777] Затем сношения Руси с Афоном прерываются на 7—8 лет. В 1531/32 г. грамоту прислал прот Святой горы Анфим[778]. Принято считать, что камнем преткновения в русско-афонских отношениях было дело о втором браке Василия III. Известную роль могла сыграть и позиция великого князя по отношению к Максиму Греку. Победа иосифлян с приходом к власти митрополита Даниила и разрыв русской церкви с афонскими монастырями сопровождались укреплением отношений русского государя с папским престолом.

В середине второго десятилетия XVI в. под флагом борьбы с османской опасностью пытались сплотить остальные государства то, которому Османская империя грозила больше всех,

---

[774] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XVI—XVII вв. СПб., 1903, с. 389.

[775] СРВ, ч. I, с. 34—37.

[776] Датировка сомнительна. Климент уехал после Франческо да Колло и Антония да Конти, однако А. Н. Муравьев считает, что это было в 1518 г. (там же, с. 38).

[777] ПСРЛ, т. XIII, пол. 1, с. 30; XX, пол. 1, с. 397; ИЛ, с. 175; ОАПП, ч. 1, с. 70.

[778] ОАПП, ч. 1, с. 71. В 30-х годах XVI в. возобновился обычай посылать милостыню на Афон. Черницы Пантелеймонова монастыря везли из Москвы 15 тыс. золотых угорских, «футра белинные» и шкурки горностаев (ЦГАДА, ф. 389, кн. зап. 21, л. 213—213 об., 8 августа 1536 г.),

а именно Ватикан. Папский престол стал во главе движения против «неверных». Правда, папство располагало только идеологическим оружием[779], которое к тому же основательно затупилось. Не за горами было время, когда устами реформаторов будет провозглашено, что Османская империя — меч божий, посланный в наказание за грехи и разврат этого мира, и пап в том числе[780]. Пока же папская курия стала предпринимать более активные усилия для вовлечения восточноевропейских государств в антиосманский союз. Это движение возглавили в 1517 г. папа Лев X, французский король Франциск I и Максимилиан I, обратившиеся с воззваниями ко всем остальным европейским государям[781]. Максимилиан особенно рьяно взялся за дело. Согласно его плану наступление на Османскую империю должно было быть трехступенчатым. По настоянию Латеранского собора в первый год Великая и Малая Валахия и Молдавия разрывали союз с Империей и выступали против нее, на защиту христианства выступали также татары. Совместно с ними и под руководством польского короля на первый, т. е. 1518 г., намечался захват Килии и Белгорода, на второй год — уже вместе с французским королем — планировался захват Адрианополя и какого-нибудь порта, на третий год откладывалось завоевание Стамбула и Анатолии с помощью персов[782]. Из затеи Максимилиана ничего не вышло[783]. Императоры из дома Габсбургов конца XV—начала XVI в. постоянно страдали от нехватки денег. Вечные должники Фуггеров, Габсбурги собственными средствами не могли осилить даже те расходы, которые были связаны с представительством. Между тем переход к наемной армии ландскнехтов, впервые организованной Максимилианом, широкое применение артиллерии, также начавшееся при нем в конце XV в.[784], требовали все больших и больших средств, которыми император не располагал. Поэтому Максимилиан и был в высшей степени заинтересован в союзниках.

Его активные действия по привлечению Руси начались в 1517 г. с посольства Сигизмунда Герберштейна (апрель—ноябрь 1517 г.), которое почти совпало с посольством Альбрехта бранденбургского, магистра Тевтонского ордена. Во второй приезд, весной 1518 г., в Москву Дитрих Шонберг выполнял поручение

---

[779] Последнее по времени участие папского престола в войнах на востоке относится к 20-м годам XV в. (*Babinger F.* Aufsätze, S. 146).

[780] *Vaughan M.* The Turk as the Ally of the Reformation. — In: Vaughan M. Europe and the Turk. A Pattern of Alliances. 1350—1700. Liverpol, 1954, p. 134—146.

[781] *Zinkeisen J. W.* Drei Denkschriften über die orientalische Frage von Papst Leo X., König Franz I. von Frankreich und Kaiser Maximilian I, aus dem Jahre 1517. Gotha, 1854. Русь упоминалась только в послании Максимилиана (*Winter E.* Op. cit., Bd. I. S. 188—189).

[782] Documente privitóre la Istoria Românilor, v. XI. Bucureşti, 1900, N 1, p. 1.

[783] *Ulmann H.* Kaiser Maximilian I, Bd. II. Stuttgart—Gotta, 1891, S. 201, ff.

[784] *Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst, Bd. I—IV. Berlin, 1919.

своего брата, папского легата к императору, в Венгрию, Польшу и Русь Николая Шонберга[785]. В третий приезд в марте 1519 г. Дитрих Шонберг сообщал, что папа за церковную унию всего населения Русской земли сулил свободу торговли по всей Европе, сохранение «добрых обычаев и законов», превращение русской митрополии в патриаршество вместо константинопольского под эгидой папы и венчание самого великого князя, названного «наияснейшим и непобедимейшим царем всеа Руси», в «кристиянского царя». При этом он намекал на то, что «дело против турского и наследья константинопольского» тесно связаны[786]. Выступление папы Льва X против подчинения Руси константинопольскому патриарху во время третьего посещения Дитрихом Шонбергом Москвы звучало очень актуально в связи с миссией патриаршего посла митрополита Григория. В противовес уверениям Григория Дитрих Шонберг выступал против подчинения константинопольскому патриарху, подчинявшемуся султану.

Идею антиосманского союза с участием Руси вынашивали в самых разных кругах итальянского общества и в различных частях Италии. Один из проектов создания лиги с участием Русского государства принадлежал жителю североитальянского города Удине, расположенного в непосредственной близости от славянских земель, — некоему Грегорио Амазео — «поэту, оратору, юристу и философу». Летом 1518 г. он изложил проект[787], предусматривавший объединение под руководством папы Льва X и Максимилиана всей Европы — Руси, Польши, Венгрии, Чехии, Германии, Франции, Испании, Шотландии, Англии и Италии. Вероятно, Амазео мог быть осведомлен о мощи Руси не только из Венеции, но и от своих славянских соседей. Еще одним источником информации Амазео мог быть известный в соседнем с Удине

---

[785] Первый приезд Дитриха Шонберга в Москву состоялся в феврале-марте 1517 г. (Сб. РИО, т. 53, № 2, с. 6—23). Комиссия из четырех кардиналов в 1518 г. постановила возвести Василия III в короли в случае принятия им унии (*Fiedler J.* Ein Versuch der Vereinigung der russischen mit der römischen Kirche im 16. Jahrhundert. Wien, 1862, S. 8—9). В это время в Польше ходили слухи о желании великого магистра подчинить великого князя римской церкви (АЗР, т. II, № 144, с. 171—174; *Ioachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preussen Albrecht von Brandenburg, Bd. I. Leipzig, 1892, N 122, 127). Бреве Льва X от 4 июня 1518 г. см.: *Шмурло Е. Ф.* Рим и Москва, Прилож. 1, с. 131. О втором посольстве Шонберга см.: *Ioachim E.* Op. cit., Bd. II. Leipzig, 1893, N 12, S. 175.

[786] Сб. РИО, т. 53, № 10, с. 86. По-видимому, именно о Д. Шонберге русские в 1524 г. ошибочно говорили: «А на Москве с Онтонием [да Конти] был каплан мних, толмач, королев человек, краковец» (там же, т. 35, № 97, с. 691). О его миссии сказано: «Да делал тот же мних, по прошенью папину, чтобы то дело против турского и наследье константинопольского вперед шло» (там же; *Theiner A.* Op. cit., t. II, N 406; Переписка пап с российскими государями в XVI в. СПб., 1834, примечания, с. 97).

[787] Diarii Udinesi dall'anno 1508 al 1541 di Leon e Greg. Amaseo e C. A. Azio, Venezia, 1884—1885, p. 251.

Фриуле[788] род делла Торре, из которого на протяжении XV—XVI вв. выходили дипломаты, поддерживавшие от имени Максимилиана сношения с Русью[789].

В то время как в далеком от Москвы Удине составлялся очередной проект унии с участием Руси, в самой Москве происходили переговоры о заключении перемирия между Русью и Литовским княжеством. Франческо да Колло подчеркивал, что Максимилиан ведет подготовку к походу на Османскую империю, послу-де нужно поспешить с выполнением своей дипломатической миссии, поскольку он, да Колло, назначен командовать одним из морских отрядов[790].

Между тем Максимилиан сумел устроить еще один выгодный для Габсбургов династический брак: в декабре 1516 г. Герберштейн подписал договор о женитьбе Жигимонта I на Боне Сфорца. Польский исследователь В. Почеха считает, что это бракосочетание, состоявшееся в 1518 г., было платой Максимилиана за установление мира Польши с Русью[791], жертвой, возложенной Максимилианом на алтарь антиосманской борьбы. Вряд ли следует переоценивать бескорыстие этого шага Максимилиана, типичного представителя Габсбургов. В результате брака Польша входила в число союзников Максимилиана.

Двадцатые годы XVI в. были временем оживленных сношений Руси с папством, инициатива которых исходила по преимуществу от польского короля и пап, но была поддержана и русским государем. Под влиянием плоцкого епископа Эразма Чолека-Вителиуса, выразившего просьбу польского короля о посредничестве папы в новом урегулировании русско-литовских отношений[792], Лев X в 1519 г. отправил нового легата — епископа Захария Феррери и одного из Тедальди — родственника папы. В инструкции послам от 1 ноября 1519 г. Лев X ссылался на заверения Чолека относительно готовности Василия III вступить в унию, на слова датского короля Христиана, подтверждавшего эти намерения, и на заявления послов Ивана III папе Александру VI о согласии великого князя признать папу главой христианской церкви[793]. Лев X всерьез надеялся на обращение Василия III в католичество[794]. В отправленной с Захарией грамоте он, вероятно, как и

---

[788] *Gollwitzer H.* Zur Geschichte der Diplomatie im Zeitalter Maximilians I. — Historisches Jahrbuch, 1955, LXXIV, S. 189—198.

[789] *Babinger F.* Aufsätze, S. 278—282.

[790] ПДС, т. I, стб. 397.

[791] *Pociecha W.* Królowa Bona (1494—1557), t. II. Poznań, 1949, s. 4—5.

[792] *Winter E.* Op. cit., Bd. I, S. 192.

[793] Acta Tomiciana, t. V, p. 188—190, [без №].

[794] *Uebersberger H.* Op. cit., S. 165. В декабре 1519 г. они прибыли в Венецию. Цель этого посольства Сануто излагал так: «обратить поляков и московитов в ту веру, в которой они пребывают, и перейти в подданство римской церкви» (по-видимому, первая часть относится к полякам — укрепление в вере, вторая — к русским) (*Sanuto M.*, Op. cit., v. XXVIII, p.134, 24 декабря 1519 г.).

в той грамоте, которая позднее была послана с Паоло Чентурионе, предлагал Василию III перейти в католичество, чтобы успешнее защищать христианский мир от неверных. Обещание папы королевского сана Василию III[795] сыграло роковую роль. По мнению Е. Ф. Шмурло[796], именно поэтому папские послы, направлявшиеся на Русь для умиротворения Литвы и Руси, были задержаны Жигимонтом в Кракове и не попали в Москву. Очередной проект привлечения Русского государства к антиосманской лиге потерпел крах.

Вопрос об отражении наступления Османской империи становился все более актуальным. Борис Яковлевич Голохвастов писал в Москву, что султан ведет войну с венгерским королем, что «на Белом» (т. е. Мраморном) море делали «суды... многие» для отправки на «Фрязскую землю» — Италию[797]. В конце 1518 — начале 1519 г. в Москву поехал генуэзец Паоло Чентурионе с письмами от папы Льва X к Василию III и Альбрехту бранденбургскому. В Крулевец (Кенигсберг) Чентурионе прибыл вместе с Николаем Шонбергом. Заподозренный Максимилианом в интригах в пользу кардиналов, враждебных императору, и не получивший от польского короля проезжей в Москву и в Орду[798], Николай Шонберг не смог выехать на Русь. Чентурионе же отправился через некоторое время либо с Константином Тимофеевичем Замыцким, либо с послом магистра Рабенштейном[799]. Чентурионе был радушно принят в Москве и получил привилегии на торговлю с Данией и на Балтике[800]. Уезжая из Москвы, он захватил с собой послание Василия III папе Адриану VI (1 декабря 1521 г. умер Лев X, Адриан VI был папой до 24 сентября 1523 г.). Оно, вероятно, достигло Климента VI, избранного в конце 1523 г. в круто изменившейся международной обстановке. Из Москвы генуэзец отправился к датскому королю Христиану, потом снова вернулся в Москву в качестве «папина гонца»[801].

В то время когда папа отправлял очередное посольство на Русь, в Османской империи находились русские послы. Б. Я. Голохвастов ездил к султану Селиму в надежде с его помощью сохранить дружественные русско-крымские отношения[802]. О его пребывании в Адрианополе в декабре 1519 г. венецианский баил

---

[795] Historica Russiae Monumenta, t. I. Petropoli, 1841, N CXXIV, p. 128, 16; см. также: Переписка пап, № 1, с. 4. Ошибочная дата — 25 сентября.
[796] *Шмурло Е. Ф.* Рим и Москва, с. 112—113.
[797] Сб. РИО, т. 95, № 37, с. 667, 9 июля 1519 г.
[798] ПДС, т. I, с. 417—419; Acta Tomiciana, v. III, N 369, 372, p. 357, 363. Подробнее см.: *Шмурло Е. Ф.* Рим и Москва, с. 106—107.
[799] Последнего мнения придерживаются П. Пирлинг и Е. Ф. Шмурло. Если это так, то первый приезд Чентурионе падает на самый конец 1519 г. (Сб. РИО, т. 53, № 19, с. 183).
[800] *Пирлинг П.* Россия и папский престол, т. I, с. 313—320.
[801] ОЦААПП, с. 115.
[802] *Зимин А. А.* Россия, с. 197, 206.

Фома Контарини сообщал, что русские послы проявили большое упорство, требуя, чтобы их пропустили к султану, поскольку они были посланы великим князем только к нему, а не к его пашам. В конце концов султан дал им аудиенцию, и они отправились восвояси [803]. Трудно думать, что в условиях доброго согласия Руси и Османской империи первая могла войти в состав антиосманского союза. Голохвастов вез и поручение к патриарху. Марк Грек обратился с просьбой к митрополиту Варлааму, чтобы тот ходатайствовал за него перед Василием III. Выполняя просьбу грека, Голохвастов должен был добиться переезда жены Марка на Русь, и в этом великий князь полагался на патриарха. В послании патриарху обращает на себя внимание отсутствие какой бы то ни было титулатуры главы православной церкви [804]. По-видимому, на протяжении изучаемого времени это было последнее обращение русского великого князя к патриарху.

В начале XVI в. после кратковременного затишья войска под предводительством Сулеймана Великолепного, сменившего умершего в конце 1520 г. Селима, завершив войны на востоке, возобновили активные военные действия в Европе. В феврале 1521 г. войско Сулеймана Великолепного двинулось на Белград—крепость, охранявшую проход к Дунаю. Казалось бы, наступил решительный час, когда организаторы антиосманских уний могли проявить себя в битвах. Однако обращение Людовика II к папе оказалось безрезультатным: он получил ответ, что папская казна пуста. Габсбургов от борьбы с османами удерживали их внутренние дела по упрочению власти в Бургундии, взаимоотношения с Францией и, наконец, смерть Максимилиана. В 1521 г. император Карл V, ведший войну с Францией, не мог выделить средств для защиты Белграда [805]. Рейхстаг в Вормсе, собравшийся в 1521 г., был занят проблемой реформации и первым выступлением Лютера. Наконец, Фердинанд, эрцгерцог австрийский, уступив желанию своей жены Анны, отправил отряд наемников в распоряжение Людовика II, когда было уже поздно [806]. 28 августа 1521 г. Белград пал. Путь в Австрию, Германию, Италию был открыт. До Вены оставалось меньше 150 км, до Венеции — меньше 400.

Несмотря на то что османские владения совсем близко подошли к итальянским, города Апеннинского полуострова, обескровленные потерями торговых факторий на Средиземном и Черном морях, не в состоянии были активно выступать против османов. Экономическому могуществу итальянских городов приближался

---

[803] *Sanuto M.* Op. cit., v. XXVIII, p. 109, декабрь 1519 г.; см. также: Сб. РИО, т. 35, № 95, с. 673; *Зимин А. А.* Россия, с. 206.

[804] Сб. РИО, т. 95, № 35, с. 623, 624, март 1519 г.

[805] *Baumgarten H.* Geschichte Karls V, Bd. I. Stuttgart, 1885, S. 444—456.

[806] Codex diplomaticus partium regno Hungariae adnexarum. — In: Monumenta Hungariae Historica, ser. I, v. XXXI. Pest, 1857, p. 34, 20 августа 1521 г.

конец. Он наступил, когда османам удалось овладеть Египтом — последней итальянской колонией на Средиземноморье. В борьбе с агрессией роль итальянских городов свелась к идеологическому воздействию на страны, в силах которых было организовать отпор османам, к сохранению и поддержанию славянской культуры (в особенности в этом отношении велики заслуги Венеции, ставшей крупным центром славянской и греческой культуры) [807]. Борьба за Кипр и Крит, участие венецианского флота в битве при Лепанто были последними попытками военного сопротивления Османской империи.

Роль организатора и руководителя антиосманского движения, которое должно было осуществляться силами других государств и их народов, не давала покоя императору. Империя Габсбургов была механическим соединением отдельных государственных образований. Права Габсбургов на те или иные земли колебались от прав земельных владельцев до прав наследственных собственников. В связи с этим империя Габсбургов была плохо управляемой. Разделение ее между Карлом V и Фердинандом (28 апреля 1521 г. в Вормсе и 7—8 февраля 1522 г. в Брюсселе), в результате которого эрцгерцог Фердинанд получил Верхнюю и Нижнюю Австрию, Штирию, Карниолу, Тироль и Форарльберг, а также владения на верхнем Рейне, на Адриатическом море и в Вендской марке вдоль границы Хорватии и Славонии, не укрепило государственной власти даже в этих узких пределах и не повысило обороноспособности Австрии.

24 ноября 1521 г. император Карл V заключил оборонительный и наступательный союз с папой и английским королем Генрихом VIII. Он предложил присоединиться к нему Польше, Венгрии, Дании, Португалии и Савойе. Присоединение к этому союзу венгерского и польского королей Карл V считал полезным, поскольку оно способствовало бы объединению усилий этих стран в борьбе против османов [808]. Возможно, подобное приглашение поступило и Руси, оно оказалось неуместным, поскольку новый султан Сулейман Великолепный, с 1506 по 1512 г. бывший кафинским пашой, а следовательно, знакомый с Русью, занял отчетливо прорусскую и промолдавскую позицию. Он запретил Мухаммед-Гирею поход на Русь, «занже ми есть друг велик. А пойдешь на московского, и яз пойду на твою землю» [809].

Поддержка Османской империи в 1520—1521 гг. нужна была Руси как никогда. Нагнетание антирусских настроений в Крыму,

[807] В 1478 г. в Венеции насчитывалось 4 тысячи славян из 110 тысяч жителей (*Fedalto G.* Ricerche storiche sulla posizione giuridica ed ecclesiastica dei greci in Venezia nei secoli XV e XVI. Firenze, 1967, p. 33).

[808] *Bederman H. J.* Geschichte der österreichischen Gesamtstaatsidee 1526—1804, Bd. 1—2. Insbruck, 1867—1889; Monumenta Habsburgica. Sammlung von Actenstücken und Briefen zur Geschichte des Hauses Habsburg in der Zeitraume vom 1473 bis 1576, Abt. II, Bd. I. Kaiser Karl V. und König Philipp II. Wien, 1853, S. 467, 518.

[809] Сб. РИО, т. 95, № 38, с. 681—682, 20 июня 1521 г.

щедрый подкуп польским королем Мухаммед-Гирея («... от короля черленое золото, белое сребро льется») [810] ради организации крымского похода на Русь делали необходимым укрепление отношений с султаном. Василий Михайлович Третьяк Губин должен был напомнить султану, что «Магмед салтан, Сюлемень салтанов прадед, Менли-Гирея царя на крымском юрте царем учинил, а отец ... Салимин — Магмед-Гирея, а они забыли добра»[811]. Настраивая султана против Крыма, русская дипломатия надеялась нейтрализовать воздействие королевских поминков, но опоздала. В июле 1521 г. по Руси прокатился «крымский смерч». После него русский государь не мог откликнуться на антиосманский призыв. Как явствует из послания Карла V 1523 г. в ответ на посольство Якова Полушкина [812], Василий III придерживался традиционных и общих формул о дружбе и братстве, которые он имел с Максимилианом I.

Через год расстановка сил в Европе переменилась. С необычайной быстротой происходило заключение союзов, направленных на урегулирование внутриевропейских отношений. В 1522 г. Климент VII создал Священную лигу против императора Карла V, который незадолго до этого нанес поражение Франции. В состав Священной лиги вошли Венеция, Швейцария и Англия. К 1522 г. две главные антиосманские силы — папство и империя — оказались в разных лагерях и уже не были способны действовать. Перед лицом опасности, надвигавшейся на весь юг и юго-восток Европы, особое значение приобретали взаимоотношения восточноевропейских государств с Османской империей, учитывавшей их роль и старательно поддерживавшей с ними добрососедские отношения. Для установления контактов с новым султаном был послан Третьяк Губин с предложениями «дружбы, братства и любви», направленной против крымского хана Мухаммед-Гирея [813]. Ему удалось добиться приезда в Москву турецкого посла Искендера Сакая (Скиндера) из рода мангупских князей [814].

Появление Скиндера в Москве сопровождалось конфликтом с великим князем по больному для Руси вопросу о пленных. Скиндер и приехавшие с ним купцы-армяне привезли в Москву русских пленных, выкупленных ими в Османской империи и Крыму, и потребовали уплаты денег. Казначеи заплатили им не завышенную цену (которую Скиндер заставил написать в каба-

---

[810] Там же, № 29, с. 497—498, 1518 г.; см. также: ПСРЛ, т. 34, с. 12.

[811] Сб. РИО, т. 95, № 38, с. 701, 20 июня 1521 г.

[812] Верительная грамота Полушкину была дана 26 мая 1522 г. в Коломне (*Алексеев М. П.* Московский подьячий Я. Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир. — В кн.: Культурное наследие древней Руси. М., 1976, с. 136). Еще в 1521/22 г. на Русь приезжал «цесарский немец Вартоломей» (ОЦААПП, с. 113; ОАПП, ч. 1, с. 393). Вел ли он переговоры о союзе или только о торговле, неизвестно.

[813] Сб. РИО, т. 95, № 38, с. 682.

[814] *Дунаев*, с. 17, 51; *Зимин А. А.* Россия, с. 250—251; *Смирнов И. И.* Восточная политика Василия III. — ИЗ, 1948, кн. 27, с. 18—66.

лах на этих людей), а «прямую». В связи с этим он позднее жаловался: «... У него силою тот полон отнимали, а денег не платили, а платили деньги, да не все» [815].

Со Скиндером к Сулейману были отправлены послы с грамотой Василия III от 4 апреля 1523 г. [816], в которой он настаивал на заключении договора с Османской империей и требовал удовлетворения претензий русских купцов. Договор, направленный против крымского хана, не был заключен и во время второго приезда Скиндера в июле 1524 г. На этот раз камнем преткновения послужили идеологические разногласия грека Марка с Василием III. В 1523 г. Марк, подобно Максиму Греку, обвинял русского государя в «схизме». Турецкий же посол, вместе с которым приехал шурин Марка Андроник, по словам Герберштейна, «ходатайствовал тогда за него с наглыми, пожалуй, просьбами» [817]. Можно предполагать, что, пытаясь вернуть Марка в Стамбул, он опирался на поддержку патриарха, имевшего какие-то права на жену Марка.

В целом же позиция султана по отношению к Руси оставалась благожелательной. После опустошительного набега литовских войск в союзе с ногайскими ханами Мухаммед-Гирей погиб. Новый крымский хан Саадат-Гирей, воспитанник султана, получил его распоряжение возобновить шертную грамоту с Василием III [818].

Скиндер предпринимал усилия для урегулирования русско-казанских отношений и предотвращения третьего похода на Казань. Казанский хан Сагиб-Гирей «заложился» за султана и признал свои земли «юртом» Сулеймана. Это не стало поворотным пунктом в истории русско-османских отношений от дружественных к враждебным [819], поскольку султан в урегулировании русско-казанских отношений не участвовал. Послание Саадат-Гирея доставил Скиндер. Сулейман же не успел занять никакой позиции по отношению к новому вассалу, ибо во время пребывания Скиндера в Москве Сагиб-Гирей был разгромлен и бежал. В сентябре 1524 г. Скиндер возвращался в сопровождении большого каравана, «армян и русаков много», среди которых находился и «государев торговый человек Олексейка Можайтунов с товарыщи». Караван попал в руки Ислам-салтана, который поднял мятеж против Саадат-Гирея и с ноября 1524 г. находился на Молочных водах под Перекопом. Караван был разграблен, «ру-

---

[815] *Дунаев*, с. 51.

[816] Грамота была отправлена с Иваном Семеновичем Морозовым, выехавшим после 20 марта 1523 г. (*Зимин А. А.* Россия, с. 251; *Дунаев*, с. 53—57; СГГД, ч. I. М., 1813, № 98). Эта грамота стала известна в Венеции 1 октября 1525 г. (*Sanuto M.* Op. cit., v. 40. Venezia, 1894, p. 5—6, 1 октября 1525 г.)

[817] *Герберштейн С.* Указ. соч., с. 65; *Дунаев*, с. 40, 52.

[818] ЦГАДА, ф. 123, кн. 6, л. 50 об., 62 об.; *Дунаев*, с. 63, 75, 78—79.

[819] См. противоположное мнение: *Смирнов И. И.* Указ. соч., с. 53—54.

саки торговые люди и казаки, которые были у телег наймиты», обращены в рабство и розданы по улусам, проданы «за море» [820]. По мнению И. И. Смирнова, Скиндер сообщил о враждебности Руси к Османской империи, в результате чего летом 1525 г. был задуман совместный крымско-османский поход, проведению которого помешало восстание Ислам-салтана [821]. В декабре 1525 г. Исламу удалось добиться признания его Саадат-Гиреем в качестве «калги» крымского хана. Сам султан ни в крымские распри, ни в крымско-русские, ни в крымско-казанские отношения не вмешивался. Лишь в 1527 г. его чеуш приезжал примирить Ислам-царевича с Саадат-Гиреем, но не преуспел в этом.

В русском обществе установление дипломатических отношений с Османской империей получило различную оценку. В противовес официальным правительственным кругам выходцы из Великого княжества Литовского с большой опаской относились к этому. К 20-м годам XVI в. относится составление русской версии «Сказания брани венециан противу турецкого царя» (о Наваринской битве 1499 г.). Использовав латиноязычное сочинение, написанное до 1519 г. итальянцем-гуманистом с изложением истории османских завоеваний и предсказанием гибели турок в 1523 г. волею греческих богов Крона и Арея и нового расцвета христианской — читай католической — церкви с 1523 по 1576 г., автор русской версии «Сказания» сравнивал турецких послов с «подзорщиками», целью которых был шпионаж. Он утверждал, что актуальной задачей «турок» было покорение «царства сего» — Руси, откуда откроется путь по Германии (Аламании) в Италию и другие европейские страны [822].

Польскому королевству 18 октября 1525 г., т. е. в то самое время, когда Османская империя овладела Белградом, удалось заключить с нею мирный договор, ставший краеугольным камнем польской восточной политики на протяжении всего XVI в. [823] В этих условиях, когда Русь добивалась установления мирных отношений с Османской империей, в Москву двигался Паоло Чентурионе с посланием папы Климента VII от 25 мая 1524 г. Путь его проходил через Краков, где Жигимонт, надеясь на поддержку папского посланца в деле урегулирования отношений с Русью, снабдил его всем необходимым до русской границы.

В Москве Чентурионе [824] вновь был принят очень благосклонно. Великий князь с интересом ознакомился с посланием

[820] ЦГАДА, ф. 123, кн. 6, л. 81 об., 158 об.; ОЦААПП, с. 98.

[821] *Смирнов И. И.* Указ. соч., с. 54; *Дунаев*, с. 82.

[822] *Казакова Н. А.* Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М., 1974, с. 62—70. Из опасений «пересмотра» земель христианских государей не был пропущен на Русь турецкий посол в 1496 г. (*Муханов*, № 53, с. 81).

[823] *Pociecha W.* Królowa Bona, t. II, s. 210.

[824] В посольских книгах он — Павел Зеновеянин, Зеневеянин, Зевеенин (Сб. РИО, т. 35, № 98, с. 692, 694, 698, март-апрель 1525 г.). Это след венецианского произношения слова «генуэзец»; ср.: *Sanuto M.*

Климента VII. Оно напоминало о давности русско-папских отношений (Климент VII указывал, что русские послы приходили к папе Александру VI, но, к сожалению, не заключили мирного договора) и содержало предложение Василию III королевского титула при условии признания верховной власти папы[825] (предложение, мало привлекательное для того, кто уже в течение десятилетия называл себя царем).

Климент VII, как отмечает Э. Винтер, несколько изменил тактику по отношению к Руси[826]. Он больше не призывал к организации антиосманского союза, а предлагал лишь церковную унию[827]. Дело, однако, не только в тактике, а в том, что в середине 20-х годов XVI в. папство не могло выдвинуть этого лозунга, поскольку его собственное положение было катастрофическим. Василий III не нуждался в подачках папы и мог продемонстрировать всему миру свою преданность христианской религии. Дмитрию Герасимову, отправившемуся в Рим вместе с Чентурионе[828], не стоило никаких усилий доказать преданность Василия III христианству. Альберто Пиггиус (Кампензе), писавший в 1525 г. под свежим впечатлением общения с русским послом Иваном Ивановичем Засекиным, развивал эти идеи в соответствии с настроениями папской курии.

Развернутый титул русского государя в верительной грамоте Дмитрию Герасимову — «великий государь Василий божьей милостью царь и государь всея Руси, великий князь владимирский, московский, новгородский, псковский, смоленский, тверской, югорский, пермский, вятский, болгарский и иных, государь и великий князь Новгорода Нижней земли, черниговский, рязанский, волоцкий, ржевский (Pozenju), бельский, ростовский, ярославский, белозерский, удорский, обдорский, кондинский и иных» [829] — показал, что Василий III не нуждался в получении королевского титула из папских рук[830].

Ответное послание Василия III Клименту VII было написано в очень сдержанных тонах: «Прислали к нам Паоло Чентурионе, генуэзского гражданина, с грамотами. В грамотах своих пишете, чтобы мы с другими христианскими государями были в союзе

Op. cit., v. IV, p. 325 — «Caffa-terra de Zenoesi». В верительной грамоте — «генуянин» (АЗР, т. II, № 134, I, с. 160).

[825] Переписка пап, № 2, с. 9—15; *Sanuto M.* Op. cit., v. 38. Venezia, 1893, p. 381—383; *Pastor L.* Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters, Bd. IV. Freiburg, 1904, S. 569.

[826] *Winter E.* Op. cit., Bd. I, S. 194.

[827] *Шмурло Е. Ф.* Рим и Москва, с. 146.

[828] РИО, т. 35, № 98, с. 692, 694, 698; АЗР, т. II, № 134, I, с. 160, март-апрель 1525 г.

[829] Этот титул произвел впечатление не только в Италии, но и в соседних странах. Олай Магнус, занесший его в «Историю» (*Olaus Magnus.* Op. cit., XI, 6), пишет об удивлении, произведенном этим титулом на финнов, хорошо знавших Русь.

[830] Для широких кругов итальянской общественности русский государь был известен с титулом «король» (Diarii Udinesi, p. 285).

против неверных и чтобы наши послы между нами ходили видеть здоровье наше... И мы хотим стоять против неверных и в союзе с христианскими государями быть и людей с обоих сторон пускать...» Герасимов удачно справился с поручением — показать папе свои дружественные чувства, но отказаться от участия в антиосманской борьбе, в которой Русь не была заинтересована [831].

О пребывании Герасимова в Италии сохранились многочисленные свидетельства. 17 декабря 1525 г. он был принят венецианской синьорией [832]. В Риме Герасимов жил в Ватиканском дворце, его гидом по вечному городу был епископ Франческо Кьерикати. Известно и описание его приема папой Львом X. Поведение Герасимова на этом приеме могло внушить папе надежды на возможность обращения в католичество и государя этого посла. Он целовал по католическому обычаю папскую туфлю, передал подарки (соболей) и письмо Василия III, которое перевел славянин Николо да Себеника [833]. Василий III почти в полном согласии с папой [834] поддерживал идею защиты общехристианского дела, а заодно охотно разделял мнение о необходимости давать чистый путь послам. Герасимов на приеме у папы представлял примерным христианином не только себя, а и своего государя. Таким же рисовал он Василия III в беседе с Павлом Иовием, с легкой руки которого, а также Альберто Пиггиуса (Кампензе) в Европе утвердилось мнение о Русском государстве как оплоте христианства. Последнему принадлежат мнения о возможности обращения Руси в католичество (это «гораздо важнее и гораздо достойнее имени христианского, нежели все выгоды, которые доставило бы нам покорение оружием Азии и Африки») [835] и благочестии русского государя, навеянные, несомненно, общением с русским послом.

Герасимов вернулся в Москву в сопровождении папского легата Джованни Франческо Питуса (Читуса) из Потенцы, 13 октября 1525 г. назначенного скаренским епископом в Швецию [836]. Герасимов и Джованни Франческо ехали, как и Чентурионе, через Польшу. 28 февраля 1526 г. они оказались в Кракове, 28 марта представились Жигимонту в Мальборке (Мариенбурге) и, наконец, 20 июля 1526 г. достигли Москвы [837]. В 1526 г. в Москву вернулось и русское посольство в составе «князя Ивана Засекина да дьяка Семена Борисова» [838], посетившее императора Карла V

---

[831] Библиотека иностранных писателей о России, отд. I, т. 1. СПб., 1836, с. 11; *Казакова Н. А.* Дмитрий Герасимов. — В кн.: Проблемы истории международных отношений, Л., 1972, с. 255.

[832] *Sanuto M.* Op. cit., v. 39. Venezia, 1894, p. 490.

[833] Ibid., v. 40, p. 497.

[834] *Шаркова И. С.* Заметки о русско-итальянских отношениях XV—первой трети XVI в. — СВ, т. 34, М., 1971, с. 210—211.

[835] Библиотека иностранных писателей о России, отд. I, т. 1, с. 21.

[836] *Pierling P.* La Russie, t. I, p. 296—299.

[837] Сб. РИО, т. 35, № 101, с. 710—717.

[838] ПДС, т. I, стб. 1487.

в Мадриде. Последний, по словам польского представителя Яна Дантишка, 15 августа 1525 г. дал послам аудиенцию [839] и возобновил союз с Русью.

Обратный путь Герасимова совпал с новым наступлением османов, целью которого была Венгрия. Инициатива этого наступления принадлежала не им, а французскому королю Франциску I, потерпевшему в начале 1525 г. поражение при Павии, находившемуся в качестве пленника в Мадриде и надеявшемуся отвлечь силы противников из Священной лиги, в первую очередь императора, на восток. В 1526 г., как и пятью годами раньше, европейские державы оказались не в состоянии дать коллективный отпор османам. Людовик II тщетно умолял европейские державы о помощи. В то время когда османы были у границ Венгрии, в мае 1526 г. Франциск I французский возобновил войну с Империей и полностью сковал силы Карла V, который не мог помочь Людовику. Позиция императора Карла V была совершенно пассивной. Несмотря на мольбы о помощи, он только после битвы при Мохаче послал Фердинанду тысячу дукатов [840]. В день битвы при Мохаче 26 августа 1526 г., в которой османы разбили венгерское войско, а неудачливый венгерский король сложил голову, рейхстаг решил исследовать вопрос о возможности оказания помощи Людовику II. После Мохача венгерский магнат Иоганн Заполья отошел в Трансильванию, а австрийский эрцгерцог Фердинанд захватил Хорватию. 12 сентября Сулейман со своим войском занял Буду, но оставался там только неделю, а затем ушел в Белград [841].

В то время как в Венгрии разыгрывалась трагедия, на крайнем востоке Европы, в Москве, в июле 1526 г. собрались скарепский епископ Джованни Франческо Питус (Читус) (Швеция), граф Леонардо Ногароли и Сигизмунд Герберштейн, представлявшие папу Карла V и Фердинанда, стремившиеся склонить Василия III к заключению мира с Великим княжеством Литовским и вхождению в антиосманский союз: по выражению литовской рады, «намовляючи великого князя к послушенству святого костела римского» и «обецуюци ему корону» [842].

Женитьба Василия III на Елене Васильевне Глинской в 1526 г., возобновившая русско-славянские династические связи, укрепляла надежды западных держав на вовлечение Русского государства в антиосманский союз. Мысль о единстве сербов и русских была широко распространена в идеологии русских общественных деятелей 20-х годов XVI в. Максим Грек писал:

---

[839] *Uebersberger H.* Op. cit., S. 184—190.
[840] *Pociecha W.* Królowa Bona, t. II, s. 276.
[841] *Uhlich G.* Geschichte der ersten türkischen Belagerung Wiens im Jahre 1529. Wien, 1874; *Merriman R. B.* Suleiman the Magnificant. Cambridge, Mass., 1944, p. 128—131.
[842] Сб. РИО, т. 35, № 101, с. 710—717; *Pierling P.* La Russie, t. I, p. 303—304; АЗР, т. II, № 144, с. 171—173.

«Из числа живущих по всей земле только три народа вкушают пищу, сидя за столом, — греки, сербы и русские. Последние два составляют один род, а третий род — латиняне, живущие в Европе» [843]. Второй брак Василия III соответствовал идеям, жившим в сербском и русском народах. Елена Васильевна по матери была родственницей [844], хотя и не кровной, наследников последнего сербского деспота Стефана. Ее мать Анна Якшич (дочь Стефана Якшича) была родной сестрой Елены Якшич, жены сербского деспота Ивана Стефановича [845]. Это дало основание русским великим князьям позднее считать себя в какой-то мере наследниками сербских деспотов [846]. Помимо, так сказать, далеких последствий брака Василия III с Еленой Глинской, следует указать и на его значение для 20-х годов XVI в. В условиях быстрого продвижения османов на европейскую территорию брак Василия III с одной из родственниц дома сербских деспотов поневоле включал Русь в число стран — противниц Османской империи.

Сведения о втором браке Василия III в Европе истолковывались превратно. В Венеции в июне 1528 г. стало известно из Венгрии, что дочь польского короля и племянница венгерского короля вышла замуж за московского князя [847]. Возможно, в таком же духе воспринимали этот факт и представители западных держав, собравшиеся в июле 1526 г. в Москве.

Со скаренским епископом в декабре 1526 г. в Рим отправились послы Еремей Матвеевич Трусов, дьяк Тимофей Семенович Шарап Лодыгин [848], а также купец Алексей Васильев. 15 февраля 1527 г. они прибыли в Краков [849], где и оставались до осени. В конце года они добрались до Италии (сначала Венеции, а в конце сентября—октябре миновали Анкону) [850].

Если пребывание в Москве епископа Скары, Герберштейна и Ногароли летом и осенью 1526 г. совпало с критическим моментом в истории народов Балканского полуострова (битвой при Мохаче и занятием Буды), то ответное русское посольство Трусова и Лодыгина застало папу в катастрофическом положении.

---

[843] *Максим Грек.* Сочинения, т. III. Казань, 1862, с. 112.

[844] *Радоијчић П.* Јужнословенско-руске културне свезе до почетка XVIII века. Нови Сад, 1965; *Тихомиров М. Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 83—87.

[845] *Стојановић Л.* Указ. соч., с. 43, 56.

[846] Не случаен интерес Ивана Грозного к основателям Сербского государства Симеону и Савве, выразившийся в помещении их портретов в росписях Архангельского собора Московского Кремля (*Сизов Е. С.* Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. — ТОДРЛ, Л., 1966, т. XXII, с. 264—271).

[847] *Sanuto M.* Op. cit., v. 48. Venezia, 1897, p. 18.

[848] ПСРЛ, т. VIII, с. 272; т. XIII, пол. 1, с. 45; т. XX, пол. 1, с. 404; ОАПП, ч. 1, с. 239.

[849] *Pociecha W.* Królowa Bona, t. II, s. 127.

[850] *Sanuto M.* Op. cit., v. 46, p. 207, октябрь 1527 г.

Священная лига в составе Папского государства, Швейцарии и Англии вела войну против Империи, в ходе которой 5 мая 1527 г. ландскнехты во главе с Шарлем, герцогом бурбонским, захватили Рим. Климент VII сначала бежал в замок святого Ангела, а затем вообще покинул Рим и переселился в Орвието. Сюда-то и явились русские послы со свитой из 15 человек в январе 1528 г.[851] 6 января русские послы на приеме у папы поцеловали папскую туфлю и преподнесли ему черных соболей на 6 тыс. дукатов[852]. Дар Клименту VII кажется особенно большим по сравнению с милостыней афонским монастырям и весьма симптоматичным в условиях разрыва Василием III отношений со Святой Горой и константинопольским патриархом. Русские послы встретили у папы Климента VII, удрученного собственными неприятностями, радушный прием. Папа способствовал найму русскими пушечного литейного мастера, названного Сануто «бомбардиром». На обратном пути Трусов и Лодыгин посетили Венецию. Появление послов, одетых в длинные меховые одежды, на приеме в синьории описано Сануто. Он сообщил, что послы преподнесли дожу 3 связки (сорока) соболиных шкурок и нож с ручкой из моржовой кости. Синьория снабдила их опасными грамотами вплоть до границ Германии (как и просили послы). Дож произнес торжественную речь и одарил их подарками[853]. В Равенне нанятый русскими мастер был задержан, и только вмешательство синьории позволило Трусову и Засекину увезти «бомбардира» с собой[854].

В то время как русские послы путешествовали по Италии, русско-турецко-крымские отношения переживали некоторый кризис.

К третьему приезду Скиндера на Русь в 1527 г. Ислам-салтан приурочил поход, целью которого был захват власти в Крыму. В феврале 1528 г. Саадат-Гирей прислал тайную грамоту Василию III, в которой объяснял причины и цели сентябрьского похода Ислам-салтана. Сам-де Саадат направлял войско Ислам-салтана на Черкасы, но его сторонники — Мемеш, Айдашка, Тенебек-мурза и другие — требовали изменения направления похода. «А дума их, — продолжал Саадат-Гирей в своем письме, написанном по-русски, — что Оку перелезем да Московской город возьмем, а коли тот город возьмем, московского царева посла Саку Скиндеря в руки возьми со многим добром и со многими людьми, да с своим послом через Белгород к заморскому царю пошли, и заморской царь воеводу даст, на отцове месте ты царь будешь, и земля вся твоя будет. И мы все, что нас есть князей,

---

[851] Верительную грамоту им см.: *Глушакова Ю. П.* Указ. соч., с. 128.
[852] *Sanuto M.* Op. cit., v. 46. Venezia, 1897, p. 488—489, январь 1528 г.; *Pierling P.* La Russie, t. I, p. 309—310.
[853] *Sanuto M.* Op. cit., v. 46, p. 626, 24 февраля 1528 г.
[854] Ibid., v. 47, p. 8.

твои будем. Только пыне в сей дороге из нашие мысли не выиди. Заморской царь тебя на царстве поставит» [855].

Судя по этому письму, турецкому послу отводилась вполне пассивная роль. Он должен был исполнять приказания и волю Ислам-салтана. Судный список по делу Максима Грека 24 июля—31 августа 1531 г. рисует позицию Скиндера в ином свете. Угрозы Скиндера («Ино будет моя борода привязана к собачью хвосту, только яз не приведу салтана на великого князя землю» [856]; «... Искандеря турского посла советы и похвалы, что хотел подъимати турскаго царя на государя») [857] имели, по-видимому, под собой основание — договоренность посла с крымским царевичем. Из замыслов Скиндера и Ислам-салтана ничего не вышло. Сторонники Ислам-салтана были убиты Саадат-Гиреем после их неудачного похода на Русь, Исламу удалось бежать в Поле. К замыслам Скиндера султан Сулейман, по-видимому, не имел отношения. Официальные русско-турецкие отношения оставались дружественными. В мае 1528 г. в Стамбул, судя по сообщениям тамошнего венецианского баила Пьеро Зена, прибыл русский посол [858]. В 1528 г. Сулейман направил на Русь с торговой миссией грека Андреяна Халкокондила, а в 1529 г. — того же Скиндера. Принятый 17 октября Василием III в Можайске, в декабре Скиндер умер, вероятно насильственной смертью. На этом русско-турецкие отношения временно прервались. Пожалуй, если бы не авантюристические планы Скиндера, они бы развертывались спокойно, ибо обе державы были настроены вполне добрососедски.

В 1529 г., благодаря новому рывку османских войск, они оказались около Вены, осада которой продолжалась три года и была снята только в 1532 г. В течение этих тревожных лет бывшие организаторы антиосманской унии занимали нейтральную позицию. Климент VII, правда, в начале 1532 г. обращался к Василию III, но не по поводу пресловутой унии, а по поводу его взаимоотношений с Жигимонтом I и в своем послании склонял Василия III к миру с Великим княжеством Литовским [859].

Связи с другим участником унии — императором и австрийским эрцгерцогом Фердинандом — были более оживленными. В 1527/28 г. в Москву вернулись послы к Карлу V Ляпун Осинин и Андрей Волосатый [860] в сопровождении Степана Клинчича, посла Фердинанда, короля угорского и чешского. В бумагах Скиндера содержались сведения, полученные от полоняника из Азова, «будто турецкого людей побил угорский король. И князь

---

[855] ЦГАДА, ф. 123, Крымские дела, кн. 6, л. 165—165 об.; см. также: ПСРЛ, т. 34, с. 16.
[856] Судные списки, с. 117.
[857] Чтения ОИДР, 1847, № 7, с. 4—5.
[858] *Sanuto M.* Op. cit., v. 48, p. 131, 12, 19, 30 мая 1528 г.
[859] Сб. РИО, т. 35, № 111, с. 851—852, февраль—апрель 1532 г.
[860] Они уехали из Москвы вместе с Еремеем Трусовым и Шарапом Лодыгиным (РК 1475—1605, т. I, ч. 1, с. 200).

великий тому обрадовался и звонити велел»[861]. Известия об этой «победе» способствовали укреплению русско-венгерско-чешских отношений. В Прагу через Ригу 2 июня 1530 г. отправились Мешок Квашнин и Иван Шелоня Булгаков[862]. Последний получил от Фердинанда 3 мая 1531 г. охранную грамоту. До границ Польши посол двигался в сопровождении того же Степана Клипчича[863]. Каково бы ни было содержание переговоров австрийского эрцгерцога с русским послом в период осады Вены, ясно, что ни папе, ни римскому императору не удалось втянуть Русь, руководимую трезвыми и реально мыслящими политиками, в антиосманские авантюры.

Смерть Скиндера в декабре 1529 г. и тщательный просмотр его бумаг, о чем султану стало известно из сообщения находившихся вместе с послом в Москве торговых людей бурсянина Чилибея, «царьгородцев» Пирахмата Азибеева, Саивата Мехметева и других[864], не способствовали сохранению дружественных отношений Русского государства с Османской империей. В 1530 г. Сулейман Великолепный прислал приглашение крымскому хану отправиться в поход на Русь, пообещав помочь ему пушками и пищалями. Было ясно, что «турецкой великому князю недруг». Благодаря султану крымское войско было снабжено «пушечным нарядом и с полуторными пищальми и с сороковыми и с затинными». Все это вооружение должно было быть обращено против Руси[865].

Крымский хан, пытаясь добиться получения таких же больших поминков, как от предшественников Степана Ивановича Злобина (1530 г.), был готов предпринять такой поход. Из-за отказа крымского царевича Саип-Гирея, занимавшего прорусскую позицию, Саадат-Гирей не смог выполнить просьбу турецкого султана. В феврале 1531 г. на Русь двинулся сравнительно небольшой отряд ширинского хана Бучкака, но, встретив под Белевом русскую заставу, присланную согласно сообщению Саип-Гирея, был вынужден повернуть на Почап и Стародуб[866].

Позднее же, в 1532 г., внимание Сулеймана отвлекла война с Молдавией, а летом 1532 г. султан отправил в Москву «гостей заморских араплян и шамохейцев и кафинских больших людей», во главе с Магметом Чилибеем Ших-Азеем и Усеин-Азатом, везшими на 25 ордынских телегах шелковую и бумажную «рухлядь» и краску[867]. Так были исчерпаны инциденты, вызванные Скинде-

---

[861] *Дунаев*, с. 88.

[862] *Зимин А. А.* Россия, с. 308; ЦГИА ЛатвССР, ф. 673, оп. 4, ящ. 19, № 103.

[863] Acta Tomiciana, t. XIII, N 138, p. 137—138, 3 мая 1531 г.

[864] *Дунаев*, с. 89.

[865] ЦГАДА, ф. 123, кн. 6, л. 311, 314; *Зимин А. А.* Россия, с. 371.

[866] ЦГАДА, ф. 123, кн. 6, л. 289, 316—317; см. также: ПСРЛ, т. 34, с. 16.

[867] ЦГАДА, ф. 123, кн. 6, л. 353 об.

ром[868]. Возобновились дружественные русско-турецкие контакты.

Своеобразная позиция Русского государства в восточном вопросе, заинтересованность Османской империи в поддержании и сохранении торговли с Русью свели, таким образом, на нет попытки европейской дипломатии вовлечь восточноевропейскую державу в антиосманскую борьбу.

* * *

На протяжении 1478—1533 гг. сложилась основная территория единого Русского государства. Были присоединены ранее независимые государства — Новгородская и Псковская феодальные республики, Тверское и Рязанское княжества. Укрепился международный престиж Русского государства. Завязывая широкие политические связи, Русь упорно добивалась воссоединения территории Древнерусского государства, широкого развития внешней торговли, создания условий для упрочения культурных связей.

Деятельность Ивана III нашла высокую оценку у идеологов конца изучаемого периода. Никоновская летопись так характеризовала первого князя Русского государства: «богомудрый же благочестиа ревнитель, достохвалной съпостатом победитель и собратель богом дарованного ему началнейшего отечества великий князь... и всея Русии самодержец»[869]. Идеологическому оформлению самодержавной власти содействовали культурные контакты Руси с другими народами и государствами.

---

[868] Не остались они без последствий и во внутреннеполитической жизни страны. Обвинения Максима Грека в измене в 1531 г. звучали злободневно.

[869] ПСРЛ, т. XII, с. 140—141. Идеологи самодержавия XVII в. давали ему еще более лестную оценку. «...Перваго самодержца всеа Русии, иже наречен бысть мститель неправдам» они хвалили за то, что он «Тверским великим княжением облада ... и Резанское великое княжение покори ... и Новаграда Низовские земли и суздальских и ярославских князей подручны себе сотвори, и Великим Новым градом и Псковом облада и у Ругодива во свое имя Иван город поставил камен» (ПСРЛ, т. 34, с. 222).

ЧАСТЬ III

КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Образование единого Русского государства сопровождалось становлением национального самосознания, в выработке которого участвовали различные социальные прослойки. Происходил быстрый рост материальной и духовной культуры. Выдвигалась задача ликвидации отставания Руси от других стран Европы, ликвидации несоответствия уровня культуры требованиям и запросам времени, т. е. ликвидации последствий ордынского ига.

ФОРМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Традиционными формами контактов в области культуры оставались поездки с религиозными и дипломатическими целями. Если до 1453 г. основной целью поездок с религиозными целями был Царьград, а участниками их в большинстве были церковные деятели, то позднее Русь ограничивалась контактами с афонскими монастырями [1], крупнейшим культурным центром поствизантийского мира. Один из них — монастырь св. Пантелеймона — был ктиторией русских великих князей, их «строением» [2].

Заключение браков членов великокняжеской семьи с представителями правивших или правящих домов Европы имело одним из последствий укрепление культурных связей Руси с Италией и Молдавией. В состав окружения великих княгинь наряду с боярами (наиболее значительную роль сыграли бояре Софьи — Траханиоты) входили мастера-ремесленники — ювелиры и вышивальщицы и, вероятно, писцы и миниатюристы. В управлении внешней и внутренней политикой значительные посты занимали греческие и русские семейства из различных районов поствизантийского мира, прибывавшие на Русь через Италию, Венгрию и Молдавию и Литовского княжества, такие как Траханиоты, Ан-

[1] К сожалению, слабо изученными. Публикации на русском языке включают либо более ранний, либо позднейший материал (Акты русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. Киев, 1873).

[2] ПСРЛ, т. 28. М., 1963, с. 328—329.

геловы, Ласкиревы, Ралевы, Бельские, Глинские, Мстиславские. Поток иноземной знати распределялся по времени таким образом: в 70-х годах преобладали выходцы из Италии, в начале 80-х годов — из Греции и Молдавии, с 80-х годов XV в. до 1533 г. с периодически нарастающей активностью — из Великого княжества Литовского. Интенсивность переездов на Русь совпадала с наступлением Османской империи на земли южных славян, Молдавию и Южную Европу, а также с распространением католичества в Литовском княжестве.

Поездки с дипломатическими целями охватывали не только ближайшие к Руси государства, но и Венгрию, Италию, Испанию, Англию. Русские дипломатические представители знакомили свою родину с новостями политической и культурной жизни Европы.

Встав на путь широкого развития международных отношений, великокняжеское правительство стремилось к расширению культурных контактов. Почти в каждом наказе русским послам значился пункт о найме ремесленников, литейщиков, геологов, архитекторов и др. Уделяя главное внимание вопросам ускорения развития материальной культуры (строительного и литейного дела), необходимость чего определялась характером внешнеполитических связей Руси с Великим княжеством Литовским, русское правительство приглашало также лекарей и филологов [3]. В приглашении на Русь Иван III проявлял необычайное упорство. 16 лет (в 1484, 1485, 1487, 1490 и 1500 гг., когда тот служил Менгли-Гирею) он добивался переезда на Русь таманского князя из Конарио — Захарии Гуил Гурсиса (Гуйгериса), знавшего латынь и, вероятно, армянский, хотя назначенный на 1490 г. выезд его на Русь не состоялся из-за трудностей переезда, в котором Менгли-Гирей не мог ему помочь: «турьскому Захарья великой грубник» [4].

Несмотря на сложности пути на Русь (так, Одиссея фряжских мастеров, по приглашению Ралева и Карачарова двигавшихся на Русь «с женами, и с детьми, и с девками», продолжалась почти 4 года — с 1500 по 1504 г.) [5] и неустойчивое положение иностранцев в Русском государстве, поток приезжих превышал число желавших покинуть страну [6].

---

[3] Сб. РИО, т. 41. СПб., 1884, № 11, с. 43, июнь 1484 г.; ПДС, т. I. СПб., 1851, стб. 19—20, 165.

[4] Сб. РИО, т. 41, № 10, 19, 20, 21, 29, 64, с. 41, 71, 72, 77, 114, 309, март 1484 г.—май 1500 г.; СГГД, ч. V. М., 1894, с. 3. До июня 1487 г. Захария подвергся ограблению со стороны Стефана (Сб. РИО, т. 41, № 20, с. 72, 8 июня 1487 г.).

[5] Сб. РИО, т. 41, № 97, с. 515—516, август 1505 г.; ПСРЛ, т. 28, с. 337. Миновав владения чешского и венгерского короля Владислава (Сб. РИО, т. 41, № 65, с. 308, 321), послы и мастера были задержаны сначала в Молдавии, а потом в Крыму (там же, № 67, с. 323).

[6] В 1488 г. венгерский посол Иван просил об отпуске из Москвы итальянца Франциска (ПДС, т. I, стб. 164—165). В 1492 г. через Каффу уезжал на родину фрязин Устин (Августин) в обществе своего соотечествен-

Результатом великокняжеской политики в области культурных отношений было появление многочисленных специалистов — денежников и ювелиров, архитекторов и литейщиков, геологов и врачей, приглашенных из Венгрии, Италии, Священной Римской империи, Дании, Шотландии, Пруссии, часть которых была объединена в какую-то организацию.

Большое влияние на развитие культурных контактов оказала и деятельность еретиков. Новгородские и московские еретики и их обличители в поисках аргументов для своих утверждений или обличений обращались к опыту зарубежных собратьев. Деятельности новгородских еретиков Русь обязана знакомством с астрономическими и философскими древнееврейскими произведениями — «Шестокрылом» и «Логикой» Моисея Маймонида (XII в.), переводы которых были сделаны в Юго-Западной и Западной Руси. Одному из членов московского «еретического» кружка (в который входили представители государственного аппарата — дьяки Федор и Иван Волк Курицыны, Истома Старший, родственник знаменитого переводчика XVI в. Истомы Малого, скорее всего Андрей Григорьевич Истома Пушкин, дворянин Ивана Ивановича Молодого [7], Сверчок (Константин Федорович Сабуров?) — Ивашке Черному — принадлежит переписка в 1485 г. Еллинского летописца и в 1487 г. Лествицы Иоанна Лествичника с перевода Киприана 1387 г.[8]

Иной круг литературы вводил в оборот русского читателя кружок новгородского архиепископа Геннадия, в состав которого входили и русские, хорошо знавшие иностранные языки, — Дмитрий Герасимов и Герасим Поповка, грек Дмитрий Траханиот, немец Николай Булев и выходец из Словении доминиканец Вениамин [9]. Цель переводческой работы — вооружить реакционное направление церковников действенным оружием в борьбе против еретиков, известных под названием «жидовствующих» и хорошо знакомых с теологической и научной литературой своего времени.

ника Русана (Сб. РИО, т. 41, № 36, с. 159, август 1492 г.). Вместе с Ю. Гартингером в 1504 г. из Москвы в Новгород выехал «жидовин» Иосиф, везший свое имущество на нескольких подводах (ПДС, т. I, стб. 124). В 1539 г. сделал неудачную попытку бегства Петр Фрязин (АИ, т. I. СПб., 1841, № 140, с. 203).

[7] Андрей Григорьевич Истома Пушкин был, вероятно, испомещен в районе Твери. Его племянники получили земли в Новгородской земле (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 83; см. также: Сб. РИО, т. 35. СПб., 1882, № 4, с. 16). В январе 1488 г. он делал набег на Хлепень (АЗР, т. I. СПб., 1846, № 105, с. 123—124, сентябрь 1492 г.). О К. Ф. Сабурове см.: АСЭИ, т. III. М., 1964, комм. к № 228, с. 500.

[8] Подробнее см.: *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, с. 186—202.

[9] Подробнее см.: *Лурье Я. С.* Указ. соч., с. 229—230, 267—282, 347 и др.; *Он же.* К вопросу о «латинстве» Геннадиевского литературного кружка. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961.

Кружок Геннадия обращался к немецким изданиям (в частности, Библии) и латинским источникам (Псевдоконстантиновой грамоте, широко использованной в «Слове кратке» Вениамина) для доказательств примата церкви над государством и защиты церковных имуществ [10].

Обличители еретиков, и в первую очередь Иосиф Волоцкий, широко применяли памятники греческой церковной литературы, написанные в полемике с иконоборцами; например, «Многосложный свиток». Для обоснования идеи о богоизбранности царской власти он широко использовал сочинения византийского писателя VI в. Агапита [11].

Идеологи самодержавной власти, формулируя мысль о переносе империи, широко пользовались опытом южных славян.

Хронограф, созданный в Иосифо-Волоколамском монастыре в 1516—1522 гг., определял международное положение Руси исходя из представлений и мерок византийского мира [11а]. Этот виднейший памятник идеологии самодержавия, составители которого широко использовали произведения сербской и болгарской литературы (житие сербского деспота Стефана Лазаревича, написанное Константином Костенчским и дополненное Владиславом Грамматиком; житие Саввы Сербского и хронику Манассии в болгарском переводе [12]), пронизан идеей преемственности русского самодержавия от славянских независимых государств.

Составители другого памятника — «Сказания о князьях владимирских», возводившего род русских князей к императору Августу, располагали каким-то южнославянским памятником и одним из вариантов переработки Александрии Ламбрехта, распространенным в Прибалтике в конце XV в.[13]

---

[10] *Седельников А. Д.* Речи посла цесарева. Рассказ 1490 г. об инквизиции. — Труды Комиссии по древнерусской литературе АН СССР. Л., 1932, т. I, с. 49—50; *Он же.* Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI в. — Доклады АН СССР, 1929, сер. В, № 1, с. 16—19; *Он же.* К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина. — ИОРЯС, Л., 1925, т. XXX; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба, с. 270.

[11] Соборник или Слова избранная святых отец о поклонении и о чести святых икон. М., 1642; *Вальденберг В.* Наставление писателя VI в. Агапита в русской письменности. — Византийский временник, 1926, т. XXIV; *Ševčenko I.* A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology. — Harvard Slavic Studies, 1954, v. II; *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба, с. 149, 475—479.

[11а] ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, с. 3—441; *Клосс Б. М.* Рец. на кн.: *Творогов О. А.* Русские хронографы. Л., 1976. — ИСССР, 1977, № 3, с. 183.

[12] *Розанов С. П.* Житие сербского деспота Стефана Лазаревича и русский Хронограф. — ИОРЯС, СПб., 1906, т. XI, кн. 2, с. 62—97; *Салмина М. А.* Хроника Константина Манассии как источник русского Хронографа. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. XXXIII, с. 279—287.

[13] Античная часть комплекса «Сказания о князьях владимирских» завершается сообщением о поставлении Августом Иллирика в верховьях Истра и Пиона — в Золотых затоках (залив на Адриатическом море к востоку от полуострова Истрия), ко времени переноса этого рассказа

Идеологическая борьба способствовала проникновению на Русь научных, теологических и литературных произведений — как западных, так и византийских.

Можно проследить изменение направлений культурных связей: в XV в. заметно преобладание итальянцев, в XVI в. — выходцев из Германии. Сношения с Италией затруднялись частыми в XVI в. русско-литовскими войнами. Женитьба Жигимонта в 1518 г. на миланской герцогине Боне Сфорца превратила Польшу в центр притяжения многочисленных итальянцев.

Базой для развертывания русско-немецких связей служили особенности социально-политического развития Руси по пути абсолютной монархии, определившего ее враждебность ко всякого рода гуманистическим настроениям, и укрепление контактов с контрреформацией Европы. Сношения с северонемецкими городами, достигшие своего апогея в 90-х годах XV в., возобновились после 1509 г. и особенно после 1514 г., в период заключения союза с Тевтонским орденом [14].

Особенностью культурных отношений Руси со странами Европы была их взаимность, в особенности в области языковых связей и распространении географических знаний. Русским принадлежит большая роль в становлении географических сведений о Руси: о «Московии» узнавали в 1486 г. в Милане со слов Юрия Траханиота, в 1524 г. в Тюбингене — со слов Власа, в 1525 г. в Риме — по рассказам Дмитрия Герасимова. Описание северного морского пути, ставшего основой проекта первого морского путешествия англичан в Европу, получило известность благодаря записи Герберштейном рассказа Григория Истомы [15].

Русские дипломаты распространяли и картографические сведения о своей родине: карта Баттисты Аньезе была составлена на основе рассказов Дмитрия Герасимова, поэтому она была более подробной, чем предшествующая карта Вальдземиллера 1516 г. Со своей стороны, русские дипломаты привозили описания

на русскую почву перешедших в руки венгров («иже ныне наричются угрове») (Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, с. 162), что произошло в начале XII в. Публикацию базельской переработки см.: *Werner R. M.* Die Basler Bearbeitung von Lambrechts Alexander. Tübingen, 1881. С судьбой Нектанаба (в русской версии Ахтанава и др.) наместник хохмейстера Тевтонского ордена сравнивал судьбу Стена Стуре, добившегося благосклонности датской королевы (LECUB, Abt. II, Bd. 1. Riga—Moskau, 1900, N 606, S. 439, 31 октября 1497 г.).

[14] К сожалению, многочисленные заимствования из иностранных языков датируются с большим трудом, в особенности торговая лексика (*Thomas G.* Low German Loanwords in Russian. München, 1978).

[15] *Шаскольский И. П.* Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествие Григория Истомы). — В кн.: Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв. М.—Л., 1965, с. 28—29; *Гамель И. Х.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865; *Мавродин В. В.* Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на севере Европы с древнейших времен и до XVI в. — ВИ, 1954, № 8, с. 7.

географических открытий (путешествия Магеллана, в частности перевод рассказа о котором был, возможно, сделан Дмитрием Герасимовым) [16].

Взаимными были и связи в области музыки. Скоморохи, против которых ополчались ортодоксы на Руси, пользовались популярностью далеко за ее пределами — скоморохи с медведями в 70-х годах XV в. были в Мазовии, в 1478 г. — в Сандомире. При дворе императора Максимилиана в 1519 г. в качестве трубача и барабанщика находился Георг Московит [17].

«Арганный игрец» (варган — небольшой музыкальный инструмент, представляющий собой «железную полоску, согнутую лирой, со вставленным вдоль посредине стальным язычком» [18], широко распространенный в средневековье по всей Европе и часто находимый при раскопках в Новгороде Великом) Иван Списатель, позднее называемый Спасителем, приехал в Москву в 1490 г., а 17 мая 1492 г. «каплан белых черниц аугустова закона» «закона своего отрекся и чернечество оставил» и женился на вдове Алексея Серина [19]. Неизвестно, продолжал ли он свои музыкальные занятия позднее. В 1495 г. он участвовал в поездке Ивана III в Новгород [20].

Языковые связи предшествующего периода носили явно односторонний характер. В Новгород для обучения русскому языку приезжали лишь «ученики» из среды ганзейского и ливонского купечества [21]. Для облегчения знакомства с русским языком То-

---

[16] *Казакова Н. А.* Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972, с. 262—263; *Кордт В.* Материалы по истории русской картографии, сер. II, вып. 1. Карты всей России, северных ее областей и Сибири. Киев, 1906, с. 3—5; *Michow H.* Die ältesten Karten von Russland. Hamburg, 1884, S. 23; *Казакова Н. А., Катушкина М. Г.* Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана. — ТОДРЛ, Л., 1968, т. XXIII, с. 228—252.

[17] *Максим Грек.* Слово против скоморохов. — *Ржига В. Ф.* Неизданные сочинения Максима Грека (Byzantinoslavica, 1934/35, v. VI, с. 105—108); *Зимин А. А.* Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI в. — В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв. М.—Л., 1959, с. 339—341; Księga skarbowa Janusza II, księcia mazowieckiego z lat 1477—1490. Warszawa, 1959, s. 577, 628; Rachunki królewskie z lat 1471—1472 i 1476—1478. Wrocław—Kraków, 1960, s. 247, 250; Die österreichische Zentralverwaltung, Abt. I, Bd. 2. Aktenstücke 1491—1681. Wien, 1907, S. 141.

[18] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, с. 165.

[19] ПСРЛ, т. 28, с. 154, 157; т. XVIII. СПб., 1913, с. 276; т. XXIV. Пг., 1921, с. 209. Подробнее см.: *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV вв. М., 1957, с. 212.

[20] РК 1475—1598. М., 1966, с. 25; РК 1475—1605, т. I, ч. 1. М., 1977, с. 46.

[21] *Goetz L. K.* Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, S. 433—437; *Johansen P.* Novgorod und die Hanse. — In: Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte. Lübeck, 1953, S. 138—140; *Raab H.* Die Anfänge der slawistischen Studien im deutschen Ostseeraum unter besonderer Berücksichtigung von Mecklengurg und Vorpommern. — Wissenschaftliche Zeitschrift, Greifswald, 1955/56, Bd. V, S. 342—344.

масом Шрове при содействии русского из соседнего с Ливонией района была составлена «Книга русского языка»[22]. В начале XVI в. к ганзейцам присоединились датчане (их обучал в Москве доктор Михаил), голландцы и поляки (Эразм Бетман из Кракова), а возможно, и подданные прусского магистра (слуга магистра Волкан Поге, или Вулфысанг, находился на Руси в 1519 г.)[23].

В конце XV в. русские стали активнее овладевать иностранными языками. К греческому, которым в 80-х годах пользовались русские дипломаты Траханиоты, добавились немецкий и латынь. Дмитрий Герасимов и Герасим Поповка в 80—90-х годах XV в. учились в Ливонии[24]. В университет Ростока 14 июня 1493 г. поступил Сильвестр Малый из Новгорода[25]. Известно о хорошем владении немецким языком переводчика Власа Игнатьева, в 1510 г. участвовавшего в приеме любекских послов во главе с Иоганном Роде[26].

Русский язык обогатился иностранной лексикой, преимущественно архитектурной: «муроль», или «муляр», «кои ставит церкви и полаты» (термин восходит к итальянскому murale — стенной; перевод летописца не совсем точен), «архитектон» или «архитихтон» (греч.) в значении главного зодчего. В венецианском произношении вошло слово «мистр» — мастер[27].

Наряду с заимствованиями отдельных слов происходило знакомство с теоретическими основами грамматики как науки. В этом большая роль принадлежит Федору Курицыну, автору Лаодикийского послания. Античная грамматика Доната была, возможно, переведена в конце XV в. Более традиционными были предисловие Иоанна, экзарха болгарского, к «Богословию» Иоанна Дамаскина, сербская статья XIV в. «О восьми частях слова» и серия сочинений Максима Грека «О грамматике»; «о греческих

---

[22] *Алексеев М. П.* Книга русского языка Т. Шрове 1546 г. — В кн.: Сборник статей памяти академика Л. В. Щербы. 1880—1944. Л., 1951, с. 109—112. Новейшие исследователи датируют этот памятник серединой XVI в., однако русско-ливонские культурные связи и в конце XV в. были интенсивными. О пребывании в Москве магистра Альбрехта фан Веттера см. с. 59, 242.

[23] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 66—68; Сб. РИО, т. 53. СПб., 1887, № 10, 11, 14, с. 95, 121, 132, март—август 1519 г.; HR, Abt. III, Bd. 7. Leipzig, 1905, N 39, § 87, S. 32—33; РИБ, т. XVI. СПб., 1897, № 10, с. 15—16, 1 июня 1516 г.

[24] ПДС, т. I, стб. 106; *Казакова Н. А.* Указ. соч., с. 253 и др.; *Майков Л. Н.* Последние труды. — ИОРЯС, СПб., 1900, т. 5, кн. 2, с. 373—379.

[25] *Berkov P. N.* Ostslavische Studenten an deutschen Hochschulen in der vorpetrinischen Zeit. — ZSIPh. Leipzig, 1962, Bd. 30, H. 2, S. 358—361. Об овладении русскими немецким языком свидетельствует памятная записка о произношении немецких чисел начала XVI в. (*Гансен.* Грамоты. Ревель, 1890, № 29, с. 24).

[26] HR, Abt. III, Bd 5. Leipzig, 1894, N 541, S. 650; ПСРЛ, т. 34. М., 1978, с. 15.

[27] ПСРЛ, т. 28, с. 138, 154; т. XXIV, с. 205; т. 26. М.—Л., 1959, с. 316; ПЛ, вып. 1. М., 1941, с. 99 и др.

гласных и согласных», написанных в конце 40-х—50-х годах XVI в.[28] Составлялись пособия для изучения греческого языка[29].

Роль культурных контактов была более существенной для Руси, чем для стран Европы. Влиянием их были охвачены почти все сферы материальной и духовной культуры.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

В составе великокняжеского бюрократического аппарата значительную роль играли приезжие греки, в первую очередь Траханиоты. Считается, что они поступили на службу к великому князю после его женитьбы на Софье Палеолог[30]. В начале февраля 1473 г. греки покинули Русь. В следующем году, 14 июля 1474 г., Дмитрий Грек прибыл в качестве посла «от царевичев Фоминых детей аморейского»[31]. В течение последующих десяти лет об их деятельности на Руси ничего не известно. Лишь в 1485 г. Юрий Траханиот упомянут среди бояр, остававшихся в Москве[32]. С 1486 г. начинается его активная дипломатическая деятельность: посол к Максимилиану в 1486—1487 гг., марте 1489 г.—июле 1490 г., августе 1490 г.—августе 1491 г., апреле 1492 г.—июле 1493 г., участник приема ганзейского посольства 20 сентября—9 ноября 1494 г., посол в Данию в апреле 1500 г.—августе 1501 г.[33] Боярин великой княгини Софьи в 1500 г., он владел в Москве двором, на котором в 1501 г. сидел «за сторожами» литовский пленник Григорий Станкович Остикович[34]. Об-

---

[28] *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба, с. 199; *Кузнецов П. О.* У истоков русской грамматической мысли. М., 1958, с. 5—7; *Малинин В.* Грамматика Иоанна, экзарха болгарского. — В кн.: Сб. статей по славяноведению. СПб., 1883, с. 179—195; *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. — В кн.: Исследования по русскому языку, т. I. СПб., 1895, с. 596—597, 649, 651; *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуции, библиография. Л., 1969, с. 90—104.

[29] «Речь тонкословия греческого» была составлена либо в конце XV в. (*Никольский Н. К.* Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV—XVI вв. СПб., 1896, с. V), либо в середине XV в. (*Vasmer M.* Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch. Leipzig, 1922, S. 1—10, 128—136; *Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963, с. 331).

[30] *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба, с. 314.

[31] ПСРЛ, т. 28, с. 135, 138.

[32] РК 1475—1598, с. 20.

[33] *Рутенбург В. И.* Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 360—362; ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 331—333; т. 28, с. 155—157, 159, 320, 322, 324; ПДС, т. I, стб. 14, 24, 34, 65, 82—114; LECUB, Abt. II, Bd 1. Riga—Moskau, 1900, N 31, S. 22, N 95, S. 75. И. Х. Гамель утверждает, что ни по-латыни, ни по-гречески (!) он не понимал (*Гамель И. Х.* Указ. соч., с. 156). В одно из посольств он ездил с Федором Курицыным.

[34] Сб. РИО, т. 35, № 67, с. 324; РК 1475—1598, с. 16; ПДС, т. I, стб. 69.

ращает на себя внимание перерыв в его деятельности с 1494 г., когда он участвовал в приеме послов, до 1500 г., что, по-видимому, объясняется положением княжича Василия и великой княгини Софьи в это время и изменением внешнеполитической ориентации Руси, переживавшей в 1494—1500 гг. охлаждение отношений с Империей и папством.

В отличие от Юрия Грека Старого Юрий Дмитриевич, его племянник (Юрий Малой, Юшко), делал карьеру быстро и без затруднений. В 1493 г. участвовал в приеме Снупса; великокняжеский постельник в 1495 г., он присутствовал на свадьбе сестры Василия III в феврале 1500 г.[35]; с 1503 по 1510 г. был печатником[36], в 1509 г. — казначеем и в последующее время имел отношение к казне[37]; в 1513—1514, 1515 и 1522 гг. участвовал в переговорах с Османской империей, в 1517—1518 гг. — с Империей, в 1517, 1519 и 1520 г. — с Тевтонским орденом[38]. Попытка Юрия Малого выдать дочь замуж за Василия III закончилась неудачно[39], но его высокое положение доказывается участием Юрия в важнейших внутриполитических акциях — в расследовании дела 1517 г. об измене Василия Шемячича, в 1522 г. — о побеге Ивана Ивановича Рязанского и бесплодии великой княгини[40]. Владелец сел Михнева и Козодавле (позднее — Троханеево) и подворья в Кремле рядом с Благовещенским собором и великокняжеской набережной палатой[41], он попал в опалу в 1522 г. по делу лекаря Марка и приема Скиндера[42]. Еще два представителя этой фамилии участвовали в международных отношениях Руси. В 1505 г. из «Италийских стран» приехал Андрей Траханиотов, тверской епископ Нил писал в 1515 г. патриарху[43]. Лишь Дмитрий Палеолог не участвовал в государственной деятельности, ограничиваясь переводческой. Траханиоты оказали весьма суще-

---

[35] ПДС, т. I, стб. 114; РК 1475—1598, с. 26, 16.

[36] ДДГ. М.—Л., 1950, № 89, с. 362—363; РК 1475—1598, с. 16, 44; РК 1475—1605, т. I, ч. 1, с. 113. С этим, видимо, связано выполнение поручения литовской княгини Елены в 1503 г. — прислать ей соболей на шапку (Сб. РИО, т. 35, № 76, с. 415).

[37] РК 1475—1598, с. 44. Петр Михайлович Плещеев должен был ему 30 алтын за «соболь» (АРГ. М., 1975, № 59, с. 61, не позднее 24 февраля 1510 г.).

[38] Сб. РИО, т. 95. СПб., 1895, с. 84, 96, 189, 395; ПДС, т. I, стб. 223, 425; Сб. РИО, т. 35, № 85, с. 506—507, 509—515, 532—533, 540, 541; т. 53. СПб., 1887, с. 11, 34, 87, 200.

[39] *Герберштейн С.* Указ. соч., с. 38. Он присутствовал на свадьбе Василия III и Соломонии Сабуровой (РК 1475—1598, с. 16).

[40] АИ, т. I, № 124, с. 181—182; АСЭИ, т. III, № 391, с. 406—409; *Герберштейн С.* Указ. соч., с. 65. В 1510 г. он разбирал земельные споры на Двине (АЮ. СПб., 1838, № 14, с. 27—28).

[41] АСЭИ, т. III, № 48-а, с. 74, 1512 г.; т. I. М., 1952, комм. к № 624, с. 635; Сб. РИО, т. 95, с. 69; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, с. 59.

[42] *Герберштейн С.* Указ. соч., с. 65; *Дунаев*, с. 36—44, 52.

[43] Сб. РИО, т. 35, № 84, с. 480; ПСРЛ, т. XXIV, с. 221; ПЛ, вып. 1, с. 74.

ственное воздействие как на дипломатическую практику Русского государства, так и на формирование идеологии русского самодержавия [44].

Другие греческие семейства, приехавшие на Русь, не были связаны с Софьей Палеолог, хотя Ралевы причисляли себя к Палеологам. В 1485 г. Раль Палеолог приехал из Стамбула, а в 1487 г. Дмитрий и Мануил были посланы в Венецию [45], откуда они вернулись с Андреем Палеологом, братом Софьи, и с большой группой мастеров. Мануил Ларев возглавил в 1491 г. изыскательскую партию на Печору и Цильму [46]. В 1493—1494 гг. Дмитрий Ралев вместе с Дмитрием Зайцевым утверждали договор с Данией, а возвращались северным морским путем и через Устюг [47]. В 1495 г. Дмитрий и Мануил сопровождали Ивана III в поездке в Новгород [48]. Наиболее длительным и трудным было путешествие Дмитрия Ралева и Митрофана Карачарова в Италию в 1499—1504 гг. В начале XVI в. Мануил не упоминается, Дмитрий же в 1507 г. участвовал в походе на Казань [49]. Некий Иван Фомич Ралев или Ларев, женатый на дочери Меньшого Путятина, был послан в Тулу [50]. Известны земельные владения Ларевых под Москвой [51].

Третьим семейством, утверждавшим родство с Палеологами, были Ласкиревы. Они позднее других представителей палеологовского «рода» появились на Руси — только в 1496 г. сын «тысяцкого царегородского», по Государеву родословцу, приехал из Венгрии [52], оттуда Федор Дмитриевич Ласкирев выехал в Литовское княжество, а затем на Русь [53]. Сын Федора, Дмитрий, по прозвищу «Грек», был послом в Данию в 1507 г.[54] и в Империю в марте 1514—1515 г.[55]

Грек Мануил Ангелов в мае 1493 г.—мае 1494 г. вместе

---

[44] Близкие к архимандриту Чудова монастыря Геннадию, они руководили строительством церкви св. Алексея и палат в этом монастыре (ПСРЛ, т. XXI, пол. 2. СПб., 1913, с. 367).

[45] ПСРЛ, т. XIII, пол. 1. М., 1965, с. 219; т. 27. М., 1962, с. 288; ИЛ. М., 1957, с. 127.

[46] ПСРЛ, т. 33. Л., 1977, с. 128.

[47] Там же, т. 28, с. 158, 160, 324; УЛС. М.—Л., 1950, с. 100.

[48] РК 1475—1598, с. 25; РК 1475—1605, т. I, ч. 1, с. 46.

[49] РК 1475—1605, т. I, ч. 1, с. 88; ПСРЛ, т. XIII, пол. 1, с. 2.

[50] РК 1475—1605, т. I, ч. 1, с. 220.

[51] Подмосковье. М., 1955, с. 387—388; *Веселовский С. Б.* Указ. соч., с. 220—221.

[52] Бархатная книга, т. II. М., 1787, с. 275—276; Родословная книга. — Временник МОИДР, т. X. М., 1851, с. 121; *Лихачев Н. П.* Указ. соч., с. 397—398.

[53] ПСРЛ, т. 28, с. 160; т. XV. СПб., 1863, с. 502. Представитель той же фамилии Антоний Ласкарь был польским послом в Дании, Любеке и Шеците (ПДС, т. I, стб. 63).

[54] ОЦААПП. М., 1960, с. 25.

[55] ПДС, т. I, стб. 176; ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, с. 258; т. 28, с. 347, 350; т. 34, с. 11; РИБ, т. XV. СПб., 1894, с. 26; ОЦААПП, с. 113.

с Данилой Мамыревым ездили в Венецию[56]. Возможно, он же под именем «Мануилы Грека» в 1483 г. был «во Фрязех»[57]. Впрочем, не исключено, что речь шла о Мануиле Траханиоте. Известны еще два Ангелова. Первый из них — Микула (Никула) Иванович — 2 февраля 1494 г. в числе пяти детей боярских был направлен на подворье к литовским послам «поить» их после великокняжеского обеда, а в 1504 г. угощал имперского посла Ю. Гартингера[58]. В 1499 г. присутствовал на свадьбе великой княжны Евдокии с князем Василием Дмитриевичем Холмским[59]. В 1495 г. сопровождал Ивана III в поездке в Новгород, осенью 1497 г. ездил в Литву к княгине Елене, равно как и в 1508 г. (уже в должности печатника), в 1510 г. присутствовал при присоединении Пскова[60]. Ему принадлежали земли на реке Бане, к западу от Москвы, в Горетовом стане[61]. По-видимому, он получил их до 1504/05 г., когда участвовал в качестве послуха при покупке-продаже земли в этом стане[62]. Какой-то Никита Ангелов ездил в 1500 г. во Псков с требованием поддержки Ивана III против Литвы[63].

Греки, выходцы из Константинополя и Морей, приехавшие из Италии и Литвы, занимали при дворе великого князя высокое положение, в основном в качестве дипломатов. Важнейшие для Руси договоры с Империей в 1490 г. и с Данией в 1493 г. заключали греки (Юрий Траханиот и Дмитрий Ралев). После некоторого перерыва с 1500 г. греки возобновили свою деятельность в меньшем масштабе, чем раньше. Выросли кадры собственных дипломатов, успешно решавших задачи общения Руси с остальными европейскими государствами. К 20-м годам XVI в. сформировались представления о роли самодержавной власти, новые принципы соотношения светской и церковной власти как внутри страны, так и вне ее, вероятно чуждые грекам.

Греки находились на службе не только у великих князей. Среди людей князя Василия Шемячича в Новгороде Северском был Микула Грек[64]. Менее заметно участие в дипломатической дея-

---

[56] ПСРЛ, т. XX, пол. 1. СПб., 1910, с. 359—361; т. 28, с. 324—325. По-видимому, он при содействии Бартоломея Готана нанимал венецианских корабелов (LECUB, Abt. II, Bd. 1, № 2, S. 1—2, 2—29 мая 1494 г.).

[57] Сб. РИО, т. 41. СПб., 1884, № 11, с. 42, июнь 1484 г.

[58] Там же, т. 35, № 24, с. 123; ПДС, т. I, стб. 124.

[59] РК 1475—1598, с. 16; РК 1475—1605, т. I, ч. 1, с. 63.

[60] РК 1475—1598, с. 26; РК 1475—1605, т. I, ч. 1, с. 46; Сб. РИО, т. 35, № 24, 49, 84, с. 123, 239—242, 489—490. В должности печатника он оставался и в 1510 г. (РК 1475—1598, с. 44; РК 1475—1605, т. I, ч. 1, с. 112).

[61] Основанное на этой земле село перешло к Ивану Ивановичу Кувшинову-Заболоцкому, который продал его в 1532 г. в Иосифо-Волоколамский монастырь (АФЗХ, т. II. М., 1956, № 122, с. 113; Подмосковье, с. 388).

[62] АСЭИ, т. III, № 47, с. 68, 1504/05 г.

[63] ПЛ, вып. 1, с. 84. По предположению А. А. Зимина, высказанному устно, это тот же Никула, неправильно названный в псковских летописях.

[64] АИ, т. I, № 124, с. 177, 178, 182, 1522 г.

тельности молдаван. Послом в Венгрии в 1488 г. ездил некий Штибор, скорее всего соотечественник Елены Волошанки. Молдаванин Стамат находился на службе у Ралевых.

Наряду с греками в строительстве государственного аппарата активно участвовали выходцы из Литовского княжества. В 1489 г. посольским делопроизводством ведали либо поляки, либо белорусы. Я. С. Лурье отметил, что «польская и западнорусская (белорусская) лексика обильно отражена в русских „Посольских делах" XV в.»[65] Речи Николая Поппеля в 1489 г. записывал человек, хорошо знавший польский язык. Он писал «краль», «жадный», «велеможный», «скарбы»[66]. Некоторые полонизмы встречаются и в более поздних посольских делах.

Важность участия поляков и русских из Великого Литовского княжества в посольской деятельности совершенно очевидна. Вступление Руси в тесные и оживленные сношения с иностранными державами заставило не только вырабатывать новые формы дипломатической переписки, но и совершенствовать терминологию, обозначавшую положение корреспондентов великого князя, и уточнять собственные титулы.

Поляки занимали более низкие должности, чем греки. Некий Матиас Лях был «литовским толмачом» и вместе с князем Иваном Лукомским, также приехавшим из Литвы, в январе 1493 г. был сожжен на Москве-реке, «пониже мосту», в клетке за измену в пользу литовского князя. За то же были наказаны торговой казнью и два смольнянина — Богдан и Олехно Селевины[67]. Возможно, они были причастны к «заговору» углицкого князя Андрея или княжича Василия.

Наряду с политиками над строительством Русского государства работали и иностранные специалисты в области военного дела, претерпевавшего в это время во всей Европе серьезные изменения. На смену тяжело вооруженным рыцарским войскам приходила пехота, подкрепляемая артиллерией[68]. В конце XV в. в Москву, как и в Литву и Польшу, начался приток иностранных наемников. Датчане участвовали в обороне Пскова от ливонцев. За датчанами последовали немцы[69], чехи[70] и поляки[71]. Роль

---

[65] *Лурье Я. С.* О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв. — ТОДРЛ, М.—Л., 1963, т. XIX, с. 267.

[66] ПДС, т. I, стб. 2—3.

[67] ПСРЛ, т. 27, с. 293; т. 28, с. 158. Матфейко Лях приехал в Москву в 1488 г. вместе с венгерским послом Климентом (ПДС, т. I, стб. 164).

[68] *Разин Е. А.* История военного искусства, т. II, М., 1957.

[69] LECUB, Abt. II, Bd. 1, № 644 (comm.), S. 473, 1498 г.; Bd. 2. Riga—Moskau, 1905, № 382, S. 279, 1502 г.

[70] *Первольф И. И.* Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII в. СПб., 1874, с. 162—167.

[71] В 1513 г. Михаил Глинский с помощью своего слуги нанимал воинов в Германии, Шленске и Чехии для великого князя московского. Среди них был ротмистр Лата, или Лада, мещанин краковский (*Decjusz J.* De Jagiellonum familia. Cracoviae, 1521, s. 85; см. также: *Первольф И. И.* Указ. соч., с. 164).

наемного войска на Руси была очень невелика. Большое значение имело участие в военных действиях крупных полководцев, выходцев из Великого княжества Литовского[72], так называемых служилых князей.

Военный опыт Михаила Львовича Глинского пригодился при осаде Смоленска, а дипломатический — при установлении контактов Руси с Римской империей, Данией и Саксонией[73]. Глинский, по прозвищу «Немец», в юности перешел в католичество, что, впрочем, не помешало ему встать во главе православных феодалов Великого княжества Литовского. На Руси в 1514 г. он попал в опалу и был выслан, по-видимому, в Муром[74], а в 1517 г. Шигона Поджогин, отвечая на требование Максимилиана об освобождении Глинского, заявлял, что тот захотел вернуться в православие при содействии и поддержке митрополита Варлаама. К 1522 г. переход состоялся после челобитья Глинского Василию III и всему священному собору[75]. Свояк великого князя с 1526 г., он в 1527 г. был освобожден из заточения и вернулся к военной деятельности[76]. Вновь составленная родословная возводила род Глинских к потомкам Чингизидов[77].

Судьба рода Глинских на Руси оказалась тесно связанной с судьбой другого выезжего из Литовского княжества семейства — Бельских. Федор Иванович Бельский в 1482 г. по приезде на Русь получил город Деман и волость Мореву на реке Пола, в южной части Новгородской земли, и активно включился в военную деятельность, будучи инициатором ряда набегов на Великое княжество Литовское[78]. Иван III несколько раз ставил перед Казимиром вопрос о возвращении семейства Ф. И. Бельского, но

---

[72] *Зимин А. А.* Служилые князья в Русском государстве конца XV—первой трети XVI в. — В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975, с. 28—56.

[73] *Uebersberger H.* Österreich und Russland seit dem Ende des XV. Jahrhunderts, Bd. I. Wien—Leipzig, 1906, S. 70—71; АЗР, т. II. СПб., 1848, № 57, § 1; *Liske X.* Der Wiener Kongress von 1515 und die Politik Maximilians I. gegenüber Preußen und Polen. — FDG, Bd. XVIII. Göttingen, 1878, S. 462.

[74] «Люди» Глинского, входившие в состав муромских детей боярских, в 1523—1524 гг. якобы собрались бежать в Литву (*Зимин А. А.* Из истории центрального и местного управления в первой половине XVI в. — ИА, 1960, № 3, с. 147—150). Первоначально М. Л. Глинский получил Ярославец и Медынь, после приезда на Русь его братьев Медынь была передана им в вотчину, у князя Михаила остался Ярославец в вотчину, а Боровск — в кормление (*Зимин А. А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г. — СА, 1970, № 5, с. 72—73).

[75] Сб. РИО, т. 35, № 85, с. 546, 1517 г.; № 94, с. 661, 1522 г.

[76] РК 1475—1598, с. 75. О его прозвище см.: там же, с. 41. Подробнее см.: *Зимин А. А.* Служилые князья, с. 49—51.

[77] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания. — Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1978, т. 38, с. 111.

[78] ПСРЛ, т. 30. М., 1965, с. 137; Сб. РИО, т. 35, № 24, 25, 28, с. 141, 144—145, 1494 г. и др.; *Backus O.* Motives of the West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow 1377—1514. Lawrence, 1957, p. 98—100.

безрезультатно[79]. К 1492 г. его новгородские земли были обменены на средневолжские — Лух, волость Вичугу, Кинешму, Чихачев[80]. Здесь-то, на Луху, он был арестован по обвинению в измене в пользу Александра (по показаниям Ивана Лукомского) и отправлен в Галич[81]. Опала была недолгой, и в 1495 г. Ф. И. Бельский возглавил поход в Новгород, а в сентябре 1498 г. (во главе большой рати) и в 1500 г. ходил на Казань, в 1502 г. — на Смоленск, а в 1506 г. — на Казань[82]. В январе (после 7) 1497 г. он женился на Анне — дочери рязанской княгини Анны[83], сестры Ивана III, став таким образом его свояком.

В 1499 г. на Русь в связи с принуждением православных к католичеству прибыл его брат Семен Иванович Бельский, зять Ивана Юрьевича Патрикеева, отличавшийся большой набожностью. Вскоре по приезде он вложил 150 коп грошей в Иосифо-Волоколамский монастырь, в апреле 1502 г. он дал 200 руб. на приобретение земли в этот же монастырь и поминовение родителей[84]. В целом он вложил в монастырь «с триста рублев». К маю 1506 г. на его и Бориса Васильевича Кутузова средства была сооружена трапезная палата[85]. Прибывший на Русь после опалы Патрикеевых, свойственников С. И. Бельского, он ни в военной, ни в политической деятельности не участвовал.

Заметный след в истории Руси в период ликвидации самостоятельности Рязанского княжества оставили племянники Василия III и внуки Анны Рязанской — дети Ф. И. Бельского Дмитрий, Иван и Семен, в особенности первый из них. 8 марта 1519 г. 21-летний Д. Ф. Бельский был направлен в Казань «сажать» Шигалея. Во время похода Мухаммед-Гирея (июнь 1521 г.) княжич находился в Серпухове в качестве одного из воевод, но не оказал русскому войску помощи против крымского хана, в связи с чем над ним было учинено следствие[86], оправдавшее князя.

---

[79] Сб. РИО, т. 35, № 6, 8, с. 21, 35—36, 27 декабря 1488 г., 23 июля 1489 г.; ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 269. Хотя Александр готов был отпустить жену Ф. И. Бельского (АЗР, т. I, № 132, с. 153), она не желала этого сама (РИБ, т. 20. СПб., кн. II, № 19, стб. 549, 9 июля 1507 г.).

[80] ДДГ, № 89, с. 357.

[81] ПСРЛ, т. 30, с. 137; т. XXIV, с. 211; т. XII. СПб., 1901, с. 235; т. XVIII, с. 277—278.

[82] РК 1495—1598, с. 25, 28, 34, 36; ПСРЛ, т. 33, с. 133; т. XIII, пол. 1, с. 2. Хроника Быховца, рассказывая о походе 1506 г., называет его «наивысшим воеводой» Василия III (ПСРЛ, т. 32, с. 170).

[83] ПСРЛ, т. 30, с. 132.

[84] *Зимин А. А.* Служилые князья, с. 31—34.

[85] ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 45; ПИВ. М.—Л., 1959, с. 182, 210—211; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 55, 108.

[86] ПСРЛ, т. VI, с. 263; т. VIII, с. 266—267; т. XXIV, с. 221; т. 30, с. 144; *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 194, 221, 245, 265; РК 1498—1598, с. 65. В августе 1521 г. он находился на Кашире (РК 1495—1598, с. 67; см. также; *Герберштейн С.* Указ. соч., с. 108, 151—152).

На 1522 г. приходится бурное возвышение Бельских, активно участвовавших в организации обороны против возможного нападения крымского хана [87]. Все три брата были отправлены в Коломну, Дмитрий уехал раньше и в Коломне вместе с князем Михаилом Даниловичем Щенятевым должен был встретить Василия III, братья Иван и Семен сопровождали великого князя. Позднее Дмитрий получил назначение в большой полк [88]. 12 мая 1524 г. в большом полку судовой рати на Казань был отправлен И. Ф. Бельский [89]. Поход был неудачен. 20 сентября 1524 г. с князей Д. и И. Бельских были взяты крестоцеловальные записи, в которых говорилось, что Василий III принял их челобитье и «вины отдал» [90]. Дружкой Василия III на его свадьбе 21 января 1526 г. с Еленой Васильевной Глинской выступал Д. Ф. Бельский «со княинею». Среди боярынь, сидевших во время свадьбы за столом, первой названа вдова Федора Ивановича Бельского Анна [91]. Можно предполагать, что брак Василия III с Еленой Глинской был если не организован, то поддержан «кланом» Бельских. Д. Ф. Бельский с 1527 г. поручился за М. Л. Глинского [92]. Однако до 1529 г. Бельские не получали никаких назначений [93]. В марте 1529 г. Иван и Семен были посланы в «Поле», а 23 июля на реку Оку напротив устья реки Остер [94]. В мае 1530 г. в походе на Казань принимали участие представители обоих выезжих из Литвы родов: Иван Бельский — во главе большой судовой рати, а М. Л. Глинский — во главе конницы. Перессорившись о «местах», кто раньше должен был въезжать в оставленный неприятелем город, воеводы упустили возможность занять Казань [95]. В результате Иван был заточен до 1532 г. (в январе 1533 г. он был тысяцким на свадьбе Андрея Ивановича Старицкого, от великой княгини на этой же свадьбе присутствовала жена Дмитрия Бельского Марфа) [96], а над Дмитрием Бельским была учинена охрана, правда несколько поздно — в июне 1531 г.[97] Лето следующего, 1532, и 1533 г. Дмитрий Бельский проводил в Коломне, ожидая крымских набегов [98]. Осенью же 1533 г. Д. Ф. Бельский

---

[87] Не случайно именно на это время приходится интерес к их генеалогии, о чем свидетельствуют приписки в Послании Спиридона-Саввы.
[88] РК 1495—1598, с. 68—69; *Зимин А. А.* Россия, с. 249.
[89] РК 1495—1598, с. 69; ПСРЛ, т. XXIV, с. 222. Об исходе похода см.: *Зимин А. А.* Россия, с. 264.
[90] СГГД, ч. I. М., 1813, № 152—153, с. 420—422, 423—425.
[91] РК 1495—1598, с. 9.
[92] СГГД, ч. I, № 146, с. 403—404.
[93] Однако в 1528 г. Д. Ф. Бельский был боярином (*Зимин А. А.* Служилые князья, с. 32).
[94] РК 1495—1598, с. 72—73.
[95] Там же, с. 74, ПСРЛ, т. VI, с. 265; т. 26, с. 314.
[96] РК 1495—1598, с. 13.
[97] ЦГАДА, ф. 146, № 5, список детей боярских, которые должны были стеречь Д. Ф. Бельского. См.: *Зимин А. А.* Россия, с. 376.
[98] РК 1495—1598, с. 74, 80; ПСРЛ, т. VI, с. 265—266; т. VIII, с. 279—280; т. XIII, пол. 1, с. 62, 64—65, 70.

вместе с М. Л. Глинским участвовали в совещании бояр у постели больного Василия III и позднее были назначены им опекунами княгини и детей.

Хотя судьба Бельских и Глинских, родственников и свойственников великого князя, была сложной, к концу княжения Василия III оба выезжих рода служилых князей заняли господствующее положение в стране. Другие роды — Воротынские, Мстиславские, Одоевские, Трубецкие, Мосальские — не достигли подобных высот, хотя и они участвовали в военных действиях [99].

Случаи возвращения из Руси новоприезжих были нередки. В 1493 г. из Великого княжества Литовского собирался приехать грек Петр Дмитриев, который «ехал к нам на наше (Ивана III. — *А. Х.*) имя из Венецеи», но остался в Великом княжестве Литовском у Василия Михайловича Верейского, при дворе которого и женился [100]. В 1519 г. «воеводичь волынский» Петр появился у прусского магистра, куда прибыл от польского короля, «а... служил королю ж, да из Литвы... выбежал к тебе (Василию III. — *А. Х.*) ко государю, и у тебя у государя был, да и опять, сказывает, в Литву сбежал» [101]. Трудно сказать, был ли грек Петр Дмитриев причастен к военному делу. Термин «служба» многовариантен, но наиболее распространенной была служба военная, за которую лица, несшие ее, получали вознаграждение землей.

В целом участие иностранных военных, будь то в качестве военачальников или рядовых воинов, в борьбе за воссоединение русских земель на протяжении конца XV—начала XVI в. ничтожно. Этот вывод не распространяется на многочисленных князей и бояр Великого княжества Литовского — Бельских, Одоевских, Оболенских, Мстиславских, постепенно переходивших на службу к великим князьям русским и активно боровшихся за возвращение своих отчин и «отчины» великого князя — территорий Древнерусского государства.

ЛИТЕЙНОЕ ДЕЛО

Борьба за воссоединение русских земель требовала быстрого роста военного потенциала страны, увеличения производства оружия, сырьем для которого служили металлы. Для поисков цветных и благородных металлов, отсутствовавших в пределах тогдашнего Русского государства, приглашались геологи. У венгерского короля Иван III просил мастера, «которыи руду знает, золото и серебро, да которой бы руду... умел разделити с землею» [102]. Немцы Иван и Виктор участвовали в многочислен-

[99] *Зимин А. А.* Служилые князья, с. 29—42, 51—52.
[100] Сб. РИО, т. 35, № 40, с. 210.
[101] Там же, т. 53, № 12, с. 125.
[102] ПДС, т. I, стб. 165.

ной экспедиции на Цильму и Печору в 1491—1492 гг. В нее входило 340 человек из Устюга, с Двины, с Пинеги и т. д.[103] Ни в конце XV в., ни в начале XVI в. в этом районе не удалось наладить «промышленной» добычи серебряной и медной руды, и источником благородных металлов до XVIII в. оставался импорт их из-за границы.

В конце 70-х—начале 80-х годов XV в. началось массовое по масштабам того времени литье пушек[104]. Большую роль в этом сыграл Аристотель Фиораванти, прибывший на Русь из Болоньи[105] в 1475 г.: по словам летописи «пушечник тои нарочит, лити их и бити ими, и колоколы, и иное все лити хитр велми»[106]. В 1482 г. пушки, отлитые под его наблюдением, использовались русскими войсками при походе на Казань[107], а в 1485 г. — на Тверь[108]. Универсальные дарования Аристотеля Фиораванти, гениального представителя итальянского Возрождения[109], шли на пользу великому князю, силой оружия сколачивавшему будущую единую и неделимую Россию, тогда скромно называвшуюся «всею Русью». Пушки Фиораванти обстреливали еще не покоренные города, Успенский собор создавал «земное небо» для главы государства. В последующей устной русской традиции имя Аристотеля Фиораванти было связано в основном с его военной деятельностью[110].

Преемником Аристотеля Фиораванти в литейном деле выступили итальянцы Павлин Дебоссис (Паоло), отливший 12 августа 1486 г. «пушку велику»[111], и Яков, прибывший в 1490 г.[112] Пушки Якова сыграли непоследнюю роль в устрашении защит-

---

[103] ПСРЛ, т. 33, с. 128; см. также т. 28, с. 286, 156; т. XXIV, с. 209.

[104] История отечественной артиллерии, т. I. М., 1959, с. 121—128; Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961, с. 19—20.

[105] ПСРЛ, т. XXV, с. 324; *Павел Иовий Новокомский.* Книга о московитском посольстве. СПб., 1908, с. 263. Подробнее см.: *Хорошкевич А. Л.* Данные русских летописей относительно Аристотеля Фиораванти. — ВИ, 1979, № 2, с. 201—204.

[106] ПСРЛ, т. 28, с. 138, 308.

[107] Там же, т. VI, с. 234; т. XXIV, с. 202.

[108] «Аристотель с пушками и с тюфяками, с пищали» (там же, т. VI, с. 22, 36, 236—237).

[109] *Beltrami L.* Vita di Aristotele da Bologna. Bologna, 1912, p. 115—116; *Gualandi M.* Aristotele Fioravanti, meccanico ed ingegnere del secolo XV. — In: Atti e memorie delle P. Deputazione di storia Patria per le provincie di Romagna, v. VIII. Bologna, 1869, p. 57—70.

[110] ПЛ, вып. 1, с. 99; ПСРЛ, т. VIII, с. 216—217; т. XII, с. 216—219; т. XX, пол. 1, с. 352; т. XXII. СПб., 1911, с. 503—505; т. XXIII. СПб., 1910, с. 194—195; т. XXIV, с. 203, 272; т. 26, с. 277, 279; т. 27, с. 287, 288, 358, 359; т. 28, с. 153; ИЛ, с. 125—126; УЛС, с. 95.

[111] ПСРЛ, т. XIII, пол. 1, с. 219.

[112] Там же, т. XXV, с. 154. Какой-то Яков работал одновременно с Аристотелем (*Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог Петербургского артиллерийского музея, ч. I. СПб., 1877, с. 53, 55, 56; *Он же.* 500-летие русской артиллерии (1389—1889). СПб., 1889, с. 89). Неизвестно, приехал ли с Курицыным пушечник, остававшийся в Молдавии со Степаном Стаматом, «человеком» Ралева (Сб. РИО, т. 41, № 11, с. 42, июнь 1484 г.).

ников Смоленска во время третьей осады города. На протяжении 1498—1500 гг. им было отлито около двух десятков небольших по тем временам пушек весом от 2 до 5 пудов [113]. С 1490 г. в Москве трудился Петр, пушечник из Венеции [114]. «Петр молодой Пушечников фрязин» уехал было из Москвы в Литву, но в 1508 г. хотел вернуться на Русь [115]. С Ралевым и Карачаровым приехали в 1504 г. итальянские литейщики [116], а в 1507 г. прибыли на датском корабле четыре «превосходных» пушечных мастера из Шотландии. Они привезли с собой и формы для литья пушек различных калибров [117]. В начале второго десятилетия XVI в. русские стали лить пушки по образцу прусских, хотя по качеству металла эти пушки уступали иностранным образцам [118].

Возможно, литьем пушек занимались и Варфоломей, итальянец, в качестве пушкаря участвовавший в казанских войнах 20-х годов XVI в., и уроженец Савойи, прославившийся в казанском походе 1523 г. До 1521 г. на Руси умер пушечник Степан, «немчин» [119]. В 1532 г. «колокол болшой благовестник» весом в 1000 пудов отлил итальянец Николай (названный «Людовиковым товарищем») [120]. Был ли этот Людовик [121] также специалистом-литейщиком, трудно сказать.

В 1528 г. Трусов и Лодыгин привезли нанятого при содействии папы «бомбардира» [122], который на Руси работал как архитектор. В Москве Петрок Малый жил на одной улице с немчином Александром из Тарту, несомненно литейщиком [123].

С 1488 г. в летописях упоминается Пушечная изба, находившаяся на Большом посаде между реками Москвой и Неглинной. В 90-х годах XV в. их было несколько, так же как в 1500 и 1508 гг.[124]

Литьем чугунных ядер в начале 20-х годов XVI в. занимались Иоанн Иордан из Инна и Николай из-под Шпейера на Рейне [125]. Переход к литью ядер дополнял те крупные сдвиги, которые

---

[113] ДАИ, т. V. СПб., 1853, № 31, № 51; История отечественной артиллерии, т. I, с. 121.

[114] ПСРЛ, т. XXIV, с. 206; т. 28, с. 325; *Забелин И. Е.* О металлическом производстве в России до конца XVII в. СПб., 1853, с. 18—19. Пищаль Петра 1501 г. отличалась наличием приспособлений для крепления на лафете.

[115] Сб. РИО, т. 35, № 84, с. 490, 492.

[116] ПСРЛ, т. 28, с. 334.

[117] Подробнее см. с. 152.

[118] РЛА. СПб., 1868, № 315, с. 376.

[119] *Герберштейн С.* Указ. соч., с. 147, 156; РИБ, т. XVI, № 10, с. 30, 1521 г.

[120] ПСРЛ, т. 26, с. 315.

[121] По имени трудно судить о его национальной принадлежности.

[122] *Sanuto M.* Op cit., v. 47. Venezia, 1897, p. 8.

[123] АИ, т. I, № 140, с. 204, 1539 г.

[124] Софийский временник, ч. II. М., 1821, с. 233, 266; ПСРЛ, т. VI. с. 46, 53, 238; т. XII, с. 9; т. XV, с. 353; т. XXIV, с. 237; т. 28, с. 334; *Чернов А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XV—XVIII вв. М., 1954, с. 37.

[125] *Герберштейн С.* Указ. соч., с. 148—150; История отечественной артиллерии, т. I, с. 133.

произошли в артиллерийском деле с введением литья бронзовых стволов орудий [126].

Наряду с литейщиками приезжали и оружейные мастера. В 1517 г. в Инсбруке была нанята группа южнонемецких оружейников [127]. Одновременно на Русь приглашали и химиков, изготовлявших порох — зелье, «что ямчугу варит» или «зеньядуров» [128]. На дворе Алевиза Нового (?) был устроен либо литейный, либо пороховой двор: «... разорвало полату на Алевизорском дворе, а людии зелием пожгло и побило их 1130, а живых 17 человек» [129].

ДЕНЕЖНОЕ И ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО

Московские князья придавали большое значение развитию денежного дела. Денежная реформа Василия II была окончена при Иване III: выпуск московской сабляницы весом в одну новгородскую деньгу стал новым этапом унификации денежного обращения на Руси [130]. В ходе реформы на Русь приглашались иностранные мастера. С 1459 по 1472 г. в Москве работал венецианец Иоанн (Джан) Вольпе, занявший высокое положение, при дворе Ивана III. Летописи называют его «нашим денежником», «московским денежником» [131] и т. д. Г. Б. Федоров установил, что целый ряд монет носит следы работы иностранцев. Так, Г. Б. Федоров выделил полуденьгу — московку (тип II) с изображением ездеца в профиль с мечом, щитом (вместо обычной сабли или меча), круговой надписью «Князь великий Иван Васильевич» и трехстрочной латинской надписью «Orni/stote/les». Эту московку обычно приписывают Аристотелю Фиораванти [132], еще в 1473 г. обвиненному в Болонье в изготовлении фальшивых монет. Не исключена принадлежность иностранцу монет типа IV, по нумерации Г. Б. Федорова, оставившему на монете надпись «Мастер Александр», и типа VII (Джованни делла Вольпе 1471 г.?) с изображением ездеца (на лицевой стороне) и воина в анфас

---

[126] *Гамель И. Х.* Указ. соч., с. 176—177.

[127] *Fechner A. W.* Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau, Bd. I. Moskau, 1876, S. 8.

[128] Сб. РИО, т. 41, № 83, 86, 88, с. 418, 441, 463, июнь-июль, октябрь 1502 г., февраль, март 1503 г.

[129] ПСРЛ, т. 30, с. 203, 1531 г.

[130] *Мец Н. Д.* Монеты Великого княжества Московского (1425—1462). — В кн.: Нумизматический сборник, ч. III. М., 1974; *Она же.* Датировка «денег московских» с изображением розетки. — Советская археология, 1964, № 3, с. 321—327; *Федоров Г. Б.* Московские деньги времени великих князей Ивана III и Василия III. — КСИИМК, т. XXX. М., 1949, с. 70—81.

[131] ПСРЛ, т. 28, с. 305.

[132] *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896, с. 124; *Он же.* Орнистотель — денежник Ивана III. — В кн.: Старая Москва, вып. II. М., 1914, с. 50—52.

с панцирем, мечом и шлемом (на обороте), созданной в связи с походом на Новгород. В московке типа XI с надписью «Осподарь всея Руси» и погрудным изображением воина в анфас в венке или круглой шляпе чувствуется влияние венгерских монет Владислава IV [133]. Иностранцам могло принадлежать два или три типа московок, но ни одной новгородки. В целом роль иностранных денежников была довольно скромной.

Из золотых Ивана III сохранился лишь один экземпляр, который датировался по-разному. Проанализировав особенности надписи и изображение, в качестве образца которого была взята золотая монета Владислава I — Ласло I на лицевой стороне и гербовый щит Матьяша Корвина на обороте, Г. В. Попов отнес изготовление золотого к 1485—1490 гг.[134] До 1482 г. чеканились русские «нобели» — корабельники, один из которых опубликован И. Г. Спасским, сырьем для которого послужили английские нобели [135], возможно, те самые, которые попали в великокняжескую казну после присоединения Новгорода.

Наличие большого количества иностранцев среди специалистов-литейщиков в конце 20-х—начале 30-х годов XVI в. заставляет, вслед за А. С. Мельниковой, устно сообщившей свое предположение, допускать возможность участия иностранцев в проведении коренной реформы денежного обращения в Русском государстве, начатой при Василии III и завершенной при Елене Глинской [136].

Наряду с денежниками на Руси работали и ювелиры, приглашенные Иваном III, интересовавшимся специалистами, которые могли бы «большие суды делати, да и кубки, да и чеканити ... и писати на судех» [137]. В 1476 г. в Москве трудился грек или славянин Трифон из далматинского городка Катара, а в 1484 г.

---

[133] *Гуттен-Чапский Э. К.* Удельные, великокняжеские и царские деньги древней Руси. М., 1875, № 530, 531.

[134] *Попов Г. В.* Культурно-художественные связи России с Венгрией в конце XV в. — В кн.: Советско-венгерские связи в художественной культуре. М., 1975, с. 197—198; ср. датировки: *Лихачев Н. П.* «Московский золотой». — Археологические известия и заметки, 1887, т. V, вып. 7—8, с. 212—213; *Потин В. М.* Венгерский золотой Ивана III. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 282—293; *Спасский И. Г.* Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III. — ВИД, т. VIII. Л., 1976, с. 112—113.

[135] Об их обращении см.: *Потин В. М.* Корабельники на Руси. — НЭ, т. VIII. М., 1970, с. 106; *Он же.* Венгерский золотой, с. 290. Публикацию и установление пробы см.: *Спасский И. Г.* Монетное и монетовидное золото, с. 114—115, рис. 5—6.

[136] *Зимин А. А.* О монетной реформе правительства Елены Глинской. — НЭ, т. IV. М., 1963, с. 245—250; *Яковлев Г. Г.* К вопросу о денежной реформе правительства Елены Глинской (по нумизматическим данным). — Нумизматический сборник ГИМ, М., 1972, ч. IV, вып. 1, с. 43—63.

[137] ПДС, т. I, стб. 19.

в связи с опалой на Софью были арестованы «многие фрязы (впрочем, Типографская летопись пишет только об одном. — *А. Х.*) и мастера серебреные»[138]. При дворе Ивана III работали и немцы, которыми в 1486 г. был восстановлен большой сион кафедрального собора (верхняя его часть) и изготовлен малый (с большим количеством ошибок в надписи на нем)[139]. В 1490 г. на Русь приехал Христофор «з двема ученики от Рима, Отльберт немчин из Любека, да Карл с учеником из Медиоланя, да Петр Ранк, грек из Венеции», а в 1504 г. «многие мастеры серебряные»[140]. Три года пробыл на Руси Ганс Риссенберг Старший (1490—1493 гг.)[141]. «Мастер резец» Григорий Вореnза в 1500 г. был временно задержан в Крыму[142]. Наряду с итальянцами и немцами Иван III высоко ценил и своих соотечественников, выезжих из Литовского княжества. В 1503 г. он приглашал на Русь сына «мастера серебряного» Лапши, Игната, который продолжал жить в пределах Литовского княжества, в волости Смольнянах[143]. Ювелиры, работавшие на Руси, снискали признание и за ее пределами. Менгли-Гирей, обращаясь на Русь с просьбой об изготовлении серебряных ведер для вина и меда, чарок, был уверен, что все эти работы посильны для ювелиров Ивана III. Действительно, он получил все просимое[144].

В ювелирных изделиях конца XV—начала XVI в. широко применялся растительный орнамент (возрожденческий, по терминологии Ю. А. Олсуфьева), получивший распространение под влиянием итальянской каменной резьбы на порталах храмов и святых сеней Грановитой палаты[145]. Приглашение мастеров-иностранцев «не оказало существенного влияния на изменение на-

---

[138] Барбаро и Контарини о России. Л., 1971, с. 203, 227, 244; ПСРЛ, т. VI, с. 235; т. XX, пол. 1, с. 350; т. XXIII, с. 183; т. XXIV, с. 203; т. 28, с. 154, 320.

[139] *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. М., 1971, № 47, с. 63.

[140] ПСРЛ, т. 28, с. 154, 337; т. XXIV, с. 206 (Петр Райко); Сб. РИО, т. 41, № 101, с. 558, март 1505 г. Отльберт летописи — не был ли это магистр Альбрехт фан Веттер? См. выше, с. 59.

[141] О пропуске его на Русь Иван III просил 5 февраля 1488 г. (*Гансен.* Грамоты, № 4, с. 12). О его искусстве можно судить по дароносице таллинского костела св. Николая (*Hausmann R.* Die Monstranz der Hans Ryssenberch in der K. Ermitage zu St. Petersburg. — In: Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, Bd. 17. Rjga, 1900, S. 165 ff.; *Angermann N.* Livländisch-russische Kulturbeziehungen vor Peter dem Grossen. — In: Rußland, Deutschland, Amerika. Wiesbaden, 1978, S. 16.

[142] Сб. РИО, т. 41, № 101, с. 558.

[143] Там же, т. 35, № 77, с. 442, ноябрь 1502—февраль 1504 г.

[144] Там же, т. 41, № 48, с. 220, 1495 г.; № 58, с. 267, август 1498 г.

[145] *Николаева Т. В.* Собрание древнерусского искусства в Загорском музее. Л., 1969, № 29, 30; *Она же.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976, с. 206; *Олсуфьев Ю. А.* Опись икон Троице-Сергиевой Лавры до XVIII века и наиболее типичных XVIII и XIX веков. Сергиев, 1920; *Тихомиров Н. Я., Иванов В. Н.* Московский Кремль. М., 1967, с. 89, 95.

ционального характера русского прикладного искусства»[146], имевшего прочные традиции в технике скани, гравировки, эмали, чеканки, басмы и литья, которым подражали приезжие.

Благодаря тому что среди приезжих ювелиров было значительное количество славян и греков, прочно сохранявших византийские традиции, и итальянцев, знакомых с византийским наследием, мастера-иностранцы легко растворились в среде местных художников.

АРХИТЕКТУРА

Привлечение иностранных мастеров в области архитектуры носило характер хорошо продуманного государственного мероприятия. По инициативе великокняжеской власти на Русь постоянно приглашались итальянские архитекторы, знаменитые во всей Европе.

Аристотель Фиораванти, приехавший на Русь из Болоньи 26 апреля 1475 г. с сыном Андреа и помощником Пьетро[147], прославил себя сооружением Успенского собора в Москве[148]. Не исключена возможность его участия в постройках, предпринятых Иваном III (церкви Иоанна Златоуста 1479 г., Рождества с приделом св. Онуфрия 1480/81 г., казны около церкви Благовещения в 1483/84 г.), и выработке плана перестройки Московского Кремля, начавшейся в 1485 г.[149] В строительстве двух башен Кремля — Тайницкой и Беклемишевской — участвовали Марк и Антон Фрязин, прибывшие, вероятно, с Дмитрием и Мануилом Ралевыми[150]. Дальнейшими работами руководил представитель знаменитой в Милане династии скульпторов и архитекторов Пьетро Антонио Солари[151] с учеником «Замантонием», т. е. Джаном Антонио. В 1491 г. он закончил сооружение Граповитой палаты, начатой в 1487 г. Марком[152]. Дело Пьетро Антонио Со-

---

[146] *Николаева Т. В.* Прикладное искусство, с. 198.

[147] Последнему может принадлежать надстройка церкви в Симонове монастыре: «а делал и мастер венедицьскый, другый, не той [и]же большею церковь Пречистыя ставить» (ПСРЛ, т. XXIV, с. 195).

[148] *Лазарев В. Н.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1978, с. 284—285; *Подъяпольский С. С.* Аристотель Фиараванти и построенный им Успенский собор. — В кн.: Уникальному памятнику русской культуры Успенскому собору Московского Кремля 500 лет. М., 1979, с. 17—21.

[149] ПСРЛ, т. VI, с. 221, 233—235, 237.

[150] *Лазарев В. Н.* Указ. соч., с. 286; ПСРЛ, т. XXIV, с. 205; т. 28, с. 153; т. VI, с. 36; т. VII, СПб., 1856, с. 216; т. XVIII, с. 271; т. 26, с. 277; т. 27, с. 287, 358.

[151] ПСРЛ, т. XXIV, с. 206—207. Подробнее см.: *Lassareff V.* Le opere di Pietro Antonio Solari in Russia ed rapporti artistici italo-russi nel tardo Quattrocento. — In: Arte e artisti dei laghi lombardi, I. Architetti e scultori del guattrocento. Como, 1959, p. 427; *Хрептович-Бутенев К. А.* Латинская надпись на Спасских воротах и их творец Петр Антоний Солари. — В кн.: Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916, с. 215—229.

[152] ПСРЛ, т. XXV, с. 208.

лари (ум. в 1493 г.) продолжил приехавший с Мануилом Ангеловым и Данилой Мамыревым в 1494 г. Алоизио да Каркано — Алевиз из Милана [153]. В 1499 г. он начал сооружать великокняжеский дворец рядом с Благовещенским собором и новую стену от дворца к Боровицкой башне, а в 1501—1503 гг. — храм Архангела Михаила [154]. В 1508 г. он занимался различными инженерными работами [155].

В конце XV и самом начале XVI в. итальянские архитекторы работали и под Москвой. Им приписывают сооружение церкви села Чашникова [156].

30 ноября 1504 г. началась деятельность в Москве Алевиза Нового — возможно, Альвизе Ламберта де Монтаньяна, скульптора из Венеции [157]. По пути в Москву он построил «железные ворота Демир-Хану» в Бахчисарае, за что Менгли-Гирей хвалил «архитектора» Алевиза как «велми доброго мастера», «не как иные мастеры, велми великого мастера» [158]. Его творчеству принадлежат Архангельский собор, церкви Иоанна Лествичника и Иоанна Предтечи около Боровицких ворот, в 1514 г. он построил еще 11 церквей [159]. Колокольни церквей Иоанна Лествичника и Иоанна Предтечи сооружал Бон Фрязин.

Одновременно с Алевизом Новым на Руси работали и другие итальянцы: Бон Фрязин (записанный в разрядных книгах как Мастробон — маестро Бон), Вартоломей (Дорогобуж), Петр Франческо (Нижний Новгород), Иван Фрязин (Псков) [160]. Марк (неизвестно тот ли, который участвовал в московском строитель-

---

[153] *Лазарев В. Н.* Указ. соч., с. 284—286.

[154] ПСРЛ, т. 28, с. 332.

[155] Это было сооружение рва и устройство прудов (там же, с. 342).

[156] *Максимов П. Н., Торопов С. А.* Церковь села Чашникова Нарышкиных. — В кн.: Архитектурное наследство, т. 18. М., 1969, с. 24.

[157] Полемику по поводу идентификации Алевиза Нового см.: *Лазарев В. Н.* Указ. соч., с. 286—291.

[158] *Эрнст Н.* Бахчисарайский ханский дворец и архитектор великого князя Ивана III фрязин Алевиз Новый. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, Симферополь, 1928, т. II (59), с. 39—54; Сб. РИО, т. 41, № 100, с. 551, ноябрь 1504 г.

[159] ПСРЛ, т. VI, с. 53—54, 248; т. VIII, с. 249—250; т. 28, с. 337—338; т. XII, с. 10; *Шервинский С. В.* Венецианизмы Московского Архангельского собора. — В кн.: Сборники Московского Меркурия по истории литературы и искусства, вып. I. М., 1917, с. 191—204; *Власюк А. И.* Новые исследования архитектуры Архангельского собора в Московском Кремле. — В кн.: Архитектурное наследство, т. 2. М., 1952, с. 105—132; *Он же.* О работе зодчего Алевиза Нового в Бахчисарае и Московском Кремле. — Там же, т. 10. М., 1958, с. 101—110; *Подъяпольский С. С.* Венецианские истоки архитектуры Московского Архангельского собора. — В кн.: Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975, с. 252—279.

[160] РК 1475—1598, с. 43; РК 1475—1605, т. I, ч. 1, с. 110; ПСРЛ, т. 28, с. 342; ПЛ, вып. 1, с. 98, 109; вып. 2. М.—Л., 1955, с. 260. Сын Бона — «городовой мастер» (ОЦААПП, с. 41). Григорий Мистробонов в 1539 г. выступает в должности переводчика при архитекторе Петре (АИ, т. I, № 140, с. 202—204).

стве и известный под именем Россо, или Руссо) в 1508 г. работал в Ивангороде.

В 10—20-х годах XVI в. итальянскими архитекторами возведены церковь Вознесенского монастыря[161], церковь в Острове (предположительно)[162], Коломенский Кремль[163] и с большой долей вероятия — церковь Вознесения в селе Коломенском[164]. Часть этих сооружений принадлежит, вероятно, тому Петру Фрязину, которого, по его словам 1539 г., прислал папа на три-четыре года, но он оставался на Руси 11 лет. По приезде он целовал крест великому князю, «что ему служити верою и правдою, без всякие хитрости», и повторил присягу, перейдя в православие и женившись. За свои заслуги, в том числе, вероятно, и строительство Китайгородской стены, Петрок Малый получил земли («поместные и жаловалные» грамоты были у него с собой в 1539 г.). Последним его деянием на Руси было строительство себежской крепости в 1539 г. (он «обложил» город за три недели), после чего он пытался бежать через немецкий Новгородок[165].

По мнению В. Н. Лазарева, воздействие итальянской культуры на Руси было «значительно менее сильным», чем в других странах Восточной и Западной Европы. Русские позаимствовали от итальянцев главным образом технику крепостного строительства. «Обогатив русское зодчество рядом технических новшеств, ознакомив местных мастеров с самой передовой по тому времени фортификационной наукой, обострив их чувство пропорций, — пишет он, — заезжие итальянские архитекторы оказались не в силах радикально обновить русское зодчество и направить его на путь ренессансного развития»[166]. В их творчестве на Руси оживали византийские традиции, сохранявшиеся в Венеции, близкие духу архитектуры на Руси.

МЕДИЦИНА

Русские великие князья охотно привлекали к себе на службу иностранных лекарей, которые не всегда могли справиться с болезнями пациентов. В 1483 г. за смерть царевича Каракучи по-

---

[161] *Тихомиров Н. Я., Иванов В. Н.* Указ. соч., с. 101.

[162] *Иванчин-Писарев Н.* Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843, с. 9.

[163] *Линдеман К.* Маринкина башня в Коломенском Кремле и вопрос о смерти Марины Мнишек. М., 1910, с. 10.

[164] *Булкин В. А.* О церкви Вознесения в Коломенском. — В кн.: Культура средневековой Руси. М., 1976, с. 113—116.

[165] АИ, т. I, № 140, с. 202—204.

[166] *Лазарев В. Н.* Указ. соч., с. 295. К аналогичным выводам приходил и Ф. Ласковский. Он писал о влиянии итальянцев на «частные усовершенствования» в строительстве оборонительных сооружений (*Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I. СПб., 1858, с. 256).

платился жизнью немчин Онтон, в 1490 г. за смерть Ивана Ивановича Молодого — венецианец Леон[167]. Вместе с Глинским в 1508 г. приехали на Русь Теофил Маркварт[168] (Фефил посольских книг) с братом, жившие в Москве по крайней мере до 1518 г.[169] В 80-х годах XV в. были переведены фрагменты лечебника («Шестая речь о радости и о печали» — «в лето 6998 схода лета первого», и «Поведание вельми доброе» с тринадцатью «установлениями мистра Аристотеля» — поучениями Александру Македонскому — в 1487 г.)[170]. Долго (1490—после 1533 г.) практиковал в качестве лекаря уроженец Любека Николай Булев[171], переведший «Цветник здоровья» Стефана Арнда (Любек, 1492), один из первых медицинских трактатов, известных на Руси[172].

АСТРОНОМИЯ И ВРЕМЯИСЧИСЛЕНИЕ

О широкой любознательности русских свидетельствует «Книга, именуема Луцидариус, сиречь Златый бисер» — апокрифическая книга, содержавшая популярные толкования богословских вопросов и естественно-научные наблюдения об устройстве вселенной, о различных явлениях природы, о происхождении света и жизни человека. «Луцидариус» был составлен в конце XII в. на основе латинского сочинения писателя конца XI—начала XII в. Гонория Отенского или Ансельма Кентерберийского[173]. Русский перевод с немецкого издания 1485 г. Матвея Брандиса был выполнен до 1518 г. Максим Грек получил его от Кир Георгия[174] —

---

[167] ПСРЛ, т. VI, с. 335; т. 28, с. 154—155. Иван Иванович страдал «камчюгом» (полиартритом).

[168] *Forstreuter K.* Preußen und Rußland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Großen. Göttingen—Berlin—Frankfurt, 1955, S. 72; Anm. 56, S. 85, 191.

[169] Сб. РИО, т. 53, № 2, с. 23, 54—55.

[170] Редкие источники по истории России, ч. 1. М., 1977, с. 15, 73—79.

[171] ПСРЛ, т. VI, с. 271. В Царственной книге он назван Люевым (ПСРЛ, т. XIII, пол. 2. СПб., 1906, с. 410).

[172] *Зимин А. А.* Николай Булев — публицист и ученый медик. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 82; *Angermann N.* Neues über Nicolaus Bülow und sein Wirken im Moskauer Rußland. — JGO. N. F., Bd. 17, 1969, H. 3, S. 416—417; *Idem.* Nicolaus Bülow. — Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde, 1966, Bd. 46, S. 88—90; см. также: *Богоявленский Н. А.* Древнерусское врачевание в XI—XVII вв. М., 1960, с. 46—70.

[173] Сохранились списки XVII в. краткого (Летописи русской литературы и древности, изд. Н. С. Тихонравовым, т. I, отд. II. М., 1859, с. 41—66) и пространного видов (*Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890, с. 417—471; *Архангельский А.* К истории древнерусского «Луцидариуса». — Ученые записки имп. Казанского университета, 1899, кн. 2, с. 111—144; кн. 5, с. 37—72; *Тихонравов Н. С.* Сочинения, т. I. М., 1898, с. 304—305; *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. М., 1964, с. 74).

[174] Максим Грек получил перевод в 1518 г. (*Максим Грек.* Сочинения, т. III. Казань, 1860, с. 228; т. II. Казань, 1860, с. 424).

Юрия Малого. Переводчик «Луцидариуса», помимо немецкого языка, должен был знать латынь и греческий [175].

Из Западной Руси проникали на Русь и другие средневековые сочинения по философии, космографии, астрономии, восходившие не к польским, а к еврейско-арабским оригиналам [176].

Николай Булев в 1494—1496 гг. в связи с составлением пасхалии подготовил перевод части книги схоластика Вильгельма Дюранда «Rationale divinorum officiorum», посвященной вопросам времяисчисления. В 20-х годах XVI в. он перевел астрономический трактат «Новый альманах» Штофлера и Пфлауме (Венеция, 1513 и 1518 гг.), содержавший предсказание о всемирном потопе и конце света в 1524 г.[177]

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

В изучаемое время Русь познакомилась с рядом переводных сочинений, среди которых важное место занимали светские произведения, такие, как «Александрия», «Стефанит и Ихнилат», «Троянская история» Гвидо де Колумна или созданная на Руси по устным рассказам «Повесть о Дракуле» [178]. Все эти произведения проникли на Русь сравнительно рано («Александрия» — до 1484 г., «Стефанит и Ихнилат» — до 1478 г., «Троянская история» — в конце XV в., «Повесть о Дракуле» была написана Федором Курицыным около 1484—1486 гг.) и связаны с южнославянской традицией, усвоившей некоторые гуманистические веяния. Южнославянская литература принесла русскому читателю представление о противоречивости мира, вплотную при-

---

[175] *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XVI—XVII вв. СПб., 1903, с. 225.

[176] *Лурье Я. С.* О путях развития светской литературы, с. 268; см. также: *Соболевский А. И.* Указ. соч., с. 296—428; АЕД. М.—Л., 1956, с. 144—145.

[177] Он приехал скорее всего в 1490 г. (*Зимин А. А.* Николай Булев, с. 81). В начале XVI в. Булев сделал попытку бежать из Руси, но был задержан. После этого он получил прозвище «литовский полонянник». По предположению Н. Ангерманна, Булев в 1505 г. покинул Русь и поступил на службу к папе Юлию II, но в 1508 г. снова оказался на Руси (*Raab H.* Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums. — ZSlPh, 1958, Bd. III, H. 2—4, S. 323—325; *Angermann N.* Neues über Nicolaus Bülow, S. 415, 418—419; *Idem.* Nicolaus Bülow, S. 89—90; *Гольдберг А. Л.* Три послания Филофея (Опыт текстологического анализа). — ТОДРЛ, Л., 1974, т. XXIX, с. 70—71).

[178] Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М.—Л., 1965; Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв. Л., 1969; Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. Л., 1972; Повесть о Дракуле. Л., 1964; см. также: *Лурье Я. С.* Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, М.—Л., 1961, т. XVII, с. 143—145, 158, 159; *Геппенер Н. В.* К истории переводов повести о Трое Гвидо де Колумна. — В кн.: Сб. статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, с. 357—358.

близила его к открытию человеческого характера, показала новый тип повествования — не церковно-дидактического, а художественного [179].

В это же время распространялись и церковные югославянские сочинения [180]. Наибольшее число произведений югославянской письменности вошло в обиход во втором десятилетии XVI в. в связи со спорами о соотношении церковной и светской власти. В 1517 г. в Москву был привезен список Жития Саввы Сербского [181]. Поскольку этот святой в югославянской традиции наиболее полно воплощал примат духовной власти над светской, его житие получило распространение в иосифлянских монастырях. Житие Саввы Сербского и Стефана Лазаревича, написанное Константином Костенчским, было вложено в Иосифо-Волоколамский монастырь калязинским игуменом Иоасафом (1517—1522) [182]. Иосиф Волоцкий «цитировал» Житие Стефана Уроша Дечанского и знал Житие Саввы Освященного и Стефана Нового исповедника [183].

Пришедшие в Новгород афонские монахи рассказывали о положении христиан под владычеством османов, в том числе о мученической гибели св. Георгия болгарского. По распоряжению Макария рассказ был записан, а на его основе в 1539 г. было создано русское житие св. Георгия, обнаруживающее следы несомненного знакомства с болгарским [184].

В русский Хронограф 1516—1522 гг. было включено большое количество произведений болгарской и сербской церковной литературы [185].

---

[179] *Лурье Я. С.* О путях развития светской литературы, с. 272; Истоки русской беллетристики. Л., 1970, с. 320—359. Наряду с русскими послами произведения южнославянской литературы могли привозить и иностранцы, в свите которых были и славяне [так, вместе с делла Торре в 1491 г. на Русь приезжал Юрий хорватин (ПДС, т. I, стб. 101)].

[180] В конце XV в. в Кирилло-Белозерском монастыре хранился «Соборник сербской» (*Турилов А. А.* Памятники южнославянской книжности в русских библиотеках. — СС, 1977, № 1, с. 70). Послание патриарха Фотия князю Борису болгарскому, по словам Геннадия, равно как и Слово Козьмы презвитера против богомилов, было у новгородских еретиков в конце XV в. (АЕД, с. 320).

[181] *Строев П. М.* Библиологический словарь. СПб., 1882, с. 93.

[182] *Турилов А. А.* Указ. соч., с. 72.

[183] ПИВ. М.—Л., 1959, с. 151; *Наумов Е. П.* Из истории русско-сербских средневековых связей (Второе житие Стефана Дечанского в сочинениях Иосифа Волоцкого). — Ученые записки Института славяноведения, М., 1963, т. XXVI, с. 47—57.

[184] *Динеков П.* Софийски книжовници чрез XVI век, I. Поп Пейо. София, 1939, с. 57—76; *Он же.* Из истории русско-болгарских литературных связей XVI—XVIII вв. — ТОДРЛ, М.—Л., 1963, т. XIX, с. 323; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871, с. 235; *Барсуков Н. П.* Источники древнерусской агиографии. СПб., 1882, с. 120. Издания жития см.: *Яцимирский А. И.* Из истории славянской проповеди в Молдавии. СПб., 1906, с. 99—100.

[185] *Попов А.* Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869; *Горина Л. В.* Антиеретическое сочинение Евфимия Тырновского в русском

С немецкого в 1494 г. в кружке архиепископа Геннадия было переведено «Прение живота и смерти», получившее широкое распространение в XVI в., с еврейского — псалтырь Федора Новокрещеного, Тайная тайных или Аристотелевы врата. Многочисленные полонизмы или белорусизмы этого последнего памятника заставляют предполагать, что перевод его был сделан в Литовском княжестве и попал на Русь вместе с кем-либо из выезжих оттуда магнатов [186].

В пределах Руси, равно как и Великого княжества Литовского, происходил синтез культур этих государств. Укажем некоторые его аспекты, связанные с внешнеполитическими отношениями этих государств. Памятником, созданным под влиянием стабилизации русско-литовских отношений, может служить летопись Авраамки 1495 г. Своеобразно отвечали требованиям момента «белорусско-литовские» летописи, прочно сохранявшие традиции русской хронографии. Воздействие политической идеологии, свойственной русским из Литовского княжества, зафиксировали отдельные части Устюжского летописного свода, Холмогорской летописи и, возможно, Вологодско-Пермской, как и некоторых кратких летописцев. Удаленные от центра северные летописцы вместе с информацией невольно усваивали и политическую терминологию, распространенную во враждебном Руси государстве.

Выходцам из Великого княжества Литовского, находившимся на севере страны вплоть до 1509 г. в качестве пленных или перешедшим на службу великому князю Ивану III, Русь обязана знакомством с изданиями 1490—1491 гг. краковской типографии Швайпольта Фиоля. Особенностями проникновения книг этой типографии на Русь и объясняется тот факт, что большинство сохранившихся книг в XVI в. бытовало на севере [187].

хронографе 1512 г. (К истории болгаро-русских культурных связей конца XIV—начала XVI в.). — В кн.: Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976, с. 265—273; *Клосс Б. М.* О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ, Л., 1971, т. XXVI, с. 244—255.

186 Повести о споре жизни и смерти. М.—Л., 1964. Нижненемецкий оригинал этого памятника был издан в 1484 г. в любекской типографии Бартоломея Готана, в 1494 г. находившегося на службе у Ивана III в Новгороде и, по-видимому, погибшего там (*Рааб Г.* Новые сведения о печатнике Бартоломее Готане. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 339—350, особенно с. 347; см. также: *Сперанский М. Н.* Тайная тайных или Аристотелевы врата. Из истории отреченных книг. СПб., 1908; *Ryan W. F.* A Russian Version of the Secret Secretorum in the Bodleian Library. — Oxford Slavonic Papers, 1965, v. XII, p. 40—48. Впрочем, список Бодлеянской библиотеки, в отличие от Виленского, носит черты великорусского происхождения).

187 *Немировский Е. Л.* Начало славянского книгопечатания. М., 1971; *Он же.* Распространение краковских изданий Швайпольта Фиоля в Русском государстве в XVI—XVII вв. — В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 190.

В изучаемое время Русь стала поставлять книги (рукописные) в Болгарию и Сербию. Богослужебные церковно-славянские книги, равно как и русский Хронограф 1516—1522 гг. и Пчелы, переписывавшиеся в этих странах, поддерживали чувство национального самосознания южных славян в тяжелую годину османского ига [187а].

Стихийные связи в области искусства привели к появлению мистически-дидактических икон во Пскове на рубеже XV—XVI вв. [188], западных элементов в иконографии иконы Богородицы [189], проникновению западных ренессансных и неовизантийских мотивов в малые формы искусства — миниатюры, архитектурную керамику, древнерусское шитье.

В начале XVI в. появились и новые иконографические сюжеты: Савва Освященный, Стефан Новый, мученик Саввин (ГТГ, № 12030), несомненно связанные с распространением на Руси культа югославянских святых — сербских и болгарских.

В миниатюрах возрождаются традиции балканского и неовизантийского орнамента (Евангелие-апракос Успенского собора 1499 г., Книга пророков 1489 г., слова Григория Богослова, четвероевангелие 90-х годов XV в. в собр. Большакова), появляется так называемый фряжский, или старопечатный, орнамент (в словах Григория Богослова, Буслаевской псалтири, евангелии из Калининского областного архива), который обнаруживает следы влияния искусства Словении или Хорватии, в свою очередь испытавшего воздействие итальянского [190].

[187а] *Ангелов Б.* Из историята на руското културно влияние в България (XV—XVIII вв.). — Известия на Института за българска история, 1956, VI, с. 291—325; см. также: *Дуйчев И. С.* Обзор болгарских работ по изучению древнерусской литературы и русско-болгарских литературных связей XI—XVII вв. — ТОДРЛ, М.—Л., 1960, т. XVI, с. 600; *Сперанский М. Н.* Сербские хронографы и русский первой редакции. Варшава, 1896, с. 15—16; *Он же.* Деление истории русской литературы на периоды и влияние русской литературы на юго-славянскую. Варшава, 1896, с. 28—29.

[188] *Андреев Н. Е.* Иоанн Грозный и иконопись XVI в. — В кн.: Анналы Института им. Н. П. Кондакова, т. X. Прага, 1938, с. 195 и сл. О некоторых следах иностранного воздействия на монументальное и станковое искусство, подчиненное строжайшим канонам, можно говорить в первую очередь применительно к кремлевской иконе «Апокалипсис» (*Алпатов М. В.* Памятники древнерусской иконописи конца XV века — икона «Апокалипсис» Успенского собора Московского Кремля. М., 1964, с. 114). О других произведениях см. также: *Ровинский Д. А.* История русских школ иконописания до конца XVI—XVIII в. — ЗАО, СПб., 1856, т. VIII, с. 15; *Айналов Д.* Византийская живопись XIV столетия. Пг., 1917, с. 150.

[189] *Alpatov M.* Eine abendländische Komposition in altrussischer Umgebung. — Byzantinische Zeitschrift. Leipzig, 1929, Bd. XXX, S. 623—626.

[190] *Свирин А. Н.* Древнерусская миниатюра. М., 1950; *Он же.* Искусство книги древней Руси XI—XVII вв. М., 1964, с. 98—101; *Владимиров М., Георгиевский Г.* Древние русские миниатюры. М., 1933; *Буслаев Ф. И.* Образцы письма и украшений из Псалтыри с восследованием по рукописи XV в., хранящейся в библиотеке Троице-Сергиевой лавры под

Широкое знакомство русских художников с орнаментикой итальянских и немецких книг (итальянского Календаря 1476 г., Миссала 1490 г., немецкого Дрезденского фрагмента с сидящей мадонной, произведениями нижнерейнского мастера Берлинских страстей, алфавита Израиля фан Мекенема) происходило на протяжении всего изучаемого периода [191].

Влияние ренессансных итальянских источников испытывало и художественное ремесло, вероятно, под воздействием мастеров серебряников, трудившихся при дворе Софьи [192]. Керамические изразцы, широко применявшиеся в строительстве Москвы и Подмосковья в 80-х годах XV—первом десятилетии XVI в., хотя включали и некоторые итальянские мотивы (дельфины и вазы), в основном напоминают архитектурную декорацию северонемецких и прибалтийских городов [193].

Заметны иностранные воздействия и в древнерусском шитье: итальянские — в произведениях, которые связаны с Софьей Палеолог, и южнославянские — в работах из мастерской Елены Волошанки и волоцкой княгини Анны [194].

№ 308 (481). СПб., 1881; *Он же.* Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. Пг., 1917; *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965; *Попов Г. В.* Московская копия конца XV в. с болгарской миниатюры предшествующего столетия. — СС, 1969, № 1; *Кучкин В. А., Попов Г. В.* Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая книга пророков 1489 г. — В кн.: Древнерусское искусство, т. 2. М., 1974; *Попов Г. В.* Орнаментация рукописи 1499 года из Московского Успенского собора. — Там же, [т. 1]. М., 1972, с. 226—246; *Он же.* Иллюстрации «Хождения Иоанна Богослова» в миниатюре и станковой живописи конца XV в. — ТОДРЛ, М.—Л., 1966, т. XXII; *Он же.* Культурно-художественные связи России с Венгрией в конце XV в. (К вопросу о ренессансных «элементах» в московском искусстве). — В кн.: Советско-венгерские связи в художественной культуре. М., 1975, с. 202—203; *Он же.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV—начала XVI в. М., 1975, с. 46—51, 70—72.

191 *Некрасов А. И.* История русского искусства. М., 1929; *Зацепина Е. В.* К вопросу о происхождении старопечатного орнамента. — В кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 102—154; *Немировский Е. Л.* Начало славянского книгопечатания; *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, с. 80—84; *Рындина А. В.* Новгород и западноевропейское искусство XV в. (О некоторых изделиях художественного ремесла из раскопок Готского двора). — В кн.: Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975, с. 245, прим. 19; *Попов Г. В.* Живопись и миниатюра Москвы, с. 46—51; *Angermann N.* Einwirkungen des frühen deutschen Kupferstichs auf den russischen Buchschmuck. — In: Israhel van Meckenem und der deutsche Kupferstich des XV. Jahrhunderts. Bocholt, 1972, S. 123—129.

192 *Рындина А. В.* Указ. соч., с. 240—251.

193 *Выголов В. П.* Русская архитектурная керамика конца XV—начала XVI в. (о первых русских изразцах). — В кн.: Древнерусское искусство. Зарубежные связи, с. 282—311.

194 *Маясова Н. А.* Древнерусское шитье. М., 1971, с. 20—21, 24; *Николаева Т. В.* Произведения... с надписями, № 51, 65, 98, с. 65—66, 72, 91—92. Имена двух из них известны: Андрей Мыведон (или Мыдевон) и Аника Григорьевич Кувека (*Маясова Н. А.* Указ. соч., с. 24, илл. 37; *Николаева Т. В.* Произведения... с надписями, № 65, с. 72).

* * *

Широта и разносторонность культурных связей Руси с другими странами Европы — наиболее характерная их черта. Благодаря контактам в области материальной и духовной культуры русские знакомились с достижениями передовой по тому времени инженерной мысли Италии и со светской литературой южных славян и немцев. Русские почти одновременно с другими народами узнавали о великих географических открытиях и знакомили другие народы со своей страной.

В силу отсутствия книгопечатания многочисленные знания в области духовной культуры оставались достоянием узких кругов тогдашней «интеллигенции» — прежде всего дьяков и подьячих Посольского приказа, составителей летописей, образованных монахов и слабо отразились на формировании духовной культуры народных масс.

Идеи и образы, которые черпала политическая мысль Руси в светской и духовной литературе своих ближних и дальних соседей, способствовали формированию идей самодержавия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование Русского государства на базе ранее независимых политических образований переменило всю международную обстановку на востоке Европы. Унаследовав от отдельных русских земель задачи в области развития экономических, политических и культурных связей, Русское государство преобразовало их во всеобъемлющую программу равенства контрагентов и свободного беспрепятственного проезда как по суше, так и по морю, равенства условий торговли, воссоединения всех русских земель в пределах Древнерусского государства и признания прав главы государства на эти земли, выраженных в титуле государя всея Руси, наконец, свободного привлечения на Русь специалистов во всех областях тогдашней науки и техники.

Центральным вопросом внешнеполитической жизни был территориальный, т. е. вопрос воссоединения русских земель; экономический и культурный имели подчиненное значение (хотя внешняя торговля сама ставила задачи перед внешней политикой).

Для выполнения основной политической задачи Русское государство охотно и умело заключало союзы, целью которых была изоляция Великого княжества Литовского (с Молдавией, Венгрией, Империей). Новой формой отношений был союз Русского государства с православным населением Великого княжества Литовского, главной опорой Русского государства в процессе собирания русских земель.

Роль международных отношений для развития Руси была настолько велика, что внешнеполитические связи и отношения оказывали самое существенное воздействие на внутреннюю политику. В частности, наблюдается самая тесная связь династической политики Ивана III (возвышения то Дмитрия-внука, то Василия, а соответственно опалы и возвышения их сторонников) с внешнеполитическими союзами и обстановкой конца XV—начала XVI в.

В ходе международных отношений росли и крепли культурные контакты Руси с остальными странами Европы, контакты, способствовавшие развитию производительных сил страны и подъему научных знаний. В них были вовлечены различные общественные силы — от свободомыслящих еретиков до идеологов самодержавия. Последние широко использовали иностранные произведения для идеологического оформления самодержавной власти.

Выполнение русской программы международных отношений натолкнулось на противодействие различных сил, прежде всего Великого княжества Литовского, Ливонского ордена и Ганзы, а отчасти и Королевства Польского. Борьба против быстро крепнувшего Русского государства приняла формы не только военного противодействия, но и торговой блокады, проводившейся не отдельными городами Северной и Восточной Балтики, а Великим княжеством Литовским в союзе с ганзейскими городами. В ответ на эту блокаду Русское государство вынуждено было прибегать к контрблокаде — к запрещению импорта на Русь одного из важнейших товаров средневековья — соли. Внешне подобные методы сходны с меркантилистическими, по существу же шла речь о восстановлении традиционных русско-европейских отношений, баланс которых был постоянно активным (в пользу Руси).

Изучаемое время с точки зрения международных отношений Руси можно разделить на пять неравных хронологических отрезков.

Первый этап — 1471—1484 гг. — время быстрого формирования территории и русской государственности, традиционных экономических связей в южном, западном и северо-западном направлениях, завязывания международных отношений, одной из важных форм которых были династические союзы (браки Ивана III и Ивана Ивановича Молодого), время спонтанных культурных отношений (среди которых особое внимание привлекает проникновение рационалистических идей в северо-западные районы страны).

Второй этап — 1485—1494 гг. — характеризуется резкой интенсификацией как экономических, так и культурных и политических связей и качественного перелома в них. В области экономических связей была сделана первая попытка ниспровержения монопольного положения Ганзы и ливонских городов и установления непосредственных контактов с европейскими странами через новый русский порт на Балтике — Ивангород. Укрепились и политические связи с другими странами. Политические союзы были заключены с Молдавией, Венгрией, Империей, Данией. Все они имели ярко выраженную антиягеллонскую или антиганзейскую направленность. Пограничная война с Великим княжеством Литовским привела к возвращению в состав Русского государства ряда западнорусских земель, в первую очередь Вязьмы. Одновременно и укрепился международный престиж Руси: титул ее государя — князя всея Руси — был признан рядом союзных держав. В культурных отношениях начали превалировать сношения с Италией, поддерживаемые и направляемые государственной властью.

Третий этап — 1495—1514 гг. — почти исключительно был занят войнами за возвращение русских земель. Три войны с Великим княжеством Литовским (1500—1503, 1507—1508, 1512—1514 гг.), завершившиеся крупным успехом — воссоединением

Смоленска, война с Ливонским орденом (1501—1503 гг.); вооруженные конфликты со шведами на карельской границе, жертвой которых стал Выборг, с одной стороны, и Ивангород — с другой, на время затруднили развитие экономических контактов на северо-западе, периодически совершенно прекращали на западе и поставили под угрозу южные связи. Затруднены были и культурные контакты с другими странами (среди которых важное место стала занимать Дания и немецкие города). Основным союзником Руси в это время была Дания, связи с другими государствами, в частности с Империей, временно ослабли.

Четвертый этап — 1515—1522 гг. — время наибольшей интенсивности экономических и политических связей на северо-западном направлении. Новый союз с Империей в 1514 г. сопровождался признанием царского титула Василия III. Укрепление союза с Данией, новый союз с Тевтонским орденом — все это, казалось, создавало предпосылки для успешного решения балтийского вопроса. Однако морская война 1520 г. показала слабость союзников и объективную невозможность добиться выгодного для Руси исхода событий. Ухудшилось и внутреннее положение Руси. «Крымский смерч» 1521 г. сопровождался не только разорением южной части страны, но и усилением общественного брожения, ответом на которое должно было послужить предполагаемое венчание Василия III. Идеологическим же обоснованием этого служил русский Хронограф, составленный в византийской и южнославянских традициях. Особую актуальность в это время приобрело «Сказание о князьях владимирских», восходящее к концу XV в.

После 1522 г. и до конца изучаемого времени наступает некоторая стабилизация положения Руси в системе европейских международных отношений. Заключение мира с Литовским княжеством в 1525 г. обеспечило возобновление и расширение экономических и культурных контактов по суше и по морю со странами Восточной, Центральной и Северной Европы. Русское государство стало притягательным центром и опорой славянских народов Европы и православного населения Великого княжества Литовского. Неизмеримо вырос международный престиж Русского государства, к которому как к последней надежде на спасение обращались инициаторы антиосманской лиги, враждовавшие между собой, — папство и Империя. Русь добилась положения одной из ведущих держав Европы.

Не все задачи, поставленные правительством Ивана III, направленные на ликвидацию экономической и культурной отсталости в результате многовекового ордынского ига, последствий политического расчленения Руси между различными государствами, были выполнены. Виной тому не только просчеты и ошибки некоторых русских дипломатов и руководителей внешней, а также внутренней политики (Патрикеевых и Ряполовского), но и объективные условия. Русь, хотя и шедшая по пути

быстрого экономического развития, еще не смогла изжить всех последствий ига: только в XVI в. наряду с традиционными продуктами промыслов она смогла поставлять на международные рынки и результаты переработки сельскохозяйственной продукции — пеньку и сало. Зависимость же ее от европейского рынка проявлялась в том, что все цветные и благородные металлы были импортного происхождения. Русское государство еще не могло воссоединить в своих пределах всех русских земель.

Внешнеполитическая программа, сложившаяся на протяжении конца XV—начала XVI в., выполнялась в течение двух последующих столетий. То, чего не могла сделать Русь во времена Ивана III и Василия III, было осуществлено Россией XVII—XVIII вв.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук
АЕ	— Археографический ежегодник
АЕД	— *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1956
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею
АРГ	— Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975
АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
АФЗХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.
АЮ	— Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838
АЮЗР	— Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею
ВИ	— Вопросы истории
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
Временник МОИДР	— Временник московского Общества истории и древностей российских при Московском университете
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
Гансен. Грамоты	— *Гансен Г. И.* Древние русские грамоты, хранящиеся в Ревельском городском архиве. Ревель, 1890
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГВНП	— Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГПБ	— Государственная библиотека СССР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ДАИ	— Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950
Дунаев	— *Дунаев Б. И.* Преп. Максим Грек и греческая идея на Руси. М., 1916
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗАО	— Записки Археологического общества
ИА	— Исторический архив
ИЗ	— Исторические записки
ИЛ	— Иоасафовская летопись. М.—Л., 1957
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности
ИСССР	— История СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГПИ	— Ленинградский гос. педагогический институт им. А. И. Герцена
ЛЗАК	— Летопись занятий Археографической комиссии
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории СССР
Муханов	— Сб. Муханова. М., 1836
НЛ	— Новгородские летописи. СПб., 1879
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ОАПП	— Опись архива Посольского приказа 1626 г., ч. 1—2. М., 1977
ОЦААПП	— Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960
ПДС	— Памятники дипломатических сношений с державами иностранными, т. I. СПб., 1851
ПИ	— Проблемы источниковедения
ПИВ	— Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959
ПЛ	— Псковские летописи, вып. 1. М., 1941; вып. 2. М., 1955
ПРП	— Памятники русского права
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РИБ	— Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею
РК 1475—1598	— Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966
РК 1475—1605	— Разрядная книга 1475—1605 гг., т. I, ч. 1. М., 1977
РЛА	— Русско-ливонские акты. СПб., 1868
СА	— Советские архивы
Сб. РИО	— Сборник Русского исторического общества
СВ	— Средние века

СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
СКВ	— *Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955
СРВ	— [*Муравьев А. Н.*] Сношения России с Востоком по делам церковным, ч. I. СПб., 1858
СС	— Советское славяноведение
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР
Труды МГИАИ	— Труды Московского государственного историко-архивного института
УЛС	— Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив
Чтения ОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
AESC	— Annales, économie, société, civilisation
ASPK	— Akta stanów Prus królewskich
AW	— Ateneum wileńskie
Burchard	— *Burchard J.* Diarium sive rerum Urbanarum commentarii
ChrdSt	— Chroniken der deutschen Städte
DZGW	— Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft
FDG	— Forschungen für deutsche Geschichte
FMU	— Finlands medeltidsurkunder
Granlund	— Handlingar rörande Sveriges historia. Förste serien. Konung Gustav den Försten registratur
Grönblad	— *Grönblad E.* Nya källor till Finlands medeltidshistoria
Hansen. Regesten	— *Hansen G. von.* Regesten aus zwei Missivbüchern des XVI. Jahrhunderts im Revaler Stadt-Archiv. — In: Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, III. Folge, Bd. IV, Reval, 1895.
HGbll	— Hansische Geschichtsblätter
HNH	— Handlingar till Nordens historia 1515—1523
HR	— Hanserecesse
HRSH	— Handlingar rörande Skandinaviens historia
HUB	— Hansisches Urkundenbuch

JGO	— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas
LECUB	— Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch
PH	— Przegląd historyczny
RH	— Revue historique
Rydberg	— *Rydberg O. S.* Sverges traktater med främmande mägter
SHT	— Svensk historisk tidskrift
Styffe	— *Styffe C.* Bidrag till Skandinaviens historia ur utländska arkiver
VSWG	— Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte
ZSlPh	— Zeitschrift für slawische Philologie

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Август, римский император 91, 225
Августин, рейнский палатин 159—160
Августин *см.* Устин
Авраамка, переписчик летописи 89, 249
Агапит, византийский писатель 225
Адриан VI, римский папа 7, 208
Азибеев Пирахмат, турецкий купец 220
Айдаров Микула, московский торговый человек 51
Айдат (Айдашка), крымский мурза 218
Айналов Д. 250
Акинсун Аннук, каянский посол 147
Аксентий, кожевник, псковский торговый человек 58
Аксентьев Константин (Костя), русский посланник в Империю 96
Алакозь, посол каффинского паши 32, 174
Аларко Салыхда, посол каффинского паши на Русь 174
Алевиз Новый *см.* Ламберти де Монтаньяно Альвизе
Александр, тартуский литейщик на Руси 239
Александр (Олелько) Владимирович, киевский кн. 90
Александр Владимирович Ростовский, кн., новгородский наместник 158, 167
Александр Казимирович Ягеллон, литовский вел. кн. (с 1492 г.), польский король (с 1501 г.) 9, 52, 83, 84, 86, 89, 99—101, 104—108, 112—121, 143, 147, 151, 185, 195, 198, 235
Александр Македонский 226, 246, 247
Александр VI, римский папа 83, 105, 193, 195, 197, 207, 214
Алексеев Григорий Иванович, «гость» 32
Алексеев М. П. 11, 211, 228
Алексей, митрополит 201
Алексей Малый, посольский дьяк 128
Али-Бей, турецкий посол 129
Алпатов М. В. 250
Альбрехт, баденский маркграф 96
Альбрехт Ансбах бранденбургский, маркграф, магистр Тевтонского ордена 124, 125, 157, 160, 205, 206, 208
Альбрехт Веттин, саксонский герцог 120
Альфонс II Арагонский, неаполитанский король 192
Амазео Грегорио, итальянский поэт, юрист, философ 206
Анастасия Васильевна, дочь московского вел. князя Василия II Темного 90
Ангелина, сербская деспина, инокиня 202, 203
Ангелов Б. Ст. 175, 193, 250
Ангелов Мануил (Докс) Грек, русский посол 191, 231, 232 (?), 244
Ангелов Микула (Никула) Иванович, сын боярский 232
Ангелов Никита, русский посланник 232
Ангеловы, греческий род на Руси 222—223
Ангерманн Н. (Angermann N.) 5, 142, 242, 246, 247, 251
Андреа *см.* Фиораванти Андреа
Андреев Жак Лавринец, папский писарь 150
Андреев Н. Е. 250
Андреев Остап (Останя), русский посол в Крым 129

* Сокращения: вел. — великий; еп. — епископ; иг. — игумен; кн. — князь; кн-ня — княгиня; м-рь — монастырь; св. — святой. Указатель имен составлен В. Г. Шерстобитовой.

Андреев Юрий (Юшко), дьяк, посланник в Крым 32
Андрей, «литовский король» *см.* Казимир IV Ягеллон
Андрей Грек, странник 176
Андрей (Андрейка), полоцкий фальшивомонетчик 68
Андрей Васильевич, углицкий кн., сын Ивана III 89, 111, 112, 233
Андрей Иванович, кн., сын Ивана Даниловича Калиты 43
Андрей Иванович, старицкий кн. 236
Андрей Первозванный, апостол 174
Андроник, грек из Стамбула 212
Анна, дочь чешского и венгерского короля Владислава VI, жена австрийского эрцгерцога Фердинанда 119, 159, 209
Анна Борисовна, волоцкая кн-ня 251
Анна Васильевна, рязанская кн-ня, дочь московского князя Василия II Темного, жена Василия Ивановича рязанского 235
Анна Васильевна, рязанская княжна, дочь Василия Ивановича рязанского, жена кн. Ф. И. Бельского 235, 236
Анна Васильевна, вел. русская княжна, дочь московского князя Василия I, жена наследника византийского престола Иоанна VIII Палеолога 177
Аннинский С. А. 11
Ансельм Кентерберийский, еп., церковный писатель, схоластик 246
Антон, датский торговый человек 64
Антон (Онтон), немецкий лекарь на Руси 246
Антон, итальянский архитектор на Руси 243; *см.* также Джан Антонио
Антоний, иг. Дмитреевского м-ря на Афоне 204
Антонов Антон, таллинский купец 37
Анфим, прот Святой горы 204
Аньезе Баттиста, итальянский картограф 226
Арей (Арес), греческий бог 213
Аристотель, античный философ 246
Аристотель Фиораванти *см.* Фиораванти Аристотель
Арнд Стефан, автор медицинского трактата 246
Архангельский А. 246
Асени, болгарская царская династия 103
Асень II Иван, болгарский царь 103
Асень Михаил, болгарский царь 103
Афанасий, св. 203
Афанасов Григорий (Гридка), русский торговый человек 51
Ахмат, хан Большой Орды 79, 179, 183
Ахмат-Гирей, крымский царевич 116

Бабека, армянский купец из Каффы 49
Бабингер Ф. (Babinger F.) 119, 169, 173, 175, 177, 193, 194, 198, 205, 207
Баграков Угрим, купец ливонского магистра 59
Базилевич К. В. 4, 78, 89, 90, 93—95, 108, 114—116, 171, 182, 186, 190
Базылев Л. 16
Балица, молдавский посольский дьяк 106
Балтазар, мекленбургский герцог 144
Бальденап Енс Андерсен, финский еп., датский дипломат 148
Балязин В. Н. 124, 127, 132, 138, 150, 155, 157, 160
Бантыш-Каменский Н. Н. 77, 96
Барбариго Августин, венецианский дож 192
Барбаро Иосафат (Barbaro G.), венецианский посол 12, 20, 84, 126, 128, 184, 242
Барбаро Шипионе, миланский посланник в Венецию 189
Барбьери Дж. (Barbieri G.) 84, 177, 189
Барсов Е. В. 104
Барсуков Н. П. 248
Бартоломео *см.* Вартоломей, Варфоломей
Басманов Алексей Данилович, боярин 41
Бауэр В. 96, 119, 124, 125
Бахрушин С. В. 22
Баязид II, турецкий султан 83, 173, 174, 197
Беатриса Арагонская, венгерская королева 98
Бегунов Ю. К. 202
Беклемишев Берсень Иван Никитич, сын боярский, русский посол 32, 106, 174
Беклемишев Никита Васильевич, сын боярский, русский посол 171, 183
Белоброва О. А. 101
Белоус Василий, русский торговый человек 39
Бельские, князья 223, 234, 236, 237
Бельский Дмитрий Федорович, кн. 235, 236
Бельский Иван Федорович, кн. 235, 236

Бельский Семен Иванович, кн. 115, 116, 118, 235
Бельский Семен Федорович, кн. 235, 236
Бельский Федор Иванович, кн. 53, 86, 87, 234—236
Белый Василий, посольский дьяк 156
Бенинкаса Грациозо из Анконы, итальянский картограф 6
Берестяников Логин, виленский купец 25, 36, 55
Бери-Ахмат, турецкий паша 173
Бернадский В. Н. 35
Бертольд, граф Хеннеберг, архиепископ Майнца, курфюрст, эрцканцлер 193
Бетман Эразм, краковский торговый подмастерье 228
Бискуп М. (Biskup M.) 5, 98
Бисс Петер, франкфуртский торговый подмастерье 56
Бломе Вольф, франкфуртский купец 56
Блюэр И., чиновник Берг-коллегии 112
Богдан И. (Bogdan I.) 91, 99, 113
Богдан, армянский купец 49
Богдан, молдавский воевода, сын Стефана Великого 123
Богос, армянский купец из Каффы 49
Богоявленский Н. А. 246
Боков Григорий (Гридя), новгородский купец 163
Бокс Мартин, шведский посол 115
Болдур А. В. 90, 91
Болейн Анна, английская королева, жена Генриха VIII 26
Бон Алевиз, венецианский посол 129
Бон (Мистробонов) Григорий, итальянский архитектор на Руси, переводчик 244
Бон Фрязин (Мастробон, маестро Бон), итальянский архитектор на Руси 244
Бона *см.* Сфорца Бона
Бонумбре Антонио, папский легат 86, 180, 181, 184, 185, 188
Борис, болгарский кн. 248
Борис, русский св. 34, 90
Борис Васильевич, волоцкий кн. 33
Борисов Семен, дьяк, русский посол 215
Боровитинов Иван, новгородский купец 35, 43, 54
Боровитинов Никита (Микита) Леонтьевич, «гость», новгородский купеческий староста 168
Борх Бернгардт фон дер, магистр Ливонского ордена 149
Боссе Паоло де (Дебоссис Павлин), итальянский литейщик на Руси 238
Брагина Л. М. 12
Бранденбург Н. Е. 238
Брандис Матвей, немецкий издатель 246
Браун, путешественник 53
Булатов Астафий Федорович, иван-городский купец 39
Булахов М. Г. 87
Булгаков Иван Шелоня, русский посол 220
Булев (Люев) Николай, немецкий врач, астроном, публицист на Руси 224, 246, 247
Булкин В. А. 245
Буонаккорзи Филиппо (Каллимах Эспериенте), итальянский гуманист, польский политический деятель 97, 170
Бургмайер Ганс, немецкий гравер 97
Бургштеллер Мориц, имперский посол на Русь 125, 128
Бурмейстер Иоахим, голландский купец 40, 62
Бурхард Иоганн (Burchard J.), организатор церемоний в Ватикане, хронист 12, 105, 189—191, 194
Буслаев Ф. И. 250
Бутурлин Андрей Никитич, русский посол 54
Бучкак, ширинский мурза 220
Быховец, литовский пан, владелец хроники 17, 89, 100, 107, 115, 116, 120, 235
Бычкова М. Е. 234

Ваза Густав, шведский король 40, 135, 163—165, 167
Валентин, герцог, сын римского папы Александра VI 193
Вальденберг В. Е. 225
Вальдземиллер, картограф 226
Ваповский Бернард (Wapowski B.), польский хронист 17, 81, 89, 94, 120, 126, 127
Варвара Заполья *см.* Заполья Варвара
Варлаам, митрополит 201, 209, 234
Варлаам Хутынский, русский св. 61
Вармбеке Иоахим, немецкий торговый человек, слуга Немецкого двора в Новгороде 37, 38
Вартоломей, имперский посланник на Русь 211
Вартоломей (Бартоломео), итальянский архитектор на Руси 244

Варфоломей (Бартоломео), итальянский пушкарь на Руси 239
Василий, молдавский еп. 92
Василий, торговый человек из Охрида или Аккры («охреянин») в Каффе 31
Василий, тверич, литовский шляхтич 82
Василий I Дмитриевич, московский вел. кн. 79, 90, 99
Василий II Васильевич Темный, московский вел. кн. 82, 85, 118, 176, 182, 203, 240
Василий III Иванович, русский вел. кн. 10, 14, 19, 20, 34—36, 41, 49, 54, 73, 84, 88, 104, 108—113, 117, 119—131, 141, 147—149, 151—157, 160, 167, 170, 175, 176, 186, 196, 198—204, 206—209, 211, 212, 214—219, 230, 233—237, 240, 241, 253—256
Василий Вертикович, армянский купец из Львова 50
Василий Епимахович, псковский посадник 82
Василий Захарьевич *см.* Сабуров (Зубарев) Василий Захарьевич
Василий Кузьмич, русский купец 52
Василий Шемячич *см.* Шемячич Василий Иванович
Василий Ярославич, серпуховской кн. 83
Васильев Алексей, русский купец 49, 217
Васильев Иван, сын боярский 155
Васильев Иван, новгородский купец 39, 74
Вассиан Патрикеев *см.* Патрикеев Василий (Вассиан) Иванович Косой
Ватценроде Лукаш, варминьский еп. 54
Вейнрейх Каспар (Weinreich C.), немецкий хронист 17, 37, 81, 83, 87—89, 139
Векслер А. 49
Вельяминов Иван Шадра Васильевич, вотчинник 92
Вениамин, доминиканец, переводчик 224, 225
Вениаминов Тимофей, переписчик 105
Верейский Василий Михайлович, кн. 83, 110, 186, 237
Вержбовский Ф. М. 9, 121
Вернер, магистр, линчепингский каноник 151
Веселовский С. Б. 224, 231
Веттер Альбрехт фан (Альберт, Отльберт (?), любекский магистр на русской службе 59, 228, 242
Вид Антон, хронист 13
Виктор, немецкий геолог на Руси 237
Вимеркати Таддео, миланский посол в Венецию 191
Винголт Николай ди (Дивинголт), шведский посол на Русь 138
Вингфильд Роберт, английский посол в Империю 10
Винолт (Винголт) Намайболт, шведский посол 115
Виссарион, константинопольский патриарх, кардинал 177—179
Витовт (Витольд), литовский вел. кн. 79, 99, 100, 109, 116
Витте Ганс, ревельский купец 39
Виттелий Эразм, виленский архиепископ 105
Вишневецкий Иван Михайлович, кн. 176
Виюллихий, хронист 53
Влад (Калугер), угровлахийский воевода 92, 202
Владимир Андреевич, серпуховской кн. 83
Владимиров Дмитрий, русский посол в Швецию 136
Владимиров М. 250
Владислав I (Ласло I), венгерский король 91, 241
Владислав IV (Ласло IV), венгерский король 241
Владислав VI Ягеллон, чешский (с 1471 г.) и венгерский (с 1491 г.) король 92, 93, 95—99, 107, 115, 118—120, 123, 125, 127, 128, 155, 159, 196, 197, 199, 223
Владислав Грамматик 225
Влас *см.* Игнатьев Влас
Власюк А. И. 244
Водников Федор, русский посол 147
Возило Григорий (Гридко), русский купец 34, 48
Волосатый Андрей, дьяк, русский посол 219
Вольпе Джан Баттиста де ла (Иоанн, Иван Фрязин), венецианский денежник на Руси, посол 179—183, 240
Вольпе Карло де ла, итальянский посол 178, 180
Вольский Николай, польский посол 126
Вольтерра Амманати де, кардинал 180

Вольтерра Дж. Маффеа де, секретарь кардинала, итальянский хронист 180
Вореnза Григорий, итальянский резчик 242
Воротынские, князья 237
Воротынский Федор Львович, кн. 112
Выголов В. П. 251
Вяземский Дмитрий Константинович, кн. 86

Габсбург Елизавета *см.* Елизавета
Габсбурги, правящая династия в Священной Римской империи 93, 96—98, 125, 128, 177, 205, 207, 209, 210; *см.* также Максимилиан, Карл Фердинанд, Филипп I Красивый, Фридрих
Гад Хемминг, шведский еп. 195
Галеаццо Джан Мария *см.* Сфорца Джан Галеаццо Мария
Гамель И. Х. 26, 48, 49, 140, 145, 226, 229
Ганс (Иван), датский король 23, 133, 135, 140, 141, 143, 144, 146—149, 152—155, 168, 190, 195
Гансен Г. (Hansen G. von) 59—62, 74, 75, 155, 158, 163—165, 228, 242
Гартингер Юстус (Юдок), имперский посол на Русь 17, 118, 224, 232
Генадий, архимандрит Чудова м-ря, затем новгородский архиепископ 16, 224, 225, 231, 248, 249
Генрих VII, английский король 149
Генрих VIII, английский король 10, 77, 210
Георг Московит, русский музыкант в Империи 227
Георгиевский В. Т. 34
Георгиевский Г. 250
Георгий, имперский посланец на Русь 129, 158
Георгий Болгарский, св. 248
Георгий Стефанович (Максим), сербский деспот 175
Геппенер Н. В. 247
Герасим, молдавский боярин 92
Герасим, старец Пантелеймонова м-ря 202
Герасим Поповка, дьякон 224, 228
Герасимов Дмитрий, дипломат и переводчик 12, 49, 214—216, 224, 226—228
Герберштейн Сигизмунд, барон, имперский дипломат 12, 18—20, 40, 73, 84, 104, 106, 116, 122, 126—128, 130, 155, 196, 205, 207, 212, 216, 217, 226, 228, 230, 235, 239
Герд Симон, ганзейский купец 37
Герлад *см.* Кохран Давид
Геронтий, митрополит 16, 92, 172, 175
Герстур *см.* Стуре Стен Старший
Гильдебранд, рижский архиепископ 136
Гильденштерн Христиан, гданьский капер 162
Гильдорп Иоганн, посол ливонского магистра 153
Глеб, русский св. 34, 90
Глинская Елена Васильевна *см.* Елена Васильевна Глинская
Глинские, князья 120, 130, 223, 234, 237
Глинский Василий Львович Слепой, кн. 120
Глинский Иван Львович, кн. 119
Глинский Михаил Львович, кн. 45, 119, 120, 124, 125, 130, 233, 234, 236, 237, 246
Глушакова Ю. П. 193, 218
Говер *см.* Хоувер
Голенищев-Кутузов И. Н. 170
Голенченко Г. Я. 44
Голова Иван, псковский торговый человек 59
Голохвастов Алексей, русский посол в Крым 32
Голохвастов Борис Яковлевич, русский посол в Османскую империю 208, 209
Голубинский Е. Е. 172, 175, 178, 200, 202
Голубцов И. А. 102
Гольбейн Ганс, немецкий художник 26
Гольдберг А. Л. 247
Гольшанский Иван Юрьевич, кн. 87
Гонорий Отенский, церковный писатель 246
Горбатый Михаил Васильевич, кн., новгородский наместник 34, 158
Горвид, шведский посол на Русь 136
Горина Л. В. 248
Гортемир, крымский купец 44
Готан Бартоломей, немецкий печатник 232, 249
Грассис Ахилл де, папский посланец на Русь 199
Греков И. Б. 90, 171, 178, 185
Грекул Ф. А. 5, 91
Григорий, датский посол на Русь 147
Григорий (Гридка), тверич, литовский шляхтич 82
Григорий, митрополит Зихны (Янины), патриарший посол на Русь 200, 201, 206
Григорий Богослов, св. 250

Григорий Федорович *см.* Давыдов Григорий Федорович
Григорий Цамблак *см.* Цамблак Григорий
Григорович И. И. 11
Груша, виленский торговый человек 53
Губин Василий Михайлович Третьяк, русский посол 211
Гуил Гурсис (Гуйгерис) Захария (Захар), таманский кн. 49, 223
Гуковский М. А. 12, 84
Гурский Станислав, секретарь польского короля Жигимонта I 9
Гусев Владимир Елизарович, сын боярский 108
Густав Ваза *см.* Ваза Густав
Гуттен-Чапский Э. К. 241

Давид Старый *см.* Кохран Давид
Давыдов Григорий Федорович, новгородский наместник, русский посол 28, 53
Далматов Василий Третьяк Васильевич, дьяк, русский посол 121, 143, 148
Даль В. И. 227
Дамме Г. фон, ганзейский купец 24, 27—28
Даниил, иг. Синайского м-ря 204
Даниил, митрополит 15, 204
Данила (Данилко), каффинский купец 49
Дантишек Ян (Dantyszek J.), еп. хелминский и варминьский, дипломат, поэт 18, 126, 127, 216
Даркевич В. П. 43
Дашкович Остафий (Евстафий), староста черкасский и каневский, литовский воевода 130
Дебоссис Паоло (Павлин) *см.* Боссе Паоло де
Демир, крымский хан 244
Демьян Фрязин, новгородский купец 42, 44, 49
Деревянчин Савва, московский купец 45, 48
Держкович Петр, литовский посланник 68
Дециуш (Деций) Иодок (Decius J. L.), польский хронист 17, 19, 122—124, 126, 128, 129, 233
Джан Антонио (Замантоний), итальянский архитектор на Руси 243
Джан Галеаццо Мария *см.* Сфорца Джан Галеаццо Мария
Джевицкий Матвей, польский канцлер, пшемысльский еп. 120, 126, 128
Дженкинсон Антон, английский посол в Россию, путешественник, писатель, картограф 7, 146
Джислярди Антонио, итальянский посол на Русь 178—181, 183, 185, 187
Джислярди Николо, итальянский посол на Русь 179, 180
Джовио Паоло *см.* Иовий Павел
Дивингонт Николай *см.* Винголт Николай ди
Динеков П. 248
Дионисий, константинопольский патриарх 172
Дионисий, дьякон, патриарший посол на Русь 200
Диописий, русский художник 34
Длугош Ян (Długosz J.), польский хронист 17, 80, 81, 83
Дмитриев Л. А. 61
Дмитриева Р. П. 13
Дмитрий *см.* Палеолог
Дмитрий Грек *см.* Ласкирев Дмитрий Федорович, Траханиот Дмитрий
Дмитрий Иванович, углицкий кн., сын Ивана III 33—34, 111, 112
Дмитрий Иванович Молодой, «Дмитрий-внук», московский вел. кн., сын Ивана Ивановича Молодого и Елены Стефановны Волошанки 14, 92, 102, 104, 107—114, 116, 186, 253
Дмитрий-сын *см.* Дмитрий Иванович, углицкий кн.
Добродомов И. Г. 12
Довлетек, крымский мурза 32
Дома, молдавский посол на Русь 115
Донат (Донатус), римский грамматик 228
Дорошенко В. В. 5, 23, 24, 26, 28, 59, 60
Драгош, первый молдавский господарь 91
Дрождь (Дрозд) Андрей Александрович, литовский пан 120
Дрождь Иван, литовский пан 120
Друцкий Андрей, кн. 120
Дуйчев И. С. 250
Дума Дмитрий Кузьмич, молдавский посол на Русь 131
Дунаев Б. И. 8, 42, 49, 55, 199, 211—213, 220, 230
Душка Алексей, псковский торговый человек 59
Дюранд Вильгельм, схоластик 247

Евдокия Александровна, дочь киевского кн. Александра Владимиро-

вича, жена молдавского воеводы Стефана Великого 89, 90
Евдокия Ивановна, дочь Ивана III, жена кн. Василия Дмитриевича Холмского 232
Евфимий Тырновский, болгарский патриарх, церковный писатель, св. 249
Екатерина Габсбург, внучка императора Максимилиана 119
Екатерина Палеолог *см.* Палеолог Екатерина
Екатерина, морейская кн-ня, дочь кн. Захарии III, жена Фомы Палеолога 177
Елена Васильевна Глинская, дочь кн. Василия Львовича Глинского, жена русского вел. кн. Василия III 216, 217, 236, 241
Елена Ивановна, дочь русского вел. кн. Ивана III, жена литовского вел. кн. и польского короля Александра 89, 100, 101, 106, 117, 147, 175, 176, 195, 230, 232
Елена Палеолог *см.* Палеолог Елена
Елена Стефановна Волошанка, дочь молдавского воеводы Стефана Великого, жена русского вел. кн. Ивана Ивановича Молодого 88, 90—92, 175, 233, 251
Елизавета I, английская королева 18
Елизавета, датская принцесса, дочь короля Ганса 147
Елизавета Габсбург, внучка императора Максимилиана, жена датского короля Христиана II 124, 155
Елизавета Габсбург, дочь императора Фридриха III, жена литовского вел. кн. и польского короля Казимира IV Ягеллона 95
Елизаров Василий, брянский наместник 52
Елизаров Иван (Сырков?, Иван «Плосарвич»), «гость», новгородский купеческий староста 168
Елизаров Юрий (Юшко, Юношко), дворянин Ивана Ивановича Молодого 89
Елоха Елизар, псковский торговый человек 59
Еропкин Кляпик Михаил Степанович, русский посол 53, 94, 98
Еропкин Федор Степанович, русский посол 94, 99
Ерть, любекский купец 39, 74
Ефрем Фомич, новгородский купеческий староста 168
Ефросин, монах 247
Жигимонт I Ягеллон, литовский вел. кн., польский король 11, 17, 19, 20, 43, 45, 48, 49, 55, 57, 60, 73, 78, 85, 106, 118—120, 122—130, 151, 152, 156, 159, 160, 162, 163, 196, 199, 200, 207, 208, 213, 215, 219, 226
Жижемский Василий, кн. 120
Жижемский Дмитрий, кн. 120
Жук Григорий (Гридя), русский купец 47

Забелин И. Е. 239
Заберезинский Ян Юрьевич, полоцкий наместник, литовский посол на Русь 101
Заболоцкий Алексей Григорьевич, русский посол 128
Заболоцкий Петр Григорьевич, русский посол 107
Загориен Вильгельм фон, имперский посол на Русь 98
Загряжский Григорий Дмитриевич, русский посол в Империю 129
Загряжский Дмитрий Дмитриевич, сын боярский, русский посол в Пруссию 157
Зайцев Дмитрий, русский посол в Данию 141, 231
Замантоний *см.* Джан Антонио
Замыцкий Константин Тимофеевич, сын боярский, русский посол в Молдавию 131, 208
Замыцкий Степан, сын боярский, русский посол в Швецию 149
Замыцкий Тимофей Петрович, русский посол в Молдавию 106
Заполья Варвара, польская королева, первая жена литовского вел. кн., польского короля Жигимонта I 125
Заполья Стефан, венгерский магнат 125
Заполья Ян (Иоганн), венгерский магнат 118, 125, 128, 216
Засекин-Ярославский Иван Иванович, кн., русский посол в Империю 7, 12, 214, 215, 218
Зассе Стефан, глава гданьских каперов 162
Захарий III, морейский кн. 177
Захария Гуил Гурсис (Гуйгерис) *см.* Гуил Гурсис
Захарьин Михаил Юрьевич, русский посол в Литву 121
Захарьин Яков Захарьевич, новгородский наместник 140
Зацепина Е. В. 251
Зевеенин, Зеневеянин, Зеновеянин Павел *см.* Чентурионе Паоло

Зелькович Антон, виленский купец 55
Зено Пьеро, венецианский баил в Стамбуле 219
Зенько, литовский посланник на Русь 94
Зигмунд Старый *см.* Жигимонт I
Зигфрид Габриель, русский сборщик дани 168
Зимин А. А. 4, 7, 9, 14—16, 34, 49, 78, 82, 91, 104, 108, 119—121, 123, 130, 131, 160, 186, 200, 203, 208, 212, 220, 227, 232, 234—237, 241, 246, 247
Зиновьев (Зиновьевич) Иван, русский посол в Молдавию 92
Зиновьев Скурат Прокофий, сын боярский, русский посол в Молдавию 89, 94, 99
Злобин Степан Иванович, русский посол в Крым 220
Зосима, митрополит 104, 175
Зубарев Василий *см.* Сабуров Василий
Зузин Алексей Андреевич, москвич, литовский шляхтич 52

Иван, дьяк, венгерский посол на Русь 95, 223
Иван, датский король *см.* Ганс
Иван, житель Карелы 147
Иван, крымский мурза 32
Иван, молдавский посол на Русь 173
Иван, немецкий геолог на Руси 237
Иван, псковский торговый человек 59
Иван, тверич, литовский шляхтич 82
Иван (Иванко), алуксненский переводчик 158
Иван (Ивашка Разбойник), русский торговый человек 31
Иван (Ивашко), русский посланник в Польшу 80
Иван (Ивашко), москвич, смоленский шляхтич 122
Иван Андреевич *см.* Челяднин Иван Андреевич
Иван Белый, тверич, литовский шляхтич 82
Иван Богданович, армянский купец из Львова 50
Иван Борисович, рузский кн. 33
Иван III Васильевич, русский вел. кн. 11, 14, 35, 43, 51, 59, 68, 70, 74, 78—81, 83—85, 87—91, 93—97, 99—118, 130, 132, 133, 135—141, 143, 144, 147, 149, 150, 158, 171—180, 182—191, 193—195, 197, 198, 207, 221, 223, 227, 231, 232, 234, 235, 237, 240—244, 249, 253—256
Иван IV Васильевич Грозный, русский царь 103, 203, 217, 250
Иван Васильевич, боровский кн. 83
Иван Волк Курицын *см.* Курицын Иван Волк Васильевич
Иван Данилович Калита, московский вел. кн. 43
Иван Долгой (Ланге?), ганзейский купец 39, 74
Иван Зиновьевич *см.* Зиновьев Иван
Иван Иванович, рязанский кн. 230
Иван Иванович Молодой, русский вел. кн. 88—92, 102, 136, 224, 246, 254
Иван Михайлович, псковский посадник 153
Иван «Плосарвич» (возможно, Иван Елизарович Сырков), новгородский купеческий староста 168
Иван Селиванович, новгородский купец 27
Иван Сербин, член турецкого посольства на Русь 173
Иван (Иоанн, Иован, Иваниска) Стефанович, сербский деспот, сын Ангелины 175, 203, 217
Иван Списатель (Спаситель), каплан 227
Иван Тверитин, псковский купец 42
Иван Фрязин *см.* Джан Антонио
Иван (Ивашко) Черный, еретик 224
Иван Юрша, наместник Владимира Волынского 180
Иван Яковлевич, новгородский помещик 168
Иванов А. И. 229
Иванов В. Н. 242, 245
Иванов Мелентий (Мелешко), русский купец 51
Иванов Олферий, русский купец 51
Иванчин-Писарев Н. 245
Ивашев Михаил, русский посол 199
Ивашенец, литовский посол 182
Ивашенцов Якуб, литовский пан 120
Игнат, тверич, литовский шляхтич 82
Игнатьев Влас, переводчик, посланник 12, 226, 228
Игнатьев Иван Шуйта, ивангородский купец 24, 38, 42, 45, 61
Иголка Семен, псковский купец 58—59
Изенбург Вильгельм, граф, регент Тевтонского ордена 116
Иллирик, мифический основатель Черногории 225
Ильинский Г. А. 103
Илья, подьячий 32

Индрих, холоп 122
Иннокентий VIII, римский папа 195
Иоанн, болгарский экзарх 228, 229
Иоанн VIII *см.* Палеолог Иоанн VIII
Иоанн Александр, болгарский царь 103
Иоанн Богослов, апостол, евангелист 251
Иоанн Дамаскин, церковный писатель и поэт 228
Иоанн Златоуст, константинопольский патриарх, церковный писатель 203
Иоанн Лествичник, церковный писатель 224
Иоанн Шишман, болгарский царь 103
Иоасаф, калязинский иг. 248
Иовий Павел (Джовио Паоло), новокомский еп., писатель 12, 19, 20, 215, 238
Иоганн, дерптский еп. 147
Иоганнс Вильгельм, судовладелец 23, 28
Иона, митрополит 117
Иона, новгородский архиепископ 172
Иорга Н. (Iorga N., Jorga N.) 91, 113, 169—171, 175, 195
Иорданн Иоанн, немецкий литейщик на Руси 239
Иосиф, еврей, московский житель 224
Иосиф, ивангородский священник 30, 38, 42
Иосиф, смоленский еп. 105
Иосиф Болгаринович, литовский митрополит 105, 117
Иосиф Волоцкий (Иван Санин), писатель, публицист 88, 121, 225, 248
Исайя Сербин, старец Ксиропотамского м-ря на Афоне 203, 204
Исак Собака, монах, переписчик 201
Исаков Усеин, крымский мурза 32
Исидор, константинопольский патриарх 178
Искендер, купец из Бруссы (бурсянин) 200
Ислам-салтан, крымский царевич 212, 213, 218, 219
Истома, ивангородский купец 23
Истома Григорий Малый, дьяк, переводчик, русский посол 45, 152, 224, 226
Истома Старший *см.* Пушкин Истома Андрей Григорьевич
Иштван Миколаевич *см.* Стуре Сван Нильссон

Кавер Иоганн, посол дерптского еп. па Русь 153
Казакевич А. Н. 13
Казакова Н. А. 5, 7, 10, 13, 15, 19, 40, 45, 61, 69, 71, 75, 113, 132, 133, 139—141, 144, 148, 150—153, 193, 195, 213, 215, 227, 228
Казелек Эразм, виленский купец 55
Казимир, бранденбургский маркграф, кёльнский еп. 159
Казимир IV Ягеллон (Андрей), литовский вел. кн., польский король 18, 52, 53, 57, 78—84, 87—89, 94—98, 116, 118, 137, 152, 159, 180—183, 185, 190, 234
Калист, предполагаемое на Руси имя римского папы Сикста 180
Каллимах *см.* Буонаккорзи Филиппо (Каллимах Эспериенте)
Калоян Иоанн (Иван) *см.* Палеолог Иоанн (Иван) Калоян
Калько Бартоломео, первый секретарь миланского герцога 191
Кампензе (Пиггиус) Альберто, голландский и итальянский астроном и теолог 7, 19, 214, 215
Каракуча, крымский царевич 245
Карамзин Н. М. 6, 11
Карамышев Василий, русский посол 94
Карач, крымский мурза 30
Карачаров Митрофан, русский посол 26, 49, 114, 115, 174, 192, 195, 197, 223, 231, 239
Караччиоло, итальянский герцог 178
Каркано Алоизио (Алевиз) де, итальянский архитектор на Руси 244
Карконделли *см.* Халкокондилл
Карл *см.* Палеолог Карл
Карл, итальянский серебряник на Руси 242
Карл V, император, испанский король 119, 155, 165, 209—211, 215, 216, 219
Карл VIII, французский король 191—197
Карпов С. П. 5
Карчеев Кожух, русский купец 48
Катушкина М. Г. 227
Кафенгауз Б. Б. 20
Кашпровский Е. И. 123
Каштанов С. М. 5, 10, 14, 85, 102, 108—113, 121, 148, 167
Квашнин Мешок Василий Иванович, русский посол 220
Кемал-бек (Феодорит), турецкий посол, мангупский кн. 199, 200
Кесяков Х. 170
Киндырева Елена Ивановна, боярыня 33—35
Киприан, митрополит 224

Кир Георгий *см.* Трахаиот Юрий Малый
Кирей Кривой, литовский посол 79
Кирилл, архиепископ 193
Кирсанова Н. И. 5
Китай Василий *см.* Новосильцев Василий Китаев (Китай)
Кишка Станислав Петрович (Петряшкович), маршалк, литовский посол на Русь 105
Клейн В. К. 33
Клейненберг И. Э. 30, 37, 69, 71, 72, 75, 133, 139
Клим, тверич, литовский шляхтич 82
Климент, венгерский посол на Русь 95, 233
Климент VII, римский папа 7, 19, 20, 49, 208, 211, 213, 214, 218, 219
Климент *см.* Палеолог Климент
Клингенбек Георгий (Юрий), посол Тевтонского ордена на Русь 160
Клинчич Степан, чешско-венгерский посол 219—220
Клосс Б. М. 14, 15, 225, 249
Ключевский В. О. 86, 248
Кляпик *см.* Еропкин Кляпик Михаил Степанович
Ковтун Л. С. 229
Козьма, пресвитер 248
Кок Реймар, любекский хронист 17, 133, 144, 161, 185
Кокен Петер, шведский посол на Русь 135
Колло Франческо да, имперский посол на Русь 10, 11, 20, 130, 204, 207
Колумна Гвидо да, итальянский историк и поэт 247
Колычева Е. И. 5
Кондрат, виленский купец 53
Конечны Ф. (Konecznу F.) 78, 80, 88, 151, 171
Константин XI, византийский император *см.* Палеолог Константин XI
Константин Костенчский, болгарский грамматик и философ 225, 248
Константин Лютый зверь, шведский посол на Русь 136
Константин Михайлович (из Островицы), турецкий янычар, сербский писатель 197
Константинов Юрий, «гость», псковский купец 59
Контарини Амброзио (Амвросий), венецианский посол на Русь 12, 19, 20, 84, 184, 188, 242
Контарини Фома, венецианский баил в Стамбуле 209
Конти Антонио да, имперский посол на Русь 130, 204, 206
Копыл Василий Андреевич, русский посол на Афон 200, 203
Корвин Матьяш (Матвей), венгерский король 91—93, 95, 96, 98, 241
Кордт В. 227
Коробов Василий Андреевич, русский посол 200
Корф Фредерик, нарвский бургомистр 39
Корюков Алексей Григорьевич, «гость», новгородский купеческий староста 168
Костенев Григорий (Гридя), «гость», псковский купец 59
Костенев Игнат, «гость», псковский купец 45, 59
Кохран Давид (Герлад, Давыд Старый), магистр, герольдмейстер, датский посол на Русь 40, 117, 141, 143, 148—150, 152, 153, 155—158, 164, 165
Кранц Альберт (Krantz A.), немецкий хронист 17, 133, 142, 143, 149, 185
Критманн Иоганн, судовладелец 23
Критский Ян, польский дипломат, поэт 126, 127
Крон, греческий бог 213
Крошинский Тимофей Владимирович, кн., литовский посол 94
Кувека Аника Григорьевич, молдавский мастер на Руси 251
Кувшинов-Заболоцкий Иван Иванович, вотчинник Московского у. 232
Кудаш, переводчик 32
Кузанский Николай, итальянский философ и картограф 6, 13
Кузнецов П. О. 229
Кузьма, прот Святой горы 202
Кузьмин Иван, новгородский посадник 80
Кукушкина М. В. 121
Кулешин Василий, дьяк, русский посол 104, 115, 137, 140
Курбский Семен Федорович, кн. 84
Курицын Иван Волк Васильевич, дьяк 202, 224
Курицын Федор Васильевич, дьяк, русский дипломат 92, 93, 96, 173, 175, 192, 224, 228, 229, 238, 247
Кутузов Борис Васильевич, русский посол 235
Кутузов Михаил Васильевич, русский посол 94, 100, 106
Кутузов-Лапин Андрей Семенович, русский посол 32, 174
Кучкин В. А. 12, 16, 85, 102, 201, 251

Кучук, ордынский посол на Русь 187
Кьерикати Франческо, еп. 215

Лаврентий, датский посол на Русь 143
Лаврентий Болгарин, монах Ватопедского м-ря 200, 201
Лавров Н. Ф. 14
Лавров П. А. 170
Лазарев В. Н. 243—245
Лазарев Дмитрий, русский посол 187
Лазарь, сербский деспот 175
Лайка, молдавский боярин 92
Лайко Федор Федорович, вотчинник 92
Лакиер А. 77
Ламанский В. И. 171
Ламберти де Монтаньяно Альвизе (Алевиз Новый), итальянский архитектор на Руси 195, 240, 244
Ламбрехт, немецкий хронист 225, 226
Ланге Иван *см.* Иван Долгой (Ланге?)
Лапша, литовский серебряник 242
Лапшин Игнат, литовский серебряник 242
Ларевы *см.* Ралевы
Ларионов Василий, ясельничий 36
Ласкарь Антоний, польский посол 140, 231
Лаский Ян, гнезненский архиепископ 54
Ласкирев Дмитрий Федорович, русский посол 125, 231
Ласкирев Федор Дмитриевич, русский посол 231
Ласкиревы, греческий род на Руси 223, 231
Ласковский Ф. 245
Ласло I *см.* Владислав I
Лата (Лада), краковский мещанин 124, 233
Латуш, ивангородский купец 23
Лев X, римский папа 123, 126, 199, 205—208, 215
Левина С. А. 15, 91
Левонтий, русский купец 74
Ледовская И. В. 5
Леон, венецианский лекарь на Руси 246
Лимонов Ю. А. 16, 17
Линдеман К. 245
Лихарев Иван Дмитриевич, русский посол 99
Лихачев Д. С. 13
Лихачев Н. П. 36, 41, 44, 45, 230, 231, 241
Личнин Микула (Николай) Дмитриевич, «гость» 59
Лодовико Моро *см.* Сфорца Лодовико Моро
Лодыгин Шарап Тимофей Семенович, русский посол 217—219, 239
Лоредано Леонардо, венецианский дож 126
Лукомский Иван, кн. 233, 235
Луле Генрих, дерптский купец 23
Лурье Я. С. 13, 14, 16, 92, 107—109, 111, 224, 225, 229, 233, 247, 248
Лучицкий И. В. 30
Любавский М. К. 78, 86, 106, 117
Любич Василий, литовский посланник на Русь 80
Людовик, иностранный литейщик (?) на Руси 239
Людовик, чешский и венгерский король 119, 159, 199, 209, 216
Людовик XII, французский король 198
Лютге Бернд, любекский купец 61
Лютер Мартин 209

Мавродин В. В. 226
Магеллан 227
Магмет *см.* Мухаммед II
Мазовецкий Конрад, кн. 138
Майков Л. Н. 11, 228
Маймонид Моисей, средневековый философ 224
Макарий, новгородский архиепископ, митрополит 104, 248
Макарий (Булгаков), митрополит, историк церкви 172
Максим *см.* Георгий Стефанович
Максим Грек (Михаил Триволис), монах, писатель-публицист, переводчик 8, 15, 112, 131, 200, 201, 203, 204, 212, 216, 217, 219, 221, 227—229, 246
Максимилиан I Габсбург, римский король (с 1493 г.), император (с 1508 г.) 84, 87, 93, 96—99, 102, 104, 112, 118—120, 124—130, 136—139, 143, 144, 149, 150, 152, 154, 155, 158—160, 173, 192, 198, 199, 205—209, 211, 227, 229, 234
Максимов П. П. 244
Макушев В. 191
Малец, смоленский торговый человек 37, 44
Малечкин Константин, русский посол 32
Малинин В. 229
Малиновский А. Ф. 171
Малиновский И. 9
Малипьеро Доменико (Malipiero D.),

итальянский хронист 17, 187, 190, 193
Маловист М. (Malowist M.) 5, 25, 30, 47, 56, 70, 134
Малский Лев, ивангородский купец 39, 41
Малышкин Яков (Якуш) Андреевич, можайский купец 41, 68
Мамырев Василий, дьяк 251
Мамырев Данила Киприянов, дьяк, русский посол 190, 191, 232, 244
Манассия Константин, византийский хронист 225
Мансуров Федор, русский посол 80, 94
Мануил Грек *см.* Ангелов Мануил, Ралев Мануил, Траханиот Мануил
Мануйлов Юрий Григорьевич, землевладелец 36
Мануил, посланник Григория Цамблака 172
Марина Мнишек, дочь сандомирского воеводы, жена Лжедмитрия I и Лжедмитрия II 245
Мария Габсбург, внучка императора Максимилиана 119, 159
Мария *см.* Палеолог Мария
Мария Борисовна Тверская, первая жена Ивана III 178, 186
Мария Стефановна, жена молдавского воеводы Петра 176
Мария Ярославна, жена Василия II Темного 90, 184
Марк *см.* Россо
Марк, греческий лекарь на Руси 209, 212, 230
Марк Грек, итальянский архитектор на Руси (возможно, Россо) 151, 243
Марк Фрязин, итальянский архитектор на Руси 243
Маркварт Теофил (Фефил), немецкий лекарь на Руси 246
Марковин Н. 103
Маркус, датский посол 149
Мартир Педро, итало-испанский гуманист 211
Мартын, датский посол на Русь 168
Мартынец, член русского посольства 32
Марфа, жена кн. Дмитрия Федоровича Бельского 236
Масленников Андрей, московский купец 45, 48
Масленникова Н. Н. 22, 79, 120
Мастробон *см.* Бон Фрязин
Матвей (Матвейко), витебский торговый человек 55
Матвей, рижский купец 45
Матвей (Матфейка), смоленский торговый человек 37, 44
Матиас (Матфейко) Лях, посольский переводчик 233
Матссон Ролоф, датский наместник Выборга 163, 165
Матьяш *см.* Корвин Матьяш
Мауро Фра, итальянский картограф 6
Маясова Н. А. 35, 186, 251
Медичи 43
Мекенем Израиль фан, голландский гравер 251
Мелентий, монах Афанасьева м-ря на Афоне 203
Мельникова А. С. 5, 49, 241
Мемеш, крымский мурза 218
Менгли-Гирей, крымский хан 9, 30, 32, 35, 41, 48, 99, 107, 113—116, 120, 171, 173, 174, 195, 200, 211, 223, 242, 244
Мехметев Саиват, турецкий купец 220
Меховский Матвей (Meychov Mathie de, Miechowski M.), польский хронист 11, 13, 16, 17, 19, 81, 114, 116
Мец Н. Д. 240
Мижуев Семен, новгородский купец 59
Микифорка *см.* Никифор
Миккельсен Ганс, датский купец 159
Микула (Николай) Грек, служилый человек кн. Василия Шемячича 232
Микулин Борис, русский посол 121
Микулинский Иван, кн., русский посол 156
Миневич Григорий (Гридя) Усатый, литовский купец 54
Мисаил, киевский митрополит 86
Мистробонов Григорий *см.* Бон Григорий
Митев И. 170
Михаил, «доктор», учитель русского языка для иностранцев в Москве 228
Михаил, новгородский священник 37, 45
Михаил, рижский архиепископ 135
Михаил Александрович (Олелькович), кн., сын киевского кн. Александра Владимировича, наместник в Новгороде 78, 79, 86, 87, 90
Михаил Борисович, тверской вел. кн. 81, 82
Михаил Васильевич *см.* Тучков Михаил Васильевич

Михач (Михаил), торговый человек из Охрида или Аккры («охреянин») в Каффе 31
Михель *см.* Шпис Михаил
Мнишек Марина *см.* Марина Мнишек
Модрус Бартоломей фон, имперский посол на Русь 98
Можайские, князья 53
Можайский Иван Андреевич, кн. 83
Можайский Семен Иванович, кн. 101, 115
Можайтунов Алексей (Олексейка), московский торговый человек 212
Моисей, псковский торговый человек 58
Моклоков Никита Губа Семенович, дьяк 119
Моллер Генрих, рижский купец 23
Мончак А. (Mączak A.) 47, 60
Мор Томас, английский утопист, политический деятель 26, 161
Моро Лодовико *см.* Сфорца Лодовико Моро
Морозов Василий Григорьевич, русский посол 54
Морозов Иван Семенович, русский посол 212
Морозов Михаил Яковлевич Русалка, новгородский наместник, русский посол 89, 167
Мосальские, князья 237
Мохов Н. А. 90, 99
Мстиславские, князья 223, 237
Муравьев А. Н. 204
Муратов П. П. 34
Мухаммед, каффинский паша 174
Мухаммед II, турецкий султан 92, 169, 172, 211
Мухаммед-Гирей, крымский хан 129, 130, 210—212, 235
Муханов П. А. 34, 48, 100, 102, 105, 116, 117, 143, 213
Мушат Оника, молдавский посол на Русь 99
Мушат Стефан, молдавский посол на Русь 99
Мыведон (Мыдевон) Андрей, молдавский мастер на Руси 251
Мюллер Р. Б. 168
Мякинин Ших, русский посол 149
Мятков Иван, витебский торговый человек 55

Назарий Федосеевич, новгородский купеческий староста 168
Нарышкины, князья 244
Насонов А. Н. 14—16
Наумов Е. П. 248
Некрасов А. И. 251
Нектанаб (Ахтанав), мифический отец Александра Македонского 226
Неманичи, сербские государи 103
Немировский Е. Л. 44, 246, 249, 251
Неофит Грек, афонский монах 200
Нестер, псковский торговый человек 59
Нечай, московский торговый человек 45, 48
Никита, русский геолог 181
Никита (Микита) Леонтьевич *см.* Боровитинов Никита Леонтьевич
Никитин Афанасий, тверской купец, путешественник, писатель 16
Никифор, иг. Ксиропотамского м-ря 202
Никифор (Микифорка), псковский торговый человек 52
Никифоров Л. В. 5
Никола да Себеника (Шибеника), переводчик 215
Николаева Т. В. 121, 242, 243, 251
Николай, итальянский литейщик на Руси 239; *ср.* Николай, венецианский пушечник
Николай, венецианский пушечник на Руси 239
Николай Лях, гонец 182
Николай Николаевич *см.* Радзивилл Миколай Миколаевич
Никольский П. К. 229
Нил *см.* Трахаиот Нил
Нильссон Кнут, датский писарь 160
Нифонт, монах Ватопедского м-ря на Афоне 203
Новокомский Павел Иовий *см.* Иовий Павел
Новосельский А. А. 32
Новосельцев А. П. 5
Новосильцев Василий Китаев (Китай), русский посол 80
Ногароли Леонардо, граф, имперский посол 216, 217
Норбю Северин, датский политический деятель и военачальник 161, 162, 165, 166
Нотенский Борис, ивангородский купец 30, 39, 41

Обашев Кадыш, русский купец 48
Оболенские, князья 237
Оболенский Щетина Иван Иванович, новгородский наместник 167
Овинова Настасья, новгородская боярыня 121
Одерус Балтазар, имперский посол на Русь 128
Одоевские, князья 237
Озерецкий Иван, кн. 120

Окулов Максим, русский сборщик дани 168
Олай Магнус (Olaus Magnus), шведский политический деятель, писатель 13, 17, 22—24, 26—28, 33, 41, 61, 64, 83, 141, 144—146, 163, 214
Олелько *см.* Александр Владимирович
Олельковичи *см.* Михаил Александрович и Семен Александрович
Олифер, новгородский боярин 80
Олсуфьев Ю. А. 242
Ольбрахт Ян Ягеллон, польский король 70, 96, 99, 100, 107, 115, 138
Ольденберг Мауриц, датский военачальник 165
Ольдензе Иоганн, посол рижского архиепископа 153
Онко Грицевич, виленский бургомистр 53
Онков (Онкович) Богдан, виленский купец 44, 53
Онтон *см.* Антон
Орбан (Урбан), шведский посол на Русь 133
Орешников А. В. 121, 240
Ортус, торговый человек из Ямы 68
Осей, коломенский протопоп 184
Осинин Ляпун, русский посол 219
Ослер Якоб, имперский посол 125, 128
Остикович Григорий Станкович, маршалк, литовский посол, русский пленник 229
Острогорский Г. (Ostrogorski G.) 103
Острожский Константин Иванович, кн., литовский воевода 87, 116
Отльберт *см.* Веттер Альберт фан
Ощерин Иван Иванович, русский посол 100, 106

Павел, апостол 190
Павел II, римский папа 179—181
Павел III, римский папа 7
Павел Иовий *см.* Иовий Павел
Павлов Иван, псковский купец 30
Паисий, иг. Пантелеймонова м-ря на Афоне 203, 204
Паисий, прот Святой горы 202, 203
Палеолог Андрей, брат Софьи, морейский деспот 12, 88, 177, 180, 184, 186, 188—191, 194, 231
Палеолог Дмитрий (Фомич), брат Софьи 177, 231
Палеолог Дмитрий, морейский деспот 184
Палеолог Елена, сестра Софьи, сербская деспина 175
Палеолог Иоанн (Иван) VIII Каллоян, византийский император 177
Палеолог Карл, сербский и артский деспот, племянник (по матери) русского вел. кн. Василия III 204
Палеолог Климент, святогорский монах 204
Палеолог Константин XI, византийский император 177, 184
Палеолог Мануил (Фомич), брат Софьи 177, 180, 183, 231
Палеолог Мария, племянница Софьи, жена кн. Василия Михайловича Верейского 186
Палеолог Раль *см.* Ралев Иван Фомич
Палеолог Софья *см.* Софья (Зоя) Палеолог
Палеолог Фома (Ветхословец Фома), морейский деспот 177, 178, 183, 185, 229
Палеологи, род византийских императоров и русских политических деятелей 177, 184, 204, 231
Палкин Гавриил, тверской торговый человек 32
Патрикеев Василий (Вассиан) Иванович Косой, кн., политический деятель и публицист 101, 102, 104, 112, 175, 201
Патрикеев Иван Юрьевич, кн., политический деятель, московский наместник 31, 90, 98, 101, 108, 142, 173, 175, 235
Патрикеев Иван, смоленский купец 67
Патрикеев (?) Семен Юрьевич *см.* Семен Юрьевич
Патрикеевы, князья, бояре 90, 102, 112, 174, 235, 255
Пах Ж. П. 51
Пахомий, архидьякон Пантелеймонова м-ря 202
Пахомий, патриарх 200
Пахомий Логофет (Пахомий Серб), сербский и русский церковный писатель 201
Пашуто В. Т. 4, 5, 7
Пейо, болгарский писатель 248
Первольф И. И. 43, 196, 197, 233
Петанчич Феликс, хорватский писатель 196
Петр, апостол 190
Петр, венецианский пушечник на Руси 239
Петр, волынский воеводич 237; *ср.* Петр Дмитриевич Грек
Петр, митрополит 201
Петр, молдавский воевода 176
Петр, тверич, литовский шляхтич 82

Петр I Великий, русский император 125, 139, 142, 242, 246
Петр Гречин *см.* Ралев Петр
Петр Дмитриевич Грек, русский посланец 237
Петр Дмитриевич Ростовский, кн. 33
Петр Олехнович, литовский посол на Русь 118, 119
Петров Эрик, шведский посол 151
Петрок Малый (Петр Фрязин), итальянский архитектор и «бомбардир» на Руси 224, 239, 245
Пиггиус *см.* Кампензе
Пизон Якуб, папский нунций 89, 127, 199
Пикколомини Эней Сильвий (Пий II), итальянский гуманист, римский папа 17
Пирлинг П. (Pierling P.) 178—181, 183—185, 188, 191, 208, 215, 216, 218
Писаревский Г. К. 125
Питус (Читус) Джованни Франческо, скаренский еп., папский легат 215—217
Плаг Иоганн, датский посол на Русь 152
Плеттенберг Вальтер фон, ландмаршал, магистр Ливонского ордена 18, 27, 40, 73, 113, 148, 150, 152, 157, 158, 166
Плещеев Андрей Михайлович, русский посол 92
Плещеев Дмитрий Григорьевич, землевладелец 44
Плещеев Иван Андреевич, русский посол 99
Плещеев Михаил Андреевич, русский посол 32, 49, 52, 174
Плещеев Петр Михайлович, русский посол 92, 230
Плещеева Анастасия, жена кн. И. В. Щербатова 33, 35
Поге Волкан (Вулфысанг), слуга тевтонского магистра 228
Погожий Михаил, русский посланник 26
Поджогин Иван Юрьевич Шигона, боярин 234
Подобаец, сагайдачник 31
Подобедова О. И. 251
Подосинов А. В. 5
Подъяпольский С. С. 243, 244
Позняков Иван, псковский торговый человек 59
Полукарпов Василий, русский посол 130
Полушкин Яков, подьячий, русский посол 211
Попов А. 248
Попов Г. В. 201, 241, 251
Попович Иван, виленский торговый человек 55
Поппель Николай, путешественник, имперский посол на Русь 85, 96, 233
Порфирьев И. Я. 246
Потин В. М. 43, 51, 241
Преображенский В. Д. 63
Преображенский С. 53
Пресняков А. Е. 78
Прозоровский Д. И. 121
Пронский (?) Семен Юрьевич *см.* Семен Юрьевич
Пронштейн А. П. 167
Птасьник Я. (Ptasnik J.) 40, 56
Путятин Григорий (Гридя), русский посол 122
Путятин Григорий Меньшой, дьяк 231
Путятин Иван Семенович, русский посол 121
Пушкарев Л. Н. 14
Пушкин Истома (Истома Старший?) Андрей Григорьевич 224
Пфлауме, немецкий астроном 247
Пшибрановский Теодор, писарь, польский посол 116
Пьетро, итальянский архитектор на Руси 243

Рабенштейн, посол тевтонского магистра 208
Равенсберг Иоганн Якобсон *см.* Якобсон (Равенсберг) Иоанн (Иван)
Радзивилл Миколай Миколаевич (Николай Николаевич), виленский воевода и канцлер 28
Радзивилл Ян Николаевич, литовский посол на Русь 118
Радоujhuh П. 217
Радуль Иоанн, угровлахийский воевода 202
Разин Е. А. 233
Раймунд, папский легат 150
Ралев Дмитрий Иванович (Палеолог), русский посол 26, 49, 114, 115, 141, 174, 180, 189, 192, 195, 197, 223, 231, 232, 239, 243
Ралев (Ларев) Иван Фомич 231
Ралев Мануил Иванович (Грек), русский посол 188—190, 231, 238, 243
Ралев Николай, русский посланец в Милан 176, 177
Ралев Петр, странник 176
Ралевы, греческий род на Руси 176, 177, 223, 231, 233

Рамм Б. Я. 178
Рамузио Дж. Б. 20
Рамшов Николай (Миколай), шведский посол на Русь 136
Ранк (Райко) Петр, венецианский серебряник на Руси 242
Рафаил, константинопольский патриарх 172
Регель В. 189
Реммелинкроде Готшалк, ганзейский посол, ревельский бюргер 23, 59, 70
Репьев Иван (Ивашка), шведский посланник на Русь 150
Речихин Олевей, каянский посланник на Русь 147
Ржига В. Ф. 227
Риссенберг Ганс Старший, ревельский серебряник 242
Рихерд Якоб, ливонский купец 27
Ровинский Д. А. 250
Рогов А. И. 16
Роде Иоганн, любекский посол 228
Родион Кожух, митрополичий дьяк 16, 180, 182—184, 187
Розанов С. П. 225
Розов Н. Н. 84
Ролоф Андрей, датский посол 29
Ромодановский Василий Васильевич, кн., русский посол 89, 104, 115
Ромодановский Семен, кн. 90
Россо (Руссо) Марк, итальянский архитектор на Руси 244, 245
Ротерт Эверт, ганзейский купец 38, 73
Рублев Андрей, псковский посадник 82
Русалка Михаил Яковлевич *см.* Морозов Михаил Яковлевич Русалка
Русан, итальянский мастер на Руси 224
Русин, подьячий, член посольства 32
Русинов Григорий Дмитриевич, вотчинник 36, 45
Ругенбург В. И. 177, 191, 229
Рыбаков Б. А. 7, 146
Рындина А. В. 251
Рябинин И. С. 123, 127
Ряполовский Семен Иванович, кн., русский посол 89, 101, 104, 108, 112, 255

Саадат-Гирей, крымский хан 212, 213, 218—220
Сабуров Андрей Васильевич, псковский наместник 156
Сабуров (Зубарев) Василий Захарьевич, «гость» из Ямы 68, 70
Сабуров Иван Константинович, новгородский дворецкий 30, 167
Сабуров Константин Сверчок Федорович, костромской и дмитровский вотчинник 224
Сабурова Соломония *см.* Соломония Юрьевна Сабурова
Савва, иг. Пантелеймонова м-ря на Афоне 200, 202
Савва Освященный, св. 248, 250
Савва Сербский, св. 217, 225, 248
Савва В. И. 102
Саввин мученик, св. 250
Савельева Е. А. 17, 27, 141
Сагиб-Гирей, казанский хан 212
Саип-Гирей, крымский царевич 220
Сакай Искендер (Скиндер), мангупский кн., турецкий посол 211—213, 218—221, 230
Сакович Богдан Андреевич, полоцкий наместник, литовский посол 80, 81
Саларев Семен, русский купец 49, 52
Саларев Фома Данилович, «гость», новгородский купеческий староста 168
Салмина М. А. 225
Санин Иван *см.* Иосиф Волоцкий
Сануто Марино (Sanuto M.), секретарь венецианской синьории 11, 12, 26, 84, 103, 105, 113, 114, 117, 123, 126—129, 152, 174, 185, 187, 192—194, 198, 199, 207, 209, 212—215, 217—219, 239
Сапега Богдан, литовский посол на Русь 118, 119, 122
Сапега Иван, литовский магнат 105
Сахаров А. М. 22
Сбарра Фабио, венецианец 20
Сван Нильссон *см.* Стуре Сван Нильссон
Свенссон С. 71
Сверчок, дьяк, еретик 224
Свирин А. Н. 34, 250
Святослав Яков *см.* Яков Святослав
Седельников А. Д. 225
Секирин Иван, новгородский купец 163
Селевин Богдан, смольнянин на русской службе 233
Селевин Олехно, смольнянин на русской службе 233
Селим I, турецкий султан 170, 199, 200, 208, 209, 211
Сельхорст Г., ливонский купец 24, 27, 43
Семен Александрович (Олелькович), слуцкий кн. 78, 79

Семен Иванович, бежецкий и калужский кн., сын Ивана III 122
Семен Юрьевич (Пронский или Патрикеев), кн. 90
Семенов Федос, псковский торговый человек 59
Серапион, новгородский архиепископ 88
Сербина К. Н. 14
Серин Алексей, вотчинник 227
Сигизмунд I Казимирович *см.* Жигимонт I Ягеллон
Сигизмунд, тирольский эрцгерцог 98
Сидор, датский посол на Русь 129, 157
Сидоров А. А. 251
Сизов Е. С. 217
Сикст, римский папа 180, 185
Сильвестр, рижский архиепископ 134
Сильвестр, русский посол 149
Сильвестр Малый, новгородец, студент Ростокского университета 228
Симеон *см.* Стефан Неманя
Симеон, прот Святой горы 203
Симон, митрополит 104, 175
Синка, молдавский боярин 92
Скиндер *см.* Сакай Искендер
Скорина Франциск, белорусский первопечатник 43, 44
Скржинская Е. Ч. 12, 177, 180, 184, 189, 190
Скуратов Прокофий *см.* Зиновьев Скурат Прокофий
Слюш Иоганн фан дер, судовладелец 23, 28
Смирнов В. Д. 171, 200
Смирнов И. И. 211—213
Смирнов Н. А. 169
Смирнова Э. С. 5
Снупс Михаил, тирольский посол на Русь 17, 98, 230
Соболев Иван, тверской купец 51
Соболевский А. И. 204, 247
Соколов Н. П. 46
Солари Пьетро Антонио, итальянский архитектор на Руси 243, 244
Соловьев А. В. (Soloviev A., Solovjev A.) 6, 83, 103
Соломония Юрьевна Сабурова, первая жена Василия III 230
Софья (Зоя Палеолог), вторая жена Ивана III 83, 110, 111, 175, 177, 178, 180—188, 204, 222, 229—231, 242, 251—252
Спасский И. Г. 112, 241
Спафарий Николай, переводчик Посольского приказа, писатель 101
Сперанский М. Н. 249, 250
Спиридон-Савва, митрополит 172, 236
Срезневский И. И. 40, 132
Стамат Степан (Степанка), молдаванин, слуга Мануила Ралева 189, 233, 238
Станислав Глебович, полоцкий наместник 73
Станислав Петрович *см.* Стромило Станислав Петрович
Старков Алексей Иванович, русский посланник 30
Старков Григорий, новгородский купец 36, 55
Стародубский *см.* Федор Давыдович
Стародубский Василий Семенович, кн. 90, 129
Старокадомская М. К. 30
Стен Нильссон *см.* Стуре Стен Младший
Стен Стуре *см.* Стуре Стен Старший
Степан Немчин, иностранный пушечник и торговый человек на Руси 59, 64, 239
Степан Васильевич, русский купец 47
Степанов Проня (Прокофий) Курага, торговый человек 31, 32
Стефан, псковский торговый человек 58
Стефан, сербский деспот, муж иноки Ангелины 203, 217
Стефан Великий (Стефан Волошский), молдавский воевода 89—92, 94, 95, 97, 99, 100, 106—108, 113—115, 173, 174, 202, 223
Стефан Душан, сербский краль 103
Стефан Лазаревич, сербский деспот 225, 248
Стефан Неманя (в иночестве Симеон), сербский краль, основатель Сербского государства 217
Стефан Новый, св. 248, 250
Стефан Урош, сербский краль 103
Стефан Урош Дечанский, сербский краль 248
Стецко, молдавский посол на Русь 99
Стоклицкая-Терешкович В. В. 30
Стојановић Л. 176, 217
Стригин-Оболенский Федор Иванович, кн. 35
Строев П. М. 248
Стромило (Стромилов) Станислав Петрович, маршалк, литовский посол 101, 112
Стромилов Петр, литовский пан 112
Стромилов Федор, дьяк 112
Стрыйковский Мацей, польский хронист 16, 17

Ступишин Семен, русский посланник 100
Стуре Сван Нильссон (Иштван Миколаевич), шведский правитель 135, 146, 149, 151
Стуре Стен Младший, шведский правитель 135, 152, 153, 161, 162
Стуре Стен Старший, шведский правитель 115, 134—136, 141, 144, 145, 147, 190, 226
Суков Елизар Афанасьевич, дьяк 125, 154
Сулейман Великолепный, турецкий султан 209—212, 216, 219, 220
Сурмин Василий Федорович, вотчинник 36
Сурьяни Антонио, венецианский посол в Венгрию 123, 126
Сфорца Асканио, дядя миланского герцога 189
Сфорца Бона, миланская герцогиня, польская и литовская королева, жена Жигимонта I 17, 20, 207, 213, 216, 217, 226
Сфорца Бьянка-Мария, дочь миланского герцога, жена императора Максимилиана I 173
Сфорца Галеаццо, миланский герцог 184
Сфорца Джан Галеаццо Мария, миланский герцог 189, 191
Сфорца Лодовико Моро, миланский герцог 173
Сфорца Франческо, миланский герцог 176
Сфорца, миланские герцоги 176
Сырков Иван Елизарович *см.* Иван «Плосарвич»
Сыроечковский В. Е. 47, 48, 65, 67
Сюге Кристиан, посол эзельского еп. на Русь 153
Сюлемень *см.* Сулейман Великолепный

Тараканов Василий Никитич, «гость», новгородский купеческий староста 168
Тараканов (Торкан) Владимир Никитич, «гость», новгородский купеческий староста 151, 168
Тараканов Филат, новгородский купец 54
Татищев В. Н. 112
Тахун, турецкий посол 42
Творогов О. А. 225
Тегель Хенниг, судовладелец 28
Тедальди, папский посол на Русь 207
Тенебек, крымский мурза 218
Тиберг Э. 71, 74
Тимофей, молдавский посол в Крым 115
Тимофей (Тимоха), псковский торговый человек 58
Тимофей Владимирович *см.* Крошинский Тимофей Владимирович
Тифен Ганс фон, гроссмейстер Тевтонского ордена 138
Тихомиров М. Н. 4, 15, 16, 22, 48, 83, 171, 186, 203, 217, 227
Тихомиров Н. Я. 242, 245
Тихонравов Н. С. 246
Тоганов Иван, тверич, литовский шляхтич 82
Толбузин Семен, русский посол 187, 188
Толстой Семен (Сенко), тверич, литовский шляхтич 82
Тома Иванович, молдавский посол на Русь 131
Томицкий Петр, канцлер, краковский архиепископ 9, 128
Торкан Владимир *см.* Тараканов Владимир Никитич
Тормосов-Удачин Т. Д., землевладелец 36
Торопов С. А. 244
Торре Джорджо де ла (Турн Георг фон), имперский посол на Русь 17, 97, 98, 110, 137, 207, 248
Траханиот Андрей, русский посланник в Рим 198, 230
Траханиот Дмитрий, переводчик 224, 229, 230
Траханиот Мануил, русский посол в Италию 232
Траханиот Нил, тверской еп. 45, 200, 230
Траханиот Юрий Малый Дмитриевич (Георгий, Кир Георгий, Юрий Малый, Юшко) 230, 246, 247
Траханиот Юрий Мануйлович Грек Старый (Юрий, Юрга, Юрий Мануйлович), русский дипломат 12, 96—98, 133, 137, 140, 142, 148, 178—182, 189, 190, 192, 194, 226, 228, 230, 232
Траханиоты, греческий род на Руси 111, 222, 228—230
Тревизан Джан Баттиста, венецианский посол в Орду 179, 181, 183, 187
Трифон, далматинский серебряник на Руси 241
Тролле Густав Эриксон, упсальский архиепископ 164
Трон Николо, венецианский дож 187
Трофимов Семен, русский посол 12
Трубецкие, кн. 237

Трусов Еремей Матвеевич, дьяк, русский посол 217—219, 239
Турилов А. А. 248
Туркул Иван, молдавский посол на Русь 94
Турн фон *см.* Торре Георг де ла
Турссон Эрик, выборгский наместник 151, 152
Тучков Михаил Васильевич, новгородский наместник 158
Тушин Гурий, монах 15
Тягинич Максим Ян, молдавский посол в Крым 114

Узун-Гассан, персидский шах 187, 188
Улащик Н. Н. 17
Ульяна, жена виленского бургомистра Онки Грицевича 53
Улюка, молдавский посол на Русь 115
Уляницкий В. А. 90, 107
Урбан *см.* Орбан
Усеин-Азат, турецкий купец 220
Успенский Ф. И. 187
Устин (Августин) Фрязин, итальянец на русской службе 223

Фабр Иоганн, секретарь австрийского эрцгерцога Фердинанда 12, 19
Фегезак Г., ганзейский купец 27
Федор (Федец), приказчик смоленских торговых людей 44
Федор Борисович, волоцкий кн. 33
Федор Владимирский, кн. 176
Федор Давыдович (Стародубский), боярин 182
Федор Исаевич, хотенский наместник 114
Федор Новокрещеный 249
Федоров Г. Б. 240
Феннел Дж. (Fennell J. L. I.) 90, 107, 108, 114, 174
Феодорит *см.* Кемал-бек
Феодосия (Федка) Александровна, дочь киевского кн. Олелько Владимировича, жена кн. С. М. Одоевского 90
Феолипт, константинопольский патриарх 201
Феофан, белградский митрополит 202, 203
Феофил, новгородский архиепископ 133, 172
Фердинанд I, австрийский эрцгерцог, венгерский и чешский король 12, 19, 119, 159, 165, 209, 210, 216, 219, 220
Феррери Захарий, папский легат на Русь 207
Фехнер М. В. 50
Филипп, митрополит 172, 179, 181, 182
Филипп I Красивый Габсбург, австрийский эрцгерцог, король Испании и Кастилии, сын императора Максимилиана 118, 150
Филипп II Габсбург, испанский король 210
Филофей, константинопольский патриарх 175
Филофей, псковский монах, публицист 247
Фиоль Швайпольт, краковский печатник 249
Фиораванти Андреа, сын Фиораванти Аристотеля, итальянский архитектор на Руси 243
Фиораванти Аристотель, итальянский архитектор и инженер на Руси 8, 16, 26, 28, 238, 240, 243
Флеминг Эрик, шведский посол на Русь 167, 168
Флоря Б. Н. 5, 17, 35, 36, 82, 131
Флюнт Адриан, гданьский капер 162
Фогельвердер Маквард, краковский купец 40
Фома, «легатос», священник в свите Елены Ивановны 89
Фома Ветхословец *см.* Палеолог Фома
Фонкич Б. Л. 105
Формос, римский папа 91
Форстен Г. В. 132, 141, 147
Фотий, константинопольский патриарх 248
Фотий, митрополит 175
Франциск I, французский король 160, 205, 216
Франциск (Франческо), итальянец на русской службе 223
Франческо Петр, итальянский архитектор на Руси 244
Фредерик I, голштинский герцог, датский король 165
Фрезе Якоб, шведский купец 23
Фрейберг Эберт, прусский заложник на Руси 160
Фрейтаг Иоганн, ливонский магистр 150
Фридрих, саксонский герцог, магистр Тевтонского ордена 115, 123, 124, 159
Фридрих III, император 93, 95, 96
Фрол, гонец датского короля 160, 204

Фуггеры, немецкий род банкиров и промышленников 63, 64, 158, 159, 164, 166, 205

Халепа Иван, русский посол 96
Халкокондилл (Карконделли) Андрей (Андреа), греческий купец 48, 49, 219
Харламов Иван, дьяк 160
Харламов Некрас, дьяк 157
Харлапов Никита (Микитка), московский торговый человек 51
Хередиан Леонард, литовский посол 151
Хильбек Стеффен, магистр, немец на русской службе 59
Ховрин Дмитрий Владимирович, казначей 98, 142
Ходецкий Оттон, сандомирский воевода 57
Ходыницкий К. (Chodynicki K.) 8, 87
Хозя Кутлуй (Лутвий), армянский торговый человек из Каффы 49
Холмский Василий Дмитриевич, кн. 232
Хорошкевич А. Л. 22, 25, 34, 36, 37, 59, 60, 66, 71, 74, 75, 83, 84, 86, 143, 238
Хоувер (Говер) Керстен (Герд) фан, ганзейский купец 41
Хош-Маахмет, крымский мурза 35
Хребтович Ян Лютавор, литовский посол 100
Хребтович-Бутенев К. А. 177, 184, 243
Христиан II, датский король 63, 64, 129, 135, 140, 141, 154—157, 159, 161, 162, 164—166, 168, 199, 204, 207, 208
Христофор, итальянский мастер на русской службе 242
Худоносов Ванша, ливонский купец 45
Хуннингхузен Якоб (Яков Разбойник), датский посол на Русь, капер 39, 141, 142

Цамблак Григорий, литовский митрополит 172
Циммерман Готшалк, гданьский купец 60
Циммерман Матвей, гданьский бюргермейстер 60
Цюзонов Василий, псковский купец 59
Цюзонов Иван, псковский купец 59

Челидонио Алексей, галлиполийский епископ 194
Челяднин Иван Андреевич, русский посол 53
Чентурионе (Зеновеянин, Зеневеянин, Зевеенин) Паоло (Павел), генуэзский купец, папский посол на Русь 164, 166, 208, 213—215
Черепнин Л. В. 5, 22, 65, 78, 90, 108, 111
Черная-Хорошкевич А. В. 4
Чернов А. В. 239
Чернуско Джованни да, ломбардский посол 177
Чижов В. 11
Чилибей бурсянин *см.* Ших-Азей Магмет Чилибей
Чингизиды, потомки монголо-татарского хана Чингиса 234
Чолек-Вителиус Эразм, плоцкий еп. 207

Шадрин Афанасий Иванович, вотчинник 33, 34
Шадыкин Бегиш, русский купец 48
Шандор, дьяк, молдавский посол 99, 114
Шаркова И. С. 7, 56, 215
Шарль, бурбонский герцог 218
Шаскольский И. П. 66, 132, 157, 166, 226
Шахматов А. А. 16, 111
Шеламанова Н. Б. 78
Шемякин Иван Андреевич, кн. 83
Шемячич Василий Иванович, кн. 101, 115, 230, 232
Шемячичи, князья 53
Шервинский С. В. 244
Шерстобитова В. Г. 5
Шестаков Федор, русский посланник в Литовское княжество 106
Шигалей, казанский хан 235
Шиг-Ахмат, хан Большой орды 117
Шидловецкий Христофор, польский канцлер 128
Шиллинг Каспар, гданьский ратман 162
Ших-Азей Магмет Чилибей, купец из Бруссы («бурсянин») 220
Шишенин Федор Иванович, иван-городский купец 37, 39
Шишман Иоанн *см.* Иоанн Шишман
Шлейниц Христофор, подданный саксонского герцога 123, 124
Шмидт С. О. 202
Шмурло Е. Ф. 11, 20, 189, 190, 194, 197—199, 206, 208, 214
Шнитценпаумер Георг (Юрий), имперский посол на Русь 124, 125, 127, 155

Шонберг Дитрих, посол тевтонского магистра на Русь 60, 157, 159, 160, 205, 206
Шонберг Николай, папский легат 206, 208
Шпис Михаил (Михель), краковский купец 25, 40, 57
Шрове Томас, дерптский посол на Русь 70, 227—228
Штибор, русский посол в Молдавию и Венгрию 95, 233
Шторм Амвросий, секретарь гданьского городского совета, капер 162
Штофлер, немецкий астроном 247
Штрассольдо, итальянский знатный род 119
Штрассольдо Джованни де, имперский посол 119
Штрассольдо Сольдониеро де, итальянский хронист 119
Шубов Григорий (Гридя), новгородский купец 163
Шутой В. Е. 118

Щапов Я. Н. 5
Щеня Данила Васильевич, кн., новгородский наместник 122, 153
Щенятев Михаил Данилович, кн. 236
Щербачев Ю. Н. 9, 141

Элерс О., ревельский купец 24
Эмерик Венгр, польский хронист 17
Эрнст Н. 244
Эспер Т. 71

Юлий II, римский папа 198, 247
Юрга *см.* Траханиот Юрий Грек Старый
Юрий, хорватин, участник имперского посольства на Русь 248
Юрий Грек Старый *см.* Траханиот Юрий Грек Старый
Юрий Малый *см.* Траханиот Юрий Малый
Юрий Иванович, дмитровский кн., сын Ивана III 52, 112, 119
Юрий Мануйлович *см.* Траханиот Юрий Мануйлович Грек Старый
Юрша, советник литовского вел. кн. и польского короля Казимира 180
Юшко *см.* Андреев, Елизаров Юрий

Ягеллоны, польская правящая династия 31, 78, 81, 90, 93, 96—100, 107, 108, 113—115, 117, 118, 128, 130, 131, 145, 171, 196, 233
Ягич И. В. 229
Якобсон (Равенсберг) Иоанн (Иван), датский посол на Русь 140
Яков, итальянский литейщик 238
Яков, итальянский пушечник 238
Яков, монах Пантелеймонова м-ря на Афоне 202
Яков IV, шотландский король 152
Яков Захарьич *см.* Захарьин Яков Захарьевич
Яков II Лузиньян, кипрский король 178
Яков Разбойник *см.* Хуннингхузен Якоб
Яков Святослав, болгарский деспот 193
Яков Фрязин, итальянский денежный мастер на Руси 177
Яковлев Г. Г. 241
Якуб, литовский посол на Русь 182
Якуб Григорьевич, армянский купец из Львова 50
Якуб Пизон *см.* Пизон Якуб
Якубович Адам, литовский посол на Русь 143
Якубович Ян, литовский посол на Русь 100
Якуш Андреевич *см.* Малышкин Якуш Андреевич
Якшич Анна, дочь Стефана Якшича, мать Елены Глинской 217
Якшич Елена, жена сербского деспота Ивана Стефановича 176, 217
Якшич Стефан, сербский воевода 176, 217
Ямгурчей, ногайский мурза 35
Ян Миколаевич *см.* Радзивилл Ян Николаевич
Ян Ольбрахт *см.* Ольбрахт Ян
Янин В. Л. 5, 85
Януш II, мазовецкий кн. 227
Ярославский-Засекин Иван Иванович *см.* Засекин-Ярославский Иван Иванович
Яска Андрей, новгородский купец 163
Яцимирский А. И. 91, 248
Яцко Прокопович, дорогобужанин, смоленский шляхтич 122

Abrahamovicz Z. 49
Alef G. 18, 85, 103
Allen C. F. 140, 141, 145, 147, 148, 157, 159, 161, 162, 166
Ammann A. 56
Arwidsen A. J. 136
Attmann A. 22, 23, 59, 63, 71
Aymard M. 50

Babinger F. 119, 169, 173, 175, 177, 193, 194, 198, 205, 207
Backus O. 86—89, 117, 234
Bagiński H. 137
Baumgarten H. 209
Bedermann H. J. 210
Beldiceanu N. 83
Bellini G. 175
Beltrami L. 8, 238
Benninghoven F. 18
Berkov P. N. 228
Berzeviczy A. 98
Bezviconi G. 90
Bieńkowska B. 17
Binner R. 103
Bodniak S. 162
Boeszoermeny P. 162
Briquet C. M. 44
Bruns F. 22, 41
Buczek K. 16
Bulmerincq A. von 176

Cazzola P. 8
Charewiczowa L. 31
Chmel J. 93
Christensen A. E. 63, 133, 134, 159
Clare Byrne M. St. 18
Constantinescu A. 50
Coritium I. 127
Cornet E. 187
Cosack H. 150
Costachel V. 50
Czapliński W. 162

Delbrück H. 205
Denucé J. 62
Doehaerd R. 62
Dogiel M. 159
Dollinger Ph. 132
Donner G. 23
Doren A. 48
Dziubiński A. 31

Ebel W. 40
Elekes L. 93

Faber J. 19
Falke O. von 34
Fechner A. W. 240
Fedalto G. 210
Fenne Tönnies 28
Ferrara O. 8
Fiedler J. 43, 125, 206
Fiedler N. 96
Fijałek J. 86
Finkel L. 99
Fisher S. N. 196
Florovskij A. V. 25, 29, 40, 43, 44, 58
Forstreuter K. 138, 246
Fraknói V. 93

Friedlender J. 135
Fritze K. 132

Garbaczik J. 172
Géresi K. 93
Goetz L. K. 227
Gollwitzer H. 207
Granlund V. 10, 40, 62, 163, 165, 168
Graus F. 56
Grönblad E. 10, 39, 40, 134, 136, 146—148, 150—152, 154—157, 161, 163, 165
Gualandi M. 8, 238
Gullen J. 135

Halada O. 40
Halecki O. 78, 80, 93, 118, 145
Hammer J. 169
Hasse E. 58
Hausmann R. 242
Heers J. 31, 44
Hellmann M. 103
Herbst S. 118, 126
Hermann Z. 128
Heyd W. 48, 170
Hildebrand B. E. 135
Hinsley F. H. 77
Hollihn G. 60
Hösch E. 171, 197

Joachim E. 157, 160, 161, 165, 206
Jonescu-Niscop T. 50

Jablonowski A. 31, 113
Jablonowski H. 86, 87, 89
Jahn F. N. 140
Janaček J. 56
Jeannin P. 29, 63
Jenšs G. 59
Jochansen P. 227

Kämpfer F. 104
Karge P. 93, 95
Kentmann R. 150
Kirchner W. 63, 66, 161
Kissling H. J. 197
Koczorowski E. 162
Koczy L. 27, 56—58
Kolankowski L. 78, 81, 117, 171, 185
Kretschmayr H. 198
Kutrzeba S. 40, 56, 57, 78

Lenz W. 148
Lepszy K. 162
Lewicki A. 85
Liske X. 118, 124, 125, 128, 234
Locher J. G. 17
Lowmiański H. 17
Lünig J. Ch. 125
Lütge F. 31, 51

Maillet J. 77
Malecki J. 25
Mazi G. 48
Merriman R. B. 216
Michow H. 197, 227
Mickwitz G. 28, 35, 41, 43
Miklosich F. 103
Mollerup W. 142
Musso G. 28, 31

Natanson-Leski J. 78
Netta G. 58
Nielsen A. 140
Nitsche P. 19, 102, 104, 148
Nordensciöld A. E. 6
Nottbeck E. von 24, 27

Obolenski D. 202
Olšr G. 103
Olszewicz B. 6
Onciul D. 91
Orzechowicz B. 171

Padover S. V. 11
Panaitescu P. P. 91
Papacostea S. 95, 99
Papée F. 78, 99
Pastor L. 214
Pawiński A. 9
Piervan V. 95
Pociecha W. 20, 115, 207, 213, 216, 217
Prochaska A. 87
Ptaśnik J. 40
Pulaski K. 9, 123

Raab H. 227, 247, 249
Rasmussen K. 140
Reumont A. von 56
Rijan W. F. 249
Roberts M. 135
Rybarski R. 24, 56
Rydberg O. S. 10, 102, 120, 133, 135, 137, 146, 149, 153, 154, 167, 168

Samsonowicz H. 47, 57
Sapori A. 56
Schildhauer J. 132
Schirren C. 146
Schultz A. 56
Selnes K. 140, 141
Ševcenko I. 225
Simonsfeld H. 25
Söderberg T. 134
Stachon B. 188
Stark W. 132
Stieda W. 25
Stökl G. 7, 103, 104
Styffe C. F. 10, 133, 135, 136, 138, 141, 145, 146, 151, 195
Sułkowska-Kurasiowa I. 9

Theiner A. 11, 88, 105, 196, 206
Thomas G. 226
Thompson I. W. 11

Uebersberger H. 97, 98, 118, 119, 155, 207, 216, 234
Uhlich G. 216
Ulmann I. 24, 205
Unrest J. 171

Vakar N. P. 6
Vasmer M. 229
Vast H. 178
Vaughan M. 205
Veale E. M. 26
Verlinden Ch. 30
Voigt J. 124

Walicki M. 126
Wawrzyńczyk A. 24, 26, 27, 35, 40, 56—58, 65
Weichertowa J. 9
Wendt H. 25
Werner R. M. 226
Westergaard W. 140
Winter E. 197, 199, 205, 207, 214
Wojciechowski Z. 78
Wyczański A. 9, 18, 26, 127

Zinkeisen J. W. 169, 205

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ *

Або, г. в Финляндии 169
Австрия 97, 209, 210; *см.* также Верхняя, Нижняя Австрия
Адрианополь, г. в Османской империи 208
Адриатическое море (Адриатика) 161, 210, 225
Азия 3, 6, 215
Азов (Тана), г. 31, 32, 48, 195, 200, 219
Аккерман, г. 31
Аламания *см.* Германия
Алеппо (Халяби), г. в Османской империи 31, 32
Алуксне (Алыст, Мариенбург), г. в Латвии (Ливонии) 60, 75, 158
Амстердам, г. 40, 62
Анатолия, п-в 205
Англия 10, 11, 21, 25, 26, 63, 76, 77, 132, 134, 140, 161, 174, 189, 194, 206, 211, 218, 223
Анкона, г. в Италии 6, 93, 217
Антверпен, г. 57, 63, 66, 161, 168
Апеннинский п-в 209
Астрахань, г. 31, 202
Аугсбург, г. в Германии 57, 63
Афон (Святая гора), мыс на одноименном п-ве в Эгейском море 7, 200, 202—204, 215, 218, 222

Балаклава, г. в Крыму 32
Балканский п-в, Балканы 7, 169, 217
Балтийское море 131, 159
Балтика 10, 24, 27, 63, 66, 73, 132, 133, 136, 137, 139, 140, 142—144, 146, 151, 154, 156, 158, 161—164, 169, 182, 195, 208, 254
Баня, р. в Московском у. 232
Барань-баш (Баранья), обл. в Южной Венгрии 51
Бахчисарай, г. в Крыму 244
Белая Россия 84; *см.* также Русь
Белая Русь 6; *см.* также Русь
Белгород, г. на Черном море 31, 94, 218
Белград, г. в Сербии 170, 200, 205, 209, 213, 216, 218
Белев, г. в верховьях Оки 220
Белое море *см.* Мраморное море
Белое море 61
Белоозеро, г. 111, 112
Белоруссия 21, 52
Блекинге, г. в Швеции 165
Болгария 28, 103, 169, 170, 250
Болонья, г. в Северной Италии 238, 240, 243
Большая орда (Орда) 32, 79, 82, 94, 114, 115, 117, 171, 179, 181, 183, 186, 187, 208
Борисфен *см.* Днепр
Боровск, г. на р. Протве 234
Бранденбург, земля 155
Браславль *см.* Вроцлав
Брауншвейг, земля 102
Брест (Брест-Литовский), г. в Белоруссии 52, 58, 80
  Немецкая улица 52, 57
  Русская улица 52
Бретань, п-в 98
Бруаж, г. во Франции на Бискайском заливе 37
Брюгге, г. 25, 34, 63, 134
Брюссель, г. 210
Брянск, г. 116
Буда, г., столица Венгрии 97, 117, 123, 126, 128, 129, 185, 199, 209, 216, 217
Буковина, обл. 100
Бургундия, обл. 209

* Сокращения: вол. — волость; г. — город; д. — деревня; м-рь — монастырь; обл. — область; о-в — остров; п-в — полуостров; р. — река; с. — село; у. — уезд. Указатель составлен В. Г. Шерстобитовой.

Валахия (Мунтьянская земля) 51, 77, 155, 205
Валашская земля *см.* Молдавия
Валга (Валк), г. в Эстонии (Ливонии) 38
Валмиера (Вольмар), г. в Латвии (Ливонии) 38, 158, 164
Варшава, г. 58
Ватикан (Папское государство) 55, 184, 185, 192, 194, 205, 215, 218
Ведрошь, р. и д. в Ельнинском районе Смоленской обл. 109, 116
Велбужская земля в Сербии 103
Великая Валахия 205
Великая Русь 6; *см.* также Русь
Великие Луки, г. 65, 81, 95
Великий Новгород *см.* Новгород Великий
Великое княжество Киевское 97; *см.* также Древнерусское государство
Великое княжество Литовское (Литва, Литовская земля, Литовское княжество, Литовско-Русское государство) 7, 9, 24, 25—28, 31, 34—36, 39, 40, 42—45, 48—55, 58, 64—68, 71, 73, 76—78, 81—85, 87—89, 92, 94, 96, 99—101, 104—108, 113—117, 120—123, 126—131, 138, 142—145, 147, 150, 151, 153, 154, 156, 160, 162, 166, 167, 171—173, 176, 180, 182, 184, 190, 191, 195—198, 208—213, 219, 223, 232—234, 237—239, 249, 253, 254
Великорусское государство *см.* Русское государство
Вена, г. 95—97, 118, 128, 209, 219, 220
Венгрия (Угорское отечество) 11, 21, 56, 77, 78, 89, 92, 93, 95—97, 99, 113—115, 117, 120, 123, 125, 128, 170, 172—174, 191, 194—197, 199, 203, 206, 216, 217, 222—224, 231, 233, 251, 253, 254
Вендская марка (Маркия), обл. 174, 210
Венеция, г. 8, 11, 20, 25, 44, 47, 50, 56, 80, 94, 95, 105, 114, 126, 170, 172, 173, 176, 180, 181, 185, 188—194, 196—198, 206, 207, 209—211, 217, 218, 231, 232, 239, 242, 244, 245
  Собор св. Марка 192
  Фондако деи Тедески (Немецкий двор) 25
Верхняя Австрия 210
Византия (Византийская империя) 7, 48, 102, 103, 169, 202
Вильнюс (Виленское место, Вильна) 36, 44, 48, 52, 53, 55, 58, 60, 68, 73, 79, 120, 130
  Лятцкий конец 79
  Немецкая улица 53
  Русский конец 52
Винница, г. на Украине 107
Вирумаа, обл. в Эстонии 148, 153
Висборг, г. в Швеции 165
Витебск, г. 48, 85
Вифлянская земля *см.* Ливония
Виченца, г. в Северной Италии 179, 187
Вичуга, вол. на Средней Волге 235
Волга (Ра), р. 6
Вологда, г. 111
Волошская земля *см.* Молдавия
Вольмар *см.* Валмиера
Волынь, обл. 85
Вормс, г. на р. Рейн 193, 209, 210
Восточная Балтика 162
Восточная Европа 3, 21, 43, 51, 57, 77, 90, 128, 149, 154, 176, 245, 255
Восточноевропейская равнина 77
Вотская пятина Новгородской земли 168
Вроцлав (Браславль), г. в Польше 25, 57, 58, 107
Выборг, г. на Финском заливе 24, 27, 60, 61, 64, 74, 111, 133, 135, 136, 140, 144—146, 148, 151, 161—163, 254, 255
Выборгский лен 154
Вышгород, г. в Тверской земле 81
Вязьма, г. 37, 44, 52, 54, 65, 66, 68, 109, 110

Галиция 113
Галицко-Волынская Русь 6, 31
Галицко-Волынские земли 83
Галич, г. 235
Галлиполи, г. на одноименном п-ве между Эгейским и Мраморным морями 194
Ганза (Ганзейский союз), объединение северонемецких торговых городов 7, 9, 23, 28, 35, 56, 62, 73, 131—134, 140, 151, 154, 161, 194, 254
Гданьск (Данциг), г. 25, 27, 34, 35, 50, 56, 60, 70—73, 89, 102, 104, 134, 137, 138, 144, 145, 148, 153, 161, 162
Генуя, г. 44, 56
Германия (Аламания) 41, 53, 125, 131, 192, 206, 209, 213, 218, 226, 233; *см.* также Северная, Центральная, Южная Германия

Германская империя *см.* Священная Римская империя
Гиперборейские горы 6
Гнезно, г. в Польше 55
Голландия 132, 151, 159
Гомель, г. в Белоруссии 116, 129
Горетов стан в Московском у. 232
Городенский повет Великого княжества Литовского 82
Городец, г. в Новгородской земле 54
Городно *см.* Гродно
Готланд, о-в 165
Гродно, г. в Белоруссии 58, 82
Греция 223

Даларне, г. в Швеции 161, 164
Дания (Денмаркская земля) 9, 10, 13, 29, 39, 63, 66, 77, 126, 132—137, 139—142, 144, 145, 148—161, 164—167, 195, 208, 210, 224, 229, 231—234, 254, 255
Двина Западная, р. 44, 52
Двина Северная, р. 230, 238
Деман, г. в Новгородской земле 234
Денмаркская земля *см.* Дания
Дерпт *см.* Тарту
Дерптское епископство 45
Десна, р. 52
Дикое Поле *см.* Поле
Дмитров, г. в Московской земле 65, 112, 132
Днепр (Борисфен), р. 48, 52, 115, 122, 126
Дон (Танаис), р. 6, 32
Дорогобуж, г. в Западной Руси 54, 109, 118, 122, 244
Древнерусское государство (Киевская Русь) 16, 76, 77, 85, 237, 253
Древняя Русь 4
Дубровица, г. в Великом княжестве Литовском 107
Дубровник, г. на Адриатическом море 103
Дунай (Истр), р. 187, 209, 225

Европа 3, 4, 6—8, 11, 13, 18—20, 29, 33, 46, 63, 65, 76, 77, 81, 87, 96, 100, 108, 117, 127, 131, 132, 136, 139, 143, 153, 161, 172, 191, 192, 195—197, 206, 209, 211, 216, 217, 222, 223, 226, 229, 243, 252; *см.* также Восточная, Западная, Северная, Центральная, Юго-Восточная, Южная Европа
Египет 204, 210
Енинская, д. Московского у. 36
Еремейцево, с. Спасо-Ярославского м-ря 36

Жемайтия, земля 154
Жорославец, г. Городенского повета Великого княжества Литовского 82

Заморье, русское наименование южного побережья Черного моря 48, 52
Западная Двина *см.* Двина Западная
Западная Европа 6, 7, 13, 22, 159, 199, 245
Западная Русь 247
Зихна (Янина), г. в Греции 200
Золотые затоки, залив на Адриатическом море 225
Зунд (Эрезунд, Эресунн), пролив между Северным и Балтийским морями 60, 134, 162

Ивангород (Новая Нарва), г. на Балтийском море 23, 27, 37, 39, 41, 45, 61, 62, 72, 139, 146, 148, 151, 152, 155, 159, 245, 254, 255
Изборск, г. в Псковской земле 84
Империя *см.* Священная Римская империя
Индия 16
Инн, р., приток Дуная 239
Инсбрук, г. в Верхней Австрии 240
Испания 26, 30, 77, 150, 174, 189, 194, 206, 223
Истр *см.* Дунай
Истрия, п-в 225
Италия (Италийские страны, Фрязи, Фряжская земля) 12, 13, 18, 25, 26, 28, 30, 33, 36, 44, 50, 56, 114, 117, 123, 126, 127, 129, 176, 177, 183, 185, 186, 188—190, 192, 194—196, 208, 209, 213, 215, 217, 222—224, 230—232, 253, 254; *см.* также Северная, Южная Италия

Казанское царство 117
Казань, г. 112, 190, 202, 212, 231, 235, 236, 238
Кальмар, г. в Южной Швеции 169
Камбрэ, г. в Северо-Восточной Франции 119, 198
Каменецкая вол. в Великом княжестве Литовском 52
Кампен, г. на заливе Зюдер-Зее Северного моря 7
Канев, г. на Днепре 52
Карела (Приозерск), г. на Ладожском озере 111, 168
Карелия 135, 145, 168
Карниола, обл. 210
Карпаты, горы 56

Кастилия, обл. 150
Катар, г. на Адриатическом море 241
Каттегат, пролив 140
Каффа (Феодосия), г. в Крыму 25, 30—32, 44, 47—50, 56, 64, 170, 171, 173, 174, 177, 188, 195, 201, 202, 214, 223
Кашира, г. 235
Каяны, земля на севере Скандинавского п-ва 147
Кемь, г. на Белом море 61
Кенигсберг *см.* Крулевец
Кёльн, г. 24, 56, 57
Киев, г. 32, 34, 52, 79, 90, 92, 106, 125, 143, 174, 193
Киевская Русь *см.* Древнерусское государство
Килия, г. на нижнем Дунае 31, 94, 205
Кинешма, г. на средней Волге 235
Кипр, о-в 210
Козельск, г. 52
Козминский лес в Южной Молдавии 100
Козодавле, с. в Московском у. 230
Коломенское, с. под Москвой 245
Коломна, г. на Оке 52, 132, 150, 236, 245
Кремль 245
Коломыя, г. на верхнем Пруте 94
Кольберг, г. в Эльзасе 98
Колывань *см.* Таллин
Конарио, г. в Северном Причерноморье 223
Конельяно, г. в Северной Италии 20
Константинополь (Царьград, Царьгород), г. 25, 48, 172, 177, 178, 185, 201, 222, 232; *см.* также Стамбул
Копенгаген, г. 66, 139, 141, 152, 158, 159, 161, 162, 164, 166
Корец, г. в верховьях р. Случь 107
Королевство Польское, Корона Польская *см.* Польша
Кострома, г. на р. Волге 120, 132
Костромской у. 92
Краков, г. 9, 19, 20, 25, 49, 56—58, 70, 79, 121, 157, 208, 213, 215, 217, 228
Красная Русь 6; *см.* также Русь
Кричев, г. на р. Сож 52, 54, 122
Крит, о-в 210
Крулевец (Кенигсберг), г. на Балтийском море 4, 127, 165, 208
Крым, п-в 25, 30, 31, 35, 42, 44, 48—50, 67, 71, 88, 95, 100, 108, 115, 129, 171, 173, 174, 188, 195, 201, 210, 211, 218, 223, 242
Крымская орда 8
Крымское ханство 3, 67, 100
Кучайна, с. в Пожаровецком округе Сербии к юго-востоку от г. Белград 205

Лапландия *см.* Лопский погост Вотской пятины
Латвия 137
Лейпциг, г. 57, 58
Лемнос, о-в 170
Лепанто, г. в восточной Греции при заливе Лепанто или Коринф 210
Ливония (Вифлянская земля, Лифлянская земля. Лифлянты) 10, 18, 19, 23, 24, 28—30, 37, 39, 40, 45, 51, 52, 60, 61, 70, 71, 73, 74, 96, 102, 112, 124, 126, 132, 133, 141, 143, 144, 148, 149, 151—156, 165, 167—169, 176, 195, 228
Ливонский орден 9, 39, 76, 96, 112, 113, 118, 132, 134, 136, 138, 139, 149, 153, 254
Лимига (Лиминго), р. на северо-восточном побережье Ботнического залива 147
Литва, Литовская земля, Литовско-Русское государство *см.* Великое княжество Литовское
Лифлянты *см.* Ливония
Лондон, г. 134
Лопский погост Вотской пятины Новгородской земли (Лапландия) 167, 168
Лувен, г. в Бельгии 7
Луки Великие *см.* Великие Луки
Лух, волость на средней Волге 235
Луцк, г. на р. Стырь 52
Луцкий повет Великого княжества Литовского 82
Львов, г. 31, 48, 50, 51, 85
Любек, г. 10, 22—24, 29, 39, 41, 42, 63, 71, 74, 95, 98, 102, 125, 133, 134, 140, 151, 153, 154, 158, 159, 163, 164, 180, 190, 192, 195, 231, 242, 246
Люблин, г. в Малой Польше 56—58
Лятцкая земля, Ляхи *см.* Польша

Мадрид, г. 7, 216
Мазовия, обл. 227
Македония, обл. 170
Малая Валахия 205
Малая Русь 6; *см.* также Русь
Мальборк (Мариенбург), г. в северо-восточной Польше 215
Марамуреш, обл. в Румынии 91
Маркия *см.* Вендская марка
Медынь, г. в бассейне верхней Оки 120, 234

Милан (Медиолам, Медиолань), г. в Северной Италии 12, 173, 176, 188, 189, 191, 242—244
Минск, г. 54, 55, 57, 58, 67
Михнево, с. в Московском у. 230
Модон, г. в юго-западной части Пелопоннеса 194
Можайск, г. в Московском у. 52, 65, 120, 219
Моравия, обл. 92
Морева, вол. в Новгородской земле 234
Молдавия (Валашская, Волошская земля, Молдавская земля, Молдавское государство) 11, 21, 48, 50, 51, 77, 78, 81, 88—95, 99—101, 106—108, 113—115, 131, 170, 195, 197, 205, 220, 222, 223, 238, 253, 254
Молочные воды 212
Монастыри:
Ватопедский на Афоне 201, 203
Вознесенский 245
Волоколамский *см.* Иосифо-Волоколамский
Дмитреевский на Афоне 204
Иосифо-Волоколамский 14, 41, 225, 232, 235, 248
Кирилло-Белозерский 15, 186
Ксиропотамский на Афоне 202, 204
Пантелеймонов (Руссик) на Афоне 200, 202—204, 222
Пафнутьев-Боровский 15
Путнинский в Путнинской вол. 91
Руссик *см.* Пантелеймонов на Афоне
Симонов в Москве 243
Синайский на п-ве Синай 204
Спасо-Преображенский в Кучайне 203
Троице-Сергиев (лавра) 121, 251
Ферапонтов 34
Чудов в Москве 231
Морея, обл. на юге Балканского полуострова 177, 189, 194, 232
Москва, г. 12, 15, 18, 22, 40, 42—44, 47—53, 55—57, 59, 60, 63, 65, 70, 78—80, 83, 86—88, 90, 91, 97, 98, 105, 106, 110, 114, 118, 121, 128, 129, 142, 143, 147, 148, 152, 155—158, 160, 165, 166, 168, 172, 174, 177—180, 182, 183, 187, 189, 192, 193, 198, 199, 201, 202, 204—206, 208, 212, 213, 215—220, 223, 224, 226—229, 231, 233, 239, 240, 244, 246, 248, 251
Большой посад 239
Грановитая палата 242, 243
Дорогомилово 110
Кремль 243
Беклемишевская башня 243
Боровицкая башня 244
Спасские ворота 243
Тайнинская башня 243
Двор Алевиза (Алевизорский двор) 240
Пушечная изба 239
Московия 7, 19, 50, 54, 83, 102, 123, 193; *см.* также Русское государство
Московская земля 84; *см.* также Русское государство
Московский у. 36, 111
Московское княжество 3, 65, 78, 83
Мохач, г. на верхнем Дунае 216, 217
Мраморное (Белое) море 208
Мунтьянская земля *см.* Валахия
Муром, г. на нижней Оке 132, 234
Мценск, г. в бассейне верхней Оки 52

Нагайская орда *см.* Ногайская орда
Нарва (Ругодив), г. 24, 28, 39—41, 59, 61—64, 72, 75, 118, 135, 136, 139, 146, 149, 155, 156, 158, 163, 169, 221
Нарова, р. 40, 139
Неаполь, г. 194
Нева, р. 61, 135, 145, 158, 163
Немцы 121; *см.* также Священная Римская империя
Нидерланды 21, 134, 165
Нижний Новгород *см.* Новгород Нижний
Нижняя Австрия 95
Нишлосский лен в Приладожье 154
Новаград Низовские земли *см.* Новгород Нижний
Новая вода, с. в Карелии 168
Новая Нарва *см.* Ивангород
Новгород Великий, г. 3, 6, 16, 17, 22, 23, 25, 27, 35—37, 39, 42—45, 47—52, 55, 56, 58, 60, 61, 63, 65, 66, 69, 70, 76, 78—80, 84, 85, 105, 108, 109, 112, 113, 115, 120—122, 132—136, 138, 139, 143, 145—148, 153, 156, 163, 164, 167, 168, 172, 180, 181, 185, 186, 192, 214, 224, 231, 232, 235, 241, 248, 249
Готский двор 158, 167
Немецкий двор 36, 41, 59, 61, 63, 66, 68—70, 75, 138, 142, 146, 155, 157, 164, 167
Новгород Нижний (Новаград Низовские земли), г. 221, 244
Новгород Северский, г. 116

Новгородская земля (республика) 35, 78, 108, 221, 224
Новый Сонч, г. в Венгрии 40
Ногайская орда (Ногаи, Ногайское ханство) 3, 8, 35, 120
Норвегия 66, 132, 157, 166
Нюрнберг, г. 54, 56—58, 97, 185

Овчепольская земля в Сербии 103
Ока, р. 218, 236
Оломоуц, г. в Чехии 35
Ольдесло, г. в Северной Германии, между Гамбургом и Любеком 150
Опава, г. в Чехии 35
Орвието, г. в Северной Италии 218
Орда *см.* Большая орда
Орден *см.* Тевтонский орден, Ливонский орден
Орешек, г. в Южной Карелии 168
Орша, г. в Белоруссии 18, 126, 127
Османская империя (султанат) 3, 7, 42, 46, 48, 50, 52, 67, 77, 83, 90, 92—94, 100, 108, 113, 123, 160, 161, 169—174, 176, 179, 181, 187, 193, 196—199, 204, 205, 207—213, 217, 230
Остер, р., приток р. Сож 236
Островица, г. в Сербии 197
Очаков, г. 31

Павия, г. в Италии 216
Падуя, г. в Италии 192
Папский двор *см.* Ватикан
Папское государство *см.* Ватикан
Пардубицы, г. в Чехии 35
Париж, г. 93
Пеинсари, с. в Карелии 168
Пелтосари, с. в Карелии 168
Перекоп, перешеек 212
Переяславль (Залесский), г. 120, 132
Персия 93, 170
Петербург, г. 139
Печи-Хвосты, имение в Луцком повете Великого княжества Литовского 82
Печора, р. 231, 238
Пинега, р. 238
Пинск, г. в Белоруссии 107
Пиотрков, г. в Польше 121
Пловдив, г. в Болгарии 170
Подмосковье 251
Пожонь (Пресбург), г. 98, 119
Познань, г. 24, 27, 56—58
Пола, р. в южном Приильменье 234
Поле (Дикое поле) 52, 195, 219, 236
Полоцк, г. 48, 52, 67, 68, 73, 79, 85, 129
Польша (Корона Польская, королевство Польское, Лятцкая земля, Ляхи) 8—10, 16, 18, 21, 24, 25, 27, 40, 41, 49—58, 60, 70, 73, 77, 79—81, 83, 85, 88, 90, 91, 93, 94, 96, 100, 101, 117, 123—131, 137, 138, 143, 151, 153, 154, 157, 160—162, 165, 166, 171, 173, 174, 180, 182, 188, 190, 191, 196—199, 206, 207, 210, 215, 220, 226, 233, 236
Поморская земля в Сербии 103
Португалия 174, 194, 210
Потенца, г. в Италии 215
Почап (Почеп), г. на р. Судость, притоке р. Десна 129, 220
Прага, г. 220
Пресбург *см.* Пожонь
Прибалтика 22, 24, 25, 35, 66, 68, 69, 132, 138, 166, 199, 225
Пруссия 10, 18, 72, 124, 126, 128, 138, 157, 160, 195, 224
Прусский орден *см.* Тевтонский орден
Псков, г. 22, 23, 27, 28, 42, 44, 45, 47, 58—61, 65, 66, 68, 70, 76, 79, 80, 82, 84, 88, 108, 109, 112, 120—122, 132, 144, 148, 149, 153, 182, 195, 232, 233, 244, 250
Псковская земля (республика) 67, 121
Пуровеси, с. в Карелии 168
Путивль, г. на р. Сейм 52, 174, 200

Ра *см.* Волга
Равенна, г. в Италии 178, 218
Рагуза, г. на о. Сицилия 50
Раквере (Везенберг), г. в Эстонии 74
Ревель *см.* Таллин
Рейн, р. 210, 239
Речь Посполитая 78; *см.* также Великое княжество Литовское, Польша
Ржева (Ржев, Ржов), г. в Западной Руси 59, 80, 81, 95
Рига, г. 10, 22, 23, 27, 55, 58—63, 127, 164, 220
Рим, г. 49, 105, 120, 127, 128, 177—181, 183, 184, 189, 191, 193, 198, 206, 214, 215, 217, 218, 226, 242
Замок св. Ангела 218
Кампо-Марцо (Марсово поле) 184
Римская империя *см.* Священная Римская империя
Рославль, г. на р. Остер 156
Россия 4, 9, 26, 33, 40, 77, 78, 83, 158, 174, 176, 181, 256; *см.* также Русь
Ростов (Великий), г. 132

Росток, г. 228
Ругодив *см.* Нарва
Руссильон, обл. на юго-востоке Франции 30
Руссия 9, 83
Русская земля *см.* Русь
Русское государство (княжество, Московия, Московское государство) 3, 9, 22, 24, 25, 27, 31, 32, 47, 50, 53, 66, 68, 71, 77, 78, 83, 84, 89, 94, 96, 100, 104, 110, 122, 129, 132, 136, 156, 169, 174—176, 179, 186, 190, 194, 196, 199, 206, 215, 221, 222, 231, 237, 241, 253
Русь (Русская земля) 3, 6, 8, 10—13, 15—21, 28, 30—32, 34—50, 53, 54 58, 62, 63, 68, 72, 74—79, 83, 85, 87, 90, 92, 101, 103, 104, 114, 116—120, 122, 128—132, 136—143, 145—147, 150, 152—156, 160—162, 165, 166, 168, 169, 171, 172, 175, 176, 178, 181—186, 188, 191, 193—197, 199, 200, 204—211, 213—216, 219, 220, 223, 226—229, 231, 234, 235, 237, 240, 243, 249, 250, 252, 253
Рыльск, г. на р. Сейм 116
Рязанское княжество 3, 82, 221, 235
Рязань (Рязанский город), г. 31, 52, 183

Савкосари, с. в Карелии 168
Савойя, обл. на юго-востоке Франции в бассейне р. Изер 210, 239
Саволакс, обл. на юго-востоке Финляндии 135, 145, 148
Саксония, обл. на юго-востоке Германии 155, 165, 235
Самсов бор в районе Дорогобужа — Вязьмы 109
Сандомир, г. на средней Висле 57, 58, 76, 80, 227
Сарматия 6, 16, 17, 19, 81, 123
Свинское поле в районе Дорогобужа — Вязьмы 109, 110
Святая гора *см.* Афон
Священная Римская империя 18, 77, 78, 93, 96, 118, 125, 128, 129, 140, 152, 153, 155, 162, 167, 173, 176, 197, 205, 216, 218, 224, 230—232, 253—255
Себеник *см.* Шибеник
Северная Германия 131
Северная Двина *см.* Двина Северная
Северная Европа 13, 21, 22, 29, 66, 76, 77, 84, 95, 139, 154, 255
Северная Италия 44
Северное море 162
Северо-Восточная Русь 6, 35, 65, 84; *см.* также Русь
Северские земли 89
Сейм, р. 52
Сенеж, оз. 26
Сербия (Сербская земля, Сербское государство) 103, 169, 170, 175, 202, 203, 217, 250
Серпухов, г. на р. Ока 120, 235
Синай, п-в в Красном море 204
Скагеррак, пролив в Северном море 140
Скандинавия 141, 226
Скифия («Скифский о-в») 6, 113
Скопия 134
Скутари (Хризополь), г. на проливе Босфор 170
Славония, обл. на западе Хорватии 210
Словения, обл. на севере Югославии 224, 250
Смоленск, г. 18, 36, 41, 51, 52, 54, 55, 65—68, 80, 82, 85, 89, 116, 117, 122, 123, 125, 127, 130, 234, 235, 239, 255
Смольняны, вол. в Великом княжестве Литовском 242
София, г. 170
Средиземное море 170, 188, 209
Средиземноморье 173, 210
Стамбул, г. 31, 47—52, 173, 174, 201, 205, 212, 231; *см.* также Константинополь
Аврет-Базар 31
Безестан 31
Флорентийская колония 47
Стара Загора, г. в Болгарии 170
Старица, г. на средней Волге 65
Стародуб, г. в междуречье рек Судость и Сож 116, 129, 220
Старое мыто, г. в Польше 35
Стокгольм, г. 147, 148, 151, 159, 161, 164, 168
Сучава, г. на р. Серет 91, 94, 100, 113

Таллин (Колывань, Ревель), г. 4, 10, 22—24, 27, 28, 30, 35, 37—42, 45, 59—63, 68, 70, 72, 74, 95, 134, 136, 138, 142—144, 146, 149, 155, 156, 158, 163, 164, 167, 169, 192
Тана *см.* Азов
Танаис *см.* Дон
Тарту (Дерпт, Юрьев), г. 4, 23, 28, 37, 39, 42, 59, 61—63, 112, 138, 142, 163, 164, 169, 239
Тверская земля 82, 95
Тверское княжество 78, 82, 221
Тверь, г. 45, 47, 52, 65, 81, 82, 84, 110, 112, 120—122, 224, 238

Тевтонский орден 10, 60, 115, 116, 124, 125, 127, 134, 137—139, 149, 150, 152, 155, 157, 160, 161, 205, 226, 230
Тироль, обл. 210
Торопец, г. на р. Торопь, притоке Западной Двины 118
Торунь, г. в Северной Польше 137, 138
Трансильвания, обл. в Румынии 21, 216
Трапезунд (Трабзон), г. на южном побережье Черного моря 187
Трохенеево, с. в Московском у. 230
Тростник (Тростянец), г. в бассейне Южного Буга 31
Тула, г. 231
Турция *см.* Османская империя
Тырново, г. 169—170
Тюльфа, г. в Италии 43

Углич, г. на верхней Волге 111, 112
Угорское отечество *см.* Венгрия
Угра, р. 52
Удине, г. к северу от Венеции 206, 207
Устюг, г. на р. Северная Двина 231, 238

Феодосия *см.* Каффа
Финляндия 141, 144, 145, 159, 161, 165
Финский залив 66
Фландрия 21, 30, 32, 56, 58, 93, 194
Флоренция, г. 177
Фомин, о-в в устье р. Нева 163
Форарльберг, обл. на западе Австрии 210
Франкфурт (на Одере), г. 56, 96
Франция 8, 30, 44, 63, 77, 98, 144, 161, 170, 194, 198, 206, 209
Фриуле, обл. в Северо-Восточной Италии 207
Фрязи, Фряжская земля *см.* Италия

Халяпи *см.* Алеппо
Харьюмаа, обл. в Эстонии 148, 153
Хвойницы, г. в Польше 138
Хлепень, г. на р. Вазуза в Вяземском у. 224
Хольстенбрюгге, г. в Дании 151
Хорватия 210, 216, 250
Хризополь *см.* Скутари

Царьград (Царьгород) *см.* Константинополь, Стамбул
Центральная Германия 56
Центральная Европа 6, 13, 21, 29, 37, 57, 76, 89, 128, 255
Центральная Русь 22, 65

Церкви:
св. Алексея в Чудовом монастыре в Московском кремле 231
Архангела Михаила (Архангельский собор) в Московском кремле 244
Благовещения в Москве 230, 243, 244
св. св. Бориса и Глеба в Вышгороде 90
Вознесения в с. Коломенском 245
Иоанна Златоуста в Белграде 203
Иоанна Златоуста в Москве 243
Иоанна Лествичника в Москве 243
Иоанна Предтечи в Москве 244
Климента в Новгороде Великом 37, 45
Рождества Богородицы с приделом св. Онуфрия в Москве 243
Успения Богородицы в Белграде 203
Успения Богородицы (Успенский собор) в Москве 238, 243, 250
св. Духа (Сан-Спирито) в Ватикане 184
св. Марка в Венеции 192
св. Михаила в Стамбуле 48
св. Николая в Таллине (костел) 242
Цильма, р. приток р. Печора 98, 231, 238

Чашниково, с. в Московском у. 244
Черкасы, г. на среднем Днепре 48, 52, 218
Черная Русь 6; *см.* также Русь
Чернигов, г. на Десне 116, 117, 129, 174
Черногория 77
Черное море 48, 94, 187, 188, 209
Чехия 56
Чивитта-Веккиа, г. в Италии на Тирренском море 43
Чихачев (Чихачево), г. в междуречье рек Шелонь и Великая 235

Шведское королевство *см.* Швеция
Швейцария 211, 218
Швеция 7, 9, 10, 13, 24, 29, 39, 59, 64, 74, 77, 93, 126, 133—138, 141, 142, 144—151, 153, 156, 159, 161, 163, 165—169, 190, 195, 216, 239
Шедеберг, г. 150
Шибеник (Себеник), южнославянский город на Адриатике 215
Шклов, г. на верхнем Днепре 48
Шленск (Силезия) 25, 57, 58, 233

Шотландия 40, 144, 152, 174, 198, 206, 224, 239
Штеттин *см.* Щецин
Штирия, обл. в Австрии 210

Щецин (Штеттин), польский г. на Балтике 137, 231

Эйрепия, обл. в Эстонии 145, 148
Эльсинор, г. в Дании 134
Эльстинборг, г. в Дании 134
Эрезунд *см.* Зунд
Эстония 153

Юго-Восточная Европа 21, 169, 199
Югорская земля 84
Южная Германия 21, 56
Южная Европа 13, 21, 22, 76, 199. 223
Южная Италия 77
Юрьев *см.* Тарту
Юрьев Польской, г. во Владимирской земле 132

Ям (Яма, Кингисепп), г. в Новгородской земле на р. Луга 68, 70
Янина *см.* Зихна
Ярославец, г. в бассейне р. Сейм 234
Яскис, обл. в Эстонии 145, 148

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 3

ПУТИ И ФОРМЫ ВЗАИМНОЙ ИНФОРМАЦИИ О РУСИ И ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ 6

Часть I. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 21

Структура русско-европейского товарооборота 21
Контрагенты и пути русской внешней торговли 47
Внешнеторговая политика Русского государства 66

Часть II. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 77

Формирование государственной территории и антиягеллонские коалиции 1471—1497 гг. 78
Формирование государственной территории и укрепление международного престижа великого князя в 1498—1533 гг. 101
Балтийский вопрос 131
Восточный вопрос и Русское государство в конце XV в. 169
Русское государство и Италия в последней трети XV в. 176
Восточный вопрос и Русское государство в первой трети XVI в. 196

Часть III. КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 222

Формы и направления культурных связей 222
Государственное строительство 229
Литейное дело 237
Денежное и ювелирное дело 240
Архитектура 243
Медицина 245
Астрономия и времяисчисление 246
Литература и искусство 247

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 253

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 257

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 261

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ 284

Анна Леонидовна Хорошкевич

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
КОНЦА XV—НАЧАЛА XVI в.

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства *С. А. Левина*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Н. Н. Кокина*
Корректор *Р. С. Алимова*

ИБ № 5304

Сдано в набор 09.07.79.
Подписано к печати 19.10.79.
Т-17829. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага типографская № 3
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 22,9
Тираж 4550 экз. Тип. зак. 502
Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12